

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
имени Н.А. Добролюбова»

На правах рукописи

ФЕДОРОВ Виталий Викторович

**ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОЙ
ПУБЛИЦИСТИКИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ**

Специальность 10.02.04 – Германские языки

Диссертация на соискание учёной степени
доктора филологических наук

Нижний Новгород – 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА 1. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ КОНТАКТНОЙ ОРИЕНТОЛОГИИ.....	33
1.1. Статус английского языка в современном мире.....	33
1.2. Основные проблемы World Englishes Paradigm и понятие контактной ориентологии.....	38
1.3. Перспективные направления исследований восточноазиатского английского языка.....	57
ВЫВОДЫ.....	64
ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ПЕРИОДИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ.....	66
2.1. Периодическая печать в Великобритании и США	66
2.2. Функционально-стилистический и дискурсивный подходы к исследованию газетно-журнальной публицистики.....	71
2.3. Системообразующие параметры англо-американского газетно-журнального дискурса и способы их актуализации.....	85
ВЫВОДЫ.....	131
ГЛАВА 3. НАТИВИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КАК ПРОБЛЕМА КОНТАКТНОЙ ОРИЕНТОЛОГИИ	134
3.1. Взаимосвязь языка и мышления при нативизации восточноазиатской англоязычной газетно-журнальной периодики.....	134
3.2. Этноисторический и этносоциальный менталитет народов Восточной Азии.....	144
3.3. Специфика развития англоязычной периодической печати Китая, Японии и Кореи в ситуации кросскультурного контакта.....	150
ВЫВОДЫ.....	174

ГЛАВА 4. ФОРМЫ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПРЕССЫ К ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМУ ДИСКУРСУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США.....	176
4.1. Адаптационные процессы вербальной актуализации параметра «информативность/квазиинформативность».....	176
4.2. Адаптационные процессы вербальной актуализации параметра «интерсубъективность/субъективность».....	215
4.3. Адаптация невербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Восточной Азии.....	229
ВЫВОДЫ.....	236
ГЛАВА 5. РЕЗИСТЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПРЕССЕ.....	238
5.1. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Китая	238
5.2. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Японии.....	264
5.3. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Кореи.....	286
5.4. Резистенция невербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодической печати Восточной Азии.....	307
ВЫВОДЫ.....	316
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	318
БИБЛИОГРАФИЯ.....	327
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	383

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено изучению лингвистических и экстралингвистических параметров современной англоязычной газетно-журнальной публицистики стран Восточной Азии (Китая, Японии и Кореи). Оно выполнено в рамках активно развивающегося в последние годы направления языкознания, получившего название *World Englishes Paradigm* в зарубежной лингвистике [Kachru 1985: 209-212] и *контактная вариантология* в работах отечественных филологов [Прошина 2008: 198-207]. Данное направление базируется на представлениях о множестве и равенстве всех вариантов английского языка как исторически первичных, так и производных, трансплантированных в новые социально-культурные условия.

Вариантологи утверждают, что тезис о существовании единой нормы, которая непременно сводится к британской или американской модели, не оправдан, поскольку сегодня английский язык превратился из моно- или бицентричного языка в полицентричное образование. Все региональные варианты, *World Englishes*, равноправны и характеризуются собственными лингвистическими чертами, отличающими один вариант от другого [Davies 2006; Firth 2006; Kachru 2006; Kachru 1985; Muwfone 2001]. Кроме того, одним из основополагающих представлений *World Englishes Paradigm* является представление о *глокальности*, отражающее параллельный характер функционирования глобального и локального английского языка и демонстрирующее взаимонаправленный ход языковых процессов, при котором «английский язык влияет на локальные языки, а локальные языки оказывают влияние на английский» [Прошина 2014: 123].

Возникновение нового учения было обусловлено беспрецедентным распространением английского языка на планете, которое он получил в XX столетии, преодолев границы территорий своего традиционного существования и овладев регионами, жители которых никогда им ранее не

пользовались. Через английский язык современный европеец имеет возможность познакомиться с культурами мира, порой даже самыми экзотическими, а представители неевропейских культур получают возможность познания европейской ментальности, особенностей жизни и быта. В лингвистике возник целый ряд синонимов (международный, всемирный, глобальный), характеризующих статус и роль английского языка в мире, где он стал основным средством межкультурного общения, что повлекло за собой глобализацию всей коммуникативной среды.

Подобное положение дел позволяет некоторым исследователям утверждать, что человечество является свидетелем «лингвореволюции» [Кабакчи 2002: 80-86], в ходе которой английский язык утверждается в статусе мирового, проникая во все возможные сферы жизни иноязычных социумов. Такая активная языковая экспансия вызывает разноречивые оценки у представителей научного сообщества, среди которых выделяются как «скептики», так и «триумфалисты». Первые считают, что английский язык вредит иным языкам и культурам, обесценивает их, ускоряет исчезновение малых языков, способствует возникновению языкового неравенства и т.п. Описывая своё отношение к происходящим языковым процессам, скептики используют достаточно жёсткие определения: «культурное доминирование», «колонизация сознания» [Tsuda 1997: 21-31], «лингвистический империализм», «лингвицид» [Canagarajah 1999; Knowles 1997; Phillipson 1992]. «Триумфалисты», напротив, полагают, что широкое использование английского языка в мире обусловлено естественной потребностью к взаимодействию между представителями разных народов и, в конечном итоге, способствует взаимообогащению языков и культур [Crystal 1997; Kachru 1996; Pennycook 1994].

Как научное направление контактная вариантология возникла на рубеже XX и XXI вв. Её основоположниками по праву считаются Б. Качру и Л. Смит. Научная деятельность Баджа Качру, американского лингвиста индийского происхождения, началась в «Эдинбургском кружке» (1958 г.),

известном объединении лингвистов, одним из членов которого был Дж. Фирс, первым высказавший предположение о том, что варианты английского языка имеют право на самостоятельность. Благодаря поддержке именитого филолога, а также М. Хэллидэя, своего нового научного руководителя после смерти Дж. Фирса, в 1961 году Б. Качру защитил докторскую диссертацию, посвящённую исследованию статуса локальных особенностей индийского варианта английского языка, которую можно считать моментом рождения новой лингвистической парадигмы. Знакомство в 1977 году Б. Качру с Л. Смитом и последовавшее после этого длительное и плодотворное сотрудничество позволили не только окончательно оформить World Englishes Paradigm в самостоятельное научное направление, но и привлечь к нему сторонников из разных стран.

За время своего существования контактная вариантология определила перечень основных дискуссионных вопросов. К числу наиболее обсуждаемых из них относится вопрос о соотношении понятий *международный (глобальный) английский язык* (International/Global English, IE) и *английский язык как международный* (English as an International Language, EIL). Принципиальное отличие этих терминов заключается в том, что первый из них признаёт наличие единого стандарта для всех вариантов английского языка (т.е. доминирование британско-американской нормы над всеми другими) [Кристал 2001; Brut-Griffler 2002; Crystal 1998], тогда как второй подчёркивает неодинаковый характер их функционирования в различных странах, где они могут выступать как в качестве родного, так и неродного языка [Bolton 2005; Proshina 2007]. Вполне очевидно, что признание неравноправности языковых вариантов приводит к попытке создания некоего «универсального английского языка», который мог бы использоваться всем человечеством. Воззрения подобного рода носят идеалистический характер и не имеют ничего общего с реальной речевой практикой, в которой представители различных народов пытаются выработать собственную разновидность английского языка, приемлемую для

выражения их национальной идентичности и удобную с точки зрения сложившихся лингвистических традиций.

Другим объектом исследовательского интереса становится соотношение понятий *региональный вариант языка* и *диалект*, опирающихся на представления о *диглоссии* и *билингвизме* [Жлуктенко 1974; Семенец 1985; Швейцер 1988; Hudson 1996; Munro 1996]. Научное осмысление территориальных разновидностей одного и того же языка привело к появлению ряда терминов, используемых для их описания. Благодаря работам У. Аммона, В.М. Бухарова, А.И. Домашнева, Э.Г. Ризель, Г.В. Степанова, В.Н. Ярцевой в лингвистике получило широкое признание представление о *варианте языка (национальном варианте языка)*, под которым понимается национально специфическая форма функционирования языка, обслуживающего несколько национальных общностей, в основе которых находится единая языковая структура, адаптированная к условиям конкретной нации, со своей языковой традицией и политикой; литературно-нормированная языковая система, которая является универсальным письменным и устным средством общения отдельной нации и суверенного государства [Степанов 1963; Домашнев 2005].

В контактной вариантологии английского языка традиционно используется термин *региональный вариант языка*, который, согласно определению, взятому из «Словаря терминов межкультурной коммуникации» известных российских исследователей И.Н. Жуковой, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошиной и Н.Г. Юзефович, представляет собой локализованный вариант языка, отражающий культуру и менталитет данного лингвокультурного этноса и обычно имеющий некоторые языковые девиации, которые возникают в результате воздействия автохтонного языка. Под *диалектом* в этом случае понимается языковая система, которая служит средством общения небольшой территориально замкнутой или связанной социальной общностью группы людей [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 50, 98]. Вполне очевидно, что ключевым в указанном

определении регионального варианта языка является указание на его социолингвистическую природу, предполагающую прямую зависимость возникающих девиаций от менталитета данного лингвокультурного этноса, что представляется существенным для исследования, в котором лингвистические и экстралингвистические особенности англоязычной периодики Восточной Азии увязываются с культурой и спецификой мировидения народов, населяющих эту часть планеты. При этом важной характеристикой региональных вариантов английского языка является *плюрицентричность*, под которой понимается «сосуществование нескольких стандартных вариантов в письменной и устной формах на территориях, где они контактируют с другими (локальными) языками и обособлены от своих прототипических вариантов» [Прошина 2014: 124]. Все региональные варианты обладают самостоятельностью и равны между собой: ни один из них не имеет преимуществ перед другими вариантами в плане культурного доминирования.

Ещё одной проблемой контактной вариантологии является разработка универсальной классификации региональных вариантов английского языка, существующих на сегодняшний день в мире. Наибольшее признание в лингвистике получила теория «трёх концентрических кругов» Б. Качру, в основе которой лежит идея о существовании нескольких крупных объединений, вмещающих многочисленные региональные варианты английского языка. Согласно данной концепции они могут относиться к одному из трёх кругов в соответствии с их статусом и географическим положением: *внутренний круг* (inner circle) соотносится с английским как с родным языком и включает американский английский, британский английский, канадский английский, австралийский и новозеландский английский; *наружный, средний круг* (outer, extended circle) подразумевает владение английским как вторым языком в странах, где он получил статус официального языка (Индия, Пакистан, Сингапур и пр.); *расширяющийся, внешний круг* (expanding circle) включает страны, где английский язык

выполняет роль основного изучаемого в образовательных учреждениях иностранного языка (страны СНГ, Китай, Япония, Корея и пр.) [Kachru 1985: 211-216].

Важным направлением контактной вариантологии является изучение процессов адаптации английского языка и формирования нормативных требований к его речеупотреблению в новых социокультурных условиях. В связи с этим особую значимость приобретают вопросы, связанные с представлениями о *модели языка* и *языковой норме*. Несмотря на близость данных понятий, следует понимать их нетождественность: представление о модели языка является собой абстрактный конструкт, отражающий языковую сторону варианта языка, в то время как представление о языковой норме носит прескриптивный характер и отражает реальную практику речеупотребления. По мнению исследователей, плюрицентричность современного английского языка позволяет выделить три основных типа норм: *эндонорму*, *экзонорму* и *энзонорму* [Семенец 1985; D' Angelo 2010; Jenkins 1998; Kachru 1981; Kachru 1985; Kachru 2006]. Считается, что родной язык связан с *эндонормой* (греч. *endo* – «внутри»), иностранный – с *экзонормой* (греч. *exo* – «вне»), а второй язык ориентируется одновременно на *эндонорму* и *экзонорму*, вырабатывая промежуточный норматив (*энзонорму*) [Семенец 1985: 157-162]. Следует отметить, что подобная зависимость представляется достаточно условной, поскольку «институализированные» варианты языка вырабатывают свою собственную внутреннюю форму, которая также должна считаться *эндонормативной* [Kachru 1986: 21].

Несмотря на значительное число отечественных и западных последователей идей Б. Качру, в контактной вариантологии по-прежнему остаётся немало «белых пятен». Одним из перспективных направлений её дальнейшего развития является возможность выделения внутри самой World Englishes Paradigm отраслей, занимающихся изучением отдельных групп региональных разновидностей английского языка. Так, анализ положения дел

с азиатскими региональными вариантами английского языка позволил в настоящем исследовании дать развёрнутое обоснование выделению из состава контактной вариантологии *контактной ориентологии* – научного направления, занимающегося изучением региональных вариантов английского языка стран Азии, которое располагает собственным понятийно-терминологическим аппаратом и методами практического анализа эмпирического материала.

В пользу выделения данного научного направления из общего корпуса контактологических исследований говорят несколько фактов: получившая широкое распространение в лингвистике традиция объединения отдельных языковых вариантов в укрупнённые группы по географическому принципу, значительное численное преимущество населения азиатских стран над населением оставшейся части планеты, особый менталитет азиатских народов, находящий своё отражение в межкультурном взаимодействии и пр. Кроме этого, косвенным подтверждением целесообразности обособления исследований азиатских региональных вариантов английского языка является широко декларируемая большинством вариантологов необходимость переключения исследовательского внимания на страны расширяющегося круга, региональные варианты английского языка которых освещаются меньше, чем варианты внутреннего круга и наружного круга, что объясняется меньшей изученностью особенностей функционирования английского языка в остальном мире [Д' Анджело 2014; Berns 2005; Kachru 1983; J.P. Williams, E.W. Schneider, P. Trudgill, D. Schreier 2015].

К наиболее интересным направлениям контактной ориентологии следует отнести изучение особенностей функционирования английского языка в определённых сферах человеческой деятельности, подобно тому, как это традиционно делается в работах по проблемам региональных вариантов внутреннего круга и наружного круга. К таковым, в частности, относится сравнительный анализ функционирования текстов, принадлежащих к одному регистру речи, в различных вариантах английского языка [Bhatia 2013; Bhatia

2014]. В настоящей диссертационной работе сопоставительному анализу подвергаются лингвистические и экстралингвистические параметры англо-американской газетно-журнальной публицистики и газетно-журнальной периодической печати на английском языке стран Восточной Азии (Китая, Японии и Кореи). Под *лингвистическими параметрами* понимается совокупность вербальных и связанных с ними невербальных средств оформления газетно-журнального текста; под *экстралингвистическими параметрами* – набор внеязыковых черт, характеризующих его существование в определённом социальном контексте. Выбор для исследования англоязычной периодики восточноазиатских стран обусловлен рядом причин:

- малой изученностью вариантов английского языка стран Восточной Азии;
- необходимостью проведения всестороннего изучения особенностей функционирования однотипных групп текстов в региональных вариантах английского языка внешнего круга;
- распространённостью мнения о том, что норма регионального варианта языка определяется только в формальных условиях общения (деловая речь, публицистика, научная речь) [Lowenberg 1992: 109];
- высокой репрезентативностью и неистощимостью ресурса газетно-журнальных материалов на английском языке, предоставляющих исследователю необходимую информацию в фиксированном, возобновляемом и легкодоступном виде;
- гибкостью газетно-журнальных материалов, оперативно откликающихся на все изменения, происходящие в языке и обществе;
- потребностью исследования языковой личности авторов текстов периодической печати Восточной Азии на неродном для них языке.

Вышеперечисленные обстоятельства объясняют выбор темы, объекта и предмета исследования. В диссертации выдвигается **гипотеза** о том, что

английский язык, обладающий статусом инструмента международного посредничества, обнаруживает специфические черты своего функционирования не только в каждом конкретном регионе, но и в конкретных ситуациях межнационального взаимодействия; нормозависимые региональные варианты английского языка формируют собственные стандарты оформления различных разновидностей речи, наиболее наглядно проявляющиеся в условиях формализованного общения. Складывающаяся при этом норма отражает основные задачи современного глобального английского языка: передать лингвокультурную идентичность англоязычного социума и выразить инолингвокультурную идентичность.

Актуальность работы обусловлена следующими факторами:

- потребностью более углублённого изучения функционирования региональных вариантов английского языка внешнего круга в определённых сферах человеческой деятельности для лучшего понимания разновидностей глобального английского и характера взаимосвязи между ними;
- необходимостью выявления и описания вербальных и невербальных параметров, формирующих стандарт оформления отдельных разновидностей речи в нормообразующих и нормозависимых вариантах английского языка, а также экстралингвистических факторов, влияющих на их существование в инокультурной среде;
- потребностью выявления специфики вербального и невербального отражения этноисторического и этносоциального менталитета в англоязычном контексте, способствующего повышению эффективности межкультурного взаимодействия и выработке практических рекомендаций по восприятию и интерпретации материалов восточноазиатской периодической печати на английском языке.

Объектом исследования выступает региональный вариант английского языка стран Восточной Азии (Китая, Японии и Кореи), использующийся при оформлении газетно-журнальной периодики.

Предметом исследования является специфика экстралингвистических параметров, определяющих функционирование англоязычного газетно-журнального дискурса восточноазиатских стран в инокультурной среде, а также вербальных и невербальных средств, формирующих стандарт его оформления.

Цель исследования заключается в выявлении лингвистических и экстралингвистических параметров англоязычной восточноазиатской газетно-журнальной периодики в их функциональном аспекте.

Реализация поставленной цели требует решения следующих **задач**:

- проанализировать современные научные подходы к определению статуса и роли английского языка в мире;
- описать фундаментальные положения контактной вариантологии;
- обосновать выделение из контактной вариантологии нового направления исследований – контактной ориентологии;
- описать теоретические предпосылки выделения региональной разновидности *восточноазиатского английского языка* и выявить наиболее перспективные направления её исследования;
- проанализировать основные теоретические подходы современной лингвистики к исследованию газетно-журнальной публицистики;
- проанализировать вербальные и невербальные параметры, составляющие стандарт оформления англо-американского газетно-журнального дискурса;
- выявить основные экстралингвистические факторы, влияющие на функционирование англоязычной периодической печати стран Восточной Азии;
- определить основные особенности восточноазиатского регионального варианта английского языка, использующегося в газетно-журнальных публикациях, и установить, на какую норму он ориентируется при их оформлении;

- выявить формы проявления адаптации и резистенции англоязычной восточноазиатской прессы к газетно-журнальному дискурсу Великобритании и США;

- выявить особенности менталитета, обуславливающие наличие адаптационных и резистентных проявлений, которые характерны для всей общности восточноазиатских народов и присущи только отдельным социумам.

Исследуемый в работе **эмпирический материал** представлен англоязычной периодикой стран внутреннего круга (1377 печатных и 999 онлайн-номеров британских и американских газет и журналов за период с 1998 по 2017 гг.) и трёх восточноазиатских государств внешнего круга (2125 печатных и 406 онлайн-выпусков массовых англоязычных периодических изданий Китая, Японии и Кореи за 2010-2017 гг.). Достоверность и обоснованность результатов исследования подтверждается данными авторитетных лексикографических источников, отражающих современное состояние британского и американского вариантов английского языка: «Longman Dictionary of English Language and Culture», «American Heritage Dictionary», «Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language», англо-русского контактологического словаря восточноазиатской культуры «Перекрёсток» и др.

В ходе выполнения работы применялись как общенаучные, так и чисто лингвистические **методы исследования**. Первые включают: системный анализ, сравнительно-исторический анализ, сравнительно-типологический анализ, структурный анализ, метод динамического и объяснительного описания, когнитивно-прагматический анализ, ассоциативный анализ, а также метод типологизации. Практическое исследование эмпирического материала включало два этапа. На первом был проведён дискурсивный анализ англо-американской прессы, позволивший выявить набор системообразующих параметров газетно-журнальной периодики и средств

их вербальной и невербальной актуализации, который был определён как нормообеспечивающий стандарт.

На втором этапе дискурсивному анализу была подвергнута восточноазиатская периодическая печать на английском языке. В ходе последующего системного сравнения вербальных и невербальных параметров нормообеспечивающего стандарта с параметрами оформления англоязычной газетно-журнальной публицистики стран Восточной Азии был выявлен набор идентичных и отличающихся показателей, которые составили основу нормозависимого локализованного стандарта оформления восточноазиатской прессы на английском языке.

Таким образом, в качестве лингвистических методов исследования применялись: дискурс-анализ с привлечением методологических принципов функциональной стилистики; метод извлечения языковых единиц и невербальных средств, актуализирующих выявленные системообразующие параметры газетно-журнального дискурса; сопоставительный метод, используемый при сравнении стандарта оформления англо-американской периодической печати со стандартом оформления англоязычной прессы стран Восточной Азии; метод компонентного анализа, применяемый при описании структуры и содержания отобранных языковых единиц и невербальных средств; метод дефиниционного анализа словарных толкований в лексикографических источниках различного типа; метод контекстуального анализа функционирования выявленных вербальных и невербальных средств актуализации системообразующих параметров; метод семантического поля, используемый при классификации отобранного языкового и невербального материала в соответствии с его тематической направленностью; метод статистической обработки данных, применяемый для определения репрезентативности исследуемых явлений. Выявление основных экстралингвистических параметров, особенностей менталитета народов Восточной Азии и способов его вербальной и невербальной актуализации в газетно-журнальном дискурсе обусловило широкое

использование методов современной социалингвистики: социалингвистического анализа дискурса, сравнительно-исторического анализа языковых феноменов, пофакторного анализа, метода моделирования коммуникативных процессов, метода соотносительного когнитивного моделирования и др.

Степень научной разработанности темы. Вопрос о вариативности (варьировании) не является новым для языкознания. В разное время в той или иной мере к нему обращались такие отечественные и зарубежные исследователи как: О.С. Ахманова, В.В. Виноградов, Б. Гавранек, Л. Ельмслев, А. Мартине, М.М. Покровский, В. Скаличка, А.И. Смирницкий, Ф. де Соссюр. Необходимость более глубокого понимания этого явления способствовала появлению работ, в котором он рассматривается в дихроническом аспекте: С.И. Дубинин, Э.Г. Шимчук, В.Н. Ярцева и др.

Важным фактором развития лингвистической мысли второй половины XX-го столетия стал интерес к изучению проявлений вариативности английского языка, используемого в качестве средства межнационального взаимодействия в различных регионах мира. Мысль о возможном появлении в будущем языка международного общения высказывалась ещё И.А. Бодуэном де Куртене [Бодуэн де Куртенэ 1963: 148]. Причины, способствовавшие выходу на эту роль именно английского языка, достаточно подробно описаны в работах К. Болтона, Дж. Брутт-Гриффлер, У. Вайнрайха, Д.Р. Девиса, Д. Грэддола, А.И. Домашнева, Ю.А. Жлуктенко, В.В. Кабакчи, Р. Квирка, Р.Я. Крицберга, Д. Кристала, Р. Локвуда, Дж. Платта, А. Пэнникука, Г. Уидоусона и других отечественных и зарубежных исследователей.

Как упоминалось выше, новое направление исследований региональных вариантов английского языка, признающее их самостоятельность и равноправие, возникло благодаря научной деятельности американского исследователя Б. Качру. В дальнейшем как его соратники и последователи (М. Бернс, К. Болтон, Д. Грэдол, А. Гупта, Дж. Д'Анджело,

Д. Девис, С. Муфвене, А. Норман, Дж. Платт, С. Робертсон, Ш.Н. Шридхар, И. Яно), так и представители иных развивающихся в этой области научных школ (Дж. Дженкинс, Б. Зайдльхофер, Г. Кэннон, А. Пенникук, П. Традгил, Н. Уоррен, Ч. Фергюсон, Р. Хадсон и др.) уточнили основные положения контактной вариантологии, а также расширили её исследовательское поле, сместив акцент с преимущественного изучения региональных вариантов английского языка внутреннего круга, на описание особенностей региональных вариантов английского языка наружного и внешнего кругов, на которых, по подсчётам самого Б. Качру, говорит гораздо большее количество жителей планеты [Kachru 1996: 241]. Результатом активного продвижения идей нового научного направления в мире также стало проведение регулярных тематических конференций, издание журнала «World Englishes», создание Международной ассоциации вариантов английского языка (International Association for World Englishes) и пр.

Участие российских исследователей в разработке перспективных направлений контактной вариантологии было до определённого времени ограниченным, что объясняется, в первую очередь, совпадением периода становления World Englishes Paradigm в мире с переломным периодом «перестройки» российского общества, а также недостаточностью информации о новом учении и малодоступностью первоисточников [Proshina 2007: 10-11]. В то же время следует признать, что отечественные лингвисты уже во времена СССР испытывали научный интерес к изучению особенностей функционирования английского языка за пределами первоначальной среды его распространения. Одним из первых исследований подобного рода стало учебное пособие 1961 года Т.М. Беляевой и И.А. Потаповой «Английский язык за пределами Англии», в котором были обобщены сведения о языковых особенностях английского языка в различных регионах планеты [Беляева, Потапова 1961]. В 1971 году вышла известная монография А.Д. Швейцера «Литературный английский язык в США и Англии», в которой автор описал различительные особенности

американского и британского вариантов английского языка с позиций общих проблем национальных вариантов литературного языка [Швейцер 2003].

В 70-90 годы прошлого столетия увидели свет и другие исследования советских языковедов, посвящённые преимущественно общим и частным лингвистическим особенностям региональных вариантов английского языка внутреннего круга (Н.Н. Быховец, Г.А. Орлов, В.В. Ощепкова, Л.Г. Попова, С.Б. Прядко, Д.А. Шахбагова). Активное освоение нового исследовательского поля российскими учёными начинается в 1990 – начале 2000 годов, когда выходят работы, посвящённые вариантам английского языка наружного и внешнего круга (Ю.А. Кнуров, Е.В. Крайнюченко, Н.В. Сиака). Особо следует отметить значительный вклад в распространение и адаптацию научных идей World Englishes Paradigm в России З.Г. Прошиной, которая стала одним из признанных в мире российских вариантологов.

Основным теоретическим итогом деятельности исследователей на сегодняшний день является то, что им удалось дать развёрнутое обоснование идеям плюрицентричности английского языка и глокальности его функционирования (Б. Качру, З.Г. Прошина, Ч. Фергюсон). Помимо этого были выработаны подходы к таким основополагающим представлениям контактной вариантологии как: системность и основные принципы классификации региональных вариантов английского языка (Б. Качру, Т. Макартур, М. Модино, В.Р. Монро, В.В. Ощепкова, А. Пэнникук, Л. Продромоу, С. Ромэн, Б. Зайдльхофер, П. Традгил, Р. Хадсон, Р. Хиндмарш, К. Шридхар), языковой вариант и диалект (Ю.А. Жлуктенко, Д. Кристал, В.Р. Манро, Р. Хадсон, А.Д. Швейцер), модель языка, языковая норма, виды языковых норм (Дж. Дженкинс, Б. Качру, С. Муфвене, З.Г. Прошина, О.Е. Семенец) и пр.

В практическом плане работы вариантологов позволили получить представление о языковых чертах региональных вариантов английского языка внутреннего круга (Ф. Дуглас, Р.Д. Кинг, С.Ф. Кислинг, Д. Кристал, Э.В. Шнайдер), а также наружного и внешнего кругов (Р. Гаргеш,

Т. Макартур, М.Л. Баутиста, С.К. Гилл, А.Ф. Гупта, С.С. Ильина, Г. Кейн, А. Пакир, П. Традгил, М. Бернс, А.Р. Джеймс, Дж. Дженкинс, У. Дурмуллер, К. Дэвидсон, Дж.А. Коулман, М. Модино, Б. Зайдльхофер, К. Трушо, С.К. Хильгендорф, Н.М. Камвангамалу, Дж. Шмид). Труды Дж. Брутт-Гриффлер, В.Л. Завьяловой, М.И. Исаева, Р.Б. Каплана, Л.Б. Никольского, Дж. Стенлоу, Н. Хонна, посвящённые культурно-историческому прошлому Азиатско-Тихоокеанского региона и особенностям языкового взаимодействия между населяющими его народами, а также исследования региональных вариантов китайского английского (Д.Б. Кента, Т. Кэннона, Е. Хунга, Дж. Прайда, Г. Янга), японского английского (Дж. Д'Анджело, Р. Бейли, М. Ике, Р. Кубота, А. Нормана, Н. Уоррена) и корейского английского (М.Дж. Бейка, Ч. Дастхаймера, В. Паттерсона) позволили объединить региональные варианты английского языка, используемые в Китае, Японии и Корее в одну группу (East Asian Englishes) и ввести представление о *восточноазиатском английском языке*.

Одним из перспективных направлений вариантологии является сопоставительный анализ англоязычной периодической печати, имеющей широкое распространение в разных региональных вариантах английского языка. Исследования свойств медиаречи получили значительный толчок во второй половине XX века, когда отечественные и зарубежные учёные активно включились в изучение различных аспектов языка СМИ: вербального обеспечения массовой коммуникации (Э.Г. Багиров, А. Белл, С.И. Бернштейн, А.Н. Васильева, В.Г. Костомаров, М. Маклюэн, Т. ван Дейк), соотношения языка массовой коммуникации и социальной среды (В.М. Березин, Ю.П. Буданцев, А.В. Соколов, С.И. Трескова), определения границ газетно-публицистического стиля (И.В. Арнольд, Н.Д. Десяева& С.А. Арефьева, М.Н. Кожина, Е.Ю. Скороходова) и медийного дискурса (О.В. Александрова, Т.Г. Добросклонская, В.А. Тырыгина, Р. Фаулер, Н. Фейерклау), функционирования лексических единиц в каналах массовой коммуникации с привлечением теории семиотики, информатики и

лингвостатистики (Б.В. Кривенко), особенностей речеупотребления в сфере массовой коммуникации (Ю.В. Рождественский), проблем функционирования русского языка в СМИ (В.Г. Костомаров), места медиатекстов в системе культуры (С.И. Сметанина) и пр.

Развитие концептуального видения языка СМИ нашло своё отражение в работах Т.Г. Добросклонской, благодаря которым в лингвистике закрепились термины *медиалингвистика* и *медиатекст* [Добросклонская 2008: 26]. Газетно-журнальный текст, являющийся одним из важнейших пропагандистских инструментов СМИ, традиционно пользуется особым вниманием среди отечественных исследователей медиаречи, начиная с 70 годов прошлого века. Функционально-стилистические особенности массовой печати рассматриваются в трудах В.Н. Вакурова, В.Г. Костомарова, О.А. Лаптевой, Г.Я. Солганика; жанровое своеобразие газетно-журнальных текстов и речевые стратегии журналиста – в исследованиях Н.Н. Кохтева, М.Н. Кузнецова & И.Н. Цыкунова, И.П. Лысаковой, И.Н. Мешковой, Л.Д. Петровой, А.А. Тертычного; выразительные средства, лексико-грамматические и морфосинтаксические особенности русскоязычной прессы – в работах В.Г. Костомарова, Г.Я. Солганика.

Особое место занимают исследования языка англо-американской прессы, относящейся к внутреннему кругу классификации Б. Качру. В этих работах поднимаются вопросы лексического и фразеологического наполнения английского газетно-журнального текста (Е.Н. Гладких, П. Гранди, Б. Мэскалл), его речевой образности и экспрессивности (С.Г. Ваняшкин, Д. Рет, Я.Г. Сеницына), прагматики текстов периодической печати (В.Л. Наер, Дж. Хартли), стилистических особенностей отдельных газетно-журнальных жанров (Э.В. Салыгина), отражения в переводе их структуры и содержания (И.С. Стам, А.Д. Швейцер).

Круг исследований, посвящённых национальной газетно-журнальной публицистике стран Восточной Азии, не широк. В работах по этому направлению, как правило, рассматривается история становления и развития

прессы Китая, Японии и Кореи (И.В. Иванов, Г.И. Сергеев, Т.М. Соловьева), исследуется её современная общественно-политическая и культурная специфика (Е.В. Круглов, О.Г. Панкина, М.В. Сеферова), описываются правовые, институциональные и экономические условия её существования (М.И. Савинцева, В.Б. Лоренс, Г.В. Якимчук), а также предлагаются механизмы их оптимизации (В. Паркман, Б. Багдикян, Д. Ратцке). Ещё менее значителен список исследователей, занимающихся лингвистической спецификой англоязычных газетно-журнальных публикаций в странах Восточной Азии и способами отражения в них менталитетов народов, населяющих этот регион планеты. Среди наиболее заметных учёных, работающих в данном направлении, следует назвать Дж. Альваро, К. Болтона, Н. Хонна, Дж. Стенлоу.

Проведённый обзор позволяет сделать вывод о том, что абсолютное большинство работ в области контактной вариантологии посвящено выявлению и описанию фонетических, лексико-грамматических и морфосинтаксических особенностей региональных вариантов английского языка; лишь в незначительной части из них предпринимается попытка увязать эти особенности с менталитетом народов, пользующихся английским языком в различных сферах деятельности; работы, посвящённые особенностям функционирования региональных вариантов английского языка в определённых регистрах речи или в отдельных жанровых разновидностях текстов, равно как и сопоставительные исследования пока не получили широкого распространения.

В качестве **теоретико-методологических основ** данной работы выступают: концепция динамического развития языка (Д.Н. Голев, Н.А. Голубева, З. Каннгисер, Ж. Фуркье); фундаментальные положения контактной вариантологии о плюрицентризме (Б. Качру) и глокальности (З.Г. Прошина), о закономерностях языкового варьирования (У. Вайнрах, А.И. Домашнев, В.В. Кабакчи, Ю.А. Жлуктенко, А.Д. Швейцер), о статусе английского языка в современном мире (Д. Грэддол, Б. Качру, Д. Кристал), о

диалекте и языковом варианте (В. Манро, Ч. Фергюсон, Р. Хадсон), о типологии нормы (Дж. Дженкинс, О.Е. Семенец); контактной ориентологии о восточноазиатском английском языке (В.В. Кабакчи, Р. Оно, З.Г. Прошина), об ориентализмах и способах их адаптации в английском языке (Дж. Д'Анджело, Д.Б. Кент, Г. Кэннон, А. Норман, Н. Уоррен); современной лингвистики о стиле, принципах дифференциации текстового континуума и жанрово-стилистическом своеобразии газетно-журнальной публицистики (И.В. Арнольд, О.С. Ахманова, Ш. Балли, Р.А. Будагов, В.Н. Вакуров, В.В. Виноградов, Т.Г. Винокур, И.Р. Гальперин, Б.Н. Головин, М.Н. Кожина, В.Г. Костомаров, Н.Н. Кохтев, Ю.М. Скребнев, Г.Я. Солганик, Ю.С. Степанов, Л.В. Щерба); социолингвистики о соотношении понятий стиль, дискурс, публицистический дискурс, эссеистика, риторический дискурс, медиадискурс и о методологии анализа дискурса (О.А. Александрова, Н.Д. Арутюнова, Н.А. Ахренова, М.М. Бахтин, А. Беард, Т. ван Дейк, Т.Г. Добросклонская, В.И. Карасик, Р. Кокрофт, Ю. Кристева, Е.С. Кубрякова, В.А. Тырыгина, Н. Фейерклау), об языковой личности (Ю.Н. Караулов, И.И. Халеева) и о феномене прецедентности (Н.А. Голубева, Д.Б. Гудков); лексикологии о принципах выделения и описания отдельных групп лексических единиц в газетно-журнальном тексте (Г.О. Винокур, В.Н. Комиссаров, Р.К. Миньяр-Белоручев, Э.Р. Розенталь, А.Д. Швейцер), о механизмах заимствований и способах адаптации заимствуемых элементов в принимающем языке (Н.Г. Богаченко, А.А. Брагина, Л.П. Крысин, З.Г. Прошина); этнографии и этнической психологии об этносе (Ю.В. Бромлей, В.Г. Крысько, С.М. Широкогоров); коммуникативистики о низкоконтекстных и высококонтекстных культурах (Э. Холл); социологии и психологии о менталитете и ментальности (М.В. Воробьева, В.В. Колесов, Д.В. Полежаев, И.А. Стернин); культурологии и социальной философии об этническом менталитете (И.М. Вельм, О.А. Кукоба). Кроме этого в исследовании задействованы

методологические принципы таких наук как: теория массовой коммуникации, журналистика, этническая психология, история.

Научная новизна работы состоит в том, что в ней впервые

- с позиций контактной вариантологии проводится комплексный анализ лингвистических и экстралингвистических параметров, характеризующих нормозависимый стандарт оформления англоязычной периодической печати восточноазиатских стран, который сопоставляется с нормообеспечивающим стандартом англо-американской прессы;

- разграничиваются представления о стандарте оформления газетно-журнального дискурса в инокультурной среде и норме восточноазиатского варианта английского языка, используемого в периодической печати.

- устанавливаются взаимосвязи между менталитетом восточноазиатских народов и способами его отражения в вербальных и невербальных феноменах англоязычной газетно-журнальной периодики.

В ходе исследования были получены следующие **результаты**:

- дано развернутое теоретическое обоснование выделения из контактной вариантологии отдельной отрасли, занимающейся изучением азиатских региональных вариантов английского языка, – контактной ориентологии;

- разработана методика описания газетно-журнальной публицистики и выявления её основных экстралингвистических и лингвистических параметров с позиций контактологических исследований;

- выявлены основные системообразующие параметры англо-американского газетно-журнального дискурса, вербальные и невербальные средства их оформления;

- установлено, что стандарт оформления газетно-журнальной периодической печати Великобритании и США может быть охарактеризован как нормообразующий и эндонормативный;

- выявлены основные экстралингвистические параметры англоязычной периодической печати стран Восточной Азии (вторичность и зависимость от восточноазиатского менталитета), определяющие её существование в инокультурной среде;

- установлено, что стандарт оформления восточноазиатской англоязычной периодики может быть охарактеризован как нормозависимый с признаками становления эндонормы восточноазиатского английского языка;

- проведено сопоставительное исследование вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров газетно-журнальной периодики в англо-американской прессе и восточноазиатской газетно-журнальной периодической печати на английском языке, позволившее выявить основные проявления адаптации и резистенции.

Личный вклад автора в разработку заявленной темы включает:

- обоснование выделения из состава контактной вариантологии нового лингвистического направления контактной ориентологии, занимающейся изучением восточноазиатских региональных вариантов английского языка;

- уточнение понятийного аппарата контактной вариантологии применительно к целям и задачам исследования (языковой вариант, диалект, модель, стандарт, норма, эндонорма, экзонорма, нормообразующий стандарт, нормозависимый стандарт);

- обоснование методологии сопоставительного анализа англо-американской периодической печати и англоязычной прессы стран Восточной Азии, включающей выявление изоморфных и алломорфных вербальных и невербальных средств актуализации выявленных системообразующих параметров газетно-журнального дискурса (информативности, квазиинформативности, интерсубъективности, субъективности) и их дальнейшее исследование с позиции отражения в них проявлений этноисторического и этносоциального менталитета;

- введение в научный оборот представлений об адаптации и резистенции англоязычного газетно-журнального дискурса восточноазиатских стран, позволяющих осуществить комплексное описание средств формирования стандарта его оформления;

- разработка типологии англоязычной газетно-журнальной публицистики восточноазиатских стран (центробежная, центростремительная, умеренно-центростремительная и интенсивно-центробежная) на основе анализа адаптивных и резистентных процессов, выявленных в ней.

Практическая ценность исследования заключается в возможности применения его результатов в высшей школе для модернизации теоретических курсов по стилистике, лексикологии, лингвистике текста и межкультурной коммуникации. Методология сравнительного анализа англо-американской прессы и восточноазиатской газетно-журнальной публицистики на английском языке может быть использована при изучении иных видов дискурса и для другой группы региональных вариантов английского языка. Сведения об основных этапах становления и развития прессы Великобритании, США, Китая, Японии и Кореи могут применяться в научно-исследовательской деятельности студентов направления подготовки «Журналистика». В теории и практике межкультурного взаимодействия результаты исследования могут быть использованы для гармонизации взаимопонимания и минимизации потерь, возникающих в результате прямой или опосредованной интеракции.

На защиту выносятся **следующие основные положения:**

1. Контактная ориентология представляет собой новое научное направление, занимающееся изучением азиатских региональных вариантов английского языка. Её выделение из контактной вариантологии связано с динамическими изменениями в английском языке под влиянием этнолингвистических факторов восточной культуры и представляет особый интерес в связи с интенсификацией глобализационных процессов в

современном мире и возможностью расширения мирового коммуникативного пространства.

2. Исследование англоязычного газетно-журнального дискурса восточноазиатских стран включает выявление экстралингвистических параметров, характеризующих его существование в инокультурной среде, и систематизацию ассимиляционных процессов, наблюдаемых на вербальном и невербальном уровнях, путём сопоставления с нормообеспечивающим стандартом англо-американской газетно-журнальной периодики.

3. Системообразующими параметрами газетно-журнального дискурса являются информативность/квазиинформативность, обобщающие принятые в печатной периодике способы презентации информации, и интересубъективность/субъективность, объединяющие способы её интерпретации. Нормообеспечивающий стандарт англо-американского газетно-журнального дискурса включает вербальные и невербальные феномены, нацеленные на их актуализацию.

4. Вербальная актуализация параметра информативности осуществляется посредством использования прецизионной лексики, терминологии, безобразных узуально-клишированных словосочетаний, лексически и стилистически маркированных языковых единиц, ссылок на источники информации и цитации. К невербальным средствам её оформления относится композиционное акцентирование информационно нагруженных визуальных образов. Вербальная актуализация параметра квазиинформативности осуществляется при помощи общевокабулярной лексики, формирующей языковую основу печатной периодики. К невербальным средствам её оформления относится расположение менее существенных с точки зрения фактического содержания образов на заднем плане газетно-журнальных иллюстраций.

5. Основными вербальными средствами оформления системообразующего параметра интересубъективности являются: прецедентные феномены, оформленные особым способом газетно-

журнальные заголовки и типовые усложнённые синтаксические построения. К невербальным средствам её оформления относится воспроизводимость однотипной структуры и дизайна печатных изданий. Параметр субъективности актуализируется на вербальном уровне при помощи прецедентных трансформов, обнаруживаемых в единичных контекстах образных коллокаций и экспрессивных синтаксических построений. К невербальным средствам его оформления относится любое непривычное изобразительное, цветное или шрифтовое оформление периодической печати.

6. Основными экстралингвистическими параметрами англоязычной восточноазиатской газетно-журнальной публицистики являются вторичность и подчинённость восточноазиатскому менталитету. Вторичность периодической печати на английском языке стран Восточной Азии обозначает меньшую по сравнению с изданиями на национальных языках сферу её функционирования, ограниченную участием авторов, не являющихся носителями английского языка, и целевой читательской аудиторией экспатов. Подчинённость восточноазиатскому менталитету подразумевает способность отражать мышление народов Восточной Азии и использовать английский язык в качестве инструмента для представления собственного содержания и выработки особых вербальных и невербальных механизмов его оформления.

7. Адаптация и резистенция представляют собой взаимосвязанные тенденции взаимодействия различных региональных вариантов английского языка в ходе формирования газетно-журнального дискурса. В англоязычной восточноазиатской прессе наряду с адаптационными наблюдаются резистентные процессы, отражающие локальные особенности функционирования восточноазиатского английского языка, которые находят своё отражение на вербальном и невербальном уровнях. Доминантность их проявления связана со спецификой этноисторического либо этносоциального менталитета авторов газетно-журнальных публикаций.

8. Основными вербальными проявлениями резистенции англоязычной периодики Восточной Азии при оформлении системообразующего параметра информативности является использование локально-маркированных прецизионных единиц, неассимилированных ориентализмов и переводных цитат. Вербальные способы оформления квазиинформативности демонстрируют отсутствие резистенции. На невербальном уровне резистенция при оформлении параметра информативности наблюдается в локализации наиболее существенных визуально акцентируемых образов графических иллюстраций. Квазиинформативность на невербальном уровне проявляется в локализации менее значимых с фактографической точки зрения образов второго плана.

9. Резистенция вербальных средств оформления интерсубъективности в восточноазиатской периодике на английском языке наблюдается в использовании прецедентных феноменов локального характера – прецедентных имён и прецедентных высказываний. На невербальном уровне основными проявлениями резистенции являются локализованные структурные компоненты и национально-обусловленный дизайн периодических изданий. Резистенция вербального оформления субъективности наблюдается в использовании прецедентных трансформов, обнаруживающих привязку к жизни восточноазиатских социумов. На невербальном уровне резистенция субъективности проявляется в локализации основных и второстепенных образов графических иллюстраций, отклоняющихся от параметров, заданных интерсубъективностью.

10. Англоязычный газетно-журнальный дискурс восточноазиатских стран ориентируется одновременно на англо-американский нормообеспечивающий (экзонормативный) стандарт и нормозависимый локализованный стандарт восточноазиатского английского языка, свидетельствующий о становлении эндономы вербального и невербального оформления периодической печати.

Соответствие содержания диссертационного исследования паспорту специальности, по которой оно рекомендовано к защите (10.02.04. – Германские языки). Диссертация выполнена в соответствии со следующими пунктами паспорта:

- основные этапы и направления становления и развития германских языков;

- исследование закономерностей происхождения и формирования основных групп германских языков, их самостоятельного развития на разных этапах их становления и развития;

- основные переходы германских языков к их современным особенностям;

- особенности функционирования различных групп германских языков;

- типы лексических единиц, функционирование лексических единиц, развитие и пополнение словарного состава, лексика и внеязыковая действительность, лексикологические категории, фразеология, синтаксический строй, особенности стилистического воздействия и экспрессивных средств германских языков;

- проблемы классификации лексических единиц.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертационного исследования были представлены на международных и всероссийских научных конференциях: «Человек и язык в поликультурном мире» (Петропавловск-Камчатский, 2-9 февраля 2007), «Обучение английскому языку: от глобализации к культурному многообразию» (Хабаровск, 28-30 июня 2010), «Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук» (Петропавловск-Камчатский, 8-11 февраля 2011, 8-10 февраля 2012, 14-15 февраля 2013, 4-6 февраля 2014, 3-6 февраля 2015), «Скребневские чтения» (Нижний Новгород, 30 октября 2012, 16-17 апреля 2014, 26 октября 2016), «Восток-Запад: проблемы межкультурной коммуникации»

(Петропавловск-Камчатский, 16-17 ноября 2012), «Исследование этнокультурного разнообразия для достижения кросскультурного взаимопонимания» (Владивосток, 3-5 октября 2013), «Стратегии и тактики в англоязычном речевом общении (Нижний Новгород, 28 октября 2015), «Научные исследования в сфере общественных наук: вызовы нового времени» (Екатеринбург, 19-20 февраля 2016), «Язык и языковое образование в современном мире» (Нижний Новгород, 13 апреля 2016), «Язык. Культура. Коммуникация: инновационные подходы к изучению языков и литератур» (Чернигов, 22-23 апреля 2016), «Коммуникативистика в контексте современного социально-гуманитарного знания» (Петропавловск-Камчатский, 16-17 мая 2016), «Connecting Professionally on ELT in Asia: Crossing the Bridge to Excellence» (Владивосток, 30 июня – 2 июля 2016), «Язык, культура, перевод» (Магадан, 30 сентября 2016), «Язык. Культура. Коммуникация: достижения и результаты современных филологических исследований» (Чернигов, 27 апреля 2018), «Cognitio и communicatio в современном глобальном мире» (Москва, 10-12 октября 2018), а также на заседании кафедры английской филологии ФГБОУ ВО «Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова» в 2018 году.

По материалам исследования опубликована 81 работа, в том числе: 3 монографии (общим объемом 32,5 п.л.), главы в 3х коллективных монографиях (общим объёмом 5,4 п.л.), 18 научных работ в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ (18 статей общим объемом 5,4 п.л.), 1 статья в издании ASESR (American Society for Education Science Research), статьи в научных журналах и сборниках материалов конференций, учебно-методические работы. Общий объем публикаций составляет 76 п.л.

Структура и объем диссертации. Работа включает введение, пять глав, разделённых на разделы и сопровождаемых выводами, заключение, библиографию и приложение.

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, раскрывается суть проблемы в соответствии с интерлингвокультурным подходом, выделяются объект и предмет исследования, цели и задачи работы, описываются методологическая основа и теоретическая база, устанавливается научная новизна, теоретическая и практическая значимость, описывается материал и методы исследования, формулируются положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации исследования.

В первой главе описываются фундаментальные теоретические положения современной контактной вариантологии, методологические основания выделения из её состава контактной ориентологии и объединения региональных вариантов английского языка стран Восточной Азии в одну группу. В данном разделе работы даётся определение таким ключевым понятиям как: контактная ориентология, языковой вариант, диалект, модель, стандарт, норма, эндонорма, экзонорма, энзонорма, нормообразующий стандарт, нормозависимый стандарт, восточноазиатский английский язык, а также устанавливается, что одним из перспективных направлений изучения особенностей региональных вариантов английского языка внешнего круга является анализ их функционирования в различных разновидностях речи.

Во второй главе даётся краткий обзор развития периодической печати Великобритании и США, рассматриваются основные теоретические подходы к её исследованию и проводится практический анализ англо-американского газетно-журнального дискурса, в ходе которого выявляются его системообразующие параметры и основные способы их актуализации на вербальном и невербальном уровнях.

Третья глава посвящена исследованию основных экстралингвистических параметров англоязычной прессы Восточной Азии. В этом разделе рассматриваются вопросы взаимосвязи языка и мышления, описываются особенности восточноазиатского менталитета и их роль в нативизации англоязычного газетно-журнального дискурса Китая, Японии и

Кореи, определяется место англоязычной периодики в жизни каждой из восточноазиатских стран.

В четвёртой главе рассматриваются формы адаптации англоязычной восточноазиатской прессы к периодической печати Великобритании и США, которые увязываются с менталитетом восточноазиатских народов, находящим своё отражение в вербальных и невербальных способах оформления системообразующих параметров газетно-журнального дискурса.

Пятая глава посвящена выявлению форм проявления резистенции англоязычной восточноазиатской прессы к нормам оформления периодической печати Великобритании и США в рамках системообразующих параметров и с привлечением данных о менталитете народов этой части света.

В заключении обобщаются основные результаты исследования и намечается круг проблем для дальнейшей разработки.

Библиография включает работы отечественных и зарубежных исследователей, посвящённые общим и специальным вопросам избранной темы, источники иллюстративного материала, словари и справочные издания.

В приложении представлены графические иллюстрации газетно-журнального дискурса, которые позволяют проанализировать особенности невербального оформления его системообразующих параметров.

ГЛАВА 1. ВОСТОЧНОАЗИАТСКИЙ АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМ КОНТАКТНОЙ ОРИЕНТОЛОГИИ

1.1. Статус английского языка в современном мире

На сегодняшний день английский язык занимает особое место в числе национальных языков как по количеству говорящих на нём, так и по территории его распространения. Исследователи отмечают, что он получил беспрецедентное распространение на всей планете и стал средством выражения многих культур. Очевидные предпосылки для этого заложены в истории формирования национального английского языка и английского как официального языка колоний Великобритании в XVII–XIX вв. на Африканском континенте, в Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании. Распространению английского языка способствовала языковая политика, отражающая стремление Британской империи к расширению своих владений и сохранению власти, что предопределило в качестве её основной задачи закрепление английского как языка правящих кругов, который был вынужден адаптироваться к окружающей среде, функционируя, в основном, как язык элиты, и «соперничая» с местными языками. С течением времени вследствие контактов с местными языками английский язык начинал переживать ряд трансформаций, результатом которых становилось возникновение его региональных вариантов.

Большинство стран, получивших политическую независимость в XX в., не стали отказываться от языка колонизаторов, признавая его одним из официальных или вторым государственным языком (Индия, Сингапур, Бангладеш, Пакистан, Шри-Ланка, Непал, Бутан, Нигерия и пр.). В наши дни английский язык является государственным или одним из государственных языков в 60 странах [Crystal 1995: 106-109]. Согласно данным ЮНЕСКО, абсолютное большинство переводов в мире осуществляется с английского

языка, а переводы на английский язык входят в первую пятёрку переводных материалов [UNESCO Index Translationum 2018]. В международной сфере английский язык занимает лидирующие позиции, обгоняя другие рабочие языки, крупных (ЕС, ООН, НАТО, МБРР, ЮНЕСКО, МАГАТЭ) и менее значительных (Международная авиационная федерация, Азиатская комиссия по правам человека, Международный полярный фонд) организаций. Важным доказательством признания английского языка в мире также является его приоритетный выбор в качестве иностранного языка в образовании: английский язык изучается как иностранный более чем в 100 странах мира, включая такие крупные государства, как Россия, Китай и Бразилия.

Важность английского языка заключается и в его посреднической миссии. Представление о языке-посреднике, *lingua franca*, предполагает, что данный язык может использоваться для обеспечения коммуникации между разноязычными народами. М. Самарин выделяет три разновидности такого языка: естественную, пиджинизированную и искусственную [Samarin 1968: 660-672]. Яркими примерами *lingue franche* первой группы являются греческий и латинский языки, получившие широкое распространение в древнем мире, благодаря завоеваниям Александра Македонского, влиянию Римской империи на сопредельные территории и распространению христианства. Ко второй группе относятся все пиджины, а к третьей все искусственные языки (эсперанто, интерлингва и пр.). Стоит отметить, что выделение второй группы признаётся некоторыми учёными спорным [Barotchi 2001: 503-504], поскольку согласно определению *lingua franca*, данному на сессии ЮНЕСКО, язык-посредник должен иметь широкое традиционное использование, а сфера функционирования пиджина явно ограничена.

Как отмечает В.В. Кабакчи, осознание того, что английский язык стал бесспорным лидером международного общения, наступило лишь в последней четверти XX века, а утверждение его в этой функции происходило уже на протяжении ряда предыдущих десятилетий, и на сегодняшний день нет

никаких сомнений, что английский язык – это язык международной политики, международного бизнеса, межкультурных контактов, язык науки, морской и воздушной навигации, международной корреспонденции и журналистики, шоу-бизнеса и спорта [Кабакчи 1998: 2]. Широкое обсуждение вопроса о роли английского языка в развитии мирового сообщества и мировой культуры в зарубежной лингвистике в 1970-80 годы позволило исследователям сформулировать основные параметры статуса мирового языка, к которым относятся как экстралингвистические, так и чисто языковые факторы: демографический и численный факторы, функциональный фактор (к основным функциям английского языка относятся: официально-дипломатическая, регуляторная, официально-деловая, образовательная, информационная, развлекательная и декоративно-рекламная) [Прошина 2001: 26], оценочный фактор (международный язык означает нейтральность, либерализм, престижность, хорошее положение в обществе и т.п.), фактор доступности, материальные факторы (международный язык является средством для достижения экономического благополучия, определенного социального статуса), значительная нормативная вариативность (способность мирового языка вырабатывать новые стандарты оформления речи в процессе его «подстраивания» под другие культуры и служить их проводником), относительно простая грамматическая структура, этимологическая предрасположенность к различным языковым инновациям, в первую очередь, к заимствованиям и образованию новых слов и пр. [Жлуктенко 1974; Crystal 1997; Kachru 1992].

Причины наличия высокого статуса у английского языка рассматриваются в исследованиях лингвистов, историков, культурологов и др. Некоторые из них полагают, что существующее положение дел объясняется, главным образом, политико-экономическими факторами (значительной ролью в становлении и развитии современного устройства мира Великобритании и Соединённых Штатов Америки) [Crystal 1995: 106], другие отмечают важность научно-технической революции, в ходе которой

английский язык стал международным языком информационного менеджмента [Kaplan 1987: 137-148], третьи предпринимают попытки выявления чисто лингвистических факторов, способствующих быстрому распространению английского языка [Galloway 2015; Kachru 1986; Robertson 1963], четвёртые обращают внимание на широкое использование английского языка в качестве средства межнациональной коммуникации и внутреннюю готовность других стран к его принятию в качестве международного [Прошина 2001: 13].

Помимо этого, исследователи, выделяя основные геополитические предпосылки глобализации английского языка, наряду с его распространённостью на разных континентах и закреплением в качестве языка правящей элиты, отмечают распад социалистической системы, уничтоживший оппозицию «капитализм – социализм», в результате чего «русский язык, долгое время выполнявший функцию языка международного общения, потерял свое приоритетное значение, поскольку статус «сверхдержавы» закрепился только за одной страной – США» [Юзефович 2014: 35], а «уничтожение советской гегемонии в восточной Европе и ряде бывших советских республик обусловило отказ от русского языка как средства межгосударственного общения, и приоритет получил английский язык» [Northrup 2013: 141–145]. Решающее значение также имела разработка компьютерных технологий, активное развитие Интернета и формирование статусного имиджа, маркирующего престиж английского языка (особенно среди молодежи) как в бывших колониях в качестве второго языка, так и в Китае, России, Японии [Кристал 2001; Gupta 1997]. Вполне очевидна справедливость вывода о том, что «реальные причины широкого распространения английского языка в современном мире и приобретения им статуса международного языка лежат в комплексе всех перечисленных факторов» [Прошина 2001: 14]. Динамичность формирования системы английского языка в ходе исторического развития, увеличение языковых контактов и открытость инновациям подтверждают его адаптивные

возможности в качестве средства мирового общения. Языковая глобализация представляет собой неизбежный процесс, который имеет ряд положительных черт: глобальный английский способствует расширению межкультурных контактов, укреплению научного взаимодействия, выражению этнической и национальной идентичности, самовыражению отдельных личностей и т.п.

Термин *глобальный английский язык* носит обобщающий характер, обозначая вербальное средство общения многих лингвокультур в разнообразных ситуациях межкультурного взаимодействия. Глобальный английский язык объединяет региональные, территориальные и прочие разновидности, выполняя функции в соответствии с коммуникативными потребностями социума, ведущими из которых являются функция общения в транснациональных организациях и функция выражения инолингвокультурной идентичности. Вариантологи отмечают, что дальнейшее существование и развитие английского языка в качестве глобального окончательно не определено. По мнению Д. Грэдола: «Чем тщательнее исследуются исторические предпосылки и современные тенденции, тем очевиднее тот факт, что будущее английского гораздо сложнее, чем предполагалось. Оно таит в себе определенные проблемы для носителей языка и требует более глубокого осмысления» [Graddol 1997: 3]. Вполне очевидно, что для дальнейшего использования английского языка в качестве глобального необходимо сохранять его базовые нормы, которые регулярно размываются в инокультурной среде, что приводит к его дроблению и возникновению новых разновидностей.

Д. Кристал предлагает рассматривать две альтернативные возможности хода событий. Согласно первой из них, английский язык в будущем распадется на варианты, кардинально отличающиеся друг от друга, что в последующем сможет привести к появлению «английской» семьи языков. Вторая возможность предполагает, что он займет главенствующее место в языковой иерархии, вытеснив все другие языки и, как следствие, мир станет полностью англоязычным [Кристал 2001: 187-235]. По нашему мнению, на

предпочтение, которое отдают говорящие тому или иному языку, влияет сложная система факторов, таких как: демографические изменения, развитие коммуникации, международное разделение труда и др. В настоящее время все они претерпевают значительные изменения, что, очевидно, отразится на статусе глобального английского в будущем. В любом случае, какими бы ни были перспективы развития английского языка, следует понимать, что на сегодняшний день он перестал быть привязанным к какой-либо определённой культуре и представляет собой язык, на котором говорит весь мир и который имеет много разновидностей. Как считает К. Фергюсон: «Развитие английского языка в современном мире всё меньше и меньше определяется людьми, для которых он является родным языком» [Ferguson 1992: 19]. Именно в этом заключается плюрицентричность английского языка, которая приходит на смену дуоцентрической (британский и американский английский) модели его функционирования и научного описания, что способствует выделению множества его разновидностей (World Englishes).

1.2. Основные проблемы World Englishes Paradigm и понятие контактной ориентологии

Несмотря на динамичное развитие контактной вариантологии и накопленный ею теоретико-методологический потенциал в этой отрасли знания по-прежнему остаётся ряд нерешённых проблем. В первую очередь, исследователи активно обсуждают вопрос о правомерности признания равноправия вариантов внутреннего круга с прочими региональными вариантами английского языка, который онтологически связан с вопросом о противопоставлении понятий *международный (глобальный) английский язык* (International (Global English), IE) и *английский язык как международный* (English as an International Language, EIL).

Полемика об английском языке как о международном (глобальном) языке началась еще в конце 70 – начале 80 гг. прошлого века, когда Б. Качру выдвинул концепцию World Englishes, а Р. Квирк сформулировал ряд проблем, касающихся степени вариативности и трудностей массового обучения английскому языку международной коммуникации в постколониальных странах [Quirk 1983: 37]. Вопросы, поднятые в ходе дискуссии, привлекли внимание многих исследователей, в результате чего в контактной вариантологии появился ряд подходов, авторы которых предлагали свои пути соединения принципа всеобщей доступности международного (глобального) английского языка с принципом сохранения национально-культурной идентичности говорящих на нем людей. Так, Л. Смит, предложил использовать вместо термина *английский язык* (English), термин *English as an International Auxiliary Language* (EIAL) – английский как международный вспомогательный язык, который более точно отражает ситуацию с положением английского языка в мире, поскольку показывает его принадлежность не только носителям языка и культурам англоязычных стран. По мнению исследователя, ответственность за эффективную коммуникацию в равной мере разделяют как носители, так и неносители английского языка, в связи с чем, первые должны понимать носителей EIAL, что возможно при объединении новых вариантов английского языка со старыми в виде некоего международного стандарта, который будет функционировать как нейтральный инструмент коммуникации, позволяющий экспликацию любой идентичности [Smith 1983: 2].

Эта идея нашла своих сторонников, которые начали разрабатывать терминологию для описания такого стандарта. Например, Д. Кристал заявил, что для создания приемлемого для всех стандарта международной коммуникации всем понадобится овладеть двумя стандартными вариантами английского языка (two standard Englishes) – одним, обеспечивающим национальную или локальную идентичность, и другим, обеспечивающим контакт с остальным человечеством. В будущем региональные варианты

английского языка разойдутся до такой степени, что для общения с представителями других стран понадобится нейтральный стандартный язык, World Standard Spoken English (WSSE) – *мировой стандартный разговорный английский язык*, существование которого позволит сохранять национальную или региональную языковую идентичность и гарантировать успешность международной коммуникации [Crystal 1988: 138]. Эту точку зрения разделяет М. Модiano, считающий, что в будущем многие пользователи будут владеть, по меньшей мере, двумя вариантами – региональным и интернациональным [Modiano 1999: 27]. Дж. Брутт-Гриффлер предлагает называть общий для всех английский язык международной коммуникации World English – *мировой английский* [Brut-Griffler 2002: 97], С. Ахулу – General English – *общий английский* [Ahulu 1997: 19], а А. Дэвис – International English – *международный английский язык*, включающий весь континуум вариантов «от языка образованных носителей до пиджинизированных и креолизированных диалектов Западной Африки и таких специально урезанных кодов, как язык авиадиспетчеров (Airspeak) и портовых диспетчеров (Seaspeak) [...], минимально подверженный изменениям стандартный язык, вариативность которого зависит от региона или сферы применения, что дает возможность проявления локальной или национальной идентичности» [Davies 1989: 450].

Таким образом, международный английский язык в общем понимании представляет собой разделяемый всеми язык межнациональной коммуникации, который не отдает социальных, политических, культурных и т.д. привилегий никому из участников. Данное представление, соотносится с такими синонимичными понятиями как: Global English, World English, Common English, General English и предполагающее наличие языкового стандарта, базирующегося на англо-американской языковой норме. Сторонники использования термина International (Global) English при описании статуса английского языка в современном мире традиционно обращают внимание на то, что понятие языкового варианта предполагает

автономность, а региональные варианты английского языка ею не обладают, поскольку являются разновидностями одного языка и предрекают возможный распад английского языка в будущем на отдельные языки, подобно латыни, в случае признания самостоятельности всех его региональных вариантов, поскольку между ними может возникнуть взаимонепонятность [Graddol 1997; Modiano 1999]. Для того чтобы предотвратить этот процесс, необходимо выделить общее ядро, присущее всем вариантам и использовать его в качестве стандарта для преподавания. Такое ядро будет представлять собой «гравитационный центр», вокруг которого будут вращаться все варианты английского языка [Brutt-Griffler 2002: 177]. Именно факт существования такого центра, обнаруживающего совокупные признаки английского языка и соответствующего представлениям о единой норме, которая объединяет разные варианты английского языка и делает их взаимопонятными, соотносится с термином *международный вариант английского языка* [Crystal 1998; Jenkins 2000]. Среди способов выделения такого ядра указываются различные методики [Crystal 1997, Greenbaum 2006; Seidlhofer 2001; Yang 2005], которые, по мнению ряда исследователей, преимущественно, сводятся к обоснованию выделения двух типов языковых норм, базирующихся, однако, не на регионально-функциональных признаках (британский и американский варианты английского языка), а на формах речи, письменной и устной [Прошина 2009: 98].

В своих критических выступлениях по этому поводу Б. Качру отмечает, что представление об International (Global) English является искусственным конструктом, а не живым вариантом, поскольку не существует такого общего варианта международного английского языка, который был бы свойствен абсолютно всем пользователям, вместо него есть различные региональные разновидности (World Englishes, WE), имеющие своё культурное основание и использующие собственные риторические стратегии [Kachru 2006: 434-455]. Сам термин International English по

структуре напоминает такие термины, как American English, Singaporean English или Chinese English, обозначающие региональные варианты английского языка, что противоречит реальному статусу и роли английского как международного языка – лингва франка межнациональной и межкультурной коммуникации на глобальном уровне [Sharifian 2009: 2]. Вполне очевидно, что представление об английском языке как о языке международной коммуникации требует признания автономности всех его региональных вариантов и предпочтительности использования при описании его современного статуса термина English as an International Language (EIL) – английский язык как международный, который в полной мере подчёркивает неоднородный характер его функционирования в различных социумах.

По мнению З.Г. Прошиной, в основе полемики сторонников IE и EIL лежит противопоставление понятий *язык* и *речь*, что позволяет найти некий компромиссный вариант при определении содержательной сущности этих терминов и разграничении сфер их употребления. Используя аллюзию на известную работу С.Г. Тер-Минасовой «Война и мир языков и культур» [Тер-Минасова 2008], исследователь предлагает «проект мирного договора для оппозиционных сторон» [Прошина 2009: 95]. Вполне очевидно, что IE – это теоретический конструкт, в то время как EIL и World Englishes – материальная реализация языка в речи, связанная с локальной культурой и испытывающая перенос некоторых черт автохтонного языка своих пользователей, что отражается на всех речевых уровнях. IE представляет собой языковой инвариант, необходимый в качестве нормы, в первую очередь, в целях преподавания. В действительной же практике каждый преподаватель, хочет он того или нет, реализует в своей речи тот вариант английского языка, пользователем (или носителем) которого он является. Именно варианты имеют под собой культурную основу и характеризуются специфичными для них инновациями и девиациями, степень проявления которых зависит от индивидуального уровня владения языком и сферы его функционального использования.

Кроме этого, необходимо принимать во внимание тот факт, что все варианты и разновидности английского языка, несмотря на некоторые различия между ними, действительно относятся к одному языку, что позволяет говорить о ситуации диглоссии (точнее полиглоссии), однако используются не одной этнической общностью и поэтому не соответствуют всем критериям понятия диглоссия. При этом говорить об отношении вариантов английского языка между собой как о ситуации билингвизма также нельзя. Указанные обстоятельства позволяют выделить третий тип отношений, который характеризуется как *плюрицентризм*, предполагающий самостоятельность и равенство всех региональных вариантов английского языка наряду с их зависимостью от региональных вариантов первичной моно- или бицентричной модели функционирования английского языка в мире [Прошина 2001: 33]. Именно это представление легло в основу названия журнала «World Englishes», в предисловии к первому номеру которого Б. Качру и Л. Смит обратились к своим читателям со словами: «Редакционная коллегия считает, что пользователи английским языком как родным и неродным являются равными партнерами в рассуждениях относительно использования английского языка и его преподавания в международном масштабе [...] поэтому аббревиатура WE – «мы» полностью соответствует философии, на которой зиждется наш журнал, и принципам членов редколлегии» [Kachru, Smith 1985: 2].

Другой проблемой современной вариантологии является разграничение понятий *язык*, *региональный вариант языка*, *диалект*, *пиджин* и *креолизированный язык*. Не сложно заметить, что термины «язык» и «региональный вариант языка» близки между собой. В то же время между ними существует различие: автономный язык отличается абсолютной самостоятельностью, которая проявляется, в первую очередь, в том, что он непонятен носителям других языков, а носители одного регионального варианта в той или иной мере понимают носителей другой. В свою очередь, отличительными признаками «диалекта» являются: внутренняя системность

и гетеронимичность, обозначающая способность носителей одного диалекта понимать речь носителей другого диалекта [Бухаров 1995; Melchers 2003], что сближает диалект с региональным вариантом языка и позволяет некоторым исследователям использовать эти понятия в качестве синонимов [Bauer 2002: 4]. Как считает Д. Кристал, для отграничения регионального варианта языка от диалекта необходимо наличие двух критериев: во-первых, чтобы в языковом сообществе, пользующемся этим языком, было единство мнения относительно его статуса; во-вторых, чтобы это сообщество обладало достаточной политико-экономической мощью, чтобы это решение было признано другими сообществами, с которыми оно вступает в контакты [Crystal 1998: 86]. Исследователи обращают внимание на то, что региональные варианты языка в отличие от диалектов характеризуется неограниченностью сфер использования [Швейцер 1976: 19], политической целенаправленностью к единению, вариативностью, кодифицированностью, общепризнанностью, многочисленностью функций, а также большей степенью удалённости от метрополии и значительной численностью носителей [Акопян 2003: 10-17]. Таким образом, *региональный вариант языка* – это локализованный вариант языка, отражающий культуру определённого социума и обычно имеющий некоторые языковые девиации, возникающие в результате воздействия автохтонного языка и отражающие особенности менталитета данного лингвокультурного этноса, в то время как *диалект* – это языковая система, которая служит средством общения небольшой территориально замкнутой или связанной социальной общностью группы людей [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 50, 98].

Региональные варианты английского языка внутреннего круга концепции концентрических кругов Б. Качру выступают в роли родных языков в национальных образовательных системах. К ним относятся: британский, американский, канадский, австралийский и новозеландский варианты английского языка. Кроме того, современные вариантологи склоняются к мнению о возможности добавления к этому перечню

ирландского и южноафриканского английского [Балабай 2007; Куреня 2009; Bliss 1984; Henry 1978; Hickey 1994]. При описании региональных вариантов английского языка, принадлежащих к среднему и внешнему кругу, традиционно используются такие термины как: региональный вариант, новый английский (new English) и трансплантированный язык (transplanted language) [Kachru 1986: 130]. Термин *новый английский язык* подразумевает, что региональный вариант английского языка соответствует таким критериям как: присутствие в системе образования, развитие в регионе, где он не использовался в разговорной речи большей частью населения, применение во многих социальных функциях, «локализация» в результате нативизации [Platt, Weber 1984: 2-3]. Под *трансплантированным языком* понимается такой язык, который употребляется значительным количеством населения в новых социально-культурных и географических условиях, отличающихся от условий первоначального использования этого языка [Kachru 1981: 124]. При определении трансплантированного языка ключевую роль играет понятие *нативизации*, предполагающее наличие фактов приспособления языка к функционированию в новых условиях, его укоренение, своего рода гибридизацию языков [Moag 1992; Pandharipande 1987], результатом которой может быть возникновение *пиджина* и *креолизированных языков*.

Дж. Милрой выделяет три типа социолингвистических подходов к изучению изменений, происходящих с мировыми языками: заместительный (исследование случаев замещения одного языка другим), внутренний (изучение перемен, происходящих в рамках одного языка) и контактологический (исследование взаимодействия различных языков между собой) [Milroy 2001: 389-390]. Пиджины и креолизированные языки описываются в рамках последнего из них. Обычно пиджин возникает в результате речевого взаимодействия между населением определённой территории и иностранцами как необходимое средство общения в конкретных социолингвистических условиях, чаще в деловых контактах, что убедительно подтверждается некоторыми гипотезами возникновения этого

слова в английском языке. По одной из них, слово pidgin возникло как результат произношения английского слова business китайскими предпринимателями, по другой – от слова pidjom (бартер) на иврите [Todd 2001: 524]. Существует несколько предположений и о возникновении термина «креолизированный язык» (creol). Возможно, своим происхождением он обязан латинскому глаголу creare «порождать, производить» или его вариантам из других языков: португальского crioulo, испанского criollo, французского créole. На различных этапах развития человечества слово creol применялось для обозначения потомков европейцев и народов Африки, рождённых в Новом Свете, людей смешанной расы, различных форм английского языка, используемого народами обеих Америк, и, наконец, в отношении любого пиджина, ставшего родным языком для членов социума [Todd 2001: 525].

Подобно пиджину креолизированный язык возникает в результате языкового взаимодействия различных групп людей, которые не знают языка друг друга. Так же, как и в случае с пиджином, лексика и грамматика креолизированного языка заимствуются из различных источников (как правило, большая часть лексических единиц из одного языка, а грамматические формы из разных), но в отличие от пиджина креолизированный язык не имеет социолингвистических ограничений и становится одним из основных языков общения данного социума. Таким образом, пиджин характеризуется значительной ограниченностью функций, структурной упрощенностью, неспособностью выражать абстрактные идеи и отсутствием регулярных носителей, в то время как креолизированный язык представляет собой утилитарный язык, принятый в качестве регулярного средства общения между представителями социума, коммуникативные потребности пользователей которого уже, чем коммуникативные потребности естественных носителей языка, но шире чем у пиджина, равно как и круг выполняемых им функций [Семенец 1985; Mufwene 1997; Wong 1982].

Возникновение креолизированных языков может идти тремя путями. Первый предполагает трансформацию пиджина в креолизированный язык, происходящую в результате его структурной экспансии и нативизации, как это наблюдается в случае с креолизированным языком ток-писин в регионах Тихого океана, первоначально использовавшимся как пиджин торгового дела, но вышедшим за рамки первоначальной сферы функционирования, расширившим свои функции и ставшим одним из языков общения, например, на территории Новой Гвинеи. Второй путь заключается в том, что креолизированный вариант возникает, минуя стадию пиджина. Ярким примером здесь могут служить креолизированные языки, возникшие в период работорговли, когда вновь прибывшие на американский континент рабы из Африки не знали языка своих хозяев и в то же время не могли использовать свои автохтонные языки для общения с ними, формируя новые языковые варианты, приемлемые для общения во всех сферах жизни, например гавайский английский или язык населения острова Питкэрн [Alleyne 1971; Bickerton 1999]. В третьем случае речь идёт о так называемой «насильственной» трансформации автохтонного языка в креолизированный вариант, который наблюдался также в период работорговли, когда небольшое количество франкоязычных рабовладельцев становилось хозяевами франкоязычных рабов, что приводило к возникновению нового языкового варианта, своеобразного *lingua franca*, приемлемого для их общения и передаваемого последующим поколениям [Thomason 2001: 462].

Высказанные замечания позволяют выстроить иерархию понятий пиджин, креолизированный вариант и вариант языка, где пиджин относится к нижнему уровню вариантности, хотя некоторые исследователи выделяют и наиболее примитивное, допиджиновое состояние межъязыковых контактов [Mühlhäusler 2001: 483-485]. Креолизированный вариант представляет собой продвинутый вариант языковой вариантности, принятый всем членами данного языкового сообщества и широко используемый в различных сферах взаимодействия, а языковой вариант является наивысшим уровнем

проявления вариантности, при котором региональные разновидности используются при общении населения страны с внешним миром и между представителями одного социума, не имеют никаких структурных, лексико-грамматических и морфосинтаксических ограничений, обладают собственной кодифицированной формой и широко используются для выражения собственной идентичности.

Ещё одной проблемой World Englishes Paradigm является разграничение представлений о *норме* и *модели*. Понятие нормы соединяет в себе два смысла: с одной стороны, норма предполагает прескриптивизм, то есть нормативность, с другой стороны, она, в конечном счете, подчинена узусу, то есть ориентируется на употребление большинства носителей языка. Представление о модели предполагает существование некоего лингвистического идеала, к которому стремятся преподаватель и учащийся при изучении языка [Kachru 1981: 117]. Языковая норма является совокупностью стабильных и унифицированных языковых средств и правил их употребления, сознательно фиксируемых и культивируемых обществом. Она отличается определённой двойственностью своей природы, поскольку включает собственно языковой (объективный) и социально-исторический (субъективный) аспекты. Языковая сторона отражается в том, что установление нормы подчиняется внутренним лингвистическим механизмам, под субъективной стороной подразумевается то, что норма должна быть осознана и принята носителями языка как правильная и стать «специфическим признаком национального литературного языка определённого периода» [Ицкович 1968: 33].

Б. Качру убеждён, что, будучи интернациональным, английский язык в каждой стране функционирует по-своему. Существование разных вариантов языка, по его мнению, предполагает наличие нескольких видов норм, в связи с чем, исследователь выделяет *эндоформу* и *экзоформу* [Kachru 1986: 21]. Первая предполагает наличие стандарта, выработанного внутри варианта языка, а вторая предполагает заимствование инородных элементов, не

являющихся изначально его компонентом. О.Е. Семенец описывает три возможных варианта ориентации вариантов английского языка на норму: эндоцентричный вариант, предусматривающий абсолютную языковую лояльность к аксиологической и деонтической нормам со стороны их носителей; экзоцентричный вариант, ориентированный на заимствованную внешнюю форму и эндоцентричный вариант, предполагающий разные уровни включения местных носителей в англоязычное общество: от полного вытеснения английского языка из общественной жизни, до параллельного использования английского и местного языков и последовательного укрепления позиций первого [Семенец 1985: 157-162]. Как указывает Б. Качру, концепция концентрических кругов может быть соотнесена с представлениями о норме следующим образом: внутренний круг обеспечивает норму и является *нормообеспечивающим*, наружный (средний), круг развивает норму и является *норморазвивающим*, а внешний (расширяющийся) круг зависит от нормы, установленной носителями региональных вариантов внутреннего круга и является *нормозависимым* [Kachru 1992; Kachru 1997; Kachru 2006].

Широко обсуждаемой проблемой контактной вариантологии также является выработка универсальной категоризации региональных вариантов английского языка, существующих в современном мире. Одной из первых попыток в этом направлении является так называемая «карта мира английского языка», созданная П. Стревенсом, и призванная продемонстрировать, как далеко ушёл английский язык от территорий своего первичного нахождения и насколько многочисленны его региональные варианты [Strevens 1980]. В основу появившейся чуть позже теории «трёх концентрических кругов» Б. Качру положен историко-географический принцип распространения английского языка в мире: «первая волна (диаспора)» – переселенцы из Англии, Шотландии и Ирландии в Новый Свет (Северную Америку, Южную Африку, Австралию и Новую Зеландию), принесшие туда свой родной язык, который с течением времени

трансформировался в соответствующие региональные варианты внутреннего круга; «вторая волна (диаспора)» – колонизаторы Азии и Африки, длительное время принимавшие активное участие в политической жизни многих государств этого региона, в которых английский язык впоследствии приобрёл статус государственного и явился основой для формирования региональных вариантов среднего круга; «третья диаспора» – население стран мира, никогда ранее не использовавшее английский язык, но активно задействующее его в повседневной жизни в последние десятилетия и формирующее региональные варианты расширяющегося круга [Kachru, Smith 2008].

Наряду с всеобщим признанием концепция Б. Качру не раз становилась объектом критики. Оппоненты исследователя упрекают его в том, что он уделяет основное внимание устоявшимся региональным вариантам английского языка, игнорируя существование переходных состояний, упрощает дискуссию о языковом многообразии [Jenkins 2006: 14-15] и не обращает внимания на наличие суправариантного уровня английского языка, приемлемого носителями всех его региональных вариантов [Modiano 1999: 3-13]. В ответ на это Б. Качру обращает внимание на подвижность границ между всеми кругами, поскольку языковые варианты, относимые к ним, обладают потенциальной возможностью смены своего статуса. «На одном историческом этапе развития социума региональный вариант английского языка может представлять собой английский язык как второй язык, трансформирующийся в английский язык как иностранный на другом историческом этапе его развития, и наоборот» [Kachru 2006: 434-455].

Среди альтернативных классификаций следует отметить классификацию Э.В. Шнайдера, разработавшего динамическую модель постколониальных вариантов английского языка, которая опирается на социолингвистический принцип «идентичности» языкового варианта окружающей его действительности. Выделяются пять этапов становления и развития варианта языка: становление, экзонормативная стабилизация,

нативизация, эндонормативная стабилизация и дифференциация [Schneider 2007]. Региональные варианты английского языка, находящиеся на этапе становления, последовательно проходят две первичные стадии языковой интеракции: 1) между английским языком и языками, используемыми для общения с населением данного региона и 2) между различными диалектами, возникшими в результате взаимодействия английского языка с автохтонными языками. На этапе экзонормативной стабилизации наблюдается упорядочивание единого диалекта, который стремится вобрать в себя формализованные нормы вариантов английского языка внутреннего круга. Этап нативизации характеризуется переходом сформировавшегося диалекта в новое состояние, при котором носители автохтонных языков пытаются отражать реалии, присущие жизни только их социума при помощи английского языка. На этапе эндонормативной стабилизации в сформировавшийся диалект вносится значительное количество норм, созданных носителями автохтонных языков. На этапе дифференциации сформировавшийся диалект всё более обнаруживает признаки языкового варианта, который начинает трансформироваться в различных социолингвистических ситуациях [Mesthrie, Rakesh 2008].

Помимо этого широкую известность в контактной вариантологии получили классификации М. Герлаха, Дж. Дженкинс, М. Модино и А. МакАртура, которые в той или иной мере тяготеют к принципам, заложенным в ранее созданных теориях. Например, система вариантов английского языка, предлагаемая Дж. Дженкинс, основана на представлениях о функциональной роли английского языка в жизни социума. Она включает три группы: английский как родной язык (English as a Native Language, ENL), английский как второй язык (English as a Second Language, ESL) и английский как иностранный язык (English as a Foreign Language, EFL) [Jenkins 2006: 14-15]. В первом случае речь идёт о региональных вариантах английского языка, традиционно являющихся родными для большей части населения страны (США, Великобритания, Австралия и пр.). Во втором

случае подразумеваются региональные варианты, имеющие статус второго государственного языка, используемого в международном общении либо при взаимодействии между различными этносами одного государства, говорящими на разных языках (Индия, Нигерия, Сингапур и пр.). В третьем случае – это региональные варианты английского языка, которые используются только для международного общения и никогда не имели статуса государственного на территории страны (Китай, Япония, Корея и пр.). Несложно заметить, что подобный классификационный подход в целом соотносится с концепцией «трёх концентрических кругов» Б. Качру и, по нашему мнению, нуждается в определённой корректировке.

Понятие английский язык как второй не может быть признано вполне удачным, поскольку его часто подменяют или путают с представлением об английском языке как иностранном. Термин английский язык как второй (ESL) уравнивает два разных статуса: статус официального (государственного) языка в исконно неанглоязычной ситуации (в развивающихся и развитых странах) и статус второго языка, получаемого через образовательную систему в англоязычных странах. Функционируя как второй язык (ESL), английский язык проявляется в двух вариантах, в зависимости от среды функционирования, англоязычной (например, язык иммигрантов в США) или неанглоязычной (например, официальный язык в Индии) [Прошина 2001: 40]. Данное обстоятельство наводит на мысль о необходимости расширения и дополнения системы кругов Б. Качру ещё одним, четвёртым кругом, размещённым между внутренним и средним. Таким образом, новая схема, включает в себя четыре круга, соответствующих вариантам английского языка: английский как родной язык, английский как второй язык в англоязычной среде, английский как второй (официальный) язык в иноязычной среде, английский как иностранный язык.

Попытки систематизации региональных разновидностей английского языка, существующих в современном мире, не прекращаются по сегодняшний день. Так, исследователи давно практикуют объединение

нескольких близких друг другу региональных вариантов в группы по географическому принципу: британская группа, североамериканская группа, африканская группа и пр. Одним из крупных надвариантных объединений подобного типа является азиатская группа, которая включает восточноазиатские, южноазиатские и юго-восточноазиатские региональные варианты английского языка [Proshina 2017: 75-107]. Часть из них принадлежит к среднему кругу системы Б. Качру (региональные варианты английского языка Индии, Пакистана, Бутана, Непала, Шри-Ланки, Мальдив, Сейшелл, Сингапура, Брунея, Филиппин, Маврикия), тогда как другая к расширяющемуся кругу (региональные варианты Индонезии, Малайзии, Таиланда, Мьянмы, Вьетнама, Лаоса, Камбоджи, Китая, Японии, Кореи). Статус английского языка в Азии варьируется от региона к региону (в Индии и Сингапуре он является одним из государственных языков, а в Китае, Таиланде и Индонезии – иностранным), также как варьируются и перспективы его дальнейшего развития. Показательной, в этом смысле, является ситуация с английским языком в Сингапуре и Малазии, где в первом случае он находится «в безопасности», поскольку власти страны проводят политику в его поддержку, а во втором – в ситуации выживания, так как, по мнению правящих кругов, он вредит целостности государства и мешает национальному объединению [Bautista, Gonzales 2006: 130-134].

Кроме чисто географического фактора, объединяющего региональные разновидности английского языка в азиатскую группу, существует ряд иных оснований, позволяющих рассматривать их как единое целое:

- численный фактор: по своим количественным показателям население азиатских стран, проживающее достаточно компактно в юго-восточной части Евразии, на сегодняшний день превышает всё оставшееся население планеты;
- психолингвистический фактор: население азиатских стран обладает особой ментальностью, отличающейся от ментальности европейца или жителя африканского континента, что находит своё отражение в языке;

- коммуникативный фактор: при использовании английского языка представители стран Азии используют специфические коммуникативные нормы, принятые в их социумах для различных ситуаций межличностного взаимодействия: особую вежливость, преобладание приказа над просьбой, условность, ирреалистичность и пр. [Kickpatrick, Zhichang 2014: 269-279].

Очевидным итогом всему сказанному, по нашему мнению, является возможность выделения из исследовательского поля контактной вариантологии самостоятельного направления, занимающегося изучением азиатских региональных вариантов английского языка, которое в рамках настоящего диссертационного исследования получает название *контактная ориентология*. Предпосылки для этого находим в исследованиях таких теоретиков и практиков-вариантологов, занимающихся изучением особенностей функционирования английского языка в азиатских странах, как: Дж. Д'Анджело, М.Л. Баутиста, М.Дж. Бейк, Р. Бейли, Р. Гаргеш, С.К. Гилл, А.Ф. Гупта, Ч. Дистхаймер, В.Л. Завьялова, Т.А. Иванкова, С.С. Ильина, Г. Кейн, Д.Б. Кент, И.В. Крыкова, Т. Кэннон, Р. Кубота, Т. Макартур, А. Норман, А. Пакир, В. Паттерсон, Дж. Прайд, Е.М. Лукина, З.Г. Прошина, М.К. Румянцев, О.К. Титова, П. Традгил, Н. Уоррен, Е. Хунг, Г. Янг и др. Работы названных авторов позволяют получить представление о региональных вариантах английского языка Азии и свести воедино их изучение в рамках контактной ориентологии, что соответствует девизу М.Л. Баутиста: «Английский язык – азиатский язык» [Bautista 1997: 30].

Слово *ориентология*, образованное от понятия *ориентализм* и входящее в состав предлагаемого термина, заслуживает отдельного обсуждения, поскольку может вызвать возражения у определённой части вариантологов. Основной причиной этому является то, что после выхода в свет в 1978 году знаменитой работы американского учёного арабского происхождения Э.В. Саида «Ориентализм» эта языковая единица стала политически нежелательной, так как приобрела устойчивую ассоциацию с жёстким критическим подходом автора к американским и

европейским воззрениям на Восток, ставшим духовной поддержкой и оправданием колониализма. История постижения Азии, по мнению исследователя, сводится к придумыванию Западом «своего» Востока, «своих» восточных людей, культуры и подчинению себе пугающего «чужого», но никак не познание и постижение этого чужого. Европейские представления о Востоке, по мнению Э.В. Саида, не более чем сложный комплекс мифов и репрезентаций, «догматический сон», порожденный политическими интересами Европы и Америки на Востоке и способствующий доминированию Запада над Востоком. Таким образом, «ориентализм» – это распространение геополитического сознания на эстетические, гуманитарные, экономические, социологические, исторические и филологические тексты [Саид 2006]. Убедительным доказательством негативного восприятия этого термина западными (особенно американским) социумами являются регулярные попытки ограничить сферу его употребления. Так, в США в мае 2016 года был принят закон, согласно которому слова «Negro, American Indian, Eskimo, Oriental, or Aleut or a Spanish speaking individual of Spanish descent» должны быть заменены на «Asian American, Native Hawaiian, a Pacific Islander, African American, Hispanic, Puerto Rican, Native American, or an Alaska Native» во всех нормативных правовых актах страны [Helm 2016: 1-2].

По нашему мнению, правомерность использования термина *ориентализм* и его производных в рамках лингвистических исследований вполне очевидна в силу нескольких причин. Во-первых, следует отметить, что дерогативный характер оценки, закладываемый в него Э.В. Саидом, носит спорный характер и не может быть распространён на все явления, связанные с познанием цивилизаций Востока. Оппоненты автора подчеркивают, что, сосредоточившись на исследованиях французских и английских ориенталистов, он оставил без внимания работы немецких востоковедов (имевших заметное влияние в XIX в.), равно как итальянских и венгерских, – словом, тех, кто жил в государствах, внешняя политика

которых не была напрямую связана с утверждением контроля на Востоке [Irwin 2003]. Кроме этого, по мнению отдельных исследователей, Э.В. Саид недооценил объективность научного знания и напрасно приписал «ориентализм» не только политикам и поэтам, но и востоковедам [Hourani 1984: 27-30], а один из самых настойчивых критиков Э.В. Саида, историк и специалист по Ближнему Востоку Б. Льюис, отмечает, что попытка выдать Средний Восток (при этом без Турции, Персии и Израиля) за «Восток вообще» – гротескна [Lewis 1993]. Сказанное позволяет сделать вывод об условности «негативной» семантики термина ориентализм и его производных, которая не может быть закреплена за всеми случаями их употребления. В качестве аргумента в пользу полноценного использования этого слова также говорит тот факт, что для большинства носителей автохтонных языков и носителей региональных вариантов английского языка среднего и расширяющегося кругов термин ориентализм и его дериваты не содержат негативных коннотаций и системно используются в различных коммуникативных ситуациях. Например, крупнейший научный центр региональных и международных исследований ДВФУ, Восточный институт, известен всему англоязычному миру как Institute of Oriental Studies, а популярное китайское издание как Oriental Daily News. В различных отраслях отечественной науки устоялись такие понятия, как: Ориент, ориентальный, ориенталист и ориентализм. Наконец, в пользу возможности использования этого термина и его производных в рамках настоящей работы говорит то, что наиболее предпочтительным вариантом перевода понятия *контактная ориентология* на английский язык является Asian Englishes Paradigm (по аналогии с World Englishes Paradigm), который, очевидно, снимает трудности с его восприятием у представителей западных лингвистических школ.

При выделении контактной ориентологии следует принимать во внимание фундаментальный принцип объективности World Englishes Paradigm, в соответствии с которым описание разновидностей английского

языка в мире не зависит от политической конъюнктуры, а «ценности неродных вариантов английского языка базируются не во внутреннем круге, а проявляют оттенки локального контекста» [Д' Анджело 2014: 34]. Таким образом, дальнейший ход развития данного направления определяется региональными вариантами английского языка, относящимися к расширяющемуся кругу, и выделение научных направлений, занимающихся их изучением, является своевременной необходимостью.

В качестве возможных основных задач контактной ориентологии следует назвать:

- уточнение границ функционирования термина «расширяющийся круг» в отношении региональных вариантов английского языка стран Азии;
- изучение их нормативной природы;
- систематизацию исследований, проводимых в этой области;
- изучение азиатской группы в целом и каждой из её подгрупп (восточноазиатские, южноазиатские и юго-восточноазиатские региональные варианты английского языка) в частности;
- обзор образовательной политики, проводимой в каждой из азиатских стран, и выработку практических рекомендаций по совершенствованию системы обучения английскому языку;
- проведение социолингвистических и междисциплинарных исследований и пр.

1.3. Перспективные направления исследований восточноазиатского английского языка

Восточноазиатские страны имеют общее прошлое и схожую историю взаимоотношений с английским языком. Исследователи дают убедительное обоснование выделению дальневосточного или восточноазиатского культурно-исторического ареала, в который входят Китай, Япония, Корея и

дальневосточная часть России [Журавлев 1989: 22]. Предполагается, что данный ареал имеет единый ханьский культурный эпицентр, поскольку все восточноазиатские культуры формировались под значительным воздействием древнекитайской цивилизации и имеют много общего между собой, в связи с чем их иногда называют странами «китайского культурного круга» [Журавлев 1982; Маевский 2000]. В течение длительного времени Китай, Япония и Корея оставались закрытыми государствами, что ограничивало всякие межъязыковые контакты и возможности для их полноценного изучения. История развития отношений между народами, населяющими эти страны, и англоязычным миром, обнаруживает много общего, начиная от первых контактов с англоязычными моряками и купцами до британской колонизации Китая и Кореи, борьбы за независимость и временного правления США в Японии. На сегодняшний день региональные варианты английского языка, представленные во всех трёх странах, выступают в качестве иностранного языка, за исключением территории Гонконга, где английский язык имеет статус второго (официального) языка, и выполняют, по мнению Я. Брутт-Гриффлер, инструментальную и транскультурную функции, наряду со значительно ограниченными регулятивной, интерперсональной и креативной функциями [Brutt-Griffler 2002: 177].

Подобно другим вариантам расширяющегося круга региональные варианты Восточной Азии обнаруживают гетерогенный характер своего функционирования, предполагающий наличие акролекта, отражающего норму книжной письменной речи, мезолекта, отражающего коммуникативную норму устно-разговорной речи и базилекта, представляющего собой малограмотную разговорную креолизированную форму [Kachru 1997: 214]. Традиционно наименования базилектов региональных вариантов английского языка стран Восточной Азии содержат компонент *ish* (от *English*), передающий дерогативную оценку (*Chinglish*, *Japlish* (*Janglish*), *Konglish*). Мезолекты и акролекты носят однотипные

наименования: Chinese English, Japanese English, Korean English, в связи с чем, в вариантологии получает всё большее распространение мнение о том, что они звучат несколько пренебрежительно и названия акролектов могут быть заменены другими вариантами, например: China English [Proshina 2017: 40]. Если эта идея найдёт своих сторонников, то в недалёком будущем можно ожидать появления таких сочетаний, как: Japan English, Korea English. Кроме этого, восточноазиатские страны имеют собственные уникальные системы письменности (иероглифики), и всем им пришлось адаптироваться к английскому языку через латинизацию (романизацию) своих фонографических систем, поскольку, по мнению Р. Хиндмарша, международный язык в современных условиях должен иметь латинский алфавит, помогающий внедрить понятия иноязычной культуры в англоязычную среду, для того чтобы способствовать распространению своей культуры в мире [Hindmarsh 1978: 41]. На сегодняшний день английский язык в азиатских странах, как и в африканских, европейских, служит не для выражения британской или американской культуры, а для выражения собственных мыслей и чувств народов этих стран [Оно 1992: 79].

Перечисленные факты, по мнению учёных, позволяют использовать наряду с традиционными национально-географическими наименованиями разновидностей английского языка (японский английский язык, китайский английский язык и корейский английский язык) один обобщающий термин *восточноазиатский английский язык* (East Asian English), унифицирующий представление об английском языке, используемом населением Японии, Китая и Кореи. Развёрнутое обоснование выделения данной региональной разновидности английского языка было дано З.Г. Прошиной в докторской диссертации «Английский язык в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного перевода)» и в монографии «Английский язык и культура народов Восточной Азии», а также в работах таких авторов, как: К. Болтон, Т. Макартур, Т.А. Иванкова, Л. Тодд и др. В силу того, что системность является очевидной имплицитно выраженной частью понятия

региональный вариант языка, научное описание системного характера азиатских вариантов английского языка стало основной задачей контактной вариантологии на начальных этапах её развития. Так, исследования Б. Качру, Р. Гаргеша, Т. Макартура и др. позволили установить фонологические, грамматические, лексические и дискурсивные особенности региональных вариантов английского языка Южной Азии. В работах Г. Кейна, П. Традгила, М.Л. Баутиста и др. были описаны системные отличия региональных вариантов английского языка Юго-Восточной Азии. Восточноазиатский английский язык также был подробно исследован отечественными и зарубежными вариантологами как в рамках его общей типологии [Д'Анджело 2014; Прошина 2001; Algeo 1960; Kachru 1994; Kachru 1997; Smout 1988], так и с позиции отдельных языковых вариантов [Baik 1994; Cannon 1996; D' Angelo 1008; Dustheimer 1999; Hung 1995; Ike 1995; Kent 1999; Kubota 1998; Lee Sun-Hwa 1996; Norman 1955; Patterson 1988; Pride 1988; Warren 1993]. Выявляя, в первую очередь, факторы социолингвистического характера, они также детально описали специфические языковые и дискурсивные черты, присущие как всему восточноазиатскому варианту английского языка, так и его разновидностям, подчёркивая, что тезис о самостоятельности восточноазиатского английского подтверждается многочисленными отклонениями от нормообразующих вариантов английского языка, обнаруживаемых на всех уровнях языковой системы.

Характеризуя контакты восточноазиатского английского языка с автохтонными языками, исследователи отмечают, что из-за масштабов своего распространения английский язык оказывает определенное влияние и на коренные языки данного региона [Kachru 1994: 135-154]. Наблюдающаяся в настоящее время интернационализация культуры проявляется в складывании ряда черт общечеловеческой духовной культуры, в восприятии некоторых категорий европейско-американской культуры и в заимствовании огромного числа понятий, относящихся к политике, экономике, науке, технике. Эти

процессы обуславливают все возрастающее влияние западноевропейских языков на лексико-семантические системы восточных языков, которые реализуются, прежде всего, в виде прямых заимствований восточными языками отдельных лексем и даже целых терминологических систем со всеми их означаемыми и нередко со многим означающими [Исаев, Никольский 1983: 9]. Лингвисты-востоковеды обращают особое внимание на схожесть лексической базы японских, китайских и корейских слов, принадлежащих к интеллектуально-терминологическому уровню языковой системы. Как считает Д.Б. Кент, процесс заимствования английских слов в язык и речь народов Восточной Азии расширяется, что, с одной стороны, облегчает изучение английского языка как иностранного (знакомые корни помогают усваивать вокабуляр); а с другой стороны, служит своего рода препятствием (из-за формально-семантических изменений, которым подвергаются заимствования, из-за нарушения грамматических признаков исходного слова: при заимствовании может меняться его частеречная характеристика) [Kent 1999: 202].

Изучение вопросов, связанных с актуализацией представлений о норме и инновациях в восточноазиатском английском языке, позволяет сделать вывод о том, что, будучи языком расширяющегося круга, восточноазиатский английский язык зависит от внешней формы, то есть ориентируется на экзонорму, британскую или в последние десятилетия преимущественно американскую. Это, однако, не означает отсутствия в нем инноваций, главным образом, лексического характера. Создавая инновации, региональный английский язык демонстрирует свое творческое начало (креативность), которое особенно заметно тогда, когда появляется необходимость в *аккультурации* [Прошина 2001: 66], под которой понимается приспособление английского языка к местным условиям, выражение особенностей азиатской культуры через язык-посредник [Kachru, 1997: 74].

Вариантологи подчёркивают объективную необходимость адаптации западноевропейского языка-посредника, коим является английский язык, к выражаемой им культуре восточных народов, начальным этапом которой являются многочисленные заимствования в английский язык из автохтонных языков [Никольский 2000: 202]. Значительный интерес представляет явление интерференции, возникающей при взаимодействии языковой системы английского языка с языковыми системами китайского, японского и корейского языков. Отмечается, что объединение в один региональный тип восточноазиатского английского языка трех разновидностей, китайского, корейского и японского, возможно также из-за её подобия, наблюдаемого в этих локальных разновидностях английского языка [Прошина 2001: 67-68].

Проведённые исследования позволили заложить теоретический фундамент для выделения восточноазиатского английского языка, выработать методологию его изучения и описания, выявить общие языковые характеристики, наблюдающиеся в каждой из его региональных разновидностей, и установить их специфические параметры. Следующим шагом, очевидно, должно стать расширение и углубление исследовательского поля, предполагающее обращение к более специализированным сферам его функционирования. Так, М. Бернс в качестве одного из возможных направлений дальнейших исследований рассматривает возможность выделения в расширяющемся круге функций (сфер деятельности), подобных наружному кругу [Berns 2005: 85-94]. Эту точку зрения разделяют и другие вариантологи, отмечающие необходимость более чёткого разграничения «регистров» при сборе и анализе эмпирического материала, особенно при сопоставлении нескольких вариантов английского языка, поскольку часто эмпирические данные, извлечённые из письменных источников, смешиваются с данными, отобранными из устной речи, и используются для обоснования выводов об их типологических характеристиках. Кроме этого подчёркивается необходимость проведения

стилистических и дискурсивных исследований, которые являют собой «поле, созревшее для обработки» [Bautista, Gonzales 2006: 140].

К таковым, в частности, относится сопоставительный анализ вербальных и невербальных особенностей однотипных текстов в различных вариантах английского языка, позволяющий выявить общие и частные черты одной и той же функциональной разновидности речи в различных социолингвистических условиях, что способствует, в конечном итоге, формированию более целостного представления о роли и языковых характеристиках того или иного типа текстов в парадигме современного языкознания. В качестве предмета для подобного сравнительного анализа в рамках настоящего исследования избрана англоязычная газетно-журнальная периодика, что объясняется характером её функционирования в современном мире и теми проблемами, которые возникают при сопоставлении идентичных по своим характеристикам текстов англо-американской массовой печати с соответствующими англоязычными текстами стран Восточной Азии. В условиях глобализации англоязычная пресса становится одним из самых неисчерпаемых ресурсов, предоставляющим исследователю всю необходимую информацию в фиксированном, возобновляемом и легкодоступном виде. Сопоставление периодической печати стран внутреннего круга с прессой на восточноазиатском английском языке, которому посвящены дальнейшие разделы диссертации, позволяет определить нормообеспечивающие особенности первой и норморазвивающие возможности последней, а также выработать более широкий подход к изучению лингвистических и экстралингвистических параметров массовой печати.

ВЫВОДЫ

1. Совокупность многочисленных факторов и предпосылок, начиная от особенностей исторического развития и заканчивая престижностью, обеспечили английскому языку статус мирового. Глокальный характер его функционирования в современном мире, заключающийся в параллельном существовании глобального английского языка и его локальных разновидностей, демонстрирующий взаимонаправленный ход языковых процессов, при котором английский язык влияет на локальные языки, а локальные языки оказывают влияние на английский, способствовал развитию региональных вариантов английского языка и предопределил возникновение нового научного направления – контактной вариантологии, занимающейся их изучением.

2. Все региональные варианты английского языка отражают культуру определённых социумов и особенности менталитета различных лингвокультурных этносов. Каждый из них имеет собственные лингвистические черты, которые возникают в результате воздействия автохтонных языков и позволяют отграничить один вариант от другого. Взаимоотношения между региональными вариантами английского языка характеризуются плюрицентризмом: каждый региональный вариант обособлен от своих прототипических вариантов и не имеет преимуществ перед другими вариантами в плане культурного доминирования.

3. Одним из перспективных направлений дальнейшего развития контактной вариантологии является выделение в ней отраслей, занимающихся изучением отдельных групп региональных вариантов английского языка. Компактное географическое расположение, значительная численность населения и особая ментальность народов Азии, находящая своё отражение в языке, позволяют отделить от исследовательского поля контактной вариантологии контактную ориентологию – научное направление, изучающее региональные варианты английского языка стран

Азии и располагающее собственным понятийно-терминологическим аппаратом и методами практического анализа эмпирического материала.

4. Большое количество азиатских стран и их культурно-языковое разнообразие обуславливает распределение региональных вариантов английского языка, используемых на их территориях, по нескольким крупным группам, которые выделяются по географическому принципу. Одним из таких объединений являются региональные варианты английского языка Восточной Азии (Китая, Японии и Кореи). Кроме близкого географического расположения, эти страны имеют общую историю, похожие системы письменности и во многом схожий менталитет населяющих их народов, что позволяет использовать унифицирующий термин восточноазиатский английский язык при описании региональных вариантов английского языка в этой части Азии.

5. Исследование восточноазиатского английского языка на материале газетно-журнальных публикаций соответствует логике дальнейшего развития контактной вариантологии, одной из основных задач которой является проведение исследований региональных вариантов расширяющегося круга аналогичных исследований региональных вариантов внутреннего и среднего кругов. Сопоставление англоязычной газетно-журнальной публицистики, издаваемой в Китае, Японии и Корее, со своим англо-американской аналогом сужает исследовательское поле для обсуждения частных вопросов функционирования английского языка в неанглоязычной среде на ограниченном языковом материале, а также делает возможным изучение печатной периодики в динамике и во всём многообразии её проявлений.

ГЛАВА 2. КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛО-АМЕРИКАНСКОЙ ПЕЧАТНОЙ ПЕРИОДИКИ И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ЕЁ ИССЛЕДОВАНИЮ

2.1. Периодическая печать в Великобритании и США

Англо-американская газетно-журнальная публицистика прошла долгий путь развития. Первый печатный материал в Великобритании, отчёт о битве при Флоддене, вышел в 1513 году, а первые периодические издания появились в начале XVII века [Griffiths 1992: 1-30], к концу которого сформировалась система периодической печати, а слово «газета» навсегда вошло в английский язык [Kitchen 1971: 33]. В XIX веке увидели свет многие популярные на Британских островах и по сегодняшний день издания: «Jewish Chronicle», «Manchester Guardian», «Punch», «The Builder», «The Courier», «The Daily Telegraph», «The Economist», «The Morning Chronicle», «The Morning Herald», «The Morning Post», «The Times» и др. В это же время зародились основные газетные жанры (reporting, review, article, interview), определившие дальнейшее развитие текстового многообразия периодической печати [Lee 1976: 332]. События двух мировых войн способствовали концентрации издательского дела в руках малого количества собственников, «пресс баронов», определявших общественное мнение и активно влиявших на ход политических событий. Основным итогом этому стало провозглашение Четвёртой власти (new style of journalism), освещающей основные события без учёта интересов партий [Griffiths 1992: 51]. В ходе послевоенной эпохи, охватывающей период с окончания Второй мировой войны до нашего времени, британская периодическая печать окончательно приобрела современный вид.

По последним данным в Великобритании насчитывается более 7 000 периодических изданий (качественных и массовых), охватывающих интересы всех социальных групп. Качественная пресса рассчитана

на высокообразованного читателя [Лозовский 2004: 37], её часто называют «прессой мнений для интеллектуальной части общества» [Грабельников 2001: 6]. Основными признаками качественных газет и журналов являются: надёжность публикуемых фактов и мнений, доминирование аналитических жанров, взвешенность оценок, контроль за достоверностью информации, спокойный тон публикаций, а также преобладание мнений компетентных экспертов и текстовых комментариев над публицистическими рассуждениями журналистов и фотоиллюстрациями [Корконосенко 2001: 83-84]. Кроме того, качественная пресса отличается высоким полиграфическим уровнем и респектабельным внешним видом. К ведущим британским газетам подобного типа относятся: «The Daily Telegraph», «The Guardian», «The Herald», «The Independent», «The Sunday Times», «The Times» и пр.

Массовая (популярная) печать ориентируется на более широкий круг читателей, в связи с чем её основными чертами являются: значительные тиражи, небольшой объем аналитики, неограниченный перечень обсуждаемых проблем, преобладание информационных жанров и пр. Массовые издания достигли успеха благодаря тому, что исторически их деятельность была ориентирована на погоню за сенсацией, стремление опередить конкурентов, создание значительной сети корреспондентов и информаторов по всему миру, публикацию большого количества материалов развлекательного характера и т.п. Наиболее показательной формой существования массовой прессы являются таблоиды – общенациональные малоформатные многостраничные хорошо иллюстрированные издания, рассчитанные на широкий круг читателей и публикующие разнообразные по своей тематике сообщения и большое количество рекламы, которая может занимать больше половины их площадей. К наиболее известным массовым изданиям Великобритании относятся такие газеты и журналы как: «FHM», «Heat», «Loaded», «News of the World», «Nuts», «OK», «Radio Times», «Take a Break», «The Daily Mail», «The Daily Mirror», «The Mail on Sunday», «The

Sun», «The Sunday Mirror», «Woman's Own», «Zoo» и пр. При этом журналы, будучи очень популярными среди определённых групп населения, не могут конкурировать по тиражам с газетами, что полностью компенсируется их разнообразием.

Не менее интересна история возникновения и развития американской прессы. Технология книгопечатания была привезена в Северную Америку ещё первыми обитателями британских колоний, а первая американская газета увидела свет только спустя почти полвека в 1690 году. Этот факт объясняется боязнью издателей каким-либо образом задеть интересы правящей элиты и отсутствием интереса к чтению у безграмотного в основной массе населения [Mott 1962: 7]. Вся информация в то время распространялась преимущественно посредством переписки или перепечатывания английских газет, первой из которых на североамериканском континенте стала лондонская «Gazette». Подобное положение дел не могло сохраняться долго и 25 сентября 1690 года в Бостоне выходит первая американская газета «Public Occurrences Both Foreign and Domestic», которая по сравнению со своими заокеанскими аналогами отличалась хорошим языком и большей информативностью [Emery 1954: 37].

Дальнейшее развитие американской прессы в основном повторяет исторические и идеологические тенденции формирования прессы Великобритании. Исследователь периодики США Ф.Л. Мотт среди наиболее значительных этапов её становления выделяет следующие: период первых печатных изданий в английских колониях на территории США (1690-1765 гг.); эпоху революционной прессы освободительного периода США от колониального влияния Великобритании (1765-1783 гг.); период формирования и развития партийной прессы (1783-1860 гг.); период прессы войны Севера и Юга и последующего восстановления экономики США (1860-1872 гг.); эру независимой и жёлтой прессы (1872-1914 гг.); эпоху Первой мировой войны и послевоенного времени (1914-1940 гг.); период Второй мировой войны и первых послевоенных лет (1940-1950 гг.); эру

средств массовой информации (с 1950-х годов по наше время) [Mott 1962: 9-11].

На сегодняшний день в Соединённых Штатах Америки выпускаются 1422 ежедневные и 6253 еженедельные газеты. К качественной прессе, в первую очередь, относятся такие издания как: «Chicago Tribune», «Los Angeles Times», «The Boston Globe», «The New York Times», «The Wall Street Journal», «The Washington Post» и др., которые освещают преимущественно события внутри страны, международный бизнес, финансовые новости и проблемы экономики. Среди качественных американских журналов в первую очередь следует отметить «Newsweek» и «Time». Ярким примером массовой периодической печати США является таблоид «The USA Today», который был основан в 1982 году и стал первой общенациональной ежедневной газетой. До её появления газетный рынок США делился на отдельные сегменты по территориальному принципу. «The USA Today» с самого начала подчёркивала единство нации, стараясь устранить какой-либо региональный уклон. Благодаря запоминающемуся дизайну и новаторской маркетинговой политике в 2008 году «The USA Today» обошла все прочие газеты США, уступая в англоязычном мире только индийскому изданию «The Times of India» [USA Today 2018]. К наиболее известным массовым американским газетам также относятся: «New York Post», «The National Enquirer», «The New York Daily News», «The Weekly World News» и пр. Среди многочисленных массовых журналов наибольшую известность у читателей приобрели «The Atlantic», «The New Yorker», «The Reader's Digest» и др.

Сравнение современных британских и американских СМИ позволяет утверждать, что между прессой Великобритании и США имеются определённые отличия [Griffiths 1992: 56]. Во-первых, они касаются объёмов печатной продукции: в США большинство населения, как правило, предпочитает получать информацию из региональных изданий, тогда как британцы даже в самых отдалённых уголках страны имеют возможность

выбора периодического издания из многообразия национальных и международных газет и журналов. Во-вторых, они относятся к содержанию газетных публикаций. Понятие «жёлтая пресса» возникло в США и по сей день имеет отголоски на страницах американской периодики. Британская пресса была менее подвержена этому и старалась строить изначально свои взаимоотношения с читателем на основах доверия, всестороннего серьёзного обсуждения описываемого события, не стремясь к одномоментной выгоде. Именно поэтому таблоидные издания имеют в Англии более широкое распространение и доверие среди читателей, нежели аналогичные газеты в США. В-третьих, они касаются положения региональной прессы. В современной Великобритании она играет более существенную роль в жизни населения по сравнению с прессой США, давно сдавшей позиции в конкурентной борьбе с другими СМИ и выполняющей в основном рекламную функцию.

Вместе с тем, следует признать, что печатная периодика Великобритании и США имеет много общего, начиная от трансатлантического характера своего распространения до схожего внешнего вида изданий. Многие из перечисленных газет и журналов выпускают не одну, а несколько англоязычных версий. Например, американский журнал «Time», являясь ядром холдинга Time Warner, помимо американской публикует европейскую (Лондон), азиатскую (Гонконг) и австралийскую (Сидней) версии издания. Некоторые газеты и журналы, несмотря на принадлежность британским и американским компаниям, позиционируют себя как международные масс-медиа: деловая газета «The Financial Times», еженедельный журнал новостной направленности «The Economist», массовые журналы «Cosmopolitan», «Men's Health» и т.д. Устранению каких-либо границ между создателями газетно-журнальных публикаций и читателями также способствует глобализация средств массовой информации посредством широкого использования информационных технологий. Так, количество посетителей электронных версий «The Guardian», «The New York

Times» и «The Washington Post» в мире значительно превышает число их традиционных подписчиков внутри Великобритании и США. Это приводит к тому, что многие печатные СМИ вынуждены адаптироваться к новым условиям работы, либо вообще переходить на цифровой формат. Косвенным подтверждением этому является то, что газета «The New York Times» была вынуждена изменить свой традиционный слоган All the News That's Fit to Print на All the News That's Fit to Click, после того как посещаемость электронной версии издания превысила 30 миллионов человек в месяц [The New York Times 2018], а редакция «Newsweek» приняла решение о переводе с 2013 года журнала только в электронный формат [Newsweek 2018].

2.2. Функционально-стилистический и дискурсивный подходы к исследованию газетно-журнальной публицистики

Описание всего многообразия газетно-журнальных публикаций может осуществляться как с позиций функциональной стилистики, так и в контексте дискурсивного анализа. В первом случае эмпирический материал, отобранный для этого, должен соответствовать представлениям о публицистическом стиле. В связи с этим следует отметить, что, несмотря на серьёзный теоретико-методологический задел, функциональная стилистика на сегодняшний день не смогла выработать единого подхода как к определению стиля вообще, так и к дефиниции его отдельных функционально-речевых разновидностей. Основной причиной этого, по мнению отдельных учёных, является «мигрирующий» характер понятия *стиль*, которое является основополагающим для целого ряда смежных гуманитарных областей знания и отражает состояние современной науки, отличительной чертой которой является взаимосвязь различных научных областей и унификация их понятийного и категориального аппарата [Павловская 2007: 3]. Труды таких известных исследователей, как: И.А. Бодуэн де Куртенэ, В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Ю.С. Степанов,

Л.П. Якубинский позволили сформировать представление о стиле, которое стало одной из основных категориями стилистики после её оформления в качестве самостоятельной лингвистической дисциплины. При этом в дальнейшем различное понимание значения этого термина привело к появлению таких научных направлений, как функциональная стилистика, стилистика текста, стилистика художественной речи, сопоставительная стилистика и пр.

Разработкой дефиниции термина *стиль* занимались многие лингвисты [Арнольд 1973; Балли 2001; Будагов 1999; Пешковский 1959; Skrebnev 1994]. Наибольшее признание в языкознании получило определение, данное академиком В.В. Виноградовым: «Стиль – это общественно осознанная и функционально обусловленная, внутренне объединённая совокупность приёмов употребления, отбора и сочетания средств речевого общения в сфере того или иного общенародного, общенационального языка, соотносительная с другими такими же способами выражения, которые служат для иных целей, выполняют иные функции в речевой практике данного народа» [Виноградов 1955: 73]. При классификации стилей учёный предлагает опираться на актуализацию в них важнейших общественных функций языка и выделяет «обиходно-бытовой (функция общения); обиходно-деловой, официально-документальный и научный (функция сообщения); публицистический и художественно-беллетристический (функция воздействия)» стили [Виноградов 1963: 30].

Необходимость дальнейшего уточнения представления о «функциональности» способствовала появлению известного определения М.Н. Кожиной, которая понимает под функциональным стилем «своеобразный характер речи той или иной социальной её разновидности, соответствующей определённой сфере общественной деятельности и соотносительной с ней форме сознания, создаваемой особенностью функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией» [Кожина, Дускаева, Салимовский 2008: 48]. В этом случае

основополагающим фактором при выработке дефиниции стиля является его социальная природа, в соответствии с которой задачи и условия общения являются определяющими при отборе, использовании и организации языковых средств в речи. Критериями для выделения различных функционально-стилистических регистров при этом становятся экстралингвистические факторы (форма общественного сознания, соответствующий ей вид деятельности, тип мышления и т.д.), на основе которых выделяются пять основных стилей: разговорный, научный, официально-деловой, публицистический и художественный [Кожина 1970: 10]. Наряду с другими известными подходами к классификации функциональных стилей [Будагов 1967; Головин 1978; Шмелёв 1977; Щерба 1974] данная точка зрения получила наибольшее распространение в отечественном языкознании.

Вполне закономерен тот факт, что каждое новое поколение учёных пытается принципиально по-иному взглянуть на эту проблему. Современные исследователи отмечают, что система функциональных стилей переживает значительные трансформации, а классические представления о ней претерпевают существенные изменения. В языке формируются новые стили (религиозный, рекламный и пр.), активно развивается теория коммуникации, способствующая отказу от «плоскостного» видения языка и создающая динамическую концепцию его функционирования. Всё это приводит к пониманию того, что пять традиционных функциональных стилей не исчерпывают всего многообразия коммуникативных ситуаций. В частности, существование единого публицистического регистра вызывает всё бóльшие сомнения, поскольку, «сфера, прежде называемая публицистическим стилем, теперь уже не публицистический стиль, а язык средств массовой информации, в рамках которого выделяется язык газеты, язык рекламы, язык радио, язык кино и телевидения» [Скороходова 2008: 8].

Сам термин *публицистический стиль* (от лат. – *publicus* «общественный») указывает на сферу общения – общественная (публичная)

деятельность, подразделяемую на определённые виды (политика, право, культура, экономика и др.) [Десяева, Арефьева 2008: 135]. Многообразие видов общественной деятельности и большое число текстов, в которых они находят своё отражение, создают трудности при попытке унифицирующего описания всего стиля, которые начинаются с определения его границ. Слово *публицистика* ассоциируется в сознании большинства людей с языком периодической печати, в связи с чем газетно-журнальная периодика часто приравнивается ко всему регистру публицистического стиля. Именно в таком ключе выявляются и описываются специфические черты публицистического стиля большинством исследователей [Вакуров, Кохтев, Солганик 1978; Васильева 1982; Костомаров 1969].

По нашему мнению, такой подход не может считаться исчерпывающим по двум основным причинам. Во-первых, кроме газет и журналов современный публицистический стиль представлен также текстами, относящимися к красноречию, эссеистике, мемуарной и биографической прозе и т.п., а, во-вторых, сама газетно-журнальная публицистика отличается значительным текстовым многообразием, которое по-разному описывается в работах по проблемам периодической печати [Беззубов, Коньков, Житенева 1987; Добросклонская 2008; Пельт, Тузова 1986; Тертычный 2002]. Высказанные замечания совпадают с мнением ряда исследователей, полагающих, что в настоящее время термин *публицистический стиль* используется в узком и широком смысле: для обозначения нескольких разновидностей публицистической речи и газетной речи как таковой [Десяева, Арефьева 2008: 136]. В связи с этим в лингвистике наряду с ним используются такие понятия как: газетно (журнально)-публицистический стиль, идеолого-публицистический стиль [Виноградов 1996; Солганик 1968; Барлас 1978] и т.п., а некоторые разработчики публицистического стиля предпринимают попытки выделить внутри него отдельные группы и подгруппы [Павловская 2007: 19].

Широкую известность в работах по стилистике получило понятие *подстиль*, которое обозначает «речевую разновидность функционального стиля, выделяемую на основе группировки текстов с общей тематикой, отличающуюся общностью способов подачи, интерпретации содержания и сходными чертами стилистического оформления и композиции» [Костикова 2008: 4]. Так, различные исследователи выделяют: газетно-публицистический, агитационный, политико-агитационный, политико-идеологический, официальный, массово-политический, радиотележурналистский, ораторский, научно-публицистический и иные подстили [Барлас 1968; Горшков 2006; Кожина 1970; Васильева 1982]. При этом большинство из них полагает, что публицистический стиль находится в самом широком взаимодействии с другими функционально-стилистическими регистрами, отмечая наличие в нём как элементов научного и официально-делового, так и художественного стилей [Кожина 1977; Швейцер 2009].

Не вызывает сомнений, что использование представления о подстиле обусловлено осознанием большинством исследователей значительной неоднородности и разнотипности языкового материала, относимого к одному функциональному стилю, а также определённую тенденцию проникновения элементов дискурсивного анализа в функциональную стилистику, что в некоторой мере разрушает целостность восприятия функционального стиля как единого элемента стилистической системы. Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что функционально-стилистический подход к исследованию газетно-журнальной публицистики носит проблемный характер, поскольку осложнён необходимостью определения её границ и принципов отбора эмпирического материала, подразумевающих жёсткую типологизацию исследуемых текстов.

Более перспективным, с нашей точки зрения, является рассмотрение материалов периодической печати в дискурсивном аспекте, убедительным подтверждением чему является тот факт, что в современных отечественных и западных исследованиях по стилистике термин *стиль* всё чаще вытесняется

термином *дискурс*, а последователи М.А.К. Хэллидея предлагают, вообще, использовать понятие *стиль дискурса*, признавая его единственно верным, так как оно, по их мнению, отражает суть стилистики, «которая изучает взаимоотношения между участниками в процессе языковой деятельности, уделяя особое внимание уровню формализации речи, приемлемом ими (разговорная, официальная и т.п.)» [Crystal 1997: 332]. Подобный подход перекликается с фундаментальными принципами социолингвистики, которая провозглашает тезис о варьировании в отборе языковых средств, определяемом социальной ситуацией и темой коммуникативного акта; социолингвистическая составляющая в этом случае является более устойчивой, а определяемые ею «стилистические черты» – условными и непостоянными. Одной из известных в западном языкознании классификаций «социальных вариантов» языка, основанной на таком подходе, является классификация Д. Кристала, включающая религиозный английский, профессиональный английский, научный английский, юридический английский, просторечный английский, политический английский и т.п. [Crystal 1991; Crystal 1995].

По мнению В.А. Тырыгиной наблюдающееся разнообразие подходов к определению термина дискурс объясняется его соотнесённостью с «высшей реальностью языка», с его использованием в специальных целях и в полной связи подобного использования с условиями и конкретными факторами акта коммуникации, наблюдаемого on-line, т.е. в текущем моменте [Тырыгина 2007: 14]. В филологических науках достаточное распространение получила трактовка дискурса как жанра (стиля) (М.М. Бахтин, Ю. Кристева). Принципиальным отличием научного подхода М.М. Бахтина к определению понятия *речевой жанр* в отличие от традиционных представлений о *жанре* является его коммуникативно-деятельностная направленность. Речевой жанр в понимании М.М. Бахтина представляет собой не просто тип однородных произведений, а высказывание, являющееся частью диалога, которое рассматривается как факт социального взаимодействия говорящего и

слушающего. Подобный подход позволяет определить речевые жанры как широкий спектр разнородных письменных и устных тематически и ситуативно-обусловленных типов высказываний, охватывающих различные ситуации общения. «Эти высказывания отражают специфические условия и цели каждой области человеческой деятельности не только своим содержанием и языковым стилем, то есть отбором словарных, фразеологических и грамматических средств языка, но, прежде всего своим композиционным построением. Каждое отдельное высказывание, конечно, индивидуально, но каждая сфера использования языка вырабатывает свои относительно устойчивые типы таких высказываний» [Бахтин 1996: 159-206].

Концепция М.М. Бахтина стала одной из первых попыток дать развёрнутое описание понятий *жанр* и *стиль* с опорой на социолингвистические факторы, а не на формальные языковые параметры. Она предвосхитила появление представления о дискурсе, что позволило последующим исследователям переосмыслить наследие учёного с позиций дискурсивной парадигмы. Так, Ю. Кристева, основываясь на концепции речевых жанров, разработала типологию дискурсов [Кристева 2000: 441], а Д. Суэйлз ввёл понятие «дискурсивного сообщества» – группы людей, объединённых тем, что они сообща владеют определенным количеством типов или жанров дискурса, с помощью которых они осуществляют свои коммуникативные цели. Жанр, таким образом, становится классом дискурсов [Swales 1990: 54-61].

Основоположники научного подхода к дискурсу как к «связному тексту в совокупности с экстралингвистическими, прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами», «речи, погруженной в жизнь» [Арутюнова 1990: 136-137], «языку в языке», представленному в виде особой социальной данности [Степанов 1995: 10], определяют в качестве ключевых понятий теории дискурса *текст* и *дискурс*. В связи с этим в исследованиях, выполненных в рамках данной концепции, рассматриваются вопросы их соотношения [Александрова 2001; Богданов

1993; Кубрякова 2000; Benveniste 1985; Dijk 1981; Fairclough 1992; Fairclough 1995; Fairclough 2003; Harris 1963; Halliday, Hasan 1989] и определяются социолингвистические факторы, способствующие выделению отдельных видов дискурса [Арутюнова 1998; Борботько 1989; Карасик 2004; Макаров 2001; Правикова 2005; Сидоров 2008; Шевченко 2011; Longacre 1983].

В ряде лингвистических исследований последнего времени определение дискурса получает более конкретную практическую направленность: «вербально опосредованная деятельность в специальной сфере» [Шевырдяева 2009: 11], «интегративный объект», предполагающий накопление всех знаний и представлений о специальном объекте, которые описываются как концепт [Пермякова 2009: 12], «языковое выражение определённой общественной практики, упорядоченное и систематизированное использование языка, за которым встаёт идеологически и социально обусловленная ментальность» [Чернявская 2006: 3] и т.п.

Развивающиеся когнитивно-дискурсивные исследования указывают на сходство и общность дискурсивного анализа и современной стилистики [Карасик 2004]. Исследование функционирования и вариативности языка в различных сферах и ситуациях общения приводит к изучению различных типов дискурса, с одной стороны, и функциональных стилей языка, с другой. Основными категориями при этом признаются стиль языка и стиль дискурса, формирующие тип дискурса (общения). Вполне очевидно, что оппозиция «стиль – дискурс» отражает сущность антиномии «язык – речь». Понятие стиль, в первую очередь, предполагает существование формальных параметров, позволяющих определить содержательный и языковой инвариант, наличие которого в конкретном текстовом материале способствует его однозначному включению в тот или иной функциональный стиль, в то время как представление о дискурсе предполагает выявление вариативных содержательных и языковых параметров, характеризующих речевые особенности функционирования языкового материала в конкретных ситуациях речевого общения.

Самый общий анализ термина *публицистический дискурс* наводит на мысль о его чрезмерно обобщающем характере. П.П. Каминский полагает, что публицистический дискурс, представляя собой разновидность риторического, прагматичен, выполняет эмотивную функцию и направлен на достижение конкретного эффекта внушения, убеждения или побуждения, отмечая при этом, что исследователи не находят единого основания для определения предмета и природы публицистики. Одновременно с этим не выработано понимания публицистичности, что «указывает на чрезвычайную сложность и многоаспектность рассматриваемого явления» [Каминский 2007: 97-105]. Такой же точки зрения придерживается и ряд других исследователей. Например, Ю.И. Суровцев заявляет: «Не очень-то ясно [...], что же оно такое: публицистика и что же оно такое: публицистичность» [Суровцев 1986: 209]. Указанные мнения в полной мере объясняют наблюдающееся устойчивое стремление учёных установить некоторые внутренние границы, отделяющие сферы функционирования публицистических дискурсов (дискурсивных практик) [Жиганова 2014: 2-24], что создаёт предпосылки для более точного описания их актуализации в определённых социолингвистических условиях.

Так, очевидная взаимосвязь между публицистикой и риторикой способствует тому, что некоторые исследователи выделяют её в качестве самостоятельного риторического (убеждающего) дискурса, обнаруживаемого, в первую очередь, в устной речи или даже в определённом типе публичных выступлений [Beard 2000: 35]. В исследованиях по риторическому дискурсу, рассматриваются лингвистические средства создания изобразительности и выразительности речи, композиционные характеристики отдельных жанров общественно-политической коммуникации, причины коммуникативных неудач и т.д. [Booth 2004; Cockroft 1992; Fairclough 1992]. Широкое распространение в западной лингвистике получило представление о «контрастивной риторике», изучающей весь арсенал композиционных и лингвистических средств,

способствующих повышению общей убедительности высказывания, основанных на сравнительном анализе текстов публичной речи, различающихся по тематике и характеру аудитории, на которую они рассчитаны [Atkinson 1984]. В отечественной науке вопросы функционирования риторического дискурса разрабатываются такими исследователями, как: Д.Н. Александров, А.Б. Бушуев, Е.Н. Зарецкая, С.Ф. Иванова, А.К. Михальская, Н.И. Порубов, Ю.В. Рождественский, Г.Г. Хазагеров и др.

Другим видом дискурса, традиционно отделяемым от общего поля публицистики, является писательская публицистика (эссеистика) – переходное явление, объединяющее публицистичность и художественность как способы мышления. В основе выделения данного вида дискурса лежит представление о публицистике как о способе общественной деятельности, осуществляемой творческими методами [Сенук 1993: 10]. В связи с этим писательская публицистика определяется как «тип творческой деятельности, подразумевающий открытое, непосредственное авторское слово и прямой контакт с аудиторией в выражении своих мыслей» [Каминский 2007: 100]. В исследованиях данного вида дискурса публицистические произведения рассматриваются как феномен авторского творчества, отличающийся особым художественным подходом создателя [Дурова 1996; Дурова 2000; Кройчик 1995; Walker 1966] или спецификой функционирования в определённых социолингвистических условиях [Дмитровский 2002; Прохоров 1966; Эпштейн 1988; Adorno 1973].

Наиболее часто публицистический дискурс отождествляется с газетно-журнальной публицистикой, что, объясняется сложившейся традицией использования понятий *публицистика* и *журналистика* (journalism) в качестве синонимов. Известно, что наибольшее число работ по теории публицистики в России было написано в советскую эпоху, когда публицистика рассматривалась, в первую очередь, как совокупность творческих материалов газетно-журнальной периодики и напрямую

связывалась с идеологией правящей партии. В этот период сформировалось представление о публицистичности массовой печати как о свойстве мышления автора текста, отождествляющего себя с неким корпоративным целым, выступающего не самостоятельно, а от лица какой-либо общности (коллектива единомышленников, социальной группы, общества в целом) и оказывающего коммуникативно-волеуказательное воздействие на адресата речи [Березин 2002; Буданцев 2001; Костомаров 1994; Кузнецов, Цыкунов 2000].

Современные исследователи связывают представления о публицистическом дискурсе и газетно-журнальной публицистике с понятиями *язык СМИ* и *медиадискурс*. Этому в равной степени способствуют несколько факторов. Во-первых, это – повышение общей открытости российского государства, в результате чего научная общественность получает всё больший доступ к исследованиям западных учёных, работающих по схожей проблематике и рассматривающих результаты деятельности средств массовой информации с позиций теории дискурса. Во-вторых, это – рост числа работ в области теле- и радиожурналистики [Смирнов 2002; Ученова 1982]. В-третьих, это – появление исследований, являющихся естественной реакцией на активное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI вв., которые посвящены новым видам дискурса в медийной сфере. Например, одним из наиболее востребованных направлений в лингвистике последних лет стало изучение «Интернет-дискурса» или «виртуального дискурса» [Виноградова 2004; Распопина 2018; Саенко 2004; Семёнов 2013; Ушаков 21998; Шевелева 2010], который объединяет тексты, «погружённые в ситуацию общения в виртуальной реальности, является видом символической реальности, созданной на основе компьютерной и некомпьютерной техники, и реализует принцип обратной связи» [Лутовинова 2009: 5].

Наиболее точное определение *медиадискурса*, по нашему мнению, принадлежит Т.Г. Добросклонской, которая трактует данный термин как

«совокупность процессов и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [Добросклонская 2008: 153]. Подобный подход позволяет установить нетождественность понятий язык СМИ и медиадискурс, первое из которых актуализирует лингвистические характеристики явления, тогда как второе отражает более широкое понимание экстралингвистической составляющей феномена. Кроме этого он способствует осознанию того, что представление о публицистическом дискурсе оказывается шире, чем представление о медиадискурсе. Основу медиадискурса составляют медиатексты, которые наряду с вербальной составляющей обнаруживают дополнительные смыслы, формируемые с помощью экстралингвистических средств того или иного СМИ. Например, при описании многообразия медиатекстов значительную роль играет способ (канал) их распространения (газета, журнал, телевидение, радио).

Публицистический дискурс охватывает большее количество текстов, общим для которых является нацеленность на изображение особого предмета действительности (общественная и политическая жизнь) и вербальное оформление свойства публицистичности, которое тяготеет к автономному способу актуализации в различных социолингвистических условиях. В связи с этим он распадается на различные виды: риторический дискурс, актуализирующий систему чьих-либо убеждений в публичной деятельности; писательскую публицистику (эссеистику), обнаруживающую авторское понимание общественной деятельности, опирающееся на духовные ценности создателя; медиадискурс, отражающий политико-идеологические установки части общества, которые разделяются посредством массовой информации и закреплены в его редакционной политике, реализуемой посредством агитационно-пропагандистской работы. Таким образом, газетно-журнальная публицистика, представляющая продукт речевой деятельности в сфере массовой коммуникации, каналами распространения которой служат как традиционные (газета, журнал), так и новые (Интернет)

СМИ, является неотъемлемой частью медиадискурса, который, в свою очередь, входит в публицистический дискурс, поскольку отображает общий с ним предмет действительности и особым образом актуализирует представление о публицистичности.

Высказанные замечания позволяют дать следующее определение газетно-журнальной публицистике как особому виду дискурса: *газетно-журнальный дискурс – неотъемлемая часть медиадискурса, являющегося одним из видов публицистического дискурса; совокупность текстов, распространяемых посредством печатного слова через газеты, журналы и виртуальную среду Интернет и нацеленных на специфическое оформление свойства публицистичности – особого характера мышления автора, выражающего политико-идеологическую установку печатного органа и оказывающего коммуникативно-волеуправляющее воздействие на адресата текста.*

Сопоставительный анализ функционально-стилистического и дискурсивного подходов позволяет отдать предпочтение последнему в силу ряда его очевидных преимуществ. Дискурсивный подход представляется в большей мере ориентированным на нужды практического исследования, поскольку позволяет рассматривать печатную периодику в процессуальном аспекте, что дает возможность разработать типологию её системообразующих параметров, носящих более универсальный характер по сравнению с функционально-стилистическими характеристиками отдельных групп текстов. Кроме этого, он позволяет изучать газетно-журнальный дискурс в совокупности лингвистических и паралингвистических проявлений, поскольку при его оформлении помимо вербальных средств широко используются паралингвистические (невербальные) средства, «участвующие в организации текстов вербального языка и формирующие их коммуникативно-прагматический аспект» [Анисимова 1992: 71-78]. В печатной периодике к ним относятся: иконические знаки (фотографии, рисунки, схемы, таблицы), расположение публикуемых материалов, их

цветовое и шрифтовое оформление и т.п.

В современной лингвистике газетно-журнальный дискурс, как правило, рассматривается в качестве универсального феномена. Исследователи отмечают его персуазивную природу, заключающуюся в намеренном воздействии на адресата речи [Виноградов 1996: 281] посредством одностороннего убеждения, внушения, манипуляции [Клушина 2008: 6] и идеологичность, моделирующую социально-политическую картину мира [Мышкина 1988: 97-103]. Среди постоянных дискурсивных признаков также называются: письменная форма бытования, дистантность коммуникации, медийность, массовость, интегративность, открытость на содержательно-смысловом, структурно-композиционном и знаковом уровнях [Казак 2012: 5-25], сочетание экспрессии и стандарта, высокая адаптивность [Руженцева 2018], формирование с учетом интересов и потребностей аудитории [Маквейл 2007: 2-3]. Помимо этого, газетно-журнальный дискурс исследуется с учётом экстралингвистических факторов, определяющих его существование в обществе. К ним относятся, главным образом, общественно-политические условия и менталитет определённого социума. Например, современный российский газетно-журнальный дискурс характеризуется стремлением к демократизации (либерализации), приводящем к возникновению феномена вербальной агрессии, обусловленного неблагоприятным социокультурным положением в большинстве логосфер [Петрова, Рацибурская 2018].

Большинство исследователей англо-американской периодической печати признаёт в качестве её основной дискурсивной характеристики фактуально-интерпретативную направленность [Михайлов 2004; Тырыгина 2007; Dijk 1988; Fairclough 1995; Matheson 2005; O'Keeffe 2006; Talbot 2007]. Эта особенность связана с исторически-сложившимся дуализмом философии журналистики Великобритании и США: максимально нейтрально представлять факты и интерпретировать их с различных позиций, позволяя читателю сформировать собственное отношение к описываемым событиям.

Наличие такой характеристики может рассматриваться как реакция общества на злоупотребления журналистами свободой слова, которая издавна существовала в этих странах. Желание защитить читателя от волюнтаризма печатных СМИ, непрофессионального толкования событий и откровенной манипулятивной пропаганды привело к чёткому разделению фактов и мнений (news and views) на страницах газет и журналов Великобритании и США [Михайлов 2004: 9-99]. Помимо этого, существенными чертами англо-американского газетно-журнального дискурса считается ярко выраженная «эвиденциальность» – стремление убедить читателя в достоверности и объективности журналистской информации [Anderson 1986; Willet 1988], отрицательность (ориентация на преимущественное распространение негативной информации), индивидуализация (доминирование материалов об отдельных людях и представителях элиты), предсказуемость [Bell 1991; Ungerer 2000], «пакетный характер» (преимущественное описание не основного события, а его последствий и реакции на него заинтересованных лиц) [Kenneth 2009: 254] и т.п. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что к основным компонентам газетно-журнального дискурса помимо вербальных и невербальных способов его оформления относятся экстралингвистические параметры, определяющие условия его существования.

2.3. Системообразующие параметры англо-американского газетно-журнального дискурса и способы их актуализации

Всякое практическое исследование газетно-журнального дискурса сталкивается с необходимостью выработки неких универсальных понятий, которые способствовали бы упрощению методологии анализа входящих в него явлений. В рамках настоящего исследования для обозначения таких понятий предлагается использовать термин *системообразующие параметры*, под которыми понимаются *общие содержательные характеристики, газетно-журнального дискурса, имеющие практическое воплощение на*

вербальном и невербальном уровнях. Их выявление может быть осуществлено путём сопоставительного анализа значительного объёма эмпирического материала. Основу исследовательского корпуса настоящего раздела составили такие периодические издания Великобритании и США, как:

- международный экономический журнал «The Economist» (электронные выпуски за 2012-2017 гг.);
- международная деловая газета «Financial Times» (печатные выпуски за сентябрь-ноябрь 2009 г.; электронные выпуски за 2013-2017 гг.);
- американские новостные журналы «Newsweek» (печатные выпуски за август-ноябрь 1998 г., февраль-май 1999 г., июнь-сентябрь 2009 г.) и «Time» (печатные выпуски за январь-декабрь 1998 г., январь-август 1999 г., июнь-август 2009 г.; электронные выпуски за 1998-2017 гг.);
- американский литературно-публицистический журнал «The New Yorker» (печатные выпуски за май-август 2006 г.; электронные выпуски за 2015-2017 гг.);
- британские ежедневные газеты: «The Daily Telegraph» (электронные выпуски за 2011-2017 гг.), «The Guardian» (электронные выпуски за 2005-2017 гг.), «The Independent» (электронные выпуски за 2016-2018 гг.) и «The Times» (печатные выпуски за март-апрель 2011 г., декабрь 2013 г., март-май 2015 г., август-октябрь 2016 г.; электронные выпуски за 1999-2018 гг.);
- американские ежедневные газеты: «The New York Times» (печатные выпуски за сентябрь-декабрь 2005 г., сентябрь-октябрь 2009 г.), «The Wall Street Journal» (печатные выпуски за сентябрь-октябрь 2009 г.; электронные выпуски за 2011-2017 гг.) и «The Washington Post» (печатные выпуски за июнь-сентябрь 2011 г.; электронные выпуски за 1996-2017 гг.);
- британский таблоид «The Sun» (электронные выпуски за 2015-2018 гг.);

- американский таблоид «USA Today» (печатные выпуски за октябрь-декабрь 2005 г.; электронные выпуски за 2015-2017 гг.);
- региональные издания США: «Alaska Dispatch News» (печатные выпуски за август-сентябрь 2017 г.) и «The Boston Globe» (печатные выпуски за июнь-июль 2009 г.).

Всего было проанализировано 1377 печатных и 999 онлайн-выпусков газет и журналов за период с 1998 по 2017 годы.

Сопоставление содержания, языкового наполнения и внешнего вида отобранных материалов позволяет утверждать, что системообразующие параметры газетно-журнального дискурса могут быть выделены, исходя из функций периодической печати, основными из которых являются создание информационного поля и его последующая интерпретация. Исследователи признают, что ведущая коммуникативная стратегия современных СМИ заключается в фактуализации происходящего и вовлечении индивида и общества в этот процесс посредством ментализации и аксиологизации этого происходящего заинтересованным сознанием [Кук 2005: 4]. В.А. Тырыгина отмечает, что ключевым концептом медиадискурса является «информация», которая, будучи обращённой ко всем и к каждому, «выступает как инвариант общественного сознания, обеспечивает необходимый уровень интеграции человечества, сохраняя его как целостную систему» [Тырыгина 2012: 251]. Материалом для информации может служить любое событие в обществе и мире, которое рассматривается на страницах газет и журналов в соответствии с политико-идеологическими установками печатного органа. В связи с этим, одной из существенных характеристик современного медиадискурса признаётся экспланаторность – «стремление не только описывать факты языка, но и находить им объяснение» [Пименова, Кондратьева 2011: 37]. Сказанное позволяет установить два критерия, на основании которых могут быть выделены системообразующие параметры газетно-журнального дискурса: а) способ презентации информации и б) способ интерпретации информации.

Анализ способов презентации информации, принятых в печатной периодике, позволяет определить в качестве её системообразующих параметров – *информативность* и *квазиинформативность*, а анализ способов интерпретации информации – *интерсубъективность* и *субъективность*. Газетно-журнальный дискурс конструирует мир людей и их действий как достоверное событие, используя при этом как вербальные, так и невербальные возможности периодической печати. Наряду с точным представлением самого факта, все анализируемые материалы содержат элементы, убеждающие читателя в его истинности. Традиционно журналисты привлекают для этого мнение представителей авторитетных структур (заинтересованных лиц), ссылаются на знакомые факты (привычный опыт), используют фотоиллюстрации, схемы, диаграммы, графики, рисунки и пр. Всё это позволяет рассматривать в качестве одного из системообразующих параметров газетно-журнального дискурса *информативность*, под которой понимается свойство периодической печати представлять основную информацию при помощи вербальных и невербальных средств, нацеленных на точное воспроизведение фактов, а также на доказательство их истинности.

Помимо основной информации, исследуемые материалы содержат сведения, носящие второстепенный характер. Их использование, в основном, связано с необходимостью соответствующего оформления публикаций, в связи с чем системообразующим параметром газетно-журнального дискурса становится *квазиинформативность* – свойство периодической печати представлять дополнительную (вспомогательную) информацию, преимущественно связующего или фонового характера, при помощи вербальных и невербальных средств, нацеленных на оформление обязательных параметров полноформатного газетно-журнального дискурса. Оппозиционность понятий *информативность* и *квазиинформативность* с особой очевидностью распознаётся на уровне рецепции материалов периодической печати. Вербальные и невербальные средства, нацеленные на

точное воспроизведение фактов и доказательство их достоверности, в первую очередь привлекают внимание его адресатов, в то время как лингвистическая и паралингвистическая консолидирующая основа газетно-журнальной публицистики, не содержащая основной информации, оказывается в «серой зоне», поскольку отражает необходимое, но всё-таки вторичное и менее актуальное содержание. Сказанное позволяет говорить о функциональной антитетичности данных понятий на фоне их неразрывной общности, в связи с чем они объединяются в бинарный системообразующий параметр – *информативность /квазиинформативность*.

Аналогичные отношения наблюдаются и между двумя другими системообразующими параметрами – *интерсубъективностью* и *субъективностью*, которые также рассматриваются в дальнейшем как неразрывное бинарное целое *интерсубъективность/субъективность*. Понятие *интерсубъективность* является междисциплинарным и функционирует по-своему в отдельных отраслях знания. Современный философский словарь даёт несколько его определений, наибольшую актуальность среди которых в рамках настоящего исследования приобретает «независимость употребления и понимания языковых выражений от лиц и обстоятельств» [Новейший философский словарь 2018]. Значение термина *интерсубъективный* – «межличностный, общий, общедоступный» традиционно противопоставляется значению термина *субъективный* – «личный, индивидуальный, уникальный» [Ивин, Никифоров 1997: 133]. Интерсубъективность соотносится с такими характеристиками газетно-журнального дискурса, как: стандартизованность, узнаваемость, привычность, лёгкость восприятия, адаптация к определённой читательской аудитории и пр., наличие которых признаётся основным условием существования периодической печати [Костомаров 1971; Солганик 1981; Швейцер 2009]. Субъективность – особое индивидуально-авторское осмысление описываемых событий, непривычность вербального и невербального оформления [Артемова 1991; Филиппов 1978].

Системообразующие параметры интерсубъективности и субъективности связаны с таким междисциплинарным феноменом как *сознание*, абсолютное большинство дефиниций которого содержит указание на его взаимосвязь с речевой деятельностью: «человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении, [...] высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью» [Новейший философский словарь 2018]; «высшая, свойственная только человеку и связанная с речью форма обобщенного и целенаправленного отражения действительности; способность мыслить, рассуждать и определять свое отношение к действительности; свойство высшей нервной деятельности человека» [Лехин, Локшина, Петров 1954: 321]; «человеческая способность идеального воспроизведения действительности в мышлении; психическая деятельность как отражение понимания действительности, т.е. осознанное бытие, свойство высокоорганизованной материи, субъективный образ объективного мира, идеальное в противоположность материальному и в единстве с ним; высшая форма психического отражения, свойственная общественно развитому человеку и связанная с речью, идеальная сторона целенаправленной деятельности и поведения» [Философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн 2018] и т.п.

Выделяется две формы сознания: коллективное и индивидуальное. Коллективное сознание – это духовное единство общества, «не являющееся простой суммой индивидуальных сознаний, существующее независимо от них в виде социальных факторов (обычаев, морали, права, традиций, знаний и т.д.), оказывающее сильное влияние на индивидуальное сознание» [Энциклопедия социологии 2018], а индивидуальное сознание – это «сознание конкретной личности, принадлежащей к определенному обществу, классу, различным социальным группам и коллективам» [Лехин, Локшина, Петров 1954: 321]. Коллективное сознание заставляет создателей газетно-журнального текста учитывать типовые способы осмысления

действительности и вырабатывать универсальные механизмы их вербального и невербального отражения в периодической печати, что напрямую соотносится с представлением об intersубъективности. В свою очередь, индивидуальное сознание, отражающее общественное бытие через призму своеобразия бытия отдельной личности, формирует условия для выработки частных механизмов вербального и невербального отражения в газетно-журнальной периодике способов индивидуально-авторского осмысления действительности, что соответствует представлению о субъективности. Intersубъективность является продуктом коллективного сознания, в то время как субъективность – индивидуального.

Таким образом, системообразующий параметр *intersубъективности* в контексте настоящего исследования подразумевает свойство периодической печати регулярно воспроизводить однотипные сущности, упрощающие её восприятие. В свою очередь, системообразующий параметр *субъективности* связан со свойством газетно-журнальной публицистики вырабатывать вербальные и невербальные феномены, отклоняющиеся от традиционных норм оформления материалов подобного рода и способствующие привлечению к ним дополнительного внимания. Для доказательства высказанных соображений и выявления механизмов практической актуализации выделенных системообразующих параметров обратимся к практическому материалу исследования. Следует отметить, что корпус вербальных и невербальных средств оформления информативности/квазиинформативности и intersубъективности/субъективности а англо-американском газетно-журнальном дискурсе отличается значительной численностью и известным разнообразием. В связи с этим, при анализе эмпирического материала, отбирались наиболее существенные из них, отвечающие задачам настоящей работы и позволяющие установить в ходе сопоставительного анализа соответствие выявленного стандарта оформления периодической печати стран вариантов

английского языка внутреннего круга стандарту оформления восточноазиатской прессы на английском языке.

Вербальные средства оформления *информативности*, в первую очередь, обнаруживаются на *лексико-фразеологическом уровне*. Наиболее заметным из них является широкое использование прецизионной лексики – языковых единиц с фиксированным значением, нацеленных на передачу конкретной информации [Миньяр-Белоручев 1994: 37]. К ним относятся имена собственные, сокращения, числительные, даты и т.п. Являясь привычной и легко узнаваемой, прецизионная лексика становится содержательной основой текстов газетно-журнальных публикаций. Единицы типа: Australia, Austria, BBC, Boston, Britain, Cape Kennedy, Chicago, CIA, England, EU, France, Germany, Iran, Italy, Japan, June, July, London, May, Nertherlands, New Zealand, North Carolina, Obama, October, Sept. 11, 2001, South Korea, Tehran, Tokyo, USA, U.S., 1972, 0.3%, 0.4%, etc. имеют широкое хождение на страницах всех периодических изданий.

E.g.: ‘One night in the late fall of **1972**, I sat besides **Kurt Vonnegut Jr.** in a chigger-ridden field at **Cape Kennedy** and waited for the firing of **Apollo 17**, the only night launch’ [Time, August 3, 1998]; ‘In 1955, a **North Carolina** trucking company owner named **Macolm McLean** invented the modern cargo container; today **99%** of world shipping moves by container’ [The New Yorker, May 19, 2006]; ‘The honeymoon between **CIA** director **Leon Panetta** and veterans of the agency’s undercover division – the National Clandestine Service – may be coming to an end’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘The **Obama** administration, hoping to convince **Tehran** to curtail its nuclear program and initiate a dialogue with **Tehran** that focuses on other issues, will have its first formal meeting since it took office with **Iran** on **Oct. 1**’ [The Wall Street Journal, September 15, 2009]; ‘**Japan** was up **0.3%**, with **South Korea** up **0.7%** and **Australia** up **0.5%**; **New Zealand** slipped **0.6%**’ [Financial Times, September 15, 2009]; ‘Floodwaters forced dozens of families from their homes across southern **England** [...] and forecasters warned that more rain tonight will add to the risk from swollen waterways’ [The Times,

December 26, 2013]; ‘Since **Britain**’s vote to leave, anti-establishment parties in **France**, the **Netherlands**, **Germany**, **Italy** and **Austria** have called for referendum on **EU** membership in their countries too’ [The Economist, October 2, 2016]; ‘Figures from the Office for National Statistics show that services grew by **0.4%** from **June** to **July**, faster than the **0.3%** between **May** and **June**, and output was **2.9%** higher than a year’ [Time, October 5, 2016]; etc.

Англо-американская периодическая печать также содержит значительное число однокомпонентных и многокомпонентных номенклатурных наименований международных организаций, правительственных структур, учреждений, должностей, нормативно-правовых актов, финансово-экономических институтов и пр.: Apple, American Music Awards, Bureau of Economic Geology, Federal Reserve, Food and Drug Administration, Glorious Property Holdings, Google, Microsoft, Pfizer, Senate Armed Services Committee, University of Texas, etc. В современных исследованиях они обозначаются термином *эргонимы* – «собственные имена деловых объединений людей, в том числе союзов, организаций, учреждений, корпораций, предприятий, обществ, заведений, кружков» [Подольская 1988: 188]. Единицы подобного рода также относятся к разряду прецизионных, поскольку характеризуются однозначностью и точностью семантики, нацеленностью на отображение одного объекта действительности, воспроизводимостью и узнаваемостью.

E.g.: This one feels similar to that bust in its length and global impact, said Scott Tinker, director of the **Bureau of Economic Geology** at **University of Texas** at Austin’ [USA Today, November 19, 2005]; ‘**Assistant District Attorney** Joan Illuzi-Orborn said investigators had found “substantial credibility issues”’ [USA Today, October 23, 2005]; ‘In Tokyo on Monday, the **Nikkei Stock Average** of 225 companies fell 2.3% to 10202.06’ [Financial Times, September 15, 2009]; ‘Patient advocates have called Dr. Pazdur, director of the **Food and Drug Administration**, a murderer [...]’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘Charges could be brought against the **chief executive**, Kenneth Lewis, and **Chief**

Financial Officer, Joseph Price, according to a person familiar with the investigation' [The Wall Street Journal, September 21, 2009]; 'Although Obama announced Allen's nomination April 28, the **Senate Armed Services Committee** has not scheduled a confirmation hearing' [The Washington Post, June 22, 2011]; '**Google** said it was keeping the same approach in place since the beginning of the week' [The Wall Street Journal, March 19, 2011]; 'Theresa May will on Sunday announce she will repeal the 1972 **European Communities Act** in a move that will formally begin the process of making **Britain's Parliament** sovereign once again' [The Daily Telegraph, October 1, 2016]; etc.

Ещё одним проявлением вербальной актуализации системообразующего параметра информативности является использование в газетно-журнальном дискурсе различных терминов и терминосочетаний, имеющих фиксированное значение и соотносящихся с конкретными представлениями. В первую очередь, речь идёт об общественно-политической терминологии, включающей такие языковые единицы как: atheism, budget, budget deficit, caucusus, circulating medium, commodities, congregation, core currency, democracy, Democrats, deflationary recession, fiscal policy, government, inflation, infrastructure investment, interest rate, investment bank, legislation, liberalization, monetary policy, net income, primaries, privatization, productivity performance, Republicans, retail sales, state investment, stocks, stock exchange, stock market, surplus value, tax reduction, tax revenue, unemployment insurance system, etc.

E.g.: 'State and federal regulators are cracking down on waste and fraud in the **unemployment insurance system**, abuses that have hit record levels as jobless claims surge in a weak economy' [USA Today, November 5, 2005]; 'Historically, **stocks** have fared well after the Fed ceases raising **interest rates**, says trader Todd Leone at SG Cowen' [USA Today, November 25, 2005]; '[...] strategists for the major Democratic campaigns said they were preparing for a long, hard and expensive march through the next five weeks of **primaries** and **caucusus** [...]' [The New York Times, December 25, 2005]; 'The large group is the **Democrats**,

who see in Cheney the scowling face of a minority party that intends to stay that way' [Newsweek, June 8, 2009]; 'To hear some tell it, China is trying to undermine the dollar's status as the world's **core currency**' [Newsweek, September 3, 2009]; 'Mr Trump's plans for **tax reduction** and **infrastructure investment** may have many arguments in their favor' [The Independent, November 12, 2016]; etc.

К данной группе относятся и регулярно воспроизводимые безобразные номинативные полилексемные комплексы, носящие терминологический характер, типа: civic leaders, civil rights, diplomatic community, energy producers, global warming, health care system, job growth, oil spill, refugee crisis, ruling coalition, security checkpoints, school bills, social media, social mobility, student exchanges, summit meeting, tire makers, top level meeting, world shipping, etc. В современной лингвистике наблюдается разброс мнений по поводу лингвистической сущности подобных единиц, начиная от их включения в особый разряд фразеологии [Телия 1996: 72-73] до наделения их статусом терминов [Головин, Кобрин 1987: 50]. Наиболее точно особенности таких коллокаций описывает Т.Г. Добросклонская, которая полагает, что в медиадискурсе они приобретают высший уровень клишированности, а их основным параметром становится неидиоматическая глобальность – направленность на объект в целом, которая позволяет им выступать в номинативной функции. Таким образом, они представляют собой клишированные словосочетания, функционирующие в качестве составных терминов [Добросклонская 2008: 58].

E.g.: 'The cleanup of a major **oil spill** in the Yellowstone River has been more difficult than expected, and could take several more months, [...]' [USA Today, November 19, 2005]; 'Passengers should plan to spend an extra half-hour or more going through **security checkpoints** as air travel surges 40% beyond normal [...]' [USA Today, November 23, 2005]; 'Today, ninety per cent of **world shipping** moves by container' [The New Yorker, July 23, 2006]; 'Six times since 1948, we have elected Presidents who were committed, at least on paper, to the

principle of **health care system**' [Time, August 31, 2009]; 'Widespread **job growth** is needed to shore up incomes after spending among consumers ground to a halt in the second quarter' [The New York Times, September 25, 2009]; 'Ever since Michelle Buchelet became the candidate for the **ruling coalition** there seemed little doubt who would win Chile's presidential election on December 11' [Financial Times, November 23, 2009]; etc.

Средства вербального оформления информативности также включают клишированные безобразные глагольные коллокации, обозначающие различные действия, типа: to accept bids, to access business records, to admit definition, to apply for retirement, to approve changes, to avoid tax, to ban criticism, to call for referendum, to comment on rumors, to compensate loss, to conduct surveillance, to declare an interest, to dismiss allegations, to extend provisions, to fill vacancies, to fix problems, to give reason, to hold meeting, to impose the ban, to lift sanctions, to make offers, to provide evidence, to ratify concessions, to reduce debt, to reflect priorities, to request bids, to save money, to seek bids, to sentence to death, to settle charges, to spurn endorsement, to stay in business, to support proposal, to take risks, to witness inauguration, etc. Клишированность названных языковых единиц носит узуальный характер, поскольку проявляется, в первую очередь, в ограниченной сфере речеупотребления (газетно-журнальной публицистике) и обусловлена их повторяемостью и высокой воспроизводимостью, в связи с чем исследователи предлагают рассматривать их как узуально-клишированные словосочетания [Добросклонская 2008: 58].

E.g.: 'The Government **has banned criticism** to the king's action for six months [...]' [The New York Times, December 8, 2005]; 'Voters in Shirly and Harvard **supported the proposal**, which had been strongly promoted by the Massachussetts Development Finance Agency [...]', '[...] the city did not receive \$1.5 million in state aid because of the cuts, and city officials chose not **to fill** several police and fire **vacancies** [...]' [The Boston Globe, June 10, 2009]; 'When Shea **applied for retirement** in 2000, her title was temporary special sheriff,

records show' [The Boston Globe, June 17, 2009]; 'When they heard to a fast-food burger joint **to save money**, many are spending more than ever' [USA Today, October 18, 2005]; 'On December 19, the Electoral College **will cast their ballots** [...]' [The Independent, October 11, 2016]; 'On January 20, 2017, we **will bid farewell** to the first African-American President [...] and **witness the inauguration** of a con who did little **to spurn endorsement** by forces of xenophobia and white supremacy' [The New Yorker, November 9, 2016]; etc.

Помимо перечисленных лингвистических феноменов к проявлениям вербальной актуализации информативности на лексико-фразеологическом уровне, очевидно, следует отнести наличие всех прочих языковых единиц, обладающих лексической либо стилистической маркированностью и выделяющихся на общем словарном фоне газетно-журнальных публикаций. Они привлекают к себе первоочередное внимание читателей, поскольку представляют более точный способ презентации информации по сравнению с немаркированными языковыми средствами. Например, встречающиеся в нижеследующих фрагментах лексемы *latticed*, *orchestrated*, *thorn*, имеют ярко-выраженную стилистическую маркированность, так как используются в метафорическом значении, а языковые единицы *Carrotmob*, *borets* и *hijab* обладают лексической маркированностью, поскольку относятся к различным разрядам маркированной лексики (неологизм, экзотизм, заимствование): 'Tripoli is **latticed** with wide highways; gasoline is subsidized, and, because there are no bars or clubs and few cinemas or theatres, the most popular pastime is driving' [The Guardian, May 8, 2006]; 'Lebanese Shiite paramilitary group Hizballah is believed to have **orchestrated** the 2005 bombing that killed former Lebanese Prime Minister Ratiq Hariri' [Time, June 8, 2009]; 'Even now Roh remains a **thorn** for his opponents' [Time, August 19, 2009]; 'Some motivate by ways of cudgels, others via carrots. Brent Schulkin opted for the latter when he invented a kind of reverse boycott he calls a **Carrotmob**' [Time, June 8, 2009]; 'The priest was not fazed, Yeltsin recalled in his autobiography. "The boy's a fighter [**borets** in Russian]," he said. "We'll call him Boris"' [Time, May 24,

1999]; ‘It is an Islamic country where alcohol is illegal and most married women wear the **hijab** [...]’ [The New Yorker, May 8, 2006].

К вербальным средствам оформления системообразующего параметра информативности на *текстовом уровне* относятся ссылки на источники информации и цитация. Первые включают различные клишированные выражениями, указывающие на источник полученных сведений: ‘The number of active oil and gas drilling rigs in the Eagle Ford Shale has shrunk from 259 at the boom’s peak in 2012 to 68 today, **according to oil field services firm Baker Hughes**’ [USA Today, December 21, 2005]; ‘**According to polls**, just 34 percent of citizens plan to vote in this month’s EU parliamentary election, which determines who represents their countries in the pan-European legislature situated in Brussels’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘For more than a year, **according to classified intelligence reports**, Al Qaeda’s affiliate in Yemen has been making efforts to acquire large quantities of cator beans [...]’ [The New York Times, September 13, 2009]; ‘President Obama has headlined 127 fundraising events for himself and others, significantly outpacing the fundraising activity of the previous five presidents during their first terms, **new research shows**’ [The Washington Post, August 3, 2011]; ‘The incomes of the young and middle-aged – especially men – have fallen off a cliff since 2000, leaving many age groups poorer than they were even in 1970s, **a USA TODAY analysis of new Census data found**’ [USA Today, October 18, 2015]; etc.

Цитация является полным или частичным воспроизведением прямой речи героев газетно-журнальных публикаций, включающей как фактическую информацию, так и информацию экспланаторного характера. Традиционно выделяют три типа цитат: полные, редуцированные и сегментированные [Алещанова 2000: 10]. Полные цитаты представляет собой законченные в смысловом отношении отрезки прямой речи, взятые без сокращений, которые заключаются в кавычки. Перед ними или после них ставятся вводные конструкции, отделяемые запятыми, которые включают наименование источника информации и глагол: “**I think heaven’s a beautiful**

place,” she told Los Angeles magazine in 1994’ [Time, February 26, 1998]; ‘He added, **“Most of my ideas come from my childhood. I just needed the knowledge and skills to develop them”**’ [The New Yorker, May 8, 2006]; **“It’s our longstanding policy not to comment on rumors concerning potential acquisitions and divestitures,”** said Times Co. spokeswoman Catherine Mathis’ [The Boston Globe, June 10, 2009]; **“In the 2000s half of Thomasville went to China,”** says T.J. Stout, boss of Carson’s Hospitality, a local furniture-maker’ [The Economist, October 1, 2016]; ‘She said on Saturday night: **“We will introduce, in the next Queen’s Speech, a Great Repeal Bill that will remove the European Communities Act from the statute book”**’ [The Daily Telegraph, October 3, 2016]; etc.

Под редуцированной цитацией понимается использование в газетно-журнальных публикациях сокращенной в соответствии с целями цитирования прямой речи, получающей логическое завершение в окружающем контексте. Редуцированные цитаты не заключаются в кавычки; до или после них также ставится вводная конструкция: ‘He assures me that **he won’t be turning out an instant chicken-soup book or throwing his name into the presidential or vice-presidential ring**’ [Time, May 24, 1999]; ‘Critics say that **Dr. Pazdur’s resolve has cost thousands of lives and set back the pace of discoveries**’ [The New York Times, September 7, 2009]; ‘In Shanghai, Chinese stocks went against the trend, with the Shanghai Composite advancing 1.2% to 3026.74 after China’s securities regulator said **it would start reviewing applications from companies seeking to list on the Growth Enterprise Market**’ [Financial Times, September 15, 2009]; ‘But as Richard L. Trumka assumes the group’s presidency on Wednesday, he says **he is determined to improve labor’s image and woo a younger generation that either thinks of unions as irrelevant, or does not think of them at all**’ [The New York Times, October 7, 2009]; ‘A defence official said **the U.S. military has enough assets in place to begin strikes almost immediately**’ [The Wall Street Journal, March 18, 2011]; etc.

Сегментированная цитация содержит связанные между собой небольшие фрагменты прямой речи, обособляемые при помощи кавычек, которые воспроизводятся через определённые интервалы в соответствии с их смысловой нагрузкой: ‘The forgiving **“enforcement stance”** of the Health Care Financing Administration **“helps explain how some homes can repeatedly harm residents without facing sanctions”**’ [Time, August 3, 1998]; ‘In a statement Monday night, Barclay McFadden said he **“took his own life.”** The family has **“no further comments beyond this,”** the statement added’ [The Wall Street Journal, September 15, 2009]; ‘Paul says he wants to keep the Bank of England operationally independent but **“overtly politicize its mandate”** or **“take control of monetary policy”**’ [The Independent, September 4, 2016]; ‘Donald Trump plans to be **“even nastier”** about Bill Clinton’s affairs to **“unnerve”** Hillary Clinton at the next presidential debate’ [The Independent, October 1, 2016]; etc.

Обзор отобранного материала позволяет утверждать, что доминирующей моделью оформления конструкций, вводящих цитаты, в англо-американской периодической печати является сочетание наименования адресанта речи и глагола «говорения» (to say) в различных видовременных формах. При этом способы языковой презентации источников информации отличаются достаточным разнообразием. К ним относятся:

- узуально-клишированные выражения, указывающие на анонимность или полуанонимность адресанта речи: a person familiar with the situation (said), the person (said), two other people (said), (said) one potential bidder, (said) one of the interested buyers, people preferring to stay anonymous (said), officials (said), etc.

E.g.: ‘The Guidant Corporation, the maker of defibrillators, has agreed to settle a lawsuit over the death of a 21-year-old man who used a company-made heart device that failed, **a lawyer representing the man’s family** said’ [The New York Times, November 27, 2005]; ‘**A person with knowledge of the Joyce estate’s finances** said that it generates three to four hundred dollars annually’ [The New Yorker, June 19, 2006]; ‘The Times Co., which has declined to comment in

recent months on whether it is selling the Globe, has hired Goldman Sachs, the same Wall Street investment bank the Times Co. has hired to sell its 17.5 percent stake in the Boston Red Sox, **the potential bidders** say [...]’ [The Boston Globe, June 15, 2009]; ‘**An Israeli official, who spoke on condition of anonymity**, said Tuesday that it was still unclear whether the American effort would work’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**A woman, who did not wish to be named**, said her mother was a passenger on the bus and had to escape through the emergency window’ [The Guardian, October 3, 2016]; etc.,

- типовые метонимические номинации адресантов речи: a Pentagon report (says), China’s securities regulator (said), Financial Service Authorities (FSA) (warned), JetBlue Airways (said), Moscow (said), police (said), the Financial Times (calls), the New York Times (has indicated), the Times Co. (said), etc.

E.g.: ‘**A Pentagon report** says there is “absolutely no evidence” that Americans used nerve gas or killed U.S. defectors in Laos’ [Time, August 3, 1998]; ‘**JetBlue Airways** said yesterday that it would immediately begin paying penalties, ranging from \$25 toward a future flight to a round-trip ticket, to passengers kept waiting by the airlines own mistakes’ [The New York Times, November 25, 2005]; ‘**Moscow** said it may postpone the opening of a Russian-built nuclear plant in Iran because of overdue payments’ [The Wall Street Journal, October 20, 2009]; ‘**Worcester police** say a bus packed with as many as 40 passengers was struck eight times by projectiles apparently fired from a pellet gun’ [The Boston Globe, June 15, 2009]; ‘**The Climate Prediction Centre** last week said that El Niño would strengthen through fall and winter’ [The Wall Street Journal, September 17, 2009]; ‘**Police Scotland** said in a statement, “Police Scotland can confirm that a 39-year-old man has died following a serious coach crash on the A76 near Crosshouse roundabout”’ [The Guardian, October 3, 2016]; etc.,

- синтаксические построения, содержащие имя собственное, которое может сопровождаться указанием на род деятельности источника

информации: ““There’s such a love affair with our national parks, but they’re profoundly threatened,” says **Tom Kiernan, president of non-profit National Parks conservation Association, a co-sponsor of the New York events**’ [USA Today, December 18, 2005]; ‘**Gregory Taylor, a lawyer for Gayman Islands special-purpose vehicles Food Holdings Ltd. and Dairy holdings Ltd.,** said the bank never updated its valuation after proposing a transaction in 1998 and that several senior members of its credit department had rejected the initial deal’ [The Wall Street Journal, September 13, 2009]; ‘**Assistant Attorney General Ronald Weich** said the administration was willing to consider stronger civil rights protections in the law “provided that they do not undermine the effectiveness” of the three provisions’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**Paul Mason** said on Wednesday: “We can borrow it. And if we can’t borrow it we’ll print it”’ [The Independent, September 4, 2016]; ‘He saw the video and went: “That’s the guy,” says **Skarsgars**’ [The Guardian, October 1, 2016]; etc.,

- синтаксические построения, включающие наряду с именем собственным указания на частные характеристики источников информации (возраст, происхождение, внешний вид, особенности поведения и пр.): ““We all loved her; she was just an incredible person, so full of life,” said **Donnie Gould, 18, a senior at Rossele Catholic, as he wiped tears from his eyes**’ [The New York Times, December 8, 2005]; ““Normally I don’t do that kind of program,” a **31-year-old journalist at the station** said, **laughing nervously**’ [The New York Times, November 9, 2005]; ““It destroyed me,” said **Castucci, a father of three, who lives in Australia**’ [The Boston Globe, June 10, 2009]; ““The first time I went to Kaesong last year, people were friendly and waved at our bus,” recalled **Chung In Kyo, 39, a project manager at Bucheon, a maker of electric wiring components that expects to open a factory with 300 workers a day**’ [The New York Times, September 13, 2009]; ““We all know America is the land of opportunity. We believe in hard work, regardless of what type of job you do,” says **Nepal native Gopi Upreti, 57, of Fairfax, Va., who with his wife, Samita, 49, became citizens Monday**’ [The Washington Post, July 5, 2011]; etc.

Вербальная актуализация системообразующего параметра *квазиинформативности* обнаруживается, главным образом, на *лексическом уровне*. Она осуществляется посредством использования общевокабулярной лексики, формирующей языковую основу печатной периодики. Рассмотрим в качестве примера фрагменты трёх текстов, отобранных методом случайной выборки из анализируемого материала:

1. Tit for Tat on Inflation-Deflation Front.

Powerful forces in favour of inflation and deflation seem to be cancelling each other.

The Federal Reserve has flooded the market with cash and credits, lowered interest rates and generally tried anything it can to prevent the deflation, even if that means stoking a more-tolerable phenomenon: inflation.

“Inflation illustrates a growth of economy,” Miller Tabak strategist Dan Greenhaus notes.

Meanwhile, the brutal assault on the economy this past year has unleashed deflationary trends. Last month, prices for food like eggs and fish, as well as housing and lodging, eased. Federal Reserve Bank of Dallas President Richard Fisher said the Fed has seen an increase in the number of items that are falling in price compared with rising. [The Wall Street Journal, September 15, 2009].

2. The first of the Canadian air force’s fleet of long-suffering CC-130 Hercules transport planes has finally succumbed to old age after 40 years and 20 816 flights on its log books.

Its retirement comes as Cabinet announced the purchase of 16 new replacements yesterday.

Hercules 315 flew into more than 50 countries around the world, conducted search and rescue missions in Canada’s North, carried soldiers and cargo to dirt landing strips in the Sudan and shell-clattered runways in the former Yugoslavia.

It was the first coalition aircraft into Sarajevo in 1992, carrying food and humanitarian aid into the besieged Bosnian city – literally through the crossfire of Serb and Bosnian artillery duels.

“We flew her right down the middle of the battle... but we never took a hit”, says Warrant Officer Colin MacDonald, an engineer who served on 315 for more than half of the aircraft’s long life. “She was a great old girl”.

Hercules 315 first flew in April 1965, at Lockheed’s Marietta, Ga., plant, one of 90 G-model C-130s produced that year, during the height of the Vietnam War. Her siblings were at service in the U.S. Air Force and all have since been retired to aircraft graveyards. [The Guardian, November 23, 2005].

3. Americans love self-made men and women. And who was ever more literally self-made than Anna Nicole Smith? Described by acquaintances as a flat-

cheded teen, she shaped, nipped and tucked herself into a living hood ornament. She styled herself à la Marilyn Monroe and then, after fighting drug problems and ballooning, whittled herself down as a spokewoman for TrimSpa diet supplements. According to her mother, she even invented her childhood, mythologizing her middle-class upbringing into a hardscrabble one, like Jay Gatsby in reverse. Feral, brazen and vacant, Smith was not talented in most usual senses, but in one way she was an artist. She was her own sculpture. [Time, February 26, 2007].

В первом тексте обнаруживается значительное количество языковых единиц, нацеленных на актуализацию системообразующего параметра информативности. К ним относятся прецизионные лексемы: Federal Reserve, Dallas, Miller Tabak strategist, Dan Greenhaus, Federal Reserve Bank, Richard Fisher, Fed и общественно-политические термины: President, inflation, deflation, market, cash, credits, interest rates, economy deflationary trends. Помимо этого, в тексте имеются узуально-клишированные глагольные словосочетания: to prevent the deflation, to see an increase и маркированные единицы. Так, заголовок публикации содержит устойчивое выражение tit for tat, в котором первая и последняя лексемы являются архаизмами и характеризуются идиоматическим речупотреблением (лексическая маркированность), а также существительное front в метафорическом значении (стилистическая маркированность). В самой статье находим языковые единицы forces, flooded, more-tolerable, growth, brutal assault и unleashed, которые также характеризуются метафорическим переосмыслением. Все прочие знаменательные части речи, встречающиеся в данном фрагменте, относятся к языковым средствам актуализации квазиинформативности: powerful, favour, seem, be, cancelling, each, other, has, lowered, generally, tried, anything, it, can, even, that, means, stoking, phenomenon, illustrates, notes, meanwhile, this, past, year, last, month, prices, food, eggs, fish, housing, lodging, eased, said, number, items, are, falling, compared, rising, etc.

Вербальные способы оформления информативности во втором тексте включают идентичные с первым фрагментом группы языковых единиц:

прецизионную лексику (first, CC-130 Hercules, 40, 20 816, 16, Hercules 315, 50, Canada's North, Sudan, Yugoslavia, Sarajevo, 1992, Bosnian, Serb, Colin MacDonald, April 1965, Ga., 90 G-model C-130s, Vietnam War), прецизионные словосочетания-эргонимы (Canadian air force's fleet, Warrant Officer, Lockheed's Marietta, U.S. Air Force), термины (log books, Cabinet, runways, artillery), клишированные номинативные словосочетания (transport planes, landing strips, coalition aircraft, humanitarian aid), узуально-клишированные глагольные словосочетания (announced the purchase, conducted search and rescue missions) и маркированные языковые единицы (long-suffering, succumbed to old age, retirement, duels, long life, old girl, siblings, retired, graveyards). Последние характеризуются метафорическим переосмыслением, поскольку отражают желание автора публикации наделить качествами, присущими живым существам, главного героя – списанный с вооружения военно-транспортный самолёт Канады. Вербальная актуализация квазиинформативности осуществляется в этом случае посредством оставшихся языковых единиц: finally, has, years, flights, its, comes, new, replacements, yesterday, flew, more, countries, world, carried, soldiers, cargo, dirt, former, it, was, first, carrying, food, besieged, city, literally, crossfire, we, flew, her, right, battle, never, took, hit, says, engineer, served, half, aircraft's, she, great, flew, plant, produced, that, year, were, service, all, have, been, etc.

В третьем тексте наблюдается та же картина: вербальные средства оформления информативности перемежаются с вербальными средствами оформления квазиинформативности. К первым относятся: прецизионные лексемы (Americans, Anna Nicole Smith, TrimSpa, Smith), клишированные номинативные словосочетания терминологического характера (drug problems, diet supplements) и маркированные языковые единицы (self-made, teen, shaped, nipped, tucked, living hood ornament, Marilyn Monroe, ballooning, whittled, Jay Gatsby, sculpture). Ко вторым – оставшаяся общевокабулярная лексика: love, men, women, was, ever, more, literally, described, acquaintances, flat-chested, she, herself, styled, herself, fighting, spokeswoman, her, mother, even, invented,

childhood, mythologizing, middle-class, upbringing, hardscrabble, reverse, feral, brazen, vacant, was, talented, most, usual, senses, artist, etc. Очевидно, постоянное чередование языковых единиц, нацеленных на актуализацию информативности, и всех прочих встречающихся в ней лексем, нацеленных на актуализацию квазиинформативности, является маркером специфики газетно-журнальной речи.

Особенно наглядно разделение основной и второстепенной информации проявляется при невербальном оформлении данных системообразующих параметров на *уровне макроструктуры* газетно-журнального дискурса, к которой относится наличие разнообразных иллюстративных материалов (фотографий, рисунков, графиков, диаграмм), формирующих зрительное представление об описываемых фактах и служащих доказательством их достоверности. Как известно, рецепция любой визуальной информации характеризуется распределением внимания между главными и второстепенными элементами. Согласно законам психологии любое плоскостное изображение при восприятии расслаивается на фигуру и фон; фигурой принято называть замкнутую, выступающую вперёд, привлекающую внимание часть феноменологического поля, а фоном – всё, что её окружает [Головин 1998: 276]. Как правило, создатели газетно-журнальных иллюстраций в полной мере учитывают этот факт, визуально акцентируя наиболее значимые и отодвигая на задний план менее существенные в информационном плане элементы. Таким образом, основной, привлекающий наибольшее внимание образ, может рассматриваться как средство невербального оформления информативности, тогда как его фоновое сопровождение – как способ невербальной актуализации квазиинформативности. Выборка различных изображений из англо-американской периодики, помещённая в приложение к настоящему исследованию, в полной мере доказывает справедливость высказанных соображений.

Например, публикации об актрисе Эди Фалько [Newsweek, June 8,

2009], ливийском руководителе Каддафи и его сыне [The New Yorker, May 8, 2006], популярном певце Рике Мартине [Time, May 24, 1999] сопровождаются их лаконичными изображениями, расположенными на неброском однотонном фоне (рис. 1, 2, 3). Статья о выборах в Ираке [Newsweek, September 14, 2009] содержит фотографию, на которой крупным планом на подчёркнуто малосодержательном фоне запечатлена проголосовавшая жительница этой страны (рис. 4). Заметка о предновогоднем убранстве одного из торговых центров Чикаго [The New York Times, December 23, 2005] сопровождается фотографией, на которой изображение праздничных гирлянд помещено на первый план, тогда как интерьер самого центра – на задний (рис. 5).

Наиболее часто образ основного события помещается в типовое визуальное окружение, являющееся его естественным сопровождением. Так, фоном для изображения американского президента [The Sun, November 5, 2015] служат флаги – символы государственности США (рис. 6). На другой фотографии к статье о назначении председателя Верховного Суда США [Time, June 8, 2009] образы Барака Обамы и Сони Сотомэр размещены на фоне интерьера этого учреждения (рис. 7). Естественным фоном для изображения японского военного вертолётa, набирающего воду для тушения пожара на Фукусиме [The Wall Street Journal, March 18, 2011], является водная поверхность (рис. 8), для фермеров [The Boston Globe, June 10, 2009] – возделываемая ими земля (рис. 9), а для популярного исполнителя [Time, August 31, 2009] – сцена (рис. 10). Такое невербальное оформление информативности нацелено на сознательное привлечение читательского внимания к наиболее актуальным образам, иллюстрирующим содержание соответствующих публикаций, и на их отделение от менее существенного визуального содержания, соотносящегося с представлением о квазиинформативности.

Вербальная актуализация системообразующего параметра *интерсубъективности*, в первую очередь, проявляется в наличии

значительного числа *прецедентных феноменов*. Впервые природа прецедентности была описана Ю.Н. Карауловым, который отождествляет её с представлением о текстах, значимых для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющих сверхличностный характер, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности [Караулов 1987: 77]. В основе явления прецедентности лежит представление о *прецеденте*, как о «случае, имевшем ранее место и служащем примером или оправданием для последующих случаев подобного рода» [Лехин, Петров 1950: 288] или применительно к языковой системе о «стереотипном образно-ассоциативном комплексе», значимом для определённого социума и регулярно актуализирующемся в речи представителей этого социума [Телия 1996: 30]. Такое широкое понимание прецедентов позволяет отнести к ним языковые клише и штампы разного уровня, стереотипы, фрейм-структуры, репрезентанты гипогиперонимической связи, устойчивые сравнения и т.п.

Необходимость унификации способов описания различных типов прецедентов способствовала выделению новой языковой категории, *категории прецедентных единиц* – «образцовых языковых фактов, служащих моделью для воспроизводства сходных фактов и представленных в речи определенными вербальными сигналами, которые актуализируют стандартное или нестандартное (по своей креативности) содержание» [Голубева 2007: 152-153]. Так же как и некоторые прецедентные феномены, прецедентные единицы образуют группу вербальных ментальных репрезентаций, но в отличие от первых носят универсальный языковой характер, потому что наблюдаются во многих языках и относятся как к системно-языковому, так и индивидуумному уровню прецедентности. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что использование прецедентных феноменов в речи представляет собой способ вербальной актуализации категории прецедентных единиц. При этом исследователи отмечают, что она может осуществляться и посредством производных от прецедентных

феноменов: «[...] разного рода квази-цитации и скомпилированные пословицы, поговорки и хорошо известные изречения можно причислить к прецедентным единицам, которые являются не прецедентными феноменами, а их производными [...]. Ср.: *Модники и модницы, объединяйтесь!* (рекламный щит)» [Голубева 2007: 152-153].

В рамках настоящего исследования единицы подобного рода рассматриваются как *прецедентные трансформы* – окказиональные образования, возникающие в результате намеренного изменения прецедентных феноменов. Вполне очевидно, что использование прецедентных феноменов характеризуется определённым автоматизмом, в то время как создание прецедентных трансформов требует дополнительных мыслительных и творческих усилий со стороны их создателей. Регулярно повторяемые прецедентные феномены являются, таким образом, одним из языковых механизмов актуализации системообразующего параметра intersубъективности газетно-журнального дискурса, в то время как прецедентные трансформы, встречающиеся в единичных контекстах, – механизмом вербального оформления его субъективности.

Современная концепция прецедентности разграничивает четыре вида прецедентных феноменов: прецедентный текст, прецедентная ситуация, прецедентное имя и прецедентное высказывание [Гудков 2003: 401-419]. *Прецедентный текст* – это законченный и самодостаточный продукт речемыслительной деятельности, предикативная единица, сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу. К числу прецедентных текстов принадлежат известные произведения художественной литературы, тексты популярных песен, рекламные тексты, анекдоты и т.д. [Красных 2002: 55]. Под *прецедентной ситуацией* понимается некоторая реальная или придуманная единичная ситуация, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком

практически всем социализированным представителям этого сообщества [Гудков 2000: 41]. *Прецедентное имя* представляет собой индивидуальное имя, связанное с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным, или с прецедентной ситуацией, знакомой носителям языка [Красных 2002: 57]. *Прецедентное высказывание* – это репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченная и самодостаточная единица, которая может быть или не быть предикативной; сложный знак, сумма значений компонентов которого не равна его смыслу [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 83]. К данной группе прецедентных феноменов относят автономные прецедентные высказывания, оторвавшиеся от текста-источника, в том числе пословицы и цитаты в широком смысле слова: собственно цитаты в традиционном понимании (как фрагмент текста), названия произведений, а также полное воспроизведение текста, представленного одним или несколькими высказываниями [Гудков 1999: 100].

Исследователи отмечают, что прецедентные ситуации и прецедентные тексты являются *вербализируемыми прецедентными феноменами*, поскольку принадлежат когнитивному сознанию и выводятся на языковой уровень с помощью различных средств вербальной актуализации, в том числе и за счёт *вербальных прецедентных феноменов* – прецедентного имени и прецедентного высказывания [Гудков 2000: 41-43], что позволяет квалифицировать последние как «символы» прецедентных ситуаций и прецедентных текстов [Захаренко, Красных, Гудков, Багаева 1997: 82-103].

В газетно-журнальном дискурсе бóльшая часть прецедентных феноменов обнаруживается на *лексико-фразеологическом уровне*, к которому относятся слова и словосочетания, являющиеся прецедентными именами – символами прецедентных ситуаций и прецедентными высказываниями – символами прецедентных текстов. Например, исторический прецедент, связанный с выступлениями в 1773 году американских колонистов против принятия британским парламентом «Чайного закона», ущемляющего их

экономические права, получил название Boston Tea Party (Бостонское чаепитие) и стал восприниматься как «эталон» подобных действий вообще. Именно потому консервативно-либертарианское движение в США, возникшее в 2009 году, получило название Tea Party movement (Движение чаепития), а прецедентное имя Tea Party стало именем-символом прецедентной ситуации, регулярно воспроизводимом в периодической печати: ‘Saying as much is already **Tea Party** heresy, so why not take the next logical step and admit that the nation’s finances are unsustainable in the long term without some tax increases?’ [The New York Times, September 13, 2009]; ‘Genuflecting to the **Tea Party**’ [The New York Times, October 19, 2009].

Естественным образом символами прецедентных ситуаций становятся прецедентные имена, входящие в когнитивное пространство носителей вариантов английского языка стран внутреннего круга. Например, название статьи о клонах содержит известную кличку первого клонированного животного – ‘**Dolly**, You’re History’ [Time, August 3, 1998], а материал о палестинских врачах, вынужденных грабить израильские больницы в связи с отсутствием лекарств на родине, – имя благородного разбойника, руководствовавшегося высшими целями в своей преступной деятельности, – ‘**Robin Hoods** of Palestine Head for the Hospitals’ [Time, May 24, 1999]. Заголовок публикации о невероятной силе растений включает имя героя-силача древнегреческих мифов – ‘**Hercules** in the Garden’ [The New York Times, October 17, 2005]. Заметка о специализированном фэшн шоу кошек содержит имена деятелей культуры, литературных и исторических персонажей и т.п.: ‘Giles Deacon. A handworked sweater in a knit of **Gargantua**’, ‘This party seemed like a cat’s worst nightmare: a fashion show of cats decked out like furry little **Lady Gagas** in custom outfits by Meow-Wear’, ‘Kashmir, a ragdoll, was dressed like **Scheherazade**; Frenchie was a fluffy **Napoleon**’ [The New York Times, September 25, 2009]. Очерк о путешественнике и телеведущем Рике Стивсе включает указание на серию путеводителей, бедкеров, названных в честь их первого издателя Карла

Бедекера: ‘A knack for finding the unsung dungeon for dinner helps explain why Steves is the unchallenged **Baedeker** of his generation: he just works it harder than anyone else does’ [Time, June 8, 2009]. Прецедентные имена, вынесенные в наименования некоторых рубрик журнала «The Economist» обнаруживают взаимосвязь с событиями из истории Великобритании и США. Название раздела финансовой аналитики Buttonwood напоминает о первых собраниях американских трейдеров, которые проходили у раскидистого платана на Уолл-Стрит; рубрика Lexington, содержащая материалы о событиях в США, обязана своим названием событиям начала Войны за независимость в штате Массачусетс; раздел с публикациями о Великобритании Vagehot – известному английскому правоведу и экономисту Уолтеру Баджету.

Примерами использования прецедентных высказываний могут служить внесённые в газетно-журнальный дискурс в неизменном виде наименования произведений, распространённые цитаты, крылатые выражения и пр. Так, в заголовке заметки ‘**The invisible man**’ [The Washington Post, June 22, 2011] о слабой президентской компании Й. Хантсмана автономно от прецедентного текста используется прецедентное высказывание, название романа Г. Уэллса. Статья о жизненных установках одного из украинских политиков включает крылатое выражение, приписываемое американскому боксёру Мохаммеду Али: ‘He expressed a philosophy closer to that of another politically aware boxer, Mr. Ali: **float like a butterfly, sting like a bee**’ [USA Today, August 13, 2015], а аналитический материал о бедственном положении крупнейших автопроизводителей – выражение *Dead Man Walking!*, используемое охраной тюрем США при передвижении вне камеры заключённых, приговорённых к смертной казни: ‘Chrysler was a **dead man walking**, and GM was a problem that no bank or investor group would touch’ [Time, June 8, 2009] и т.п.

Кроме этого к прецедентным феноменам, широко представленным в газетно-журнальном дискурсе, относятся типовые коллокации, обнаруживающие экспрессивность, которая формируется посредством привычных для коллективного сознания языковых механизмов

интерпретации информации. Такие единицы вносятся в периодическую печать в готовом виде и не требуют от авторов публикаций дополнительных мыслительных усилий при их создании. Читатели воспринимают данные коллокации как неизменный атрибут газетно-журнального текста, в связи с чем их выразительный потенциал оказывается значительно ниже, чем потенциал языковых единиц, возникающих в результате индивидуального речетворчества. К явлениям подобного рода относятся:

- узуально-клишированные номинативные словосочетания, обнаруживающие метафорическое переосмысление ключевых элементов: consumer giant, cooperation ties, debt relief, financial burden, goodwill gestures, growth engine, humanitarian ties, international arena, legal fate, political base, political credit, political forces, political frustration, pivotal figure, regional arena, ruling quarters, system failures, trade war, etc.

E.g.: ‘The West should know that China and India share broad common interests in the **regional and international arenas**’ [Financial Times, November 5, 2009]; ‘Exports have become the prime **growth engine** over the past few years, with prolonged sluggish domestic demand compounded by a corporate reluctance to invest’ [The Daily Telegraph, April 7, 2013]; ‘Immigrants bear heavier **financial burden** than locals’ [The New Yorker, May 3, 2015]; ‘The interview covers more than 50 years of the extremist’s life, and bin Laden’s family and friends blame everything from global **political forces** to bin Laden’s own character for the former leader of al-Qaida’s decades of fanaticism’ [USA Today, January 15, 2016]; ‘The Massachusetts senator identified some of the **system’s failures**’, ‘She called for support for unions, massive investments in infrastructure and more spending on education, including programs for preschool-age children and **debt relief** for students loans’ [The Wall Street Journal, August 23, 2017]; ‘[...] said the City Government will foster new **growth engines** [...]’ [The Sun, November 29, 2017]; etc.,

- узуально-клишированные оценочные номинации, аксиологическое содержание которых формируется посредством прилагательных и наречий,

напрямую выражающих положительную или отрицательную оценку: bad deal, better discipline, good chance, good job, good news, good reviews, good sign, good times, outstandingly bad, perfect campaign, positive review, remarkable journey, sadly predictable, significant growth, significant increase, strikingly beautiful, successful offering, successive bid, terrible mistake, tremendous amount, wonderful deal, worst instincts, etc.

E.g.: ‘Just who was it that prodded the starchy and straight-laced Al Gore to pluck, of all people, Tony Coelho, an affable and genuinely scandalous party veteran, to seize control of the **imperfect campaign**’ [Time, May 24, 1999]; ‘The Census Bureau reported last week that the nation’s poverty rate rose to 13.2 percent in 2008, the highest level since 1997 and a **significant increase** from 12/5 percent in 2007’, ‘It’s a **wonderful deal** for the lenders’, ‘Kim Glijsters completed a **remarkable journey**, becoming the only unseeded woman to win the Open winning streak snapped at five’ [The New York Times, September 16, 2009], ‘He has been quited all week – that’s not a **good sign**’ [The Guardian, March 17, 2000]; ‘The boundless demand for **positive reviews** has made the review system an arms race of sorts’ [The Washington Post, August 20, 2011]; ‘The **terrible mistake**, which killed three people and wounded 20, began just about the time the NATO summit in late April’ [The Independent, January 23, 2016]; etc.,

- узуально-клишированные оценочные номинации, аксиологический потенциал которых формируется путём метафорического переосмысления входящих в них прилагательных и наречий: ample reason, blistering report, crashing prices, declining prices, deep cuts, escalating tension, faltering economy, financially viable, firmest support, longstanding policy, massive loan, moderate growth, modest gains, money-losing proposition, mountain pressure, mounting tensions, over-heated economy, painfully evident, passionate defense, potential trade spat, rough time, sharp shock, sickening event, steep wage cuts, strengthened yen, strong recovery, warm relations, etc.

E.g.: ‘Drivers will be comforted by a break in recent record-high gas prices, but some travelers will have a **rough time** getting through wintry weather forecast

for the week’ [USA Today, November 24, 2005]; ‘As it now **painfully evident**, the economic growth of the Bush era was largely an illusion’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**Mountain pressure** from European governments has blocked a long-awaited overhaul plan for the European Aeronautic Defense and Space Company [...]’ [The New York Times, October 20, 2009]; ‘A **blistering report** prepared by Mr. Hyde’s committee last year lashed out at Britain’s refusal to address the third-party loophole [...]’ [Financial Times, November 30, 2009]; ‘Japanese authorities claimed **modest gains** Thursday in their efforts to tame a heavily damaged nuclear-power plant [...]’ [The Wall Street Journal, March 19, 2011]; ‘Trump’s shocking victory, his ascension to the Presidency, is a **sickening event** in the history of the United States and liberal democracy’ [The New Yorker, November 9, 2016]; ‘[...] the encouraging noises from his camp about a UK-US trade deal are all good omens for **warmer relations**’ [The Independent, November 12, 2016]; etc.,

- узуально-клишированные глагольные словосочетания, характеризующиеся идиоматическим переосмыслением входящих в них компонентов: to assess a sign, to be weighted down by debt, to boost the economy, to build bridges, to derail a proposal, to entertain a bid, to establish a link, to find a new way, to give a platform, to go against the trend, to live below poverty line, to lose ground, to mark a major step, to mask a problem, to put a crimp, to put a dent, to rattle the market, to show a unified front, to tighten the policy, to trace the roots, to trigger the anger, to win a waiver, to win public backing, etc.

E.g: ‘The UK looks set to lose its five-year battle **to win a waiver** on strict US arms export controls [...]’ [The New Yorker, August 17, 2006]; ‘Town Meeting voters in Ayer **have derailed a proposal** to permit residential housing at Vickburg Square in Devens [...]’ [The Boston Globe, June 10, 2009]; ‘A rare few Justices have been able to use their extraordinary political skills **to build bridges** and meaningfully influence the court’s direction’ [Time, June 18, 2009]; ‘Top Fed officials believe such a move would **tighten overall monetary policy** at a time

when they still worry about the durability of the economic recovery’ [The Wall Street Journal, September 15, 2009]; ‘It is sadly predictable that in a recession, the poor get poorer and the middle class **loses ground**’, ‘That means that some 40 million people in this country are **living below the poverty line** [...]’ [The New York Times, September 16, 2009]; etc.,

- газетно-журнальные идиоматические словосочетания: atomic blackmail, axis of evil, behind-the-scenes figure, blue collar, fat frying, first lady, iron curtain, kiss and tell, Main Street, nuclear autumn, nuclear knockout, pivotal state, pork barrel, red tape, shuttle diplomacy, to dog and pony, to fly a kite, Wall Street, White House, white collar, witch hunting, etc.

E.g.: ‘To offset a U.N. bid for an independent broker, Albright enlisted the Finnish President to join Chernomyrdin’s **shuttle diplomacy**’ [Time, May 24, 1999]; ‘Actuaries predict shorter life expectancy for them, compared to **white-collar workers**’ [The Boston Globe, June 3, 2009]; ‘But the people who run these organizations – and the people who care about them – were eager to see in the **First Lady’s** appearances a sign that the **White House** knows just how bad things have gotten for them’ [Time, June 8, 2009]; ‘Burma may not be a charter member of the **axis of evil**, but it surely deserves a dishonorable mention’ [Time, August 31, 2009]; ‘We do not want to see the **iron curtain** back’ [The Independent, November 12, 2016]; etc.,

- традиционная англо-американская фразеология: dark ages, dead ringer, head over hills, rara avis, sore subject, swang song, to be in the same boat, to bear fruit, to breath new life, to come down to Earth, to lay a trap, to raise the voice, to ring a bell, to see the bottom, to shift beneath smb’s feet, white cash, etc.

E.g.: ‘A **Swan Song** For a Coaching Triumvirate’ [The New York Times, December 8, 2005]; ‘A few of Sotomayor’s decisions may **ring a bell**’ [Time, June 8, 2009]; ‘To get Abu Jandal’s cooperation, Soufan and McFadden **laid a trap**’ [Time, June 25, 2009]; ‘If anyone had the authority, I said, **to raise his voice** against what was obviously a preparation for a similar “solution” for the East German pro-democratic movement, it was he’ [The New York Times, September

13, 2009]; ‘Mr. Icahn’s campaign against Motorola **bore fruit** this week’ [The New York Times, October 20, 2009]; ‘And we haven’t **seen the bottom** yet [...]’ [USA Today, January 21, 2016]; ‘Most other rich countries **are in the same boat**’ [The Economist, October 1, 2016]; ‘Bosses, who bought the BBC show for £75 million last month, believe the chemistry between Dawn and Jennifer, both 58, would **breathe new life** into the format’ [The Sun, October 7, 2016]; etc.

Ярким свидетельством актуализации системообразующего параметра интересубъективности на *морфологическом уровне* является вербальное оформление газетно-журнальных заголовков. Исследователи отмечают, что в абсолютном большинстве из них ключевыми словами становятся глагол или его формы [Зырянова 2010; Казак 2012; Куек 2005]. Наибольшее распространение получает видовременная форма Present Indefinite, в том числе и при передаче прошедших действий (настоящее историческое время) [Комиссаров, Рецкер, Тархов 1965: 222]. Для выражения будущего времени традиционно используется форма инфинитива с частицей *to*.

E.g.: ‘Iran: **Forgiving** but not **Forgetting**’ [Time, August 3, 1998]; ‘A Master Aviator With a Thing or Two **to Teach** About Aerodynamics’ [The New York Times, November 1, 2005]; ‘**Save** the Slice’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘Lawmakers **to consider** cellphones limits’ [The Boston Globe June 11, 2009]; ‘Truck bomb in Pakistan **kills** 11, injures 50’ [The Boston Globe, June 21, 2009]; ‘Fed Likely **to Keep** Buying Mortgage Instruments’ [The Wall Street Journal, September 19, 2009]; ‘Chrysler **Faces** Chilly Autumn’ [The Wall Street Journal, September 29, 2009]; ‘Nikkei index **falls** again; week’s loss is now 13%’ [The Wall Street Journal, March 20, 2011]; ‘A Lifetime Quest **to Finish** a Monumental Encyclopedia of Iran’ [The Washington Post, August 13, 2011]; ‘**Questioning** The Dogma of Tax Rates’ [The Washington Post, August 20, 2011]; ‘Crashing Oil Prices **Decimate** Texas Boomtowns’ [USA Today, February 21, 2016]; ‘Germany **loses** big company crown to Swiss’ [Financial Times, September 3, 2017]; ‘Surging Services Sector **Eases** Fears of Post-Brexit Slowdown’ [The Sun, October 5, 2017]; etc.

Типовое построение газетно-журнальных заголовков, характеризующееся наличием эллипсиса глаголов-связок и вспомогательных глаголов, является свидетельством актуализации интересубъективности и на *синтаксическом уровне*.

‘**New Yorkers Spending** more as Cost of Necessities Rises’ [The New York Times, December 13, 2005]; ‘Sense and **Sensibility Restored**’ [The New Yorker, August 5, 2006]; ‘**Buoyant equities unbowed** by prospect of imminent rate rises’ [Newsweek, June 7, 2009]; ‘Patriot Act **Provisions Extended**’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**Lawyer Sentenced** in Insider Trading Case’ [Time, August 15, 2016]; ‘**Black given** more time to answer fraud charges’ [The Washington Post, September 5, 2016]; ‘**Promotion getting** easier’ [Financial Times, August 7, 2017]; ‘Financial **Commentator Arrested** for Fraud’ [Financial Times, November 30, 2017]; etc.

Большинство исследователей, рассматривая иные вербальные проявления интересубъективности на синтаксическом уровне, отмечает, что для периодической печати в целом характерен прямой порядок слов, при котором в начале предложения обычно стоит подлежащее и сказуемое, за которым следует обстоятельство места и затем обстоятельство времени [Швейцер 1988: 172]. По нашему мнению, данный тезис требует определённой корректировки. Практическое исследование языкового материала позволяет утверждать, что наряду с типовым неинвертированным оформлением газетно-журнальных предложений, важным механизмом, нацеленным на вербализацию интересубъективности, является повсеместное усложнение синтаксиса периодической печати, которое происходит за счёт использования:

- придаточных предложений: ‘**If Paula Jones has got herself a new nose**, I hope it turns out to be, **as my mother would have put it**, cute as a button’ [Time, August 3, 1998]; ‘I had seen you before, too many times to count, but a farewell **that my family threw to yours** at our house in Inman Square, is **when I begin to recall your presence in my life**’ [The New Yorker, May 8, 2006];

‘Japanese shares slid Monday on concerns that the strengthened yen could put a dent in exporters’ earnings, **while a potential trade spat between the U.S. and China put a crimp in European stocks**’ [The Wall Street Journal, September 15, 2009]; ‘We cannot be sure **if this apparently hawkish, thin-skinned and aggressive personality might not, in the end, turn out to be more doveish** than seems possible today’ [The Independent, November 12, 2016]; etc.,

- конструкций в страдательном залоге и с неличными формами глагола: ‘**Born on the Gambia River around 1740**, not far from where he would only die, Harry Washington was sold into slavery sometime before 1763’ [The New Yorker, May 8, 2006]; ‘The book **is believed to be worth \$ 11 million**, a police officer said’ [The Boston Globe, June 7, 2009]; The Obama administration **supports extending three provisions** of the USA Patriot Act that **are scheduled to expire** at the end of the year [...]’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**Addressing the Conservative Party Conference** for the first time as leader, Mrs May will declare that her government will begin work **to end the legislation** that gives European Union law supremacy in Britain’ [The Daily Telegraph, October 3, 2016]; ‘The optimistic version – **pushed heavily by the hard-right Eurosceptics and their many media allies** – is that Donald Trump’s promise to emulate Brexit [...]’ [The Independent, November 12, 2016]; etc.,

- приложений: ‘Nineteen-year-old Esthero, **singer of a Toronto trip-hop duo that bears her name**, is the newest member of the school of so-called blue-groove vocalists’ [Time, August 3, 1998]; ‘Two years ago, Sami Grover, **an environmentally minded Englishman**, vowed to take his last trip by airplane’ [The New York Times, September 20, 2009]; ‘The old experts who spoke with confidence about unending global growth – **the boomsters** – have demonstrated a similar hubris, ignoring any evidence that might complicate their story’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘Soufan, **now an international security consultant**, has emerged as a powerful critic of the George W. Bush-era interrogation techniques’ [Time, June 8, 2009]; ‘Surely, Breitbart News, **a site of vile conspiracies**, could not become for millions a source of news and mainstream

opinion' [The New Yorker, November 9, 2016]; etc.

Важным вербальным средством оформления *субъективности* является использование прецедентных трансформов – намеренно изменённых прецедентных имён и прецедентных высказываний, являющихся символами прецедентных ситуаций и прецедентных текстов, которые обнаруживаются, главным образом, на *лексико-фразеологическом уровне*. Например, в заголовке статьи о проблемах современной Германии встречается трансформированное прецедентное имя Berlin's wall – 'Tearing Down **Berlin's Mental Wall**' [The Washington Post, August 13, 2011]. В тексте статьи о мировой экономике и в заголовке материала о животных, выращенных в естественных и искусственных условиях, встречается трансформированное прецедентное высказывание – название произведения Ч. Диккенса 'The Tale of Two Cities': 'It is becoming increasingly clear that the story of the global economy is a **tale of two worlds**' [Newsweek, June 8, 2009], '**The Tale of Two Cattle**' [Time, August 31, 2009]. Название театральной рецензии '**Less than Earnest**' [The New Yorker, May 8, 2006] является результатом трансформации наименования известной комедии О. Уайльда «The Importance of Being Earnest»; заголовок статьи о проблемах клонирования '**The Moon and the Clones**' [Time, August 3, 1998] – названия романа С. Моэма «The Moon and the Sixpence»»; название статьи '**The Old Man and the Sea of Oil**' [The Wall Street Journal, September 15, 2009] о положении в нефтедобывающей отрасли – заглавия романа Э. Хэмингуэя «The Old Man and the Sea»; заголовок публикации '**Flame First, Think Later: New Clues to E-mail Misbehavior**' [The New York Times, September 20, 2009] – известной английской пословицы 'Think first, than speak': в статье идёт речь о неправильном поведении пользователей Интернета в социальных сетях, где очень оживлённое обсуждение какого-либо вопроса, начинающееся с чьего-либо зажигательного высказывания, приводит к грубости. Наименование аналитической публикации об условиях работы операторов колл-центров в Индии 'Where's the **Any Key?**' [The Wall Street Journal, February 20, 2011]

включает усечённое типовое устное сообщение автоматических систем обслуживания абонентов «Press any key»; название заметки об участии Брэда Питта и Анджелины Джоли в каннском кинофестивале ‘**Yes We Cannes**’ [Time, June 8, 2009] – трансформированный вариант одного из лозунгов предвыборной кампании Б. Обамы, ‘Yes We Can’; заголовок статьи о перспективах робототехники ‘**We, Robot**’ [The Washington Post, August 13, 2011] – изменённое название сборника научно-фантастических рассказов Айзека Азимова и одноимённого популярного фантастического триллера “I, Robot”, снятого по его мотивам; и т.п.

К прецедентным трансформам относятся и трансформированные фразеологические единицы. Как отмечает Н.М. Шанский: «В стилистических целях фразеологизмы могут употребляться как без изменений, так и в трансформированном виде, с иным значением и структурой или с новыми экспрессивно-стилистическими свойствами» [Шанский 1985: 149]. Преобразованные фразеологические единицы являются результатом индивидуально-авторских трансформаций – «импровизированных изменений в экспрессивно-стилистических целях» [Гусейнова 1997: 7]. Наличие таких единиц в периодической печати является доказательством индивидуального способа осмысления действительности создателями газетно-журнальных текстов и их творческих способностей. Нижеследующие примеры убедительно демонстрируют это: ‘Hard man with a **sweet tooth**’ [The New Yorker, June 19, 2006] – трансформация фразеологизма to have a sweet tooth; ‘Pearsall [...] has had a harrowing **crash back to Earth**’ [The New York Times, October 20, 2009] – to come back to Earth; ‘When possible, **Uncle Sam’s thumb** has pressed the scale in favor of the people the government sees as underdogs – [...]’ [The Washington Post, August 21, 2011] – Uncle Sam; ‘Science-fiction fans have long been familiar with the sort of angst about existential risks – in the 1950s Arthur C. Clarke told them that, confined to Earth “**humanity had too many eggs in one rather fragile basket**”’ [The Economist, October 1, 2016] – to pull all eggs in one basket; etc.

Задачи настоящего исследования не предполагают подробного описания всего корпуса иных вербальных средств выражения субъективности. Анализ эмпирического материала позволяет утверждать, что наряду с прецедентными трансформами к наиболее заметным из них на лексико-фразеологическом уровне относится использование образных коллокаций, встречающихся в единичных контекстах и обнаруживающих авторское начало. Как правило, это – тропы, основанные на переносном значении входящих в них компонентов, которые не только обеспечивают выразительность газетно-журнального дискурса, но и являются «опознавательными знаками» индивидуального стиля авторов публикаций.

E.g.: ‘She was **a supersized meal of pop culture**’, ‘[...] the conveniently timed marriage to the **about-to-burst pinata** that was ailing octogenarian [...]’, ‘[...] the country of self-invention, of new names, new faces and new starts – **the land of plasticity**’, ‘[...] whether it will be **the new marijuana**’, ‘Some people called it **an intoxicated rant** [...]’, ‘[...] Smith is in her **24-karat heaven**’ [Time, February 23, 2007]; ‘But over the longer run, this **up-by-the-bootstraps jurist** could matter a great deal’, He has described the techniques as “**borderline torture**” and “un-American”, ‘He thinks of Europe as a good “**wading pool**” for U.S. citizens to try before they jump into deeper waters elsewhere on the globe’ [Time, June 8, 2009]; ‘Then again, it took little brilliance to recognize the longstanding **wall in the mind**, which I described in my book “The Wall Jumper”’, ‘But I’d be lying if I didn’t admit that I was also grappling with every emotion along **the flight-flight-freeze continuum**’ [The New York Times, September 13, 2009]; ‘Others say that helicopter money would probably be **a slippery slope down into the valley of runway inflation** – especially if done by politicians [...]’ [The Independent, September 4, 2016]; ‘That has sometimes produce **windfalls at the very top of the income distribution**’ [The Economist, October 1, 2016]; ‘We see the U.S. as **a beacon of progress** and a place where dreams can come true, so people feel sad and concerned and disillusioned’ [Newsweek, November 10, 2016]; etc.

К основным языковым средствам актуализации субъективности на *синтаксическом уровне* относятся структуры, соотносящиеся с представлением об экспрессивном (эмоциональном) синтаксисе [Skrebnev 1994; Синеокова 2011; Рахманкулова 2012], которые нацелены на повышение общей выразительности газетно-журнального дискурса и усиление его волюнтаристического потенциала. К ним относятся:

- построения с однородными членами предложения: ‘When the long-term problems are large and real, **they anesthetize us, mislead us, divert us** – anything to keep us from giving up something or having to pay for it’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘And with online advertising revenues not making up what papers are losing in print ad revenues, newspapers have been **shedding jobs, cutting sections, or going online altogether**’ [The Boston Globe, June 10, 2009]; ‘The provisions give the government the authority **to access business records, operate roving wiretaps and conduct surveillance** on “lone wolf” suspects [...]’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘They will downplay **the virulence of the nationalism displayed, the cruel decision to elevate a man who rides in a gold-plated airliner** but who has staked his claim with the populist rhetoric of blood and soil’ [The New Yorker, November 9, 2016]; etc.,

- предложения, начинающиеся с обстоятельств различного типа: ‘**In such a world**, renewable energy – where the variable cost of your fuel, sun or wind, is zero – will be in huge demand’ [The New York Times, September 16, 2009]; ‘**Five years later**, the paper became the initial focus of an investigation by the Interior Department’s inspector general, based on allegations that have been made public’ [The Washington Post, August 17, 2011]; ‘**These days**, the bar in this South Texas city 50 miles southwest of San Antonio sits mostly empty [...]’, ‘**On Wednesday**, the price of West Texas Intermediate dipped below \$27 a barrel [...]’ [USA Today, January 21, 2016]; ‘**Elsewhere**, the whole world will be lucky if Mr Trump doesn’t do serious damage to the world economy’ [The Independent, November 12, 2016]; etc.,

- построения с номинативными, эллиптическими и абсолютными конструкциями, не входящими в состав прямой речи: ‘**Action: clouds of billowing fire. The earth quivered**’, ‘Pioneering surgeons used to wait until after the operation before claiming their 15 minutes of fame. **Not anymore**’ [Time, August 3, 1998]; ‘**But back home**, my sadness turned to joy’ [Time, June 8, 2009]; ‘**Unlucky or not**, this is the worst losing streak for the launch industry in the past 13 years, since the Challenger explosion drove skittish customers away’, ‘Snowdon has never been able to identify anything that might prevent the disease. **Until now**’ [Time, May 24, 2015]; ‘Trump is vulgarity unbounded, a knowledge-free national leader who will not only set markets tumbling but will strike fear into the hearts of the vulnerable, the weak, and, above all, the many varieties of Other whom he has so deeply insulted. **The African-American Other. The Hispanic Other. The female Other. The Jewish and Muslim Other**’ [The New Yorker, November 9, 2016]; etc.,

- предложения с инверсией, не входящие в состав прямой речи: ‘Well, frankly, you don’t matter. **To Hollywood – kids matter**’ [Time, August 3, 1998]; ‘**More interesting was** that she seemed aware of it’ [The New Yorker, May 8, 2006]; ‘**Next come the pills**’ [Newsweek, June 8, 2009]; ‘**But absent a time bomb hidden among her rulings and public statements**, there’s not much Sotomayor’s opponents can do to turn her into a scary radical – or to counter that compelling personal story’ [Time, June 8, 2009]; ‘**So like you, I imagine**, I wanted to buy, and I wanted to sell, sometimes on the same day’ [The Washington Post, August 5, 2011]; ‘Music lessons, gymnastics, horse-back riding, tutoring, summer-long residential camps, sports teams – the list goes on and on. **Often, so do the costs**’ [The Wall Street Journal, August 13, 2011]; ‘**To combat authoritarianism, to call out lies, to struggle honorably and fiercely in the name of American ideals – that is** what is left to do’ [The New Yorker, November 9, 2016]; etc.,

- вопросительные предложения, соотносящиеся с представлением о риторическом вопросе, который не предполагает ответа, поскольку своим содержанием утверждает определённую мысль, выражает раздумья,

сомнения, эмоциональное состояние автора: '[...] and **who was ever more literally self-made than Anna Nicole Smith?**' [Time, February 23, 2007]; '**If there are any Wise Men available in the spring of 2006, what should they tell President Bush to do in Iraq? And, if they told him, would he listen?**' [The New Yorker, May 8, 2007]; 'The meal turned out to be great. The tab? About 15\$. **And the TV? Who knows?**' [Time, June 8, 2009]; '**Is Whiteacre a white knight, a compulsive liar, playing secret agent or plagued by mental illness? Or all of the above?**' [USA Today, September 18, 2015]; 'The Big Questions: **Where would the money come from? Would it be printed? Do we need it? What would be the consequences?**' [The Independent, September 4, 2016]; etc.

Невербальные проявления интерсубъективности и субъективности газетно-журнального дискурса наблюдаются на уровне его *макроструктуры*. Основным показателем интерсубъективности является воспроизводимость однотипного построения и особенностей оформления материалов газетно-журнальной публицистики. Каждое периодическое издание повторяет из номера в номер один и тот же набор тематических блоков, разделов и подразделов, размещаемых в определённой последовательности. Например, газета «USA Today» при распределении публикуемых материалов руководствуется принципом особой значимости информации о событиях внутри США и за её пределами по сравнению с иными событиями. В связи с этим, тематические блоки издания традиционно располагаются следующим образом: события внутри страны (Nation), события в мире (World), финансовая аналитика (Money), спортивные новости (Sports), общекультурная информация (Life). Каждый тематический блок, в свою очередь, включает привычный для читателя набор разделов: Newslines, Washington, Cover Story, Nationline, Across the USA; Moneyline, Marketing, Retailing, Markets; Sportsline, Baseball, Football, Games, Leagues; Lifeline, Music, Movies, Theatres, Books; etc.

Газета «Financial Times» также практикует распределение публикуемых материалов по основным структурным блокам, включающим

воспроизводимый из номера в номер набор соответствующих разделов: Home (Emerging Markets, Portfolio, In depth, etc.), World Companies (Africa, Asia-Pacific, Europe, Latin America, etc.), Markets (Markets Data, Trading Room, Equities, Currencies, etc.), Global Economy (Economic Calendar, China, EU, etc.), Management (Business Education, Entrepreneurship, Recruitment, etc.), Life&Art (Arts, Magazine, House&Home, Food&Drink, etc.). Все номера «The Washington Post», выходящие с понедельника по субботу, включают такие разделы как: Main section (национальные и международные новости, бизнес, политика, редакционные статьи и мнения), Metro section (местные новости), Style section (публикации на тему культуры, политики, искусства, кино, моды), Sports section (информация о событиях в мире спорта) и Classified advertising (объявления и реклама). Современная «The Daily Telegraph» состоит из трёх постоянных разделов: Main News, Business и Sport. Кроме того ежедневно выходят тематические подразделы (features). В понедельник – арт-аукционы, бизнес, искусство, мода, здоровье, во вторник – общение, искусство, стиль, здоровье, в среду – наука, искусство, образование, в четверг – искусство, стиль, закон, в пятницу – здоровье, искусство, мода, кино, в субботу – семейные проблемы, дом, питание, шопинг и т.д. Регулярно повторяемыми разделами «The Wall Street Journal» являются: Section One (новости политики и экономики), Marketplace (здоровье, технологии, СМИ и маркетинговые отрасли промышленности), Money and Investing (анализ ситуации на международных финансовых рынках), Personal Journal (культура, карьера) и Off Duty (личные интересы деловых читателей, включая недвижимость, путешествия и спорт). Кроме того, ряд авторов (колумнистов) ведут постоянные подразделы в Personal Journal: Best of the Web Today (Дж. Таранто), Global View (Б. Стефенс), Business World (Х. Дженкинс), Wonder Land (Д. Хэннингер), Potomac Watch (К. Страссел) и пр.

Такая же картина наблюдается и в журнальной периодике. Например, «The Economist» уделяет основное внимание мировым новостям, политике и

бизнесу. Кроме этого, в издании существуют регулярные разделы, посвящённые науке, технике, книгам и искусству. Раз в две недели публикуется подробный аналитический отчёт, посвящённый конкретной теме: страны, регионы, бизнес, финансы и пр. Каждые три месяца даётся развёрнутый обзор последних тенденций и изменений в науке и технологиях. Существует уникальный среди британских еженедельников раздел экономической статистики, который имеет большое значение для многих мировых финансовых институтов и экспертного сообщества. Журнал «Time» наряду с крупными внутренними тематическими объединениями статей (Notebook, World, Nation, Society, Business, Science, Arts, etc.) практикует публикацию материалов в разделах: Interview, Letters, Milestones, Viewpoint, History, Law, People, Essay, etc. Перечень основных повторяющихся разделов «The New Yorker» включает: Contributors, The Mail, Going On About Town, The Talk of the Town, Fiction, The Critics, etc., а «Newsweek» – Cover Story, Top of the Week, The Technologist, Letters, My Turn, Perspectives, Politics, Justice, Special Report, Music, Movies, Books, etc.

Очевидно, показателем воспроизводимости однотипной структуры периодических изданий Великобритании и США является и повторяющийся способ анонсирования последующих публикаций. Бóльшая часть статей, расположенных на первой странице печатной версии издания или домашней странице его электронной версии, заканчивается на последующих страницах, на которые указывают соответствующие ссылки. В журнальном варианте последующие публикации анонсируются на обложке издания посредством баннерных заголовков и при помощи ярко иллюстрируемых ссылок, расположенных рядом с оглавлением. К явлениям этого же ряда, очевидно, следует отнести типовое «многоступенчатое» построение газетно-журнальных заголовков [Комиссаров, Рецкер, Тархов 1965; Швейцер 1988], структура которых включает баннерный заголовок (шапку) (headline, banner headline) и подзаголовок (lead).

Невербальное оформление интерсубъективности проявляется и в однотипном дизайне изданий. Например, «The Guardian» публикует свои материалы в формате «берлинер» и использует в оформлении преимущественно сине-фиолетовые тона, «The Independent» и «The Times» выходят в формате «компакт», «The Washington Post» – в формате A2, а «Financial Times» выпускается только на рыжеватой бумаге узкополосного формата. В свою очередь, такие издания как: «The Boston Globe», «The Daily Telegraph», «The Sun» и «USA Today» представляет собой широкополосные газеты с большим количеством цветных фотографий, рисунков, схем, графиков и диаграмм, чередующихся с печатной рекламой, которая может занимать целые развороты. Ежедневные широкоформатные газеты «The Wall Street Journal» и «The New York Times» отличаются большим консерватизмом в оформлении. Последняя, в частности начала публикацию цветных фотографий только в 1997 году, в связи с чем большинство изображений в ней остаются чёрно-белыми. Как правило, основной материал этого издания размещается в верхней правой колонке на главной странице; шрифты, используемые для оформления заголовков, представляют собой различные варианты Cheltenham или Imperial. Еженедельники «Time» и «Newsweek» узнаваемы по своей высококачественной полиграфии и ярким полноформатным фотографиям, а «The New Yorker» по бледной цветовой гамме, характерным чёрно-белым рисункам и специфической орфографии. Последняя включает применение надстрочных знаков – диерезисов над повторяющимися гласными в словах, где они произносятся отдельно, не формируя диграфа (reëlected, preëminent, соöperate и др.), запись чисел прописью (twenty-five hundred вместо 2500), отсутствие курсива при оформлении названий книг, фильмов и других произведений.

К основным невербальным средствам актуализации субъективности относится любое непривычное изобразительное, цветное или шрифтовое оформление газетно-журнального текста, привлекающее дополнительное внимание читателей. Наиболее показательными в этом смысле являются

иллюстрации, на которых наблюдаются отклонения от привычного визуального оформления системообразующих параметров информативности и квазиинформативности. Чаще всего в них присутствует совокупность изобразительных средств, нацеленных на выражение определённого эмоционального содержания: необычное оформление главного образа, его неестественное увеличение, а также размывание элементов второго плана.

Например, статья о проблемах медицины [Time, March 13, 2007] сопровождается изображением человеческого тела, на которое проецируется видеопрезентация (рис. 11 приложения к работе). Иллюстрацией к аналитическому материалу о государственных институтах США [The Wall Street Journal, October 11, 2009] является узнаваемый образ председателя Верховного Суда, лишённый лица (рис. 12). Интервью Джоеля Стайна с Паолой Абдул [Newsweek, August 5, 2009] и заметка о вышедшем в прокат фильме Джорджа Лукаса [Time, August 21, 1999] содержат намеренно увеличенные изображения главных героев публикаций (рис. 13, 14). На снимках к материалам о будущем американской автомобильной корпорации Дженерал Моторс [Time, June 15, 2009] и о первичных выборах в штате Айова [The New York Times, September 7, 2009] задний план сознательно размывается, что позволяет не только сфокусировать внимание читателей на главных образах фотоизображений, но и придать им определённую эмоциональность (рис. 15, 16).

Проделанный анализ позволяет утверждать, что корреляция между системообразующими параметрами газетно-журнального дискурса информативностью/квазиинформативностью и интесубъективностью/субъективностью носит не линейный, а взаимопроникающий характер, поскольку способы их актуализации накладываются друг на друга. Например, любая цитата, являющаяся вербальным средством оформления информативности, может рассматриваться и как средство актуализации интесубъективности, поскольку является неотъемлемым, регулярно воспроизводимым элементом журналистского текста. В свою очередь,

индивидуально-авторские средства вербального оформления субъективности являются, как правило, и механизмом оформления информативности, поскольку нацелены на презентацию факта особым, не нейтральным способом. Подобное положение дел демонстрирует сложное устройство газетно-журнального дискурса. Описанные бинарные системообразующие параметры, по сути, являются основой для разработки двух независимых типологий средств его оформления на одном и том же эмпирическом материале, что имеет ряд очевидных преимуществ. Во-первых, такой подход наилучшим образом соответствует дискурсивному подходу к исследованию периодической печати, которая аккумулирует разнородные вербальные и невербальные явления. Во-вторых, он позволяет выделить наиболее существенные из них. В-третьих, исследование эмпирического материала, в основе которого лежит подобный принцип его типологизации, носит синергетический характер и позволяет достичь суммирующего эффекта взаимодействия двух или более факторов, который существенно превосходит эффект простой суммы отдельных компонентов.

ВЫВОДЫ

1. Изучение истории развития периодической печати Великобритании и США свидетельствует о том, что становление журналистского дела в этих странах имеет много схожего между собой, что позволяет применять однотипные методы для его исследования. Выбор дискурсивного подхода к описанию печатной периодики обусловлен необходимостью разработки типологии её системообразующих параметров, имеющих практическое воплощение на вербальном и невербальном уровнях.

2. Газетно-журнальный дискурс является неотъемлемой частью медиадискурса, входящего в более широкий публицистический дискурс. Он включает совокупность текстов, распространяемых посредством печатного слова через газеты, журналы и виртуальную среду Интернет, которые нацелены на специфическое оформление свойства публицистичности – особого характера мышления автора, выражающего политико-идеологическую установку печатного органа и оказывающего коммуникативно-волеуправляющее воздействие на адресата текста. Основными компонентами газетно-журнального дискурса являются вербальные и невербальные средства его оформления, а также экстралингвистические условия его существования.

3. Стандарт оформления англо-американского газетно-журнального дискурса представляет собой совокупность вербальных и невербальных средств оформления его системообразующих параметров – наиболее общих содержательных характеристик, относящихся в равной мере ко всем материалам, входящим в его состав: информативности/квазиинформативности и интерсубъективности/субъективности. Поскольку данный стандарт ориентирован на нормы языковых вариантов английского языка внутреннего круга, он может быть охарактеризован как нормообеспечивающий и эндонормативный.

4. Системообразующий параметр информативности отражает свойство периодической печати максимально точно воспроизводить основную информацию и доказательства её достоверности. На вербальном уровне информативность оформляется посредством прецизионной лексики, терминологии, безобразных узуально-клишированных словосочетаний, лексически и стилистически маркированных языковых единиц, ссылок на источники информации и цитации. К невербальным средствам её оформления относится расположение наиболее существенных с точки зрения фактического содержания образов на первом плане газетно-журнальных иллюстраций.

5. Системообразующий параметр квазиинформативности отражает свойство печатной периодики воспроизводить фоновую информацию, связанную с оформлением обязательных параметров полноформатного газетно-журнального дискурса. На вербальном уровне квазиинформативность актуализируется при помощи общевокабулярной лексики, формирующей языковую основу печатной периодики. К невербальным средствам её оформления относится расположение менее существенных с точки зрения фактического содержания образов на заднем плане газетно-журнальных иллюстраций. Информативность и квазиинформативность тесно взаимосвязаны, поскольку отражают «двуслойный» характер вербальных и невербальных средств печатных СМИ в процессе предъявления информации: представление основного события и общего фона, на котором оно разворачивается.

6. Системообразующий параметр интерсубъективности отражает свойство газетно-журнального дискурса воспроизводить однотипные сущности, упрощающие его восприятие. К вербальным средствам его актуализации относятся: прецедентные феномены, особое оформление заголовков и типовые усложнённые синтаксические построения. К основным невербальным проявлениям интерсубъективности относится воспроизводимость однотипной структуры и дизайна печатных изданий.

7. Системообразующий параметр субъективности отражает свойство газетно-журнального дискурса вырабатывать феномены, отклоняющиеся от традиционных норм его оформления. На вербальном уровне субъективность актуализируется посредством прецедентных трансформов, обнаруживаемых в единичных контекстах образных коллокаций и экспрессивных синтаксических построений. К вербальным средствам её оформления относится любое непривычное изобразительное, цветное или шрифтовое оформление периодической печати. Интесубъективность и субъективность образуют единый бинарный системообразующий параметр газетно-журнального дискурса, поскольку соответствуют обнаруживаемым в нём тенденциям к интерпретации информации стандартными и индивидуально-авторскими способами.

ГЛАВА 3. НАТИВИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ КАК ПРОБЛЕМА КОНТАКТНОЙ ОРИЕНТОЛОГИИ

3.1. Взаимосвязь языка и мышления при нативизации восточноазиатской англоязычной газетно-журнальной периодики

Особое внимание в контактологических исследованиях газетно-журнальной периодики, по нашему мнению, должно уделяться социокультурному контексту как фактору максимально значимому для его формирования. Социально-политическая ориентация печатных СМИ ярко репрезентирует процесс гибридизации английского языка в зоне актуальных межкультурных контактов. Подвижность периодической печати позволяет отследить ключевые тенденции взаимодействия региональных вариантов английского языка, один из которых является чужим для нации, но своеобразно адаптированным к условиям функционирования в иноязычной культурной среде, что неизбежно влечет за собой определенные изменения в его структуре. Дискурсивный подход к изучению подобного взаимодействия позволяет уловить наиболее очевидные тенденции этого сложного процесса и определить вектор возможных изменений в языке-интерференте. Англоязычная пресса стран Восточной Азии является в этом смысле удачным объектом для практического исследования, поскольку отличается институционализированностью и воспроизводимостью, позволяющими фиксировать наиболее устойчивые тенденции отражения особого мировидения восточноазиатских народов в материалах на иностранном языке. Кроме этого, рассмотрение восточноазиатской англоязычной периодической печати с позиций актуализации в ней проявлений наднационального менталитета оказывается возможным в связи с тем, что восточноазиатские культуры обладают рядом общих черт. Американский антрополог Э. Холл выделяет два типа культур в зависимости от их

отношения к контексту: низкоконтекстные и высококонтекстные. При этом под контекстом понимается «информация, окружающая и сопровождающая событие, т.е. то, что вплетено в значимость происходящего» [Hall 1976: 73]. В низкоконтекстных культурах основная часть информации, которой обмениваются коммуниканты, закодирована в сообщениях на эксплицитном уровне. В высококонтекстных – наоборот, большая часть информации существует на уровне контекста. Признаками высококонтекстных культур считается их традиционность, устойчивость, эмоциональность и несклонность к переменам, в то время как низкоконтекстные культуры ассоциируются с динамизмом и высоким уровнем технологического развития. Низкоконтекстная культура, характерна для Германии, Швейцарии, Канады, США, стран Скандинавии и т.п. К группе стран с высококонтекстным видом культуры относятся Китай, Япония, Корея, Вьетнам, страны Средиземноморья, государства Ближнего Востока и пр. Высококонтекстные культуры считаются однородными с точки зрения накопленного исторического опыта, сложившегося менталитета и информационной обеспеченности. В силу укоренившихся традиций эти культуры мало меняются со временем, поэтому при взаимодействии с окружающим миром один и тот же стимул всегда вызывает одинаковую реакцию. В этой связи способ описания действительности народами Восточной Азии посредством английского языка, опирающийся на традиционное мышление, представляет особый интерес для исследователя-вариантолога.

Теоретическое осмысление указанных проблем неизбежно наталкивается на необходимость чёткого определения таких основополагающих понятий как: менталитет, этнический менталитет и языковая личность. Анализ философских, психологических и социологических исследований отечественных и зарубежных учёных показывает, что в большинстве из них понятие *менталитета* рассматривается как синоним понятия *ментальность* [Воробьева 2008: 6-15].

Интерпретации данных терминов некоторыми лексикографическими источниками также не позволяют отграничить их друг от друга. Например, в соответствующей статье «Нового словаря иностранных слов» находим определение, которое объединяет оба представления: «Менталитет, ментальность [от поздн. лат. *mentalis* умственный] 1) образ мыслей, совокупность умственных навыков и духовных установок, присущих отдельному человеку или общественной группе; 2) психология нации» [Ситникова 2005: 528]. Очевидными причинами подобной терминологической нечёткости являются общая теоретическая неразработанность проблемы [Колесов 2007: 38] и узкая направленность отдельных работ, учитывающих только специальный предмет своего изучения.

Значительный интерес различных отраслей научного знания к проблеме взаимоотношения языка и мышления, наблюдающийся в последнее время, обуславливает необходимость системного разграничения этих понятий. Некоторые исследователи склонны относить менталитет к общим социокультурным категориям, а ментальность к конкретным формам его проявления в различных социумах на разных исторических этапах их развития. Другие понимают под менталитетом особый культурно-исторический феномен, отражающий индивидуальную специфику и духовное состояние субъекта социально-исторического бытия, а под ментальностью – универсальные базовые конструкты духовной жизни общества, формирующиеся в социокультурном пространстве в конкретные исторические периоды [Воробьева 2008: 6]. Третьи утверждают, что менталитет и ментальность соотносятся как часть и целое, при этом менталитет представляет собой систему внутренних, социально-психологических установок общества и «в силу высокой интеллектуально-интеллективной абсорбции выступает средством постижения феноменов и явлений» [Буянова 2010: 18], в то время как ментальность отражает глубинный уровень индивидуального сознания и является средством его

практического воплощения. В «Словаре терминов межкультурной коммуникации» менталитет и ментальность рассматриваются как соприкасающиеся понятия в том случае, если речь идёт о традиционном сознании и как различающиеся представления, если имеются в виду устойчивые интеллектуальные и эмоциональные особенности, присущие тому или иному индивиду как представителю некоторой социальной группы, для описания которых используется термин «менталитет», употребляемый в контексте социальной общности (нация, народ, этнос) [Жукова, Лебедько, Прошина, Юзефович 2013: 243].

Современная философия также проводит разграничение между представлениями о «менталитете» и «ментальности». В частности, под «менталитетом» в ней понимаются: а) устойчивый изоморфизм, присущий культуре или группе культур, который обычно не рефлектируется, принимается в этой культуре как естественный, б) устойчивый способ специфического мировосприятия, характерный для больших групп людей (этносов, наций или социальных слоев), обуславливающий специфику способов их реагирования на феномены окружающей действительности, в) мироощущение и миропонимание, г) способность духа, совокупность основополагающих взглядов индивида или коллектива, этноса. В свою очередь, «ментальность» – это: а) устойчивая настроенность внутреннего мира людей, сплачивающая их в социальные и исторические общности; совокупность сознательных и бессознательных установок и предрасположенностей индивидов, социальных общностей к определенному типу ценностей, мышления и действия, б) образ мышления, общая духовная настроенность человека или группы, в) мыслительная способность человека [Философский словарь 2018]. Кроме этого, «ментальность» определяется как «универсальная способность индивидуальной психики хранить в себе типические инвариантные структуры, в которых проявляется принадлежность индивида к определённом социуму и времени» [Копарулина, Смирнова, Гордеева, Балабанова 2003: 234] и как

«специфический способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью когнитивных стереотипов сознания, характерных для определенной группы людей» [Стернин, Ларина, Стернина 2003: 24].

Сопоставительный анализ различных подходов к определению менталитета и ментальности позволяет сделать вывод о том, что в большинстве из них менталитет ассоциируется с широким представлением, обозначающим сложившийся в течение длительного времени максимально устойчивый способ осмысления действительности представителями определённой человеческой общности, в то время как ментальность – менее устойчивый набор типовых представлений индивидуального сознания об окружающем мире, часто зависящий от конкретного социально-исторического контекста. С нашей точки зрения, в рамках контактологических исследований целесообразно использовать такие дефиниции, в которых, исследуемые фундаментальные понятия были бы связаны с процессом сохранения типовых представлений об окружающей действительности в форме языковых знаков. Вполне очевидно, что фундамент устойчивости ментального осмысления действительности закладывается именно языком как универсальной коммуникативной категорией, обладающей такой функцией, как хранение и передача информации и определяющей характер когниции в процессе формирования групповых стереотипов.

Взаимосвязь между ментальным миром человека и отражающими его языковыми феноменами получает самое разнородное толкование в работах современных учёных. Ряд исследователей считает, что менталитет общества представляет собой систему социально-культурных установок, одной из которых является языковая установка; менталитет детерминируется социальными условиями и выражается в языковых особенностях нации, в то время как язык оказывает определённое формирующее влияние на процесс становления и функционирования социального менталитета и ментальности

отдельной личности [Полежаев 2003: 170]. Некоторые выдвигают предположение о том, что целесообразно интерпретировать ментальность как скрытую понятийную языковую категорию, которая объективирует семантические признаки языковых единиц, не имеющие эксплицитного морфологического выражения, но существенные для построения и понимания высказывания [Буянова 2010: 16]. В этом случае представление о взаимосвязи языка и мышления носит чисто умозрительный характер, что отражается в определениях ментальности, формулируемых сторонниками подобного подхода, где «ментальность – это мирозерцание в категориях и формах родного языка, которые соединяют в себе интеллектуальные, духовные и волевые качества национального характера в типичных его проявлениях» [Маслова 2001: 49] или «ментальность есть восприятие в категориях и формах родного языка, соединяющее интеллектуальные, волевые и духовные качества национального характера в типичных его свойствах и проявлениях» [Колесов 2007: 11]. Подобный «гиперболизированный» подход имеет значительное количество оппонентов, считающих, что существование между языком и мышлением связи, основанной на репрезентации мира в ментальных структурах, представляемых, в свою очередь, языковыми структурами, бесспорна, однако преувеличивать степень их взаимовлияния вне конкретных языковых данных в условиях неустоявшейся терминологии представляется неоправданным [Шафиков 2018].

При отборе терминологии, приемлемой для решения задач настоящего исследования, необходимо принимать во внимание тот факт, что изучение процессов взаимодействия региональных вариантов английского языка внутреннего круга и восточноазиатского английского на материале институализированного газетно-журнального дискурса позволяет получить представление о самом общем инварианте мировидения народов этого региона мира, сложившемся в течение долгой истории их развития, а не о частных особенностях мышления, характерных для современного этапа их

существования. В материалах периодической печати, рассчитанной на массового читателя, как ни в каком другом типе текста находят своё отражение наиболее устойчивые социокультурные установки общественного сознания, которые, в свою очередь, отражаются в лингвистических и экстралингвистических параметрах газетно-журнальной публицистики. Всё сказанное позволяет, во-первых, признать необходимость разделения понятий «менталитет» и «ментальность», а, во-вторых, использовать при дальнейшем обсуждении вопросов межъязыкового взаимодействия только термин *менталитет*, под которым будут пониматься наиболее общие устойчивые и социально-закреплённые стереотипы мышления и поведения, находящие отражение в языке и культуре.

Современные исследователи часто используют для описания специфических черт мышления и поведения отдельных народов термин *этнический менталитет*, являющийся уточняющим по отношению к термину *менталитет* [Кукоба 2004; Никитина 2018], который включает как этнически окрашенные коллективные представления о мире, доминирующие у членов этноса, так и особенности их деятельности, находящие своё отражение в продуктах материальной и духовной культуры [Вельм 2004: 7]. Вполне очевидно, что данное понятие не может быть использовано в полной мере для описания восточноазиатского менталитета, поскольку напрямую связано с представлением об этносе, одной из неизменных характеристик которого является наличие единого языка у его представителей [Широкогоров 2012: 57], что не соответствует положению дел в странах Восточной Азии, население которых говорит на разных языках. Одним из возможных подходов к выбору термина, получившим широкую известность в гуманитарных дисциплинах, является подход Ю.В. Бромлея, который полагает, что этнос представляет собой «этносоциальный организм» во всём многообразии своих внутренних связей и внешних проявлений [Бромлей 1983]. Подобный подход позволяет рассматривать в качестве такого этносоциального организма как всю общность народов Восточной Азии, так

и социумы каждого из государств, находящихся в этом регионе. В этом случае термин *этнос* может быть заменен на представление об этноисторической общности, которая включает в себя несколько самостоятельных этносов и обладает *этноисторическим менталитетом* – наиболее общими устойчивыми и социально-закрепленными стереотипами мышления и поведения этноисторической общности, находящими отражение в языке и культуре. Высказанное замечание представляется достаточно существенным для дальнейшего исследования восточноазиатской периодической печати на английском языке, поскольку в нём находит отражение как этноисторический менталитет, присущий всем восточноазиатским народам независимо от их национальной принадлежности, так в определённой мере и *этносоциальный менталитет*, характерный только для социумов Китая, Японии и Кореи.

Ещё одним понятием, существенным для данного исследования, является представление о *языковой личности*, которое было введено в широкий научный оборот Ю.Н. Карауловым. По мнению учёного, языковая личность – это человек, обладающий способностью создавать и воспринимать тексты, различающиеся: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определённой целевой направленностью [Караулов 1987: 4]. В структуру языковой личности обычно включаются три компонента: 1) ценностный (мировоззренческий), отражающий систему ценностей или жизненных смыслов, формирующихся в процессе формирования, становления и развития личности; 2) культурологический, подразумевающий уровень овладения культурой, способствующей формированию умений и навыков адекватного употребления языковых средств согласно специфике той или иной социокультурной ситуации в процессе осуществления определённой деятельности; 3) личностный, включающий всё то индивидуальное, глубинное, что есть в каждом человеке, отражаемое в его индивидуальной ментальности и языке [Андронкина, Голованова 2010: 615].

Понятие языковой личности отражает культурно-языковую идентичность коммуникантов как членов единой культурной общности, признающих специфику своей культуры, выражаемой родным для них языком. Следует отметить, что большинство из современных исследователей проблем культурно-языковой идентичности предпочитает использовать наряду с термином *языковая личность* такие понятия, как *культурно-языковая личность* [Воробьёв 2008: 97], *лингвокультурная личность* [Маслова 2001: 121] *коммуникативная личность* [Карасик 2004: 22] и пр., предполагающие рассмотрение «языковой личности в парадигме речевого общения, в деятельности» [Прохоров 2008: 58]. Дискуссионный характер вопроса о том, меняется ли культурно-языковая идентичность пользователя неродным языком, способствует осознанию того факта, что этническая и культурно-языковая идентичность не являются одним и тем же. По мнению З.Г. Прошиной «Человек может относить себя к конкретному этносу, но знание других языков даёт ему возможность постижения других культур и вести себя соответственно требуемой ситуации в той или иной культуре» [Прошина 2017: 109-110]. Этническая культурно-языковая идентичность, в этом случае, представляется стабильной, в то время как культурно-языковая – гибкой [Norton, Toohey 2002: 116].

Бесспорно, высказанные замечания нуждаются в определённых уточнениях, применительно к объекту настоящего исследования. Авторами публикаций англоязычной восточноазиатской печати являются журналисты из разных стран мира, которые условно могут быть разделены на три группы. Первая группа включает журналистов из стран внутреннего круга (преимущественно англичан и американцев), которые пишут на эднормативном варианте английского языка, не являясь при этом носителями восточноазиатского менталитета. Вторая группа включает авторов из стран Восточной Азии, которые создают свои публикации на региональных вариантах английского языка, тяготеющих к выработке собственной нормы оформления, и являются носителями этноисторического

и этносоциального менталитетов Восточной Азии. В состав третьей группы входят журналисты из других стран мира, которые отражают в своих материалах основные черты своих региональных вариантов английского языка и не являются носителями восточноазиатского менталитета. В дальнейших рассуждениях об отражении менталитета в языке нас, главным образом, интересует языковая личность создателей материалов периодической печати из второй группы. Именно китайские, японские и корейские журналисты формируют стандарт оформления англоязычных печатных СМИ, отражающий традиции национальной прессы и особенности менталитета восточноазиатских народов. Их языковая личность формируется в билингвальном пространстве, где, наряду с родными языками, они должны осваивать вербально-семантический код английского языка.

По мнению учёных, такая языковая личность может быть названа *вторичной*, поскольку она обладает совокупностью способностей общения на втором языке на межкультурном уровне [Халеева 1995: 277-278] и представляет собой «конечный пункт инокультурации языковой личности» [Мамонтова 2010: 9]. З.Г. Прошина отмечает, что, несмотря на то, что термин *вторичная личность* не может быть признан самым удачным, поскольку не всегда передаёт положительное значение, в данном случае его использование вполне оправдано, поскольку на первый план выступает не его коннотация, а значение, отражающее последующую, более позднюю ступень развития [Прошина 2017: 110]. Компонентами формирования вторичной языковой личности является освоение различных компетенций: лингвистической, языковой, коммуникативной, речеповеденческой и культурологической. При определении языковой личности также следует принимать во внимание тот факт, что авторы газетно-журнальных публикаций обладают особым характером мышления, который позволяет им выражать, в первую очередь, политико-идеологическую установку печатного органа и, только во вторую очередь, собственные творческие намерения. В этом случае в структуре языковой личности создателя газетно-журнального текста на первый план

выходят ценностный и культурологический компоненты, а личностный занимает положение второстепенного. Всё перечисленное позволяет утверждать, что восточноазиатские журналисты, создающие англоязычные материалы являются *вторичными языковыми личностями*, носителями особого этноисторического и этносоциального менталитета, обладающими способностью создавать и воспринимать англоязычный газетно-журнальный дискурс на одном из региональных вариантов английского языка Восточной Азии.

3.2. Этноисторический и этносоциальный менталитет народов Восточной Азии

Общность этноисторического менталитета народов Восточной Азии формировалась в ходе развития их государственности и культуры. При этом наибольшую роль в этом процессе играют три фактора: географический, исторический и религиозно-философский.

Географический фактор связан со схожестью природно-географических условий восточноазиатских государств. Изначально территории, на которых они располагаются, были отрезаны с севера и северо-запада от оставшейся части Евразии непроходимыми для древних народов Гималаями, Алтае-Саянской и Памиро-Алтайской горными системами, а с юга и востока – водами Индийского и Тихого океанов. Эти естественные обстоятельства определили взаимосвязанное развитие народов и культур в этом большом, но относительно ограниченном от остального мира регионе.

Исторический фактор обусловлен во многом похожим становлением и развитием государств Восточной Азии. Несмотря на то, что заселение территорий современного Китая, Японии и Кореи первобытными людьми проходило по-разному, первые признаки существования современного человека на них относятся приблизительно к одному времени. Китайская равнина была заселена людьми *Homo sapiens* в 67-70 тысячелетии до н.э. Они

вытеснили древних людей вида *Homo erectus* и их потомков, которые обитали здесь ранее (недалеко от Пекина были найдены останки так называемого синантропа, который жил 550-300000 лет назад) [Китайская цивилизация 2018]. Первые признаки заселения Японского архипелага появились около 40 тысячелетия до н.э. с началом японского палеолита, который продолжался по 12 тысячелетие до н.э. После него начинается период дзёмон, который, согласно археологической периодизации истории, принятой на Западе, соответствует мезолиту и неолиту [Япония 2018]. На Корейском полуострове человек разумный появился приблизительно 40000-25000 лет назад, в период позднего палеолита. Эти древние люди не являлись непосредственными предками современных корейцев. Корейский этнос сложился в результате миграций народов на полуостров, главным образом с севера, которые начались в эпоху неолита (VI-I тысячелетия до н.э.) и продолжались до конца I тысячелетия н.э. [Корея 2018]. Дальнейшая история стран Восточной Азии проходит через многочисленные периоды их единства и распада. Причём на определённых этапах своего развития все они подвергаются нашествиям извне и становятся частью других государств. В этих условиях их правящая элита самоизолируется от остального мира и выстраивает жёсткую систему внутренних социальных отношений [Ушаков, Ушакова, Дербан 2003: 115], которые существуют вплоть до XX столетия.

Несмотря на то, что все страны Восточной Азии на современном этапе развития позиционируют себя как светские государства, исторически *религиозный фактор* играл значительную роль в формировании их этнического менталитета. Традиционно в восточноазиатской религии и философии сплетаются конфуцианство, даосизм и буддизм. Конфуцианство, по сути, является кодексом подчинённости индивида обществу и его ответственности перед ним. Даосизм развивает идеи личного совершенствования и единения с природой; конфуцианскому учению о предопределённости социальных ролей он противопоставляет концепцию

относительности. Буддизм сосредоточен на развитии духовного начала. Введение конфуцианства в качестве государственной идеологии китайской цивилизации в I веке до н.э. укрепило её и повлияло на развитие философско-религиозных учений соседних стран. Так, в Корее конфуцианство, которое в течение 500 лет было официальной идеологией правящей династии, оказало значительное влияние на развитие буддизма. В Японии, куда конфуцианство пришло в одно время с буддизмом из Кореи, оно способствовало созданию централизованного государства, появлению первого свода законов и расцвету культуры [Елисеефф, Елисеефф 2006: 43]. Современный синтоизм, возникший на основе тотемистических представлений древности, развился в национальную религию Японии благодаря влиянию конфуцианства, даосизма и буддизма.

Обзор историко-культурных материалов позволяет выявить ещё один немаловажный фактор, оказавший воздействие на формирование этноисторического менталитета восточноазиатской общности. Речь идёт о *факторе иероглифического письма*. Появление в Китае во II веке до н.э. единой системы письма способствовало не только укреплению государственности, но и широкому распространению в регионе канонизированных древнекитайских текстов религиозно-философского и исторического содержания, особенно тех из них, в которых излагалось учение Конфуция. Китайская письменность – иероглифика – восходит к гадательным костям династии Шан (XVI-XI вв. до н.э.) с вырезанными стилизованными изображениями предметов – символами, заменявшими слова и использовавшимися для предсказаний. Несмотря на изменения в материалах для письма, на сегодняшний день китайские иероглифы остаются практически такими же, какими были в древности. Исторически японская письменность унаследовала основные черты китайской иероглифики. Она включает три основные части: кандзи (иероглифы, заимствованные из Китая), и две слоговые азбуки – катакану и хирагану (кана), созданные в Японии на основе кандзи. По данным современного словаря японского языка

«Синсэ-кокугодзитэн», слова китайского происхождения составляют в нём около 49,1 %, собственно японские слова – 33,8 %, заимствования из других языков – 8,8 % [金田一京助 『新選国語辞典』 小学館、2001]. Официальным письмом Кореи вплоть до буржуазной реформы 1894 года были китайские иероглифы. Сказанное свидетельствует о том, что народы Восточной Азии владеют письменностью, которая имеет общее происхождение. На разных этапах их развития данное обстоятельство способствовало как усилению изоляции государств этого региона от остального мира, так и повышению уровня их взаимодействия между собой, что не могло не отразиться на унификации отдельных компонентов менталитета их народов.

Всё перечисленное указывает на то, что образ мышления восточноазиатских народов является результатом их многовекового культурного и политического взаимопроникновения, что предоставляет достаточно оснований для выявления инвариантной основы их менталитета. Основопологающим фактором при этом является, в первую очередь, то, что большая часть их населения в течение значительных исторических промежутков времени оказывалась в условиях жёсткой внешней несвободы или ограниченной (обществом и природой) свободы. В этих условиях формировалась жизненная необходимость выбора той или иной формы оптимального и гармоничного существования и миропонимания, комплиментарного окружающей среде. Наиболее яркими проявлениями этого, по мнению ряда ученых, являются: следование социально-этическим нормам «неконфликтного» характера (конфуцианство, даосизм, буддизм), формирование интровертной психики, развитие разнообразных аскетико-мистических религиозных практик и форм духовного существования [Ушаков 1998; Ушаков, Ушакова, Дербан 2003]. Таким образом, менталитет восточноазиатского человека – это в своей исторической основе менталитет человека, по преимуществу, интравертного, с преобладанием внерациональных форм постижения мира, высоко терпимого, способного находить духовные и практические цели и смыслы существования в

условиях, не располагающих к этому. Анализ онтогенеза этноисторического менталитета народов Восточной Азии позволяет выделить такие общие для них черты, как:

- традиционализм, консерватизм, замкнутость на собственных традициях;
- коллективизм, готовность индивидуального «я» раствориться в общем «мы», выступающая как ценность, признак хорошего тона;
- готовность к растворению в сверхличной стихии и порождаемым ею спокойным отношением к смерти;
- способность легко адаптироваться к внешним условиям, гибкость психических структур, уступающих давлению внешней среды и вновь обретающих свои прежние формы, как только давление ослабевает;
- преобладание интровертных ориентаций над экстравертными, умение ценить созерцательное мироотношение и предпочитать его активным усилиям, направленным на внешнее освоение мира;
- склонность отдавать предпочтение не борьбе противоположных начал, а равновесию сил, их примирению и согласию как пути к переходу на более высокие уровни бытия, ведущие к достижению абсолютного покоя как наиболее совершенного и гармоничного состояния;
- чуждость безграничному рационализму, скептическое отношением к идее всемогущества человеческого разума; склонность не расчленять мир на части в ходе холодного рассудочного умствования, а ценить его как живую целостность;
- почтительно-благоговейное отношение к природе, ко всему естественному – одна из главных религиозных, эстетических и нравственно-правовых норм восточноазиатского сознания, определяющего, что долг человека – не подчинять себе естественные формы, а вписывать свое существование в их пределы и т.п.

Помимо этого исследователи выделяют специфические черты этносоциальных менталитетов каждого из народов, проживающих в этом регионе. К наиболее заметным из них у современного жителя Поднебесной традиционно относят: стратегию мышления [Каткова 2011: 76-85], умение поставить себя на место другого, внушаемость, склонность к простым логическим конструкциям и пр. [Крысько 1982]. Означается, что благодаря впечатляющим изменениям в экономике у китайцев значительно выросло национальное самосознание, что привело к изменению их отношения к иностранцам от подобострастного к самоуверенному.

Японский этносоциальный менталитет характеризуется тем, что в нём уживаются диаметрально противоположные сущности: приверженность к абстракциям, пронизательность, изобретательность, рационализм наряду с медлительностью мыслительных операций, неуверенностью в себе и малоинициативностью [Крысько 2007: 213]. У жителей Страны восходящего солнца своеобразное отношение к гордости, которая соотносится в их сознании, в первую очередь с чувством долга и общественным положением, при этом социальная позиция людей, включённых в одну группу взаимодействия с японцем, всегда рассматривается как более высокая. Наиболее заметными чертами японского национального менталитета также являются сентиментальность, умение «читать между строк», стремление к новизне, сильно развитое эстетическое чувство, любовь к природе и т.п. Кроме этого, отмечается, что в сознании современного японца сформирован так называемый «комплекс иностранца», который характеризуется благоговейным отношением ко всему иностранному, начиная от товаров повседневного спроса до внешности западного типажа, которая стала модной среди молодого поколения страны в последние годы.

К основным составляющим корейского менталитета относят: гипертрофированное стремление к счастью и долголетию, прочно укрепившийся культ здоровья, гибкость восприятия окружающего мира, доминирование в структуре сознания семейных ценностей и «сыновей

почтительности» [Ким 2010: 333], стремление к материальному благосостоянию, возведённое в ранг культа, уважение к труду, чрезмерная жажда знаний, чувственность и пр. [Пак 2018]. Исследователи также выделяют в качестве специфической черты сознания корейского народа мощнейшее чувство национальной идентичности, которое трансформируется в сознании жителей Южной Кореи в представление о высшей ценности своей культуры и своей религиозной традиции, а в сознании граждан Северной Кореи в крайние формы проявления национальной политической идеологии чучхэ [Тихонов, Магиль 2011: 72-135].

Перечисленные особенности металитета, относящиеся как к его инвариантной основе, так и к вариативным проявлениям национального характера, обуславливают наличие определённых экстралингвистических факторов, влияющих на функционирование англоязычного газетно-журнального дискурса в восточноазиатских социумах, и находят отражение в средствах его оформления.

1.3. Специфика развития англоязычной периодической печати Китая, Японии и Кореи в ситуации кросскультурного контакта

Вполне очевидно, что при исследовании особенностей англоязычных периодических изданий в странах Восточной Азии, в первую очередь, должны рассматриваться такие вопросы, как:

- состояние национальной массовой печати каждой из восточноазиатских стран в прошлом и на современном этапе развития;
- наличие и объёмы англоязычной печатной периодики;
- содержание, авторы и читательская аудитория изданий подобного рода.

Анализ восточноазиатской массовой печати свидетельствует о том, что на сегодняшний день она является частью огромной индустрии СМИ, призванной информировать, просвещать и развлекать своих читателей.

Первая китайская газета «Кин-Пао» («Столичный вестник») вышла в свет в 1911 году в Пекине. Она имела специфический внешний вид и отличалась своеобразным расположением материалов, по причине особого типа используемой вертикальной записи иероглифов и их традиционного чтения справа налево. Долгое время основным содержанием газеты являлись императорские декреты и придворные известия. Существенный толчок развитию китайской периодической печати получает во второй половине XIX века, когда были значительно усовершенствованы технология выпуска газет и средства их доставки. В начале XX столетия в Китае зарождается новый тип прессы – марксистская революционная печать. Длительное время китайская журналистика находится в сложных условиях гражданской войны и японской оккупации. После провозглашения в октябре 1949 года Китайской Народной Республики в стране начинается создание системы печати, подконтрольной правящей Коммунистической партии. После начала «культурной революции» в середине 1960-х годов количество периодических изданий в Китае резко сокращается и увеличивается только после смерти Мао Цзэдуна и отстранения от власти радикальной группировки в руководстве КПК.

Восьмидесятые годы становятся периодом реформирования китайской журналистики и стремительного развития периодической печати, как по количеству изданий, так и по масштабам их распространения. К 1986 году в Китае издаётся 6000 газет и журналов. Разнообразным становится содержание публикаций, улучшается их оформление, активизируется работа с читателями, получают своё освещение ранее запрещённые темы: безработица, инфляция, бедственное положение сельского населения и т.д. Печать начинает активно критиковать негативные стороны развития китайского общества: коррупцию, злоупотребления партийных и государственных чиновников. Подобное положение дел в полной мере соответствовало взглядам партийного руководства страны на роль прессы как катализатора её модернизации.

После протестов на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989 году партийно-государственный контроль над прессой ужесточается. Часть либерально настроенных журналистов увольняется, некоторые оказываются в тюремном заключении или в эмиграции. На многие руководящие посты в редакциях назначаются убеждённые маоисты. Ситуация меняется к середине 1990 годов в связи с провозглашённой Дэн Сяопином корректировкой официального внутривластного курса. Многие редакционные коллективы получают возможность самоуправления, расширяются их полномочия в экономической сфере. Одним из показателей успешной работы редакций в это время становится объем средств, получаемый благодаря публикации коммерческой рекламы. Рост доходов способствует быстрому развитию всех средств массовой информации Китая: к концу 1990 годов в стране издаётся более 2000 газет, действует свыше 1000 радиостанций и около 2000 эфирных, кабельных и спутниковых телецентров [Китайская народная республика 2018].

Говоря о современном состоянии печатных СМИ Китая, в качестве положительных сторон следует отметить непрерывное совершенствование нормативно-правовой базы их деятельности и появление значительного числа новых медийных структур. Под влиянием реформационных процессов меняется содержание китайской прессы: расширяется тематика выступлений, становится живее стиль публикуемых материалов, разнообразнее лексика журналистских произведений. В то же время эксперты отмечают, что массмедиа КНР по-прежнему являются государственной и партийной собственностью, в эту сферу запрещено привлекать иностранные инвестиции, на всех уровнях жестко контролируется политическая направленность сообщений печатных и электронных СМИ, а проект «Закона о печати» с середины 1980 годов находится на рассмотрении Парламента. Реализация конституционного права граждан на свободу слова ограничивается запретом на публикацию материалов, наносящих ущерб единству, территориальной целостности и суверенитету КНР.

Первые японские газеты – каварабан – появились в Осаке в начале XVII века. От газетных изданий европейского типа они отличались тем, что каждый выпуск каварабан имел свое название и посвящался какому-либо конкретному событию. Текст таких газет гравировался на мягкой глине и печатался с полученной формы, которую предварительно обжигали. В 1867 году власть в стране переходит к микадо. Для Японии наступает новая эпоха и пресса в течение нескольких десятилетий достигает значительного развития, что, по мнению исследователей, объясняется гуманным законодательством о печати, а также умственной подвижностью японцев и их любознательностью [Саламон 2001: 321].

Первой современной газетой Японии стала основанная в 1861 году «Nagasaki Shipping List and Advertizer». В 1862 году в Токугаве начинает выходить газета «Кампан Батабиа Симбун» – переводной вариант издания «Javasche Courant» – печатного органа голландского правительства в Индонезии. В период с 1868 по 1872 годы в стране также появляются печатные издания, освещающие преимущественно внутренние события: «Тюгай симбун», «Ёкохама Майнити Симбун», «Токё нити нити симбун», «Юбин хоти симбун» и пр. Политическая элита страны того времени относится к большинству газет как к одному из видов допарламентских дискуссионных площадок, что приводит к их быстрой трансформации в органы политических партий – «большие газеты» (осимбун) – сразу после создания Парламента. Наряду с ними развиваются и «малые газеты» – популярные издания, публикующие местные новости и легкую беллетристику, одним из которых была «Ёмиури симбун», начавшая выходить в 1874 году.

В конце 1970 – начале 1980 годов XIX века частично из-за значительного давления на «большие газеты» со стороны правительства в стране начинают появляться новые, не ангажированные государством печатные издания, старающиеся публиковать объективную информацию. Так, в 1879 году в Осаке начинает выходить газета «Асахи симбун», быстро

превратившаяся в популярное общенациональное издание, которое сохраняет свои лидирующие позиции и по сегодняшний день. В это же время появляется первое периодическое издание, название которого содержит слово «дзасси» (в современном понимании – «журнал»). Основу «Сэйё дзасси» («Западного журнала») составили, главным образом, переводы из голландской периодики. В последующие десятилетия одно за другим стали выходить другие издания подобного рода: «Кокумин – но томо» (1887 г.), «Хансэйкай дзасси» (1895 г.), «Гаракута бунко» (1899 г.) и пр.

В 1937 году начинается война между Японией и Китаем, в результате чего пресса оказывается под абсолютным правительственным контролем вплоть до окончания Второй мировой войны. Экспансионистский курс государства и рост влияния военных на внутреннюю политику усиливают ограничения свободы слова. От прессы требуют проведения ультрапатриотической линии, а издания, занимающие критические позиции по отношению к властям, запрещают. В этот период снабжение издательств газетной бумагой подвергается строгому рационированию, в связи с чем многие газеты и журналы прекращают своё существование. Свободная конкуренция газет возрождается только после отмены регламентаций военного времени в 1951 году.

В современной Японии издаётся более 120 газет, выходящих совокупным ежедневным тиражом, превышающим 72 000 000 экземпляров, и около 3 000 тысяч журналов, общий тираж которых составляет 3 000 000 000 экземпляров. Прессу Японии невозможно представить без её электронной составляющей: количество новостных агентств и издательств, реализующих разнообразные электронные медиапроекты, неуклонно растёт. По некоторым показателям печатные СМИ Японии не имеют себе равных на планете. Например, по суммарному тиражу ежедневных газет (72,7 миллионов экземпляров) Япония занимает первое место в мире, а по тиражу на душу населения (592 экземпляров на 1 000 человек) – второе место, уступая лишь Норвегии [Средства массовой информации Японии 2018].

Исследователи массовой печати современной Японии отмечают ряд её отличительных черт: преимущественное распространение ежедневных газет по подписке, чёткую регламентацию взаимодействия прессы с органами государственного и муниципального управления (положения «Этического кодекса журналиста», разработанного Ассоциацией издателей и редакторов в 2000 году, распространяются на все печатные СМИ), деление японских газет на коммерческие и некоммерческие, преимущественный выпуск газет крупными концернами и пр.

Периодические издания в Корее появились позже, чем в других восточноазиатских странах, что объясняется её длительной колониальной зависимостью от Японии. Первая корейская газета «Хансонсунбо» выходит в свет 31 октября 1883 года. Спустя некоторое время на смену ей приходит еженедельник «Хансонджубо», печатающийся только с использованием китайских иероглифов, тираж которого составляет всего 3 000 экземпляров. Первая коммерческая газета «Докрипсинмун» выходит 7 февраля 1896 года. Её отличительной особенностью становится то, что первые три полосы издаются на корейском языке, а последняя, четвёртая, – на английском. С начала января 1897 года газета начинает выходить в двух версиях – корейской и английской.

В период японской колонизации Кореи с 1910 по 1945 годы деятельность всех корейских средств массовой информации находится под запретом или жёстко регламентируется подконтрольным Японии правительством страны. Политические события, имевшие место после окончания Второй мировой войны, приводят к разделу Кореи на два независимых государства – Южную Корею (РК) и Северную Корею (КНДР). После Корейской войны 1948 года создание и развитие СМИ в Республике Корея проходит сложно и беспокойно. Несмотря на то, что южнокорейские периодические издания после освобождения страны от японской оккупации становятся формально независимыми, им приходится

согласовывать свою редакционную политику уже с американскими правящими кругами.

В 1960-1970 годах правительство страны ужесточает контроль над СМИ, что приводит к сокращению их числа и к снижению качества публикуемых материалов. В этот период получает развитие инфраструктура газетного производства, начинается процесс укрупнения периодических изданий и возникновения газетных корпораций. С 1987 года газетно-журнальная индустрия становится на путь свободной конкуренции и демократического развития. В 1988 году начинается рост числа ежедневных газет, среди которых наибольшую динамику демонстрируют региональные издания. К концу 1990 годов в Южной Корее формируется национальная система печати [Хюнен 2018].

Печатная периодика современной Южной Кореи поражает своим многообразием и объёмами тиражей. В 1999 году в РК на каждые тысячу человек приходилось 454 экземпляра ежедневных газет. В соответствии с классификацией Корейского института печати, все выходящие в стране газеты делятся на общенациональные ежедневные издания, экономические ежедневные издания, местные газеты и спортивные ежедневные газеты. В первую группу входят занимающие верхние позиции в корейской газетной иерархии серьёзные издания, которые претендуют на определённую элитарность и предназначены для основательного чтения: «Тонъя ильбо», «Чосон ильбо», «Чунъан ильбо», «Хангук ильбо» и пр. Вторую группу составляют ежедневные газеты финансово-экономической направленности, рассчитанные на представителей бизнеса и печатающие преимущественно деловую информацию: «Кунмин ильбо», «Мунхва ильбо», «Сеге ильбо», «Мэиль кёнгдже» и т.п. Третью группу образуют региональные издания, которые выходят в провинциях и крупных городах: «Халла ильбо», «Чонбук домин ильбо», «Чунъчон ильбо», «Инчон ильбо» и пр. К четвёртой группе относятся так называемые «спортивные» ежедневные газеты, которые представляют собой корейский вариант «жёлтой прессы» и носят откровенно

развлекательный, отчасти бульварный характер: «Спортс донга», «Сыпочхы Чосон», «Спортс чосун», «Спортс хэнкук», «Спортс Сеул» и пр.

Среди южнокорейских журналов традиционно выделяются политические, уважаемые, гляцевые и хобби-журналы. Первая группа представлена ежемесячными и еженедельными изданиями, которые отражают определённую политическую линию: левоцентристско-националистический «Маль», правоконсервативный «Хангук нондан» и т.п. Издаваемые редакциями крупнейших национальных газет, уважаемые журналы считаются наиболее серьёзным видом чтения. Они могут выглядеть как небольшие по формату, но объёмные публицистические сборники, либо солидные общественно-политические еженедельники: «Чуган Чо-сон», «Чуган хангук» и др. Гляцевые журналы, как правило, представляют собой крупноформатные ежемесячные издания, выполненные на плотной гляцевой бумаге, с многочисленными фотографиями и иллюстрациями, рассчитанные, главным образом, на женскую аудиторию. Их особенностью являются английские названия: «Bromide Magazine», «Urban Outdoor», «Qwave», «1stlook» и др. В группу хобби-журналов входят издания, посвященные тем или иным увлечениям: «Ди и чи биан», «Падук», «Сан», «Наккси», а также исключительно популярные комиксы.

Ряд особенностей массовой печати современной Южной Кореи сближает её с японской периодикой: преимущественное распространение по подписке, доминирование издательских концернов и деление изданий на коммерческие и некоммерческие. Кроме этого, периодические издания Южной Кореи имеют свои особенности. Во-первых, они выполняют более значительную идеологическую миссию по сравнению с прессой Японии. В условиях эфемерности политических объединений и склонности корейских политиков к компромиссам самого неожиданного характера, главную роль в идеологических дебатах приобретают газеты и журналы, десятилетиями сохраняющие верность своей идейной и политической позиции. Во-вторых, крупные газеты и журналы отличаются особым отношением к понятию

«коммерческая тайна». В условиях острой конкуренции они никогда не разглашают сведения, по которым можно составить представление о популярности того или иного издания. Все попытки определить их тиражи и объёмы подписки по расходу бумаги или опросам читателей наталкиваются на жёсткое сопротивление со стороны медийных магнатов и нередко заканчиваются в судах. В-третьих, корейская пресса характеризуется незначительным количеством «заказных материалов». Большинство известных журналистов создают свою репутацию годами, её важной частью является определённый и стабильный набор политических взглядов и пристрастий [Ким 2018].

Всякое исследование современного состояния газетно-журнальной периодики Северной Кореи наталкивается на малодоступность информации о жизни этого восточноазиатского государства, проводящего длительное время политику самоизоляции. Данные немногочисленных первоисточников свидетельствуют о том, что основная масса населения КНДР, как и прежде, узнает новости не по Интернету, а по газетам и журналам [Ким 2018]. Главным печатным рупором Северной Кореи является газета «Нодон синмун» – центральный печатный орган Трудовой партии Кореи, выходящая в Пхеньяне с 1945 года тиражом около 1 500 000 экземпляров. Издание содержит всего шесть страниц, большую часть которых занимают материалы пропагандистского толка. В газете отсутствуют такие традиционные жанры, как интервью, репортаж – большая часть новостей представлена в пересказе. Кроме «Нодон синмун» к ведущим газетам страны относятся «Минчжу Чосон», «Пхеньян синмун», «Нодон чхоннен», «Ноноп кыллочжа», являющиеся партийными и правительственными печатными органами. Кроме этого имеются немногочисленные региональные газеты, которые в обязательном порядке дублируют содержание «Нодон синмун» и лишь на последних страницах публикуют материалы местной тематики. Основными чертами северокорейских печатных СМИ являются: жёсткое государственное регулирование и чрезмерная идеологизированность.

При рассмотрении вопроса о наличии и объёмах англоязычных периодических изданий в каждой из восточноазиатских стран следует отметить, что в целом они занимают особое место в информационном поле национальных СМИ. Наиболее распространёнными массовыми изданиями на английском языке в Китае на сегодняшний день являются ежедневный 70-страничный бюллетень новостей «Bulletin News» и ежедневная газета «China Daily» (по воскресеньям вместо нее выходит еженедельник «Business Weekly» объёмом от восьми до двенадцати страниц), отражающие официальную точку зрения китайского руководства. Кроме этого, публикуется ряд общенациональных журналов: ежедневный дайджест новостей из Китая, Гонконга и Тайваня – «China Informed», журнал переведенных с китайского языка художественных произведений – «Chinese Literature», журналы политико-культурной направленности – «Beijing Review», «China Reconstructs», журналы переведённых на английский язык статей о китайской культуре – «China», «China Today», а также ряд специализированных изданий типа: «China Sports», «China Women», «China Pictorial», «China's Tibet». Значительную популярность в мегаполисах КНР получили англоязычная газета «Global Times» и её региональные варианты «Metro Shanghai», «Metro Beijing», которые публикуют материалы, посвящённые международной и внутривосточной проблематике, предназначенные для широкого круга читателей, знающих английский язык.

Распространена в КНР и региональная газетно-журнальная публицистика на английском языке. Так, на Тайване выходят в свет такие периодические издания как: «Central Daily News», «China Post», «United Daily News», «China Times», в Шанхае – газета «Shanghai Star», в Гуанчжоу – журнал «News Weekly», а в Гонконге – несколько известных изданий общенационального и международного уровня: носящая пропекинскую направленность ежедневная газета «South China Morning Post», критически настроенная по отношению к правительству «The Hong Kong Standard», политически нейтральная «Asiaweek», а также журналы «Far East Economic

Review» и «Recruit». Широкое распространение в последние годы получили так называемые «доски объявлений» на английском языке, содержащие информацию о культурных событиях, клубах, ресторанах и т.п. Наиболее известными из них являются «That's Shanghai» и «That's Guangzhou».

Некоторые издания, традиционно выходящие в свет в печатном варианте на китайском языке, размещают в Интернете свои сетевые версии и на английском языке. Наиболее популярными из них являются: «The Information of People's Daily» (сетевая версия на английском языке газеты «Женьминь Жибао»), «ChinaTimes Inter@active» (сетевая версия на английском языке одной из крупнейших газет Тайваня «Чжунго Шибао»), «Macao Daily» (сетевая версия на английском языке газеты «Макао Дейли»), англоязычные сетевые версии газет «Дагун бао» и «Янчэн Ваньбао». Следует также отметить появление в Китае в последнее десятилетие англоязычных изданий, ориентированных на молодёжную аудиторию. Например, приложение к «China Daily», газета «21st century», содержит материалы о жизни молодого поколения в Китае и за рубежом, о событиях в мире музыки, спорта, культуры и т.п. Большая часть из них публикуется на английском языке и сопровождается кратким или полным переводом на китайский язык. Кроме этого обращает на себя внимание рост числа электронных ресурсов КНР на английском языке, наиболее популярными из которых являются: Sohu.com, Sina.com, China.com, Asiadrasons.com, Asiaco.com, Chinapages.com, Zhaodaola.com, Chinavista.com, InsideChina.com, Muzi.net т.д.

Основные англоязычные газеты Японии принадлежат медийным корпорациям. Крупнейшей по объёму тиражей не только в Японии, но и во всём мире (10 000 000 копий в день) является ежедневная газета на японском языке «Yomiuri Shimbun» (также можно встретить написание «Yomiuri Shinbun»), первый номер которой увидел свет в 1876 году. Выпускаемая компанией «Nisshusha» как небольшая ежедневная газета «Yomiuri» в период с 1880 по 1890 годы превратилась в известнейшее издание, значительно увеличив собственный тираж и количество постоянных читателей. Помимо

«Yomiuri Shimbun», холдинг «Ёмиури» выпускает «The Daily Yomiuri», крупнейшую в Японии газету на английском языке. Также в качестве дополнения к ежедневному изданию раз в неделю выходит общественно-политический англоязычный журнал – «The Yomiuri Weekly». Все издания «Ёмиури» носят консервативный характер.

Газета «Asahi Shinbun» («Asahi Shimbun»), финансируемая концерном «Мицуи», является второй по объёмам тиражей ежедневной газетой Японии. В 1954 году медиаконцерн «Асахи» начал выпуск вечернего издания на английском языке «Asahi Evening News». В апреле 2001 года «Асахи» заключила партнёрский договор с изданием «International Herald Tribune», активно взаимодействующим с американской газетой «New York Times», после чего они начали совместный выпуск японской англоязычной версии «International Herald Tribune, The Asahi Shimbun», которая в итоге вытеснила вечерний выпуск «Asahi Evening News»; также по воскресеньям выходит в свет приложение «New York Times Weekly Review». Вторая по тиражу газета Японии, занимает ярко выраженную либеральную позицию.

Старейшим англоязычным изданием Японии считается ежедневная газета «The Japan Times». Она издаётся в Токио тиражом, который на сегодняшний день составляет более 47000 экземпляров. Ведущие общенациональные японские газеты – «Yomiuri Shimbun», «Asahi Shinbun» и «Nikkei Shimbun» а также «The Japan Times» – имеют свои электронные версии в сети Интернет, предоставляющие пользователю право выбора языка между японским и английским. Кроме названных изданий в Японии выходят в свет такие англоязычные газеты, как «Mainichi Daily News» и «Shipping and Trade News», а также ряд европейских газет на английском языке, но, как отмечают исследователи, объёмы последних совершенно незначительны [Саламон 2001: 331]. Известными англоязычными журналами являются: «Tokyo Journal», «The Japan Quarterly», «Japan Interpreter» и «Japan Echo», содержащие в основном перепечатки статей из японских изданий в сокращении и переводе на английский язык [Прошина 2001: 118], а также

журналы, носящие узкопрофессиональную (научную) или развлекательную направленность – «International Journal of Sports Dentistry», «Journal of Physical Therapy Science», «Tiny Patchworks» и др.

К наиболее известным англоязычным периодическим изданиям Южной Кореи относятся две национальные ежедневные газеты «The Korea Times» и «The Korea Herald», основанные в 1950 годы прошлого века и находящиеся в частной собственности; международное издание «The Korea Observer», несколько региональных газет «Indigo», «Jeju Daily News», «Mokpo Today», «Pusan Post», «Seoul Times», а также значительное количество онлайн-изданий: «The Chosun Ilbo», «KBS World», «The Dong-A Ilbo», «Yonhap News Agency», «Joong Ang Daily», «The Hankyoreh» и т.д. Многие корейские газеты выпускают небольшие по объёму англоязычные приложения, которые включают наиболее важные редакционные материалы, сопровождаемые глоссариями и развёрнутыми комментариями. Наибольшей популярностью среди южно-корейских англоязычных журналов пользуются «The Korea Post» и «Koreana». Кроме этого широкое признание в мире получила онлайн-периодика на английском языке: «The Korea Post Media», «The Korea Post Online» и «Top Headlines Today».

Несмотря на закрытость от окружающего мира, в Северной Корее также выходят в свет газеты и журналы на иностранных языках. Например, издание «Rodong Sinmun», следуя велению времени, запустило в Интернете свой собственный сайт с публикацией материалов на корейском и английском языках. Технические возможности портала невысоки: в реальном времени просматривается только первая страница корейской версии газеты в формате PDF, электронный архив хранится с января 2008 года, но найти в нём по поисковику нужную публикацию невозможно, Интернет версия на английском языке малоинформативна и выглядит достаточно консервативно. Кроме этого регулярно выпускается газета «The Pyongyang Times», а также ряд журналов: «Korea Today», «Korea», «Foreign Trade» и «Korean Trade Union».

Одним из наиболее интересных вопросов функционирования восточноазиатской газетно-журнальной периодики на английском языке в ситуации кросскультурного контакта, является вопрос о содержании публикаций, авторах и читательской аудитории. Исследование англоязычных периодических изданий Китая, Японии и Кореи позволяет утверждать, что названные параметры тесно связаны с оказывающими на них влияние экстралингвистическими факторами. Так, существование английского языка на территории КНР характеризуется противоречивыми тенденциями. С одной стороны, в стране наблюдается значительный рост интереса населения к его изучению и широкому распространению, чему способствуют известные экономические предпосылки. В 2009 году Китай вышел на первое место в мире по объему экспорта. Важность роли экспорта в экономике страны повысила статус английского языка в государственной системе образования Китая. На сегодняшний день он преподается не только в школах и университетах. Очень популярными стали курсы английского языка, организуемые для государственных служащих, например, для полиции. Правительство Китая рассматривает это шаг как необходимый для поддержки набирающей мощь туристической индустрии. Проведение Олимпийских игр 2008 года в Пекине также стало важнейшим стимулом в изучении английского языка. Во время подготовки к ним правительство страны открыло ряд бюро, оказывавших помощь в изучении английского, и многие китайцы начали активно изучать язык, желая оказать достойный прием гостям соревнований. В 2010 году оборот в частном секторе обучения английскому языку превысил 30 миллиардов фунтов стерлингов. Владение английским и успешная карьера стали синонимами для китайцев, особенно, когда речь идет о карьере руководящих работников. Многие китайские компании принимают на работу кандидатов только при условии сдачи специального экзамена по английскому языку (СЕТ-4 или СЕТ-6). Журналы, газеты, DVD и телепрограммы на английском, которые помогают в изучении языка, теперь можно найти в любой точке страны. Быстрое распространение

в Китае Интернета за прошедшие десять лет сделало изучение английского языка еще более доступным и дешевым. Перечисленные факты позволяют сделать вывод о том, что Китай вошел в эру «тотального» изучения английского языка.

С другой стороны, следует признать, что английский язык по-прежнему занимает место на периферии общественной жизни Китая, оставаясь языком избранного меньшинства населения, сложным и чуждым для большинства китайцев. Свидетельством этому является тот факт, что экспертные организации, оценивающие знание английского языка в различных странах мира, отмечают в целом низкий уровень владения английским языком в КНР – 47.62 [Английский язык в Китае 2018]. Основными причинами этому являются преимущественная занятость населения страны в сельском хозяйстве и широкая распространённость мнения о том, что приоритет в образовании должен отдаваться родному языку. Кроме этого, исследователи отмечают, что китайцы болезненно воспринимают «америкоцентризм» в СМИ и Интернете, считая, что они располагают достаточными интеллектуальными и материальными возможностями для «наполнения» медийного пространства контентом на родном языке. По прогнозам аналитиков, в ближайшие годы китайский Интернет ожидает острый дефицит содержания, поскольку основной группой его пользователей являются молодые люди в возрасте от 18 до 25 лет [Китайская народная республика 2018], для которых англоязычный сегмент сети становится недоступным, особенно в связи с запретом в Китае Google и Facebook. Иероглифическое письмо в этих условиях становится альтернативой латинице.

В ходе выполнения настоящего исследования было проанализировано 840 выпусков китайских печатных (700) и электронных (140) версий газет и журналов на английском языке за 2010-2017 гг. с точки зрения их содержания и этнической принадлежности авторов публикуемых материалов. Было установлено, что 80% публикаций напрямую или косвенно освещают

события общественно-политической жизни КНР и только 20% отражают вопросы, относящиеся к иным странам; 75% авторов являются китайскими журналистами, сотрудничающими с англоязычными СМИ, 15% – журналистами из других, преимущественно, англоязычных стран мира, 7% публикаций представляют собой перепечатки из авторитетных международных СМИ (Reuters, Associated Press, Agence France-Press) и 3% публикаций, вообще, не имеют указания на автора или источник перепечатки. Полученные результаты обобщены в нижеследующей таблице №1:

Таблица 1. Содержание и авторы англоязычной периодики КНР

Содержание публикаций	Авторство
80% – освещают события общественно-политической жизни КНР; 20% – отражают вопросы, не связанные с Китаем.	75% – являются китайскими журналистами; 15% – являются журналистами из других стран мира; 7% – перепечатки; 3% – не имеют указания на автора.

Как видно, англоязычная газетно-журнальная публицистика Китая является одним из действенных инструментов распространения «азиатского контента». При помощи английского языка китайские газеты и журналы рассказывают о жизни своего государства и популяризируют национальную культуру, в связи с чем бóльшая часть публикуемых ими материалов посвящена внутренним проблемам КНР и создана китайскими журналистами, которые относятся к наиболее опытной и высокопрофессиональной части медийных работников.

Иначе выглядит ситуация с английским языком и издаваемыми на нём газетами и журналами в Японии. Школьное изучение иностранных языков почти отсутствовало в этой стране до Второй мировой войны. Оно началось только в 1947 году во время американской оккупации. Тогда же английский язык был введён в программы всех вузов, заменив собой все другие изучаемые до этого языки, преподаватели которых были отправлены на

курсы переподготовки. На сегодняшний день английский язык учат почти во всех школах Японии. Важным компонентом японской системы образования является сложный экзамен по английскому языку при поступлении в вуз, на который уходит много сил и средств, поскольку требуются репетиторы. Знание английского языка в Японии считается крайне престижным, в связи с чем всё больше японцев едут изучать английский язык за рубеж. Так, по данным Japan Overseas Educational Services, в 1977 году лишь 19 000 японских детей школьного возраста жили за рубежом, тогда как в 1996 году это количество составило около 50 000 [Головачева 2004: 123].

Перечисленные факты могли бы свидетельствовать о хорошем владении английским языком населением Японии, но на проверку это оказывается далеко не так. Так, по данным Н. Готлиб, в ходе проведения в 2002 году международного исследования уровня владения английским языком в мире, Япония оказалась лишь на 180-м месте среди членов ООН и на последнем месте в Азии [Gottlieb 2005: 32]. Исследователи-вариантологи пытаются выявить причины подобного положения дел. Профессор колледжа мировых вариантов английского языка из университета Тьюкё в Нагойя, Дж. Д' Анджело, отмечает, что уже пятьдесят лет Япония принимает в качестве модели изучения, преподавания и использования языка «весьма нереалистичную и в действительности нежелательную модель носителей языка» [Д' Анджело 2014: 32], которая, по мнению другого исследователя, Я. Яно, глубоко связана с политической традицией правящих кругов Японии, демонстрирующих «преклонение и комплекс глубокой неполноценности перед представителями Западной цивилизации» [Yano 2011: 132].

Модель эта ориентирована только на языковую энонорму внутреннего круга, преподавателей-носителей языка и полностью игнорирует локальную культуру и стиль обучения. Как следствие, вся система обучения английскому языку в Японии, основанная на преимущественном изучении грамматики и чтении художественной литературы, выглядит довольно консервативно и архаично. Более того, многие лингвисты отмечают

отсутствие у японцев намерений «развивать независимый вариант английского языка» [Yano 2001; Schell 2008] и первые признаки изменения этой тенденции появляются только в настоящее время [Хино 2011: 104-110]. В связи с этим многие японцы относятся к языковым вариантам носителей языка внутреннего круга как к особому рода эталону, нарушение которого непозволительно, что в сочетании с японским перфекционизмом вызывает у них «чувство беспокойства и опасения при использовании английского языка» [Д' Анджело 2014: 37]. Перечисленные факты наряду с относительно поздним возрастом начала обучения языкам (12 лет) приводят к тому, что преподавание английского языка в Японии, несмотря на финансовые траты, не способствует высокому уровню его владения населением страны.

В ходе исследования печатные (707) и электронные (136) выпуски японских англоязычных периодических изданий за 2010-2017 гг. анализировались с точки зрения их содержания и этнической принадлежности авторов публикуемых материалов по аналогии с китайской периодикой на английском языке. Как показывают подсчёты, 75% публикаций посвящены событиям за пределами Японии и 25% отражают внутреннюю проблематику; 67% публикуемых материалов представляют собой перепечатки из зарубежных СМИ, авторами 25% являются японские журналисты и 8% публикаций не имеют указания на автора. Полученные результаты обобщены в таблице №2:

Таблица 2. Содержание и авторы англоязычной периодики Японии

Содержание публикаций	Авторство
75% – освещают события за пределами Японии; 20% – отражают внутреннюю проблематику.	67% – перепечатки; 25% – являются японскими журналистами; 8% – не имеют указания на автора.

Как видно, англоязычная газетно-журнальная публицистика является в этом случае инструментом распространения неазиатского контента в

восточноазиатской среде, что наглядно подтверждается данными об авторах публикаций. Даже самый беглый обзор японских газет и журналов на английском языке позволяет отметить наличие в них значительно бóльшего по сравнению с китайской англоязычной прессой количества материалов, созданных иностранными журналистами. Некоторые издания отдают значительную часть площадей под перепечатки из англоязычных газет, уделяя несущественное внимание материалам отечественных авторов. Например, «The Daily Yomiuri» и «International Herald Tribune/The Asahi Shimbun» предоставляют японским журналистам только три-четыре последние страницы. Принимая во внимание тот факт, что одним из специфических проявлений «свободы прессы по-японски» является требование анонимности в целях сохранения и поддержания коллективного мнения редакции, можно сделать общий вывод об определённой ориентации японской англоязычной периодики на преимущественное описание событий за пределами страны и изложений позиций иностранных обозревателей по вопросам внутренней политики этого восточноазиатского государства.

После разделения Корейского полуострова на два государства в Южной Корее значительно возросла необходимость в английском языке, поскольку основными задачами страны, декларируемыми на самом высоком уровне, стали интернационализация, международное сотрудничество и вхождение в мировое сообщество. Заявленные цели обусловили значительный интерес населения Кореи к изучению иностранных языков, которые получили широкое распространение в коммерции, профессиональной деятельности и массовой культуре. Английский язык стал основным иностранным языком в системе образования, экзамен по этому предмету является обязательным во всех учебных заведениях. Свидетельством его популярности являются получившие широкое распространение языковые частные школы и специальные курсы. Статистические данные свидетельствуют, что Корея отправляет на языковые стажировки в США большее количество студентов, чем любая другая страна,

а на частные занятия корейцы ежегодно тратят до 15 000 000 000 долларов [Koreans Forms Biggest Student Group in US 2018].

Однако, как и в случае с другими восточноазиатскими странами, результаты всех прилагаемых усилий представляются достаточно скромными: по итогам сдачи TOEFL Корея находится на 111 месте из 147; с одной стороны, почти все жители этой страны знают пару десятков слов и несколько фраз по-английски и почти любой обладатель вузовского диплома в состоянии бегло читать текст по специальности, а, с другой, – человек, связно говорящий по-английски, остаётся крайней редкостью [Английский язык в Корее 2018]. Среди основных причин подобного положения дел, как и в случае с Японией, называется методика преподавания английского языка, ориентированная на формирование пассивных навыков владения языком (в основном упор делается на грамматику, правила чтения и письма). Кроме этого следует отметить ряд особенностей национального менталитета, препятствующих полноценному освоению английского языка населением Южной Кореи: отношение ко всему иностранному как к чужому и инородному; традиционную замкнутость корейского общества, ориентированного на внутренние ценности, где стимул к познанию чужой культуры не является определяющим и основан только на практической необходимости [Богатова 2018].

Анализ содержания южнокорейских печатных (500) и электронных (83) версий англоязычных периодических изданий за 2010-2017 гг. позволил установить, что 57% публикуемых в них материалов посвящены событиям внутри страны, 23% отражают проблематику, связанную с жизнью Азиатско-Тихоокеанского региона, а 20% – иные проблемы; 53% авторов являются южнокорейскими журналистами, 27% – журналистами из других, преимущественно, англоязычных стран мира, 18% публикаций представляют собой перепечатки из международных СМИ и 2% публикаций не содержат указания на автора. Полученные результаты обобщены в таблице №3:

Таблица 3. Содержание и авторы англоязычной периодики Южной Кореи

Содержание публикаций	Авторство
57% – освещают события общественно-политической жизни Южной Кореи; 23% – отражают проблематику АТР. 20% – отражают иные проблемы.	53% – являются южнокорейскими журналистами; 27% – являются журналистами из других стран мира; 18% – перепечатки; 2% – не имеют указания на автора.

Очевидно, англоязычная газетно-журнальная публицистика Южной Кореи представляет собой инструмент распространения «азиатского контента» в восточноазиатской среде. Как и в случае с китайской англоязычной периодикой, большая часть её публикаций принадлежит отечественным авторам, которые не только указывают своё имя, но и адрес электронной почты, что позволяет читателям поддерживать обратную связь с создателями материалов. Авторами ряда материалов являются иностранцы, некоторые публикации являются перепечатками из крупных мировых СМИ и сопровождаются соответствующими ссылками. В этом смысле, газеты и журналы Кореи на английском языке близки периодическим изданиям Китая. Большая часть публикуемых в них материалов посвящена региональным проблемам. Информация о жизни зарубежных государств касается не их политической жизни, а, в первую очередь, вопросов экономики, причем, тех, которые могут оказать влияние на положение дел в самой Корее.

По наблюдениям исследователей, английский язык на территории Северной Кореи имеет ограниченное функционирование в системе образования наряду с его явной идеологизированностью [Lee Sun-Hwa 1996: 179-180]. В этих условиях сам факт существования иноязычных СМИ можно рассматривать как часть идеологии, нацеленной на опровержение тезиса об изоляции страны от мирового сообщества, где англоязычная газетно-журнальная публицистика становится, в первую очередь, инструментом распространения «идеологического контента». Доказательством этому служат данные, полученные в ходе анализа 218 печатных и 47 электронных

версий англоязычных северокорейских периодических изданий за 2010-2017 гг. 87% публикуемых в них материалов посвящены событиям внутри Северной Кореи и только 13% отражают проблематику, связанную с жизнью иных стран и народов; 100% авторов публикаций являются северокорейскими журналистами. Указанные результаты находят своё отражение в таблице №4:

Таблица 4. Содержание и авторы англоязычной периодики Северной Кореи

Содержание публикаций	Авторство
87% – освещают события общественно-политической жизни Северной Кореи; 13% – отражают иные проблемы.	100% – являются северокорейскими журналистами.

Проведённый анализ позволяет предположить, что читательской аудиторией восточноазиатской газетно-журнальной публицистики на английском языке в основном являются иностранные граждане и высокообразованные специалисты, деятельность которых связана с необходимостью межъязыкового взаимодействия с иноязычными социумами. Данное предположение подтверждается рядом неоспоримых фактов. Например, по данным авторитетных источников, основными подписчиками «Top Headlines Today» являются сотрудники посольств, международных организаций и крупных транснациональных компаний; «The Korea Post Online» осуществляет самое большое число интерактивных контактов с пользователями из-за рубежа, «The Korea Post» пользуется преимущественной популярностью у англоязычных читателей [Ким 2018], а читателями англоязычной версии «Нодон синмун» вообще являются только иностранцы, в связи с тем, что Интернет на территории КНДР законодательно запрещён.

Сказанное свидетельствует о том, что одним из экстралингвистических параметров восточноазиатской газетно-журнальной публицистики является

вторичность, поскольку она представляет собой *вторичную газетно-журнальную публицистику*, в создании которой в той или иной мере участвуют *вторичные языковые личности*, рассчитанную, главным образом, на читателей-экспатов и занимающую второстепенные позиции в системе национальных СМИ. Косвенным образом это подтверждается тем, что все англоязычные газеты и журналы Китая, Японии и Кореи значительно уступают англо-американской прессе, как по объёмам тиражей, так и по размерам самих изданий. Другим экстралингвистическим параметром восточноазиатской англоязычной периодики является *подчинённость восточноазиатскому менталитету*, поскольку она отражает мышление народов Восточной Азии и использует английский язык в качестве инструмента для представления собственного содержания и выработки особых вербальных и невербальных механизмов его оформления.

Издание англоязычных газет и журналов в Китае жёстко регламентируется государством, а их контент определяется установкой на распространение информации о жизни страны и популяризацию её культуры. Такая тенденция обозначена в рамках настоящей работы как *центробежная*. Англоязычная периодика Японии соответствует основным требованиям, предъявляемым к национальным изданиям, содержит информацию преимущественно о положении дел за пределами страны или излагает точку зрения сторонних наблюдателей на внутренние проблемы Японии. Такая тенденция обозначается в работе как *центростремительная*. Пресса Южной Кореи на английском языке в основном концентрируется на освещении региональной проблематики и может быть охарактеризована как *умеренно-центростремительная*, тогда как северокорейская газетно-журнальная публицистика представляет собой пропагандистский продукт, основной задачей которого является распространение определённых идеологических представлений, что позволяет назвать её *интенсивно-центробежной*. Всё сказанное выше обобщено в виде таблицы №5:

*Таблица 5. Англоязычная газетно-журнальная публицистика стран
Восточной Азии*

Страна	Северная Корея	Китай	Южная Корея	Япония
Параметры				
Содержание	87% – освещают события общественно-политической жизни Северной Кореи; 13% – отражают иные проблемы.	80% – освещают события общественно-политической жизни КНР; 20% – отражают вопросы, не связанные с Китаем.	57% – освещают события общественно-политической жизни Южной Кореи; 23% – отражают проблематику АТР. 20% - отражают иные проблемы.	75% – освещают события за пределами Японии; 20% – отражают внутреннюю проблематику.
Авторы	100% – являются северокаорейским и журналистами.	75% – являются китайскими журналистами; 15% – являются журналистами из других стран мира; 7% – перепечатки; 3% – не имеют указания на автора.	53% – являются южнокорейскими журналистами; 27% – являются журналистами из других стран мира; 18% – перепечатки; 2% – не имеют указания на автора.	67% – перепечатки; 25% – являются японскими журналистами; 8% – не имеют указания на автора.
Читатели	Иностранцы и высококвалифицированная элита внутри страны			
Общая характеристика	Интенсивно-центробежная	Центробежная	Умеренно-центростремительная	Центростремительная

ВЫВОДЫ

1. Восточноазиатская массовая печать отличается значительным многообразием и включает как общенациональные газеты и журналы, так и региональные издания, укладывающиеся в рамки культурно-исторической парадигмы общественной и социальной жизни Китая, Японии и Кореи. Одним из сегментов печатных СМИ является периодика на английском языке.

2. Сопоставительный анализ особенностей функционирования периодической печати в различных региональных вариантах английского языка выводит исследователя на уровень глубинного осмысления особенностей менталитета народов, для которых английский язык не является родным. Высококонтекстный характер восточноазиатских культур и социокультурная природа периодической печати обуславливают наличие в англоязычной прессе Китая, Японии и Кореи проявлений восточноазиатского менталитета, сформированных как в долгосрочный (этноисторический менталитет), так и в краткосрочный (этносоциальный менталитет) периоды развития.

3. Общее историческое прошлое, схожее географическое положение, единые философско-религиозные основы общественного уклада и близкая письменность сформировали инвариантную основу восточноазиатского этноисторического менталитета интравертного типа с преобладающими внерациональными формами постижения мира и его комплиментарной рецепцией. Этносоциальный менталитет представлен сложившимся в рамках национальной печати способом мышления создателей газетно-журнальных материалов, варьирующийся по различным показателям, основными из которых являются восприятие внешнего мира и отношение к английскому языку.

4. Основными экстралингвистическими параметрами англоязычной восточноазиатской газетно-журнальной публицистики являются вторичность

и подчинённость восточноазиатскому менталитету. Вторичный характер англоязычной периодической печати Восточной Азии обусловлен тем, что по срокам своего возникновения, участию авторов, не являющихся носителями английского языка, и читательской аудитории она соотносится с последующей ступенью развития СМИ, нежели пресса на национальных языках. Подчинённость восточноазиатскому менталитету аккумулирует способность англоязычной прессы Восточной Азии отражать мышление народов, населяющих эту часть мира, и использовать английский язык в качестве инструмента для представления собственного содержания и выработки особых вербальных и невербальных механизмов его оформления.

5. Исследование англоязычной прессы восточноазиатских стран в контексте её экстралингвистических параметров позволяет дифференцировать функционально-содержательную направленность периодической печати на английском языке каждого из государств этого региона в виде последовательности: интенсивно-центробежная (пресса КНДР) – центробежная (периодическая печать КНР) – умеренно-центростремительная (печатная периодика РК) – центростремительная (пресса Японии).

ГЛАВА 4. ФОРМЫ АДАПТАЦИИ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПРЕССЫ К ГАЗЕТНО-ЖУРНАЛЬНОМУ ДИСКУРСУ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

4.1. Адаптационные процессы вербальной актуализации параметра «информативность/квазиинформативность»

Исследование англоязычной восточноазиатской периодической печати позволяет предположить, что доминирующая позиция вербальных и невербальных феноменов, присущих англо-американскому газетно-журнальному дискурсу, в условиях кросскультурного контакта не является доказательством полного подавления языковой личности носителей иного менталитета. Напротив, наблюдения показывают, что в восточноазиатской периодике на английском языке идет интенсивный процесс их нативизации, характеризующийся наличием двух диалектически связанных тенденций. С одной стороны, в ней происходят адаптационные процессы, которые позволяют увидеть доминантность вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров газетно-журнального дискурса Великобритании и США. С другой стороны, наблюдается определённое сопротивление авторов публикаций этому влиянию.

В дальнейшем эти процессы определяются нами как адаптация и резистенция. *Адаптация* предполагает перенос вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров англо-американского газетно-журнального дискурса в англоязычную периодику восточноазиатских стран. *Резистенция* обозначает наличие вербальных и невербальных феноменов, отличающихся от стандарта оформления системообразующих параметров англо-американской печати. Сравнительные исследования особенностей функционирования одного и того же типа дискурса в разных региональных вариантах английского языка позволяют сформировать более широкий подход к его изучению, не

ограниченный первичной сферой функционирования. Заключительные главы настоящей работы посвящены сопоставлению выявленного стандарта вербального и невербального оформления англо-американского газетно-журнального дискурса со стандартом оформления восточноазиатской прессы на английском языке, которое позволяет дифференцировать происходящие в нём адаптационные и резистентные процессы, а также установить их взаимосвязь с менталитетом восточноазиатских народов.

Источниками эмпирического материала для исследования послужили 2125 печатных и 406 онлайн-выпусков таких массовых англоязычных периодических изданий Восточной Азии за 2010-2017 гг., как:

- китайские журналы «Beijing Review» (электронные выпуски за 2015-2017 гг.) и «China Informed» (печатные выпуски за январь-март 2011 г.);
- ежедневная общественно-политическая газета КНР «China Daily» (печатные выпуски за июль-сентябрь 2010 г.; за май-июнь 2011 г.) и её еженедельные приложения: «Business Weekly» (печатные выпуски за июль-сентябрь 2010 г.; за май-июнь 2011 г.) и «21st Century» (печатные выпуски за июль-август 2010 г.);
- китайская ежедневная газета «Global Times» (печатные выпуски за июль-октябрь 2010 г. и за июль-сентябрь 2011 г.);
- японский журнал «Tokyo Journal International Magazine» (электронные выпуски за 2015-2017 гг.);
- японские ежедневные газеты «International Herald Tribune» («The Asahi Shimbun») (печатные выпуски за январь-апрель 2010 г.) и «The Japan Times» (печатные выпуски за апрель-май 2010 г. и май-июль 2012 г.; электронные выпуски за 2013-2017 гг.);
- японская еженедельная газета «The Daily Yomiuri» (печатные выпуски за апрель-май 2010 г., июль-июль 2012 г., ноябрь-декабрь 2017 г.);
- южнокорейские журналы «Koreana» (электронные выпуски за 2013-2017 гг.) и «The Korea Post» (электронные выпуски за 2014-2017 гг.);

- южнокорейские ежедневные газеты «The Korea Herald» (печатные выпуски за июль-август 2014 г.) и «The Korea Times» (печатные выпуски за июнь-август 2012 г. и за декабрь 2017 г.);
- ежедневная газета КНДР «Rodong Sinmun» (электронные выпуски за 2015-2017 гг.).

За единицу анализа принимался полный текст каждого выпуска издания. Для выявления вербальных и невербальных особенностей восточноазиатской англоязычной периодики из всех анализируемых газет и журналов методом сплошной выборки извлекался материал, соответствующий принятым в настоящей работе представлениям о системообразующих параметрах газетно-журнального дискурса и способах их актуализации. Полученные результаты сопоставлялись с нормообеспечивающим стандартом англо-американской прессы. Идентичные проявления характеризовались как изоморфные и глобальные (адаптация), а отличающиеся показатели рассматривались как алломорфные и локальные (резистенция). Как отмечает З.Г. Прошина, глобальное и локальное в современном мире являются диалектически неразрывными; [...] в настоящее время, когда глобализм стал всеобъемлющим фактором, очень важно видеть элементы локального, вносящего специфику в глобальный континуум однородности и реализуемого в отдельных культурах, составными частями которых являются язык и литература [Прошина 2014: 10].

В ходе исследования особое внимание уделялось таким важным моментам, как авторство публикаций, в которых обнаруживались те или иные явления, и степень ассимилированности исследуемых вербальных единиц в английском языке. Современная англоязычная пресса Восточной Азии представляет собой конгломерат текстов, принадлежащих журналистам из разных стран мира. Её специфические черты могут быть обнаружены только в материалах, созданных китайскими, японскими и корейскими авторами, пишущими на английском языке. В случае с периодической печатью Китая и Кореи выделение таких материалов не

представляет собой сложности: «центробежный» характер китайской англоязычной прессы способствует тому, что абсолютное большинство её авторов являются китайскими журналистами, указывающими своё имя (аффилиацию) перед публикациями. Такая же картина наблюдается в южнокорейской прессе на английском языке и в периодической печати КНДР, где, по понятным причинам, публикуются только северокорейские авторы. В случае с газетно-журнальной периодикой Японии ситуация выглядит иначе. Как отмечалось выше, «центростремительный» характер англоязычной периодической печати этой восточноазиатской страны проявляется, в первую очередь, в принадлежности большинства публикаций иностранным авторам. Кроме того, японские журналисты предпочитают вообще не указывать авторства, либо скрывать своё имя за названием соответствующего издания. В этом случае, основой практического материала исследования становились публикации, помещаемые в специальные разделы для японских журналистов (как это имеет место в газете «International Herald Tribune», выделяющей для этого отдельные полосы под общим названием «The Asahi Shimbun»), либо содержащие прямое указание на автора из Японии.

Ещё одним важным моментом явилось выделение критериев отнесения исследуемых вербальных явлений к английскому языку внутреннего круга либо к его восточноазиатскому варианту расширяющегося круга. Современные исследователи сходятся во мнении, что наиболее объективным критерием включения языковой единицы в словарный состав английского языка является её регистрация толковым словарём, который фиксирует весь запас слов на данном историческом этапе развития языка [Кабакчи 1998: 16]. В связи с этим степень структурно-семантической ассимиляции в английском языке исследуемых явлений, в первую очередь, определялась путём установления факта их регистрации такими крупными словарями британского и американского вариантов английского языка, как: «American Heritage Dictionary», «Longman Dictionary of English Language and Culture» и

«Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language». Помимо этого к исследованию привлекался англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры «Перекрёсток» [Прошина 2004], представляющий лексикографические источники нового типа, появившиеся благодаря значительному интересу отечественной лингвистики к вариантам английского языка Азиатско-Тихоокеанского региона. Такие издания целенаправленно фиксируют языковые единицы «азиатской семантики», встречающиеся в самых разнообразных ситуациях межкультурного взаимодействия. Факт регистрации языковой единицы большинством словарей рассматривался как показатель её ассимилированности в английском языке. Отсутствие языковой единицы в лексикографических источниках являлось подтверждением её экзотичности. Наличие языковой единицы в одном-двух словарях свидетельствовало о специализации её значения и преимущественном использовании в определённом типе дискурса.

Существенным критерием включения языковых феноменов в тот или иной вариант английского языка также является их частотность, которая устанавливалась путём подсчёта повторов одной и той же языковой единицы в англо-американской прессе и в англоязычной прессе каждой из восточноазиатских стран. Было произвольно определено, что частотной является единица, которая встретилась на страницах англо-американской прессы более десяти раз. Для восточноазиатской периодической печати этот показатель носил среднестатистический характер, в силу выявленных в предыдущей главе кросскультурных различий: частотной считалась языковая единица, которая встречалась в англоязычной периодике всех стран Восточной Азии в среднем более десяти раз.

Исследование восточноазиатской англоязычной периодики позволяет сделать принципиальный вывод о том, что все присущие ей вербальные и невербальные черты, укладываются в выявленные системообразующие параметры газетно-журнального дискурса. При этом содержательное

наполнение механизмов их актуализации демонстрирует определённую вариативность, поскольку отражает как «глобальный», так и «локальный» характер функционирования английского языка. Адаптация восточноазиатской англоязычной газетно-журнальной периодики к газетно-журнальному дискурсу Великобритании и США проявляется в использовании идентичных вербальных и невербальных механизмов актуализации его системообразующих параметров. Так, вербальное оформление параметра *информативности* на *лексико-фразеологическом уровне*, как и в случае с англо-американской прессой, осуществляется, в первую очередь, посредством прецизионной лексики.

E.g.: ‘In late **March**, two **Chinese** warships docked in **Abu Dhabi**, the **first** time the **Chinese Navy** had made a port visit in the **Middle East**’ [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘It was his **first** visit to **China** and he couldn’t eliminate the **Chinese** wall excursion from the list of events’ [China Daily, July 30, 2010]; ‘The **46**-year-old **New York** congressman announced his plans shortly after **House Democratic Leader Nancy Pelosi** publicly urged him to get help, but also to step down’ [Global Times, June 13, 2011]; ‘Still, it was unclear whether his agency would be able to make progress by **Aug. 25** – the deadline agreed on by **two** sides to advance in **IAEA** investigation that has essentially been stalled for **seven** years’ [The Korea Times, August 19, 2012]; ‘**Microsoft** cofounder **Paul Allen** on **Saturday** released a **second** video of the apparent wreckage of the sunken **Japanese** battleship that his team of researchers located in **Philippine** waters earlier in this week’ [The Japan Times, March 19, 2015]; ‘The **U.S.** is amassing its forces in the **Asia-Pacific region**’ [Rodong Sinmun, February 12, 2016]; etc.

Приведённые примеры показывают, что большая часть прецизионных единиц обозначает понятия из жизни социумов, находящихся за пределами Восточной Азии. В то же время среди них встречаются лексемы, которые, с одной стороны, давно стали привычной частью англо-американского общественно-политического словаря, а с другой, не утратили своей

восточноазиатской маркированности – Beijing, China, Japanese, etc. Двойственность природы таких единиц заставляет уделить особое внимание вопросу об их лингвистическом статусе. Не вызывает сомнений, что они представляют собой результат переноса элементов одного языка в другой, в связи с чем можно утверждать, что прецизионная лексика подобного рода входит в число заимствований.

Как отмечает один из авторитетных исследователей в этой области: «Несмотря на очевидную актуальность проблем, связанных с языковыми контактами [...], до сих пор не существует единства по поводу содержания самого термина «заимствование»; не разработана классификация и типология, нет систематического описания процесса их появления, адаптации и функционирования в языке» [Прошина 2001: 179]. Одни лингвисты рассматривают заимствование как процесс перемещения элементов одного языка в другой в результате культурно-языковых контактов [Крысин 1968: 18], тогда как другие определяют его как результат этого процесса [Добродомов 1990: 158]. На лексическом уровне таким результатом является слово, передающее понятие об инокультурной реалии, и звуковую форму, близкую к соответствующей форме языка-источника. В отечественной лингвистике результат заимствования иногда называют – алиенизмами [Берков 1996: 62]. Проблемы восточных заимствований в английском языке рассматриваются в работах многих вариантологов [Cannon 1981; Cannon 1988; Cannon 1994; Knowlton 1970; Warren 1993]. Широкое признание в лингвистике получил подход З.Г. Прошиной, которая предлагает использовать термин *ориентализм* при описании единиц языка называющих заимствованные понятия и ключевые концепты восточноазиатской (китайской, японской и корейской) культуры [Прошина 2001: 182]. Целесообразность использования данного термина в рамках настоящего исследования обусловлена тем, что каждый заимствованный из восточноазиатских языков элемент языковой системы может быть назван ориентализмом, несмотря на степень его ассимиляции в английском языке.

Критерием освоенности заимствования является фиксация языковой единицы лексикографическими источниками. Неосвоенные слова (ксенонимы) функционируют в текстах в редких окказиональных употреблениях, не закрепляясь в языке, но иногда попадая в особый тип лексикографических источников – словарей иностранных слов [Ким Юань-Фу 1971: 6]. В работах многих лингвистов заимствования подразделяются на варваризмы, экзотизмы и иноязычные вкрапления. Под варваризмами понимаются слова, утратившие национальную окраску, а под экзотизмами – единицы языка, выполняющие определённую смысловую и стилистическую функцию создания эффекта присутствия, локализации [Брагина 1981: 82-83]. В некоторых классификациях заимствований варваризмы и экзотизмы составляют один класс [Крысин 1968: 43], в других – рассматриваются как противоположные явления, различающиеся степенью своей ассимилированности: варваризмы – наименее ассимилированные иностранные слова, а экзотизмы – более ассимилированные заимствованные слова «с чёткой принадлежностью к определённой стране или национальности» [Лотте 1982: 127]. Под иноязычными вкраплениями, или трансплантациями, понимают слова в исходной форме, переданной графическими и фонетическими средствами языка-источника [Кабакчи 1987; Олейникова 1992].

Прецизионная лексика, относящиеся к ориентализмам, отличается от традиционных заимствований, в связи с чем к ней могут быть применены иные принципы типологического описания. Для подтверждения данного соображения из всего корпуса исследуемых газетно-журнальных материалов методом сплошной выборки было извлечено 6329 прецизионных единиц, имеющих восточноазиатскую маркированность. На первом этапе исследования отобранные единицы анализировались с позиций их наличия/отсутствия в соответствующих лексикографических источниках, частотности и структурно-содержательных особенностей. Полученные результаты позволили на втором этапе исследования разделить все

исследуемые лексемы на *два класса*, в зависимости от того, показателем какого из двух процессов (адаптации или резистенции) они являются, и выделить в каждом из них семантические группы. Общее количество единиц *первого класса*, свидетельствующих об адаптационных процессах, составило 282.

Наибольшей по количеству относящихся к нему лексем стала группа топонимических обозначений – 109 единиц (39%), которая включает такие номинации, как: Beijing, Busan, China, Cantonese Gulf, Central China, Central Japan, Cheju, Dairen, East China, East China Sea, Fukushima, Fuji, Great Plain of China, Guangzhou, Guangdong, Nagasaki, Hainan, Harbin, Heilongjiang, Hiroshima, Hokkaido, Hong Kong, Honshu, Japan, Japan Sea, Korea, Korea Bay, Korea Strait, Kyushu, Kyoto, Macao, Manchuria, Mount Fuji, Nagano, Nagano Prefecture, Nanking, Niigata, Niigata Prefecture, North Korea, Northern Japan, Northwest China, Okinawa, Osaka, Osaka Prefecture, People's Republic of China, Pyongyang, Sagami Sea, Sapporo, Seoul, Shanghai, Shanxi, Shikoku, Sichuan, South Korea, Southern Japan, Takamatsu, Tokyo, Tokyo Bay, Tsushima, Yangtze, Yellow River, Yellow Sea, etc.

Указанные топонимы демонстрируют высокую степень ассимиляции, поскольку регистрируются лексикографическими источниками как лексемы современного английского языка:

China – the largest country in eastern Asia. Population: 1,221,500,000 (1995). Capital: Beijing. [...] [Longman 1998: 216]; *China* – a country in East Asia, officially named the People's Republic of China (中华人民共和国) [American Heritage 2018]; *China* – People's Republic of. A country in E Asia: under communist control since 1949. 1,008,175,288 including 13,000,000 in Inner Mongolia and 1,400,000 in Tibet; 3,691,502 sq. ml. Cap. Peking [...] [Webster 1989: 257]; *China* – гос-во Китай; People's Republic of China – Китайская Народная Республика (Центральная и Восточная Азия). [от назв. кит. династии Chin – Цинь] [Перекрёсток 2004: 545].

Korea Strait – a strait between Korea and Japan, connecting the Sea of Japan and the East China Sea. 120 mi. long [Webster 1989: 794]; *Korea Strait* – a channel between southeast South Korea and southwest Japan. It connects the East China Sea with the Sea of Japan [American Heritage 2018]; *Korea Strait* – Корейский пролив (между п-вом Корея и Японскими о-вами) [Перекрёсток 2004: 548].

People's Republic – a name or title taken by some socialist or communist states: the People's Republic of China [Longman 1998: 998]; *People's Republic of China* – official name for China [American Heritage 2018]; *People's Republic of China* – official name of Communist China [Webster 1989: 1068].

Tokyo – the capital and largest city of Japan, its main financial and business center. Population: 11,549,100 (1995) [Longman 1998: 1418]; *Tokyo* – the capital and largest city of Japan, in east-central Honshu on Tokyo Bay, an inlet of the Pacific Ocean. Founded in the 1100s as Edo, the city was renamed Tokyo when it became the imperial capital in 1868. Much of the city was destroyed by an earthquake in 1923 and by bombing raids during World War II [American Heritage 2018]; *Tokyo* – a seaport in and the capital of Japan, on Tokyo Bay: one of the world's three largest cities; destructive earthquake and fire 1923; signing of the Japanese surrender documents aboard the USS "Missouri", September 2, 1945 [Webster 1989: 1491]; *Tokyo* [яп.] – назв. современной столицы Японии; токийский, токиоский (устар.) [Перекрёсток 2004: 478].

Yellow River – a long river in China, known for the terrible floods, famous for its yellow silt [Longman 1998: 1549]; *Yellow River* (Chin. Hwang He), a river flowing from Western China into the Gulf of Pohai [Webster 1989: 695]; *Yellow River* – a river of northern China rising in the Kunlun Mountains and flowing about 5,400 km (3,350 mi) generally eastward to the Bohai Sea. It is named for the vast quantities of yellow silt it carries to its delta. The river is sometimes called "China's Sorrow" because of the devastating floods that once occurred regularly in its lower course. Yellow River is the translation of Huang He, its Chinese name [American Heritage 2019]; *Yellow River* (Chin. Hwang Hai), an arm of the Pacific

North of the East China Sea, between China and Korea [Webster 1989: 1655]; *Yellow River* – Хуанхэ, Жёлтая река, см. Hung He [Перекрёсток 2004: 551].

Помимо этого, восточноазиатские топонимы первого класса обладают сопоставимыми показателями частотности в англо-американской периодике и в англоязычной прессе Восточной Азии, что подтверждается данными следующей таблицы.

Таблица 6. Частотность восточноазиатских топонимов первого класса

Страны Топонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Beijing	907	1453	1011	1017	467	987
Busan	35	32	23	89	32	44
China	1235	1828	1411	1432	956	1406,8
Cantonese Gulf	17	38	26	21	7	23
Central China	15	55	12	10	3	20
Central Japan	18	11	32	9	1	13,4
Cheju	11	8	11	31	18	17
Dairen	17	27	11	9	8	13,8
East China	15	35	18	12	2	16,8
East China Sea	35	43	32	28	14	29,3
Fukushima	539	462	777	711	312	565,5
Fuji	23	11	77	11	0	24,8
Great Plain of China	12	18	11	13	0	10,5
Guangzhou	30	39	23	21	13	24
Guangdong	12	36	8	9	1	13,5
Nagasaki	23	15	47	11	3	19
Hainan	15	34	18	17	2	17,8
Harbin	36	74	23	25	7	32,3
Heilongjiang	23	31	18	15	3	16,8
Hiroshima	15	8	34	12	1	13,8
Hokkaido	17	12	38	20	3	18,3
Hong Kong	80	118	72	81	19	72,5
Honshu	33	23	78	21	5	31,8
Japan	1233	1177	1559	1332	745	1203,3
Japan Sea	66	88	89	73	55	76,3
Korea	1244	1176	1132	1677	1005	1247,5
Korea Bay	32	28	23	43	57	37,8
Korea Strait	31	24	29	41	48	35,5
Kyushu	66	57	115	50	19	60,3
Kyoto	22	5	66	14	2	21,8

Macao	23	40	21	20	7	22
Manchuria	14	25	12	13	5	13,8
Mount Fuji	30	10	100	8	1	29,8
Nagano	13	9	45	11	0	16,3
Nagano Prefecture	19	12	69	9	0	22,5
Nanking	11	18	10	13	0	10,3
Niigata	19	12	56	17	2	21,8
Niigata Prefecture	11	8	37	5	0	12,5
North Korea	944	876	932	977	87	718
Northern Japan	17	3	56	2	1	15,5
Northwest China	13	39	10	10	4	15,8
Okinawa	55	32	118	40	33	55,8
Osaka	23	11	49	20	1	20,3
Osaka Prefecture	12	12	19	14	0	11,3
People's Republic of China	14	35	17	16	5	18,3
Pyongyang	955	733	689	911	1322	913,8
Sagami Sea	17	12	38	11	6	16,8
Sapporo	21	18	54	19	1	23
Seoul	1073	890	871	1400	1311	1118
Shanghai	40	91	44	47	12	48,5
Shanxi	15	31	11	13	4	14,8
Shikoku	32	29	57	31	27	36
Sichuan	14	29	19	15	1	16
South Korea	744	776	732	876	587	742,8
Southern Japan	23	18	45	21	2	21,5
Takamatsu	17	11	34	11	0	14
Tokyo	915	919	1567	832	834	1038
Tokyo Bay	23	18	34	19	7	19,5
Tsushima	19	18	38	11	2	17,3
Yangtze	21	57	18	19	0	23,5
Yellow River	20	39	21	22	6	22
Yellow Sea	29	40	31	34	3	27

Среди выявленных показателей обращает на себя внимание частотность топонимических номинаций North Korea и South Korea в англоязычной прессе РК и КНДР. Южнокорейские журналисты широко используют в своих публикациях обе языковые единицы, в то время как в северокорейской прессе преимущественное хождение имеет лексема Korea. Она применяется в случае, если речь идёт обо всём Корейском полуострове, и в том случае, если газетно-журнальный материал посвящён Северной Корее. Топонимические обозначения North Korea (чаще – north Korea) и South Korea обладают низкой частотностью. Причины этого явления,

очевидно, лежат в области идеологических установок периодической печати КНДР, которые нацелены на формирование образа северокорейского государства как выразителя истинного предназначения, духа и устремлений всего корейского народа. Этот образ традиционно противопоставляется образу государства-отступника, вступившего в сговор с врагами и свернувшего с истинного пути, которое упоминается не часто и, как правило, в негативных контекстах.

Определённая часть единиц этой группы представляет собой результат фонографического передачи их исходного фонемно-графемного состава средствами английского языка: Guangzhou, Guangdong, Nagasaki, Hainan, Harbin, Heilongjiang, Hiroshima и т.п. Другие являются результатом буквального воспроизведения в переводе (калькирования) значений составляющих их компонентов: People's Republic of China (кит. Zhōnghuá Rénmín Gònghéguó listen), Yellow River (кит. Huang He), Yellow Sea (кит. Hwang Hai) и пр. Третьи – в результате комбинированного перевода, при котором одни компоненты передаются посредством фонографического перевода, а другие – при помощи калькирования: Mount Fuji (яп. Fuji-san), Nagano Prefecture (яп. Nagano-ken) и т.д. Сказанное позволяет отнести топонимические обозначения подобного рода к *ассимилированным прецизионным ориентализмам*, среди которых представляется возможным выделить: *фонографические ориентализмы, ориентализмы-кальки и ориентализмы-полукальки*.

E.g.: ‘Last month, nine Japanese crested ibises being introduced into the wild on Sado Island, **Niigita Prefecture**, were killed by predators’ [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘The US-based search engine has ended partnership with Universal Internet Media and Xi’an Weihua Network, which are the major advertising agents for Google in **East and Northwest China**’, ‘The Luofu River is a tributary of the Weihe River, the main river in **Shanxi** and the main tributary of the **Yellow River**’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘A **North Korean** defector appeared at a press conference in the nation’s capital upon

returning to **Pyongyang** [...]’ [The Korea Times, July 20, 2012]; ‘At a symposium on “Trauma and Utopia” held in **Tokyo** in October 2014, photographer Naoya Hatakeyama talked about his work [...]’ [The Japan Times, March 4, 2015]; ‘**China** launched a new generation satellite into orbit [...]’ [Beijing Review, February 1, 2016]; ‘Some claim that other cities like **Tokyo** and New York have the same issues and that **Seoul** is not unique in its problem’ [Koreana, November 19, 2016]; ‘Over 60% back princesses remaining Imperial after marriage in survey covering Cabinet, **North Korea** strategy, Morimoto’ [The Japan Times, December 5, 2017]; etc.

Группа эргонимов первого класса включает 100 единиц (35% от всего объёма прецизионной лексики, свидетельствующей об адаптационных процессах). Единицы данной группы представляют собой названия китайских, японских, южно- и северокорейских общественных институтов, промышленных предприятий, торговых компаний и т.п.: Aiwa, Akai, Bank of China, Canon, Casio, China Construction Bank, China Development Bank, China National Petroleum, China Petroleum&Chemical Corporation, Daewoo, Daicel, Daihatsu, Fujifilm, Fuji Electric Company, Funai, Hitachi, Honda, Industrial and Commercial Bank of China, Japan Development Bank, Hyundai, Hyundai Motor Group, Lotte, Mazda, Mitsubishi, Mitsubishi Heavy Industries, Mitsui, Nippon, Nikon, Nissan, Panasonic, People’s Liberation Army, Samsung, Samsung Medical Centre, Sanyo, Seiko, Seoul National University Hospital, Sony, Subaru, Suzuki, Tokyo Electric Power Corporation, Toshiba, Xinhua, Xinhua News Agency, Yamaha, Yamaha Motors, etc. В силу своей узнаваемости за пределами восточноазиатского региона они приобрели «глобальный» характер, что подтверждается их регистрацией большинством лексикографических источников и высокой частотностью в газетно-журнальном дискурсе (таблица 7).

Mitsubishi – trademark a type of car or other motor vehicle made by the Japanese company Mitsubishi [Longman 1998: 871]; *Mitsubishi* – proper noun, a Japanese company and brand name. From Japanese 三菱(みつびし, Mitsubishi)

[American Heritage 2018]; *Mitsubishi* – [яп. «три бриллианта»] Мицубиси, Мицубиши; 1. Японская промышленная корпорация; 2. Торг. марка; марка японского автомобиля [Перекрёсток 2004: 306];

Panasonic – trademark; a product made by the Japanese company Matsushita, which makes many different types of electronic equipment, including televisions, video recorders, and stereo systems [Longman 1998: 974]; *Panasonic* (trademark) – a multinational corporation in Japan [American Heritage 2018]; *Panasonic* – [яп.] Панасоник; торговая марка японской бытовой электроники [Перекрёсток 2004: 354].

People's Liberation Army – the military arm of the People's Republic of China [American Heritage 2018]; *People's Liberation Army (PLA)* – [кит. Renmin Jiefang Jun] Народно-освободительная армия КНР [Перекрёсток 2004: 359].

Samsung – Korean conglomerate company and brandname. From Korean 삼성 (Samseong) Hanja: 三星) “tristar” or “three stars”, combined representing “powerful eternity” [American Heritage 2018]; *Samsung, Samsong* [кор.] Самсунг, корейская компания по производству электробытовых и электронных изделий [Перекрёсток 2004: 389], etc.

Suzuki – trademark a type of car or motorcycle made by the Japanese company Suzuki [Longman 1998: 1363]; *Suzuki* – the English translation of the second most common surname in Japan [American Heritage 2018]; *Suzuki* – [яп.] Судзуки, крупная японская компания; автомобиль этой фирмы [Перекрёсток 2004: 449].

Toshiba – trademark a type of electronic equipment such as televisions and computers, especially laptop computers that you can carry around with you, made by the Japanese company Toshiba [Longman 1998: 1423]; *Toshiba* – a Japanese company and brand name. From Japanese 東芝(とうしば, Tōshiba. [American Heritage 2018]; *Toshiba* – [яп.] Тосиба, Тошиба; японская электротехническая компания [Перекрёсток 2004: 483].

Таблица 7. Частотность восточноазиатских эргонимов первого класса

Страны Эргонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Aiwa	15	17	19	19	0	13,8
Akai	13	15	18	13	0	12
Bank of China	17	38	25	12	0	18,8
Canon	15	15	21	10	0	12
Casio	13	15	15	9	1	10
China Construction Bank	11	18	15	13	0	12
China Development Bank	17	27	11	13	0	12,8
China National Petroleum	15	25	18	13	2	15
China Petroleum & Chemical Corporation	15	29	10	11	0	13
Daewoo	13	11	15	18	0	11
Daicel	11	11	17	17	0	11,3
Daihatsu	13	11	19	11	0	10,3
Fujifilm	12	12	19	13	0	11
Fuji Electric Company	11	13	23	11	0	11,8
Funai	12	13	18	15	0	12
Hitachi	15	15	27	14	0	14
Honda	15	14	18	17	0	12,3
Industrial and Commercial Bank of China	16	34	13	15	0	16
Japan Development Bank	13	13	18	15	0	12
Hyundai	15	9	12	24	0	11,3
Hyundai Motor Group	12	12	13	20	0	11,3
Lotte	11	11	17	28	0	14
Mazda	23	13	28	11	0	13
Mitsubishi	12	17	29	15	0	15,3
Mitsubishi Heavy Industries	11	9	33	10	0	13
Mitsui	12	11	23	16	0	13
Nippon	11	12	19	13	0	11
Nikon	11	14	29	11	0	14
Nissan	16	15	25	15	0	13,8
Panasonic	12	15	16	14	0	11,3
People's Liberation Army	19	39	11	7	3	15

Samsung	14	12	15	23	0	13
Samsung Medical Centre	11	8	15	28	1	13
Sanyo	11	9	25	11	0	11,3
Seiko	13	12	29	9	0	13
Seoul National University Hospital	11	8	10	33	0	12,8
Sony	11	8	37	12	0	14,3
Subaru	14	16	32	17	0	16,3
Suzuki	12	13	26	12	0	12,8
Tokyo Electric Power Corporation	13	13	31	10	0	14
Toshiba	15	13	28	14	0	13,8
Xinhua	23	35	19	20	1	18,8
Xinhua News Agency	21	45	19	25	5	24
Yamaha	19	17	29	11	0	14,3
Yamaha Motors	11	11	19	11	0	10,3

Нетрудно заметить, что восточноазиатские эргонимы, встречающиеся в англоязычной прессе Китая, Японии и Южной Кореи, практически не используются в северокорейской периодической печати на английском языке. Этот факт свидетельствует об определённом экономическом единстве восточноазиатских государств, из которого, по объективным причинам, исключена КНДР. Как и в случае с топонимами, восточноазиатские эргонимы отражаются в английском языке несколькими способами. Часть из них воспроизводится посредством фонографического перевода: Daewoo, Daicel, Daihatsu, Funai, Hitachi, Honda, Hyundai, Mitsubishi и т.п. Другие являются результатом калькирования: Bank of China (кит. Zhōngguó Yínháng), China Construction Bank (кит. Zhōngguó Jiànshè Yínháng), China National Petroleum (кит. Zhōngguó Shíyóu Tiānránqì Jítuán Gōngsī), Fuji Electric Company (яп. Fuji Denki Kabushiki-gaisha), третьи представляют собой полукальки, поскольку включают ассимилированные топонимы-ориентализмы и калькированные элементы: China Development Bank (кит. Guójiā Kāifā Yínháng – дословно «государственный банк развития»). Сказанное позволяет, как и в случае с восточноазиатскими топонимами, выделить среди *ассимилированных прецизионных ориентализмов* данной

группы: *фонографические ориентализмы, ориентализмы-кальки и ориентализмы-полукальки.*

E.g.: ‘Wearing and selling the uniforms of the **People’s Liberation Army** (PLA) is popular among military fans’ [Global Times, July 15, 2010]; ‘The price of garlic in North China’s Shanxi province has risen by more than 51 percent compared to May, the largest increase in the country, **Xinhua** reported’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘The 754 trillion won in the value of assets controlled by the five biggest conglomerates – **Samsung**, [...] – accounted for 52 percent of the total held by the top-100 firms last year’ [The Korea Times, July 2, 2012]; ‘The top-five hospitals – [...] **Seoul National University Hospital** [...] – charge anywhere from 700,000 won to 3 million won per day depending on the size of the mourning room and the level of service provided’ [The Korea Times, July 22, 2012]; ‘The suit will also target Japanese firms in the **Mitsubishi** and **Mitsui** groups for their alleged involvement in installing and managing so-called comfort stations, the sources said’ [The Japan Times, March 9, 2015]; etc.

Группа прецизионной лексики, обозначающей культурные явления: включает 53 языковые единицы (19% от всех единиц первого класса). Лексемы, вошедшие в этот разряд, называют исторические события, достопримечательности, праздники и т.п. восточноазиатских стран, известные за пределами региона. Примерами ассимилированных в английском языке ориентализмов подобного рода могут служить: Ancient Kyoto Monuments, Cultural Revolution, Dragon Boat Festival, Forbidden City, Grand Kabuki, Great Wall, Great Wall of China, Hiroshima Genbaku Dome, Hinomaru, Hiroshima Peace Memorial, Imperial Garden, Joyo Kanji, Kanda Festival, Labor Thanksgiving Day, Longmen Grottoes, Meiji Industrial Revolution Sites, Nikko Temples, Putonghua, Peking Man Site, Shinto, Shintoism, Shintoist, Oriental Pearl Tower, Summer Palace, Taoism, Temple of Confucius, Temple of Heaven, etc. Значение перечисленных единиц фиксируется в различных словарях современного английского языка:

Forbidden City, Chin. A walled section of Peking, built in the 15th century, containing the imperial palace and other buildings of the Chinese Empire allowed for entry only to Emperor family before [Webster 1989: 553]; *Forbidden City* – a walled enclosure of central Beijing, China, containing the palaces of 24 emperors in the Ming and Qing dynasties [American Heritage 2018]; *Forbidden City* [кит. Gugong Bowuyuan «Запретный город»] – Запретный город, резиденция китайского императора в Пекине (архитектурный ансамбль Гугун) [Перекрёсток 2004: 124].

Great Wall of China, – a large strong wall built across N China during the first century BC to protect the country against enemy armies. It is over 2000 kilometers long, and it's the only structure built by humans that can be seen from space [Longman 1998: 577]; *Great Wall of China*, a system of walls constructed as a defense for China against the nomads of the regions that are now Mongolia and Manchuria: completed in the third century BC, but later repeatedly modified and rebuilt. 2000 mi. long [Webster 1989: 620]; *Great Wall* – shortened form of the Great Wall of China [American Heritage 2018]; Great Wall of China [пер. с кит. Zhang Zheng] Великая китайская стена (система фортификационных стен длиной 3220 км., по верху которой проходит дорога; сооружена в III в. до н.э. как защита от набегов кочевников из Монголии и Манчжурии) [Перекрёсток 2004: 144].

Hinomaru – the national flag of Japan; consisting of a large red disc (representing the sun) in the centre of a white rectangular horizontal background. From Japanese 日の丸 (*hinomaru*, “circle of the sun”) [American Heritage 2018]; *Hinomaru* [яп.] Хиномару; государственный флаг Японии [Перекрёсток 2004: 167].

Частота их встречаемости в англо-американской периодике сопоставима со средними показателями их частотности в англоязычной прессе восточноазиатских стран, что подтверждается числовыми показателями приведённой ниже таблицы.

Таблица 8. Частотность восточноазиатских прецизионных единиц первого класса, служащих наименованиями культурных явлений

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Cultural Revolution	14	13	12	12	4	10,3
Dragon Boat Festival	11	23	11	12	0	11,5
Forbidden City	17	29	13	15	1	14,5
Grand Kabuki	15	11	19	13	0	10,8
Great Wall	15	31	11	10	1	13,3
Great Wall of China	13	25	12	11	0	12
Hiroshima Genbaku Dome	17	15	26	17	3	15,3
Hinomaru	11	9	31	10	0	12,5
Hiroshima Peace Memorial	15	12	27	13	0	13
Imperial Garden	11	19	16	14	0	12,3
Joyo Kanji	11	18	11	11	1	10,3
Kanda Festival	11	11	19	12	0	10,5
Labor Thanksgiving Day	13	10	23	11	0	11
Longmen Grottoes	11	18	13	13	0	11
Meiji Industrial Revolution Sites	13	23	10	9	0	10,5
Ancient Kyoto Monuments	14	11	21	14	0	11,5
Nikko Temples	13	11	19	11	0	10,3
Putonghua	13	18	11	12	0	10,3
Peking Man Site	15	24	13	15	0	13
Shinto	11	11	21	11	0	10,8
Shintoism	12	11	17	12	0	11
Shintoist	11	13	17	14	0	10,5
Taoism	11	16	11	14	0	10,3
Oriental Pearl Tower	13	22	18	15	0	13,8
Summer Palace	11	17	13	11	0	10,3
Temple of Confucius	13	21	14	13	0	12
Temple of Heaven	17	19	13	9	0	10,3

Показатели таблицы свидетельствуют о единстве культурного пространства народов Восточной Азии. Исключением в этом смысле является Северная Корея, в англоязычной прессе которой практически не

встречается наименований восточноазиатских культурных явлений. Данный факт позволяет судить о феноменологичности массовой печати этого государства, освещающего преимущественно политические события и не уделяющего внимания иным темам. Как в случае с топонимами и эргонимами ассимилированные прецизионные ориентализмы-наименования культурных явлений включают: *фонографические ориентализмы*: Grand Kabuki, Hinomaru, Joyo Kanji, Shinto, Shintoism, Shintoist; *ориентализмы-кальки*: Cultural Revolution (кит. wéngé), Great Wall of China (кит. Zhang Zheng), Meiji Industrial Revolution Sites (яп. Meiji nihon no sangyōkakumei isan), Oriental Pearl Tower (кит. Dōngfāng Míngzhūtǎ) и *ориентализмы-полукальки*: Hiroshima Genbaku Dome (яп. Genbaku Dome – дословно «купол мира»).

E.g.: ‘As a foreigner I found **Joyo Kanji** characters unbearably difficult’ [International Herald Tribune, April 3, 2010]; ‘Actually, the proposal for broadcasts in **Putonghua** applies only to the main programming of two channels’ [Global Times, July 15, 2010]; ‘While touring the **Forbidden City** one day in early July, I was fascinated by the intricate architecture, the enormity of the complex, and the vast territory of the palace’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘Since 1977 when the gaokao was resumed and universities reopened after the **Cultural Revolution** (1966-76), the arduous, days-long exam was regarded as the only channel for social mobility [...]’ [Global Times, August 18, 2011]; ‘As the first Westerner to perform in Japan after World War II and in China after the **Cultural Revolution**, Menuhin had an affection for and interests in Asia’ [The Daily Yomiuri, July 29, 2012]; etc.

Наименьшей по количеству лексем, свидетельствующих об адаптации англоязычной периодической печати Восточной Азии к стандарту оформления газетно-журнального дискурса, принятому в Великобритании и США, стала группа личных имён. В неё вошли 20 единиц (7% от всех единиц первого класса), среди которых находим имена таких известных представителей восточноазиатских народов, как: Akihito, Akira Kurosawa,

Ban Ki Moon, Bruce Lee, Chiang Kai-shek, Chun Doo Hwan, Confucius, Deng Xiaoping, Hirohito, Hu Jintao, Kim Il Sung, Kim Jong Il, Kim Jong Un, Mao Zedong, Roh Tae Woo, Takashi Murokami, Takeshi Kitano, Xi Jinping, Yoko Ono, Yukio Mishima. Важным показателем ассимилированности данных личных имён в английском языке является их фиксация различными словарями.

Confucius – (551-479 BC) a Chinese philosopher whose ideas encourage justice and peace, and who taught social and moral principles which had a great influence on Chinese society and on the way that Chinese people think [Longman 1998: 268]; *Confucius* – originally Kong Fuzi. c. 551-479 BC. Chinese philosopher who promoted a system of social and political ethics emphasizing order, moderation, and reciprocity between superiors and subordinates. The *Analects* contains a collection of his sayings and dialogues compiled by disciples after his death [American Heritage 2018]; *Confucius* – (551?-479? BC)/ Chinese K'ung Futzŭ/ Chinese philosopher and teacher [Webster, p. 309]; *K'ung-tzu, K'ung-fu-tzu, Kong-zi, Kong-fu-zi* – Конфуций (Кундзы, Куфуцзы) (551-479 гг. до н.э.) – основатель первой китайской философской школы и философско-этической системы, разработанной в V в. до н.э.; одной из китайских религий, отстаивающей незыблемость установленных небом общественных порядков, социального неравенства. Конфуцианство строго требует выполнения обрядов, почитания предков, совершения жертвоприношений, тж. Confucius [Перекрёсток 2004: 565].

Hirohito – (1901-89) the emperor of Japan from 1926 to 1989 [Longman 1998: 629]; *Hirohito* – 1901-1989 Emperor of Japan (1926-1989) who advocated the Japanese government's unconditional surrender that ended World War II (1945). In 1946 he renounced his divine status [American Heritage 2018]; *Hirohito* – (*Showa*) born 1901, emperor of Japan since 1926 [Webster 1989: 673]; *Showa* – Сёва, период правления императора Хирохито (*Hirohito*) (1926-1989) [Перекрёсток 2004: 425];

Kim Il Sung – (1912-24) a North Korean political leader. As Prime Minister, he led North Korea during the Korean War (1950-1953). He later became President and led the country until his death. He was known for his strict Communist ideas and for his isolationism (belief that country should not be involved with others in any way) [Longman 1998: 722]; *Kim Il Sung* also Kim Il-sung – originally Kim Song Ju. 1912?-1994 Korean soldier and politician who fought against Japan (1932-1945) and served as premier (1948-1972) and president (1972-1994) of North Korea [American Heritage 2018]; *Kim Ill Sung, Kim Il-song* – КИМ Ир Сен (р. 1912) – политический деятель КНДР, глава партии (с 1949) и государства (с 1972 г.) [Перекрёсток 2004: 562].

Mao Zedong (Mao Tsetung) – Chairman Mao (1893-1976) a Chinese politician who helped to start the Chinese Communist party in 1921 and became its leader in 1935 [Longman 1998: 830]; *Mao Ze-dong* also *Mao Tse-tung* 1893-1976 Chinese Communist leader and theorist. A founder of the Chinese Communist Party (1921), he commanded troops in the Chinese Civil War (1927-1949) and proclaimed the People's Republic of China in 1949. As party chairman and the country's first head of state (1949-1959), he initiated sweeping but misguided economic, agricultural, and industrial reforms that resulted in widespread starvation. He continued as party chairman after 1959 and was a leading figure in the Cultural Revolution (1966-1969). In the 1970s he consolidated his political power and established ties with the West [American Heritage 2018]; *Mao Tsetung* – (1893-1976), Chinese Communist leader; chairman of the People's Republic of China 1949-59; chairman of the Chinese Communist party 1943-1976. Also Pinyin, Mao Zedong [Webster 1989: 874]; *Mao Zedong, Mao Tse-Tung* – глава компартии (с 1943) и высшего руководства Китая (с 1949) [Перекрёсток 2004: 566]. Личные имена подобного рода обладают достаточной частотностью как в англо-американской прессе, так и в англоязычной периодике восточноазиатских стран, что подтверждают результаты подсчётов.

Таблица 9. Частотность восточноазиатских личных имён,
свидетельствующих об адаптационных процессах

Страны Личные имена	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Akihito	13	7	33	12	3	13,8
Akira Kurosawa	17	5	35	11	9	15
Ban Ki Moon	37	33	29	69	13	36
Bruce Lee	38	31	28	53	2	28,5
Chiang Kai-shek	11	19	11	10	0	10
Chun Doo Hwan	11	7	12	33	0	13
Confucius	25	47	21	11	0	19,85
Deng Xiaoping	27	55	19	13	3	22,5
Hirohito	19	3	77	5	1	21,5
Hu Jintao	29	40	19	21	5	21,3
Kim Il Sung	28	3	2	7	117	32,3
Kim Jong Il	29	5	5	15	111	34
Kim Jong Un	69	23	32	45	131	57,8
Mao Zedong	13	15	11	12	3	10,3
Roh Tae Woo	13	5	7	38	3	13,3
Takashi Murokami	11	12	17	12	0	10,3
Takeshi Kitano	15	9	38	11	0	14,5
Xi Jinping	41	69	31	33	15	37
Yoko Ono	27	11	28	10	0	12,3
Yukio Mishima	13	11	19	12	0	10,5

Полученные показатели позволяют сделать вывод о том, что немногочисленные личные имена, свидетельствующие об адаптации англоязычной периодической печати Восточной Азии к стандарту оформления англо-американского газетно-журнального дискурса, в основном представляют собой имена восточноазиатских исторических деятелей, политиков и представителей культуры, которые воспринимаются носителям английского языка стран внутреннего круга как универсальные культуронимы. Они утратили свою локальную привязку и стали выразителями «глобального» контекста, доказательством чему являются близкие показатели их частотности в столбцах I и VI. Исключением в этом случае являются языковые единицы Bruce Lee и Yoko Ono, показатель

частотности которых в англо-американской прессе превышает средний показатель их частотности в англоязычной прессе восточноазиатских стран. Очевидно, это связано с тем, что их носители, несмотря на своё восточноазиатское происхождение, значительную часть жизни провели за границей и стали, в первую очередь, частью англо-американской культуры.

В целом показатели столбцов II, III, IV, V соотносятся с характеристиками, присвоенными ранее восточноазиатской прессе на английском языке. «Центробежный» характер периодической печати Китая отражается в доминировании личных имён представителей своего социума. «Центростремительность» японской прессы и «умеренная центробежность» периодической печати Южной Кореи прослеживаются в относительно ровном распределении частотности личных имён представителей всех восточноазиатских социумов. «Интенсивная центробежность» печати Северной Кореи проявляется в явном преобладании имён трёх политических деятелей этого государства. Все единицы данной группы являются результатом воспроизведения в английском языке восточноазиатских личных имён посредством фонографического перевода (транскрипции и транслитерации), в связи с чем могут рассматриваться как *ассимилированные прецизионные фонографические ориентализмы*.

E.g.: ‘In 1951, when “Rashomon” won the Golden Lion award at the Venice International Film Festival, its director, **Akira Kurosawa**, was dangling a fishing line in the waters of Tamagawa river near his Tokyo home’ [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘Chairman **Mao Zedong** once criticized the Health Ministry for focusing on urban areas: “Why don’t you call yourselves the Ministry of Urban Health? Or better still, the Ministry of Urban gentlemen’s Health?”’ [China Daily, Tuesday, July 27, 2010]; ‘Beat **Takeshi Kitano** and his guests consider this and other questions regarding Japanese attitudes to leisure’ [The Daily Yomiuri, July 5, 2012]; ‘The women are also weighing whether to demand that Tokyo recognize the role of Emperor **Hirohito**, posthumously known as Emperor **Showa**, in the nation’s march to war’ [The Japan Times, March 9, 2015];

‘Child-poems [...] reflected the loyalty of schoolchildren to hold in high esteem President **Kim Il Sung** and **Kim John Il** as the sun of Juche and to firmly believe and follow Marshal **Kim Jong Un**’ [Rodong Sinmun, February 5, 2016]; etc.

Среди других средств вербального оформления информативности на лексико-фразеологическом уровне находим набор языковых единиц, идентичный англо-американскому газетно-журнальному дискурсу:

- термины и терминосочетания, большая часть из которых носит общественно-политическую или социально-экономическую направленность: added value, bond funds, budget bill, coalition government, Congress, consumer price index, consumption tax, containment doctrine, convicted defendant, corporate customers, crude, debt ratio, economic stimulus measures, exchange rate, gross domestic product, justice, import tariffs, income tax, minimum wage, net loss, net profit, President, public sector, real estate assets, stock holders, trade balance, trade surplus, trade volume, value added tax, etc.

E.g.: ‘The reduction of **import tariffs** under the WTO deal, from an average 9.5 percent now to 6 percent by 2015, would happen no faster than in other new member states, giving firms time to invest in boosting their competitiveness, he said’ [Global Times, September 9, 2010]; ‘Despite the increase, however, workers criticize the amount for being too low, saying Korea’s **minimum wage** is less than 30 percent of France’s when considering the **consumer price index**’ [The Korea Times, July 2, 2012]; ‘In the line with the revised cost calculations, Edano said that the average hike of 16.7 percent for **corporate customers**, which was implemented in April, will be lowered to less than 15 percent’ [The Japan Times, July 20, 2012]; ‘Just 18 months ago, the **crude** was trading for more than \$100 a barrel’ [The Japan Times, November 7, 2016]; There are, inevitably, miseries to come: an increasingly reactionary Supreme Court; an emboldened right-wing **Congress**; a **President** whose disdain for women and minorities, civil liberties and scientific facts, to say nothing of simple decency, has been repeatedly demonstrated’ [Beijing Review, March 5, 2017]; etc.,

- клишированные номинативные словосочетания, функционирующие в качестве составных терминов: achievement test, advisory panel, aging society, bilateral cooperation, cease fire, child adoption, classified information, community programs, education board, flight costs, gender balance, international community, job interview, member states, opposition party, pilot project, rescue package, staff members, social relations, testing modes, etc.

E.g.: ‘Contributing to the uncertainty in implementing a **rescue package** for Greece, according to brokers, is that Germany as Europe’s biggest economy has been vocal in its restriction to rescue Greece’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘Though traditional Chinese morality emphasizes being filial, an **aging society** is producing innovative care in the **community programs** for the elderly [...]’ [China Daily, May 29, 2011]; ‘He also called the Security Council and countries in the region to exert influence on the parties to agree to the **cease fire** and encourage the political process forward’ [China Daily, June 26, 2011]; ‘Even in June 2012 the bailout of Spain amounting to around 100 billion euro caused concern about further contagion to major **member states** of the European Union’ [The Korea Times, July 2, 2012]; ‘In a sense, division of the **opposition party** might have been predestined’ [The Korea Post, February 25, 2016]; ‘In terms of **gender balance**, South Korea had more men, while the North had more women’ [The Korea Times, December 19, 2017]; etc.,

- узуально-клишированные безобразные глагольные словосочетания: to assert interests, to avoid war, to begin an operation, to build an atomic bomb, to declare a bid, to exploit the opportunities, to finance a project, to help efforts, to host a dinner, to meet the demand, to meet the expectations, to post the troops, to promote tourism, to put into orbit, to receive funds, to refuse accusation, to receive a bribe, to sign a deal, to stabilize prices, to start a well, to supervise the ban, to supply fuel, to take protection, to take test, to win acclaim, to win a victory, etc.

E.g.: “[...]Russian Energy Minister Sergei Shmatko said yesterday, days after President Dmitry Medvedev’s statement that Tehran was nearing the potential **to build an atomic bomb**’ [Global Times, July 8, 2010]; ‘School administrators

must draft no-smoking rules and appoint a special panel **to supervise the ban**' [Global Times, July 15, 2010]; 'The ability of TEPCO **to receive additional funds** and loans from financial institutions would have become uncertain if the government failed to decide on a relevant policy by the end of this week' [The Daily Yomiury, July 20, 2012]; 'The National Police Agency (NPA) said Monday that it has set aside 1 billion won (\$970,000) in taxpayers' money **to finance a project** [...]' [The Korea Times, August 23, 2012]; 'But Komeito is concerned that a permanent law would hand the government the unlimited ability **to post the troops** overseas' [The Japan Times, March 11, 2015]; 'Kim said that he was leaving the opposition party in order **to win a victory** over the ruling Saenuri Party that was anti-democratic pursued a political line which was undemocratic and which ran counter to the interests of the majority of the Korean people' [The Korea Post, February 17, 2016]; etc.,

- маркированные языковые единицы, среди которых особого внимания заслуживают многочисленные ориентализмы. Вопрос о том, являются ли лексемы подобного рода показателем адаптации или проявлением резистенции, очевидно, должен решаться на основе установленных ранее критериев: наличия в лексикографических источниках и сопоставимых показателей частотности. Анализ употребительности китайских и японских заимствований в английском языке, проведённый в 1981 и 1994 годах Г. Кэнноном, обследовавшим семь популярных англоязычных словарей, позволил сделать вывод о том, что японский язык является безусловным лидером по количеству заимствуемых в английский язык слов и выражений. Результаты аналогичного эксперимента, проведённого З.Г. Прошиной с корейскими заимствованиями, стали свидетельством их малой употребительности в английском языке, объясняющейся их находением только на стадии вхождения в него. Данный вывод косвенно подтверждается и результатами проведённого в ходе выполнения исследования подсчёта ориентализмов, регистрируемых контактологическим словарём «Перекрёсток». Общее количество словарных статей, содержащих помету

[яп.], составляет в нём 40%, тогда как словарные статьи, содержащие пометы [кит.] и [кор.] составляют соответственно 29% и 17% от общего количества регистрируемых единиц; 14% ориентализмов носят универсальный характер и принадлежат в равной мере культуре всех стран Восточной Азии.

Результаты эксперимента Г. Кэннона показывают, что в английском языке ассимилировались такие китайские лексемы как: Cantonese, chopstick, chopsuey, chow mein, fan-tan, ginseng, ginkgo, green tea, (adj.) gung ho, Jap, japan, Japanese, (adj.) Japanese, japonica, judo, jujitsu, kaolin, ketchup, kowtow, kumquat, nankeen, oolong, pekoe, pongee, samisen, sampan, (v.) shanghai, Shinto, Shintoism, Shintoist, shogun, Taoism, tea, tycoon, typhoon, yang, yen, yin [Cannon 1988: 3-33]. Как справедливо замечает З.Г. Прошина, в этот список попали японские слова, которые изначально имели китайское происхождение, но были заимствованы в английский язык из японского и, следовательно, должны рассматриваться как японские заимствования (Jap, japan, Japanese, (adj.) Japanese, ginkgo, japonica, judo, jujitsu, samisen, Shinto, Shintoism, Shintoist, shogun, tycoon, yen) [Прошина 2001: 238]. В перечень японских заимствований вошли такие единицы как: aikido, Atari, bushido, geisha, hara-kiri, high profile, judo, jujitsu, karate, kimono, low profile, mikado, ninja, nisei, obi, origami, Pac-Man, sake, samisen, samurai, shiatsu, Shinto, shogun, teriyaki, torii, tycoon, Walkman, yakitori, yen [Cannon 1981: 200-201]. Единственной корейской лексемой, вошедшей в два из восьми исследуемых словарей, стало слово tae kwon do [Прошина 2001: 239]. Все названные лексемы являются *ассимилированными ориентализмами*, поскольку они соответствуют критериям полной ассимиляции слова: уподобление звуковой и морфологической системе заимствующего языка, сочетаемость с другими словами заимствующего языка, широкое употребление в разных стилях речи и т.д. Помимо этого, они используются авторами публикаций для объяснения значений иных менее ассимилированных ориентализмов: ‘The Keio Asahi Sky Beer Garden on the roof of Keio department store in Shinjuku Ward, Tokyo, is

offering makgoli, or Korean **sake** (¥500), which is popular among women' [The Daily Yomiuri, July 20, 2012].

Следует отметить, что факт регистрации ассимилированных ориентализмов признанными англоязычными лексикографическими источниками, не является свидетельством их частого употребления на страницах восточноазиатских англоязычных периодических изданий. Анализ эмпирического материала позволяет утверждать, что многие из них встречаются в единичных контекстах, либо не встречаются вообще, что подтверждается подсчётами их частотности.

Таблица 10. Частотность ассимилированных ориентализмов

Страны Ориентализмы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
aikido	0	0	2	0	0	0,5
bushido	0	1	1	0	0	0,5
chopstick	15	19	13	9	0	10,3
chopsuey	1	7	1	1	0	2,3
chow mein	0	3	0	0	0	0,8
fan-tan	0	1	0	0	0	0,3
geisha	7	3	9	1	0	3,3
ginkgo	3	5	1	1	0	1,8
ginseng	11	15	11	10	5	10,3
(adj.) gung ho	11	23	13	12	0	12
hara-kiri	3	0	3	0	0	0,8
high profile	1	3	3	1	0	1,8
Jap	0	0	0	0	0	0
japan	1	1	5	1	0	1,8
japonica	0	1	3	0	0	1
judo	8	3	7	1	1	3
jujitsu	3	4	4	0	0	2
kaolin	0	1	1	0	0	0,5
karate	4	2	7	2	1	3
ketchup	25	34	29	31	0	23,5
kimono	15	11	23	12	0	11,5
kowtow	13	18	14	11	3	11,5
kumquat	0	1	1	0	0	0,5
low profile	1	0	4	0	0	1
mikado	0	0	3	0	0	0,8

nankeen	0	3	1	1	0	1
ninja	4	4	7	2	0	3,3
nisei	3	0	5	0	0	1,3
obi	11	10	26	9	0	11,3
oolong	3	4	4	3	0	2,8
origami	4	1	8	1	0	2,5
pekoe	14	17	16	13	1	11,8
pongee	0	1	1	0	0	0,5
sake	17	15	32	14	1	15,5
samisen	0	0	3	0	0	0,8
sampan	0	1	0	0	0	0,3
samurai	5	1	12	1	0	3,5
(v.) shanghai	3	0	0	0	0	0
shiatsu	1	2	11	2	0	3,8
shogun	1	3	5	1	0	2,3
tae kwon do	4	4	4	6	0	3,5
tea	57	67	54	60	17	49,5
teriyaki	3	2	6	1	0	2,3
torii	0	0	3	0	0	0,8
tycoon	9	3	8	2	2	3,8
typhoon	18	22	24	23	7	14
Walkman	3	1	4	2	0	1,8
yakitori	0	1	8	1	0	2,5
yang	1	4	3	3	0	2,5
yen	0	1	1	1	0	0,8
yen	67	78	89	81	8	64
yin	0	4	1	1	0	1,5

Как видно, при подсчётах не учитывались топонимы (Cantonese, Japanese) и наименования явлений культуры (Atari, Pac-Man, Taoism), частотность которых исследовалась ранее. Данные таблицы 10 показывают, что из всех ассимилированных ориентализмов достаточную частотность в исследуемом эмпирическом материале имеют только несколько лексем: chopstick «палочка для еды», ginseng «женьшень», gung ho «горячий, преданный всей душой, полный энтузиазма», ketchup «кетчуп», kimono «кимоно», kowtow «земной поклон, выражение подобострастия», obi «широкий и длинный шёлковый пояс, которым японские женщины и дети подвязывают кимоно; пояс в дзюдо», рекое «пеко, высший сорт чёрного чая», sake «саке, слабая рисовая водка», tea «чай», typhoon «тайфун», yen «денежная единица Японии». Причины их использования в газетно-журнальной публицистике связаны с номинативной функцией языка.

E.g.: ‘He said promoting inbound tourism has the potential to contribute 10 trillion **yen** (\$107.3 billion) more in economic activity to Japan roughly 10 years from now’ [International Herald Tribune, April 22, 2010]; ‘She began wearing **kimono** regularly about seven years ago after she came across a pink edo-**kimono** – a **kimono** with a certain style of pattern – when sorting through her mother’s belongings after she died’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘For the **obi**, the designer recommends tsukeobi – an **obi** equivalent to a clip-on tie’ [The Japan Times, May 23, 2010]; ‘Famous all over Pacific Rim this field, which is the biggest **ginseng** plantation in the mountainous part of China, attract more and more visitors’ [China Daily, July 28, 2010]; ‘**Pekoe** is no longer the main tea product exported in Western countries’ [Business Weekly, August 15, 2010]; ‘Perfect quality of **tea** is not the guarantee of the win in serious competition between several **tea** companies’ [China Daily, June 13, 2011]; ‘The recent “agreement” which crafty Japan cooked up by coaxing the south Korean ruling quarters **kowtowing** to the U.S. with a few pennies of money is null and void and it can never be accepted by anyone’ [Rodong Sinmun, February 23, 2016]; etc.

Другие ассимилированные ориентализмы не встретились в анализируемых газетно-журнальных материалах ни разу, поскольку представляют собой моносеманты, имеющие специализированное значение, которое не востребовано периодической печатью: aikido «вид японской самозащиты, основанной на использовании силы противника против него самого», bushido «кодекс самурайской чести», chop suey «китайское рагу с грибами и острым соусом», chow mein «китайское рагу из курицы или говядины с лапшой», fan-tan «фантан, китайская азартная карточная игра», geisha «молодая женщина, обученная музыке, танцам, умению вести беседу и приглашаемая на роль гостеприимной хозяйки на приёмы, банкеты», ginko «дерево гинкго», hara-kiri «харакири, принятый у японских самураев метод самоубийства путём испарывания живота кинжалом; самоуничтожение», high profile «выделение, яркая, заметная позиция или способ действия», Jap «(пренебреж.) японец», japan «чёрный лак, лакированное японское изделие,

вид орнамента, лакированная японская трость», japonica «камелия», judo «дзюдо», jujitsu «джиу-джитсу», kaolin «каолин, белая глина, косметическое сырьё», karate «каратэ», kumquat «кумкват, цитрусовое растение», low profile «незаметность, скромность», mikado «микадо, бывший титул японского императора», nankeen «нанка/китайка, хлопчатобумажная ткань; нанкин, сорт фарфора», ninja «ниндзя», nisei «гражданин США или Канады японского происхождения, родившийся и получивший образование в США; второе поколение японских эмигрантов в США», oolong «улунг, сорт китайского чая», origami «оригами, японское искусство составления фигур путём складывания бумаги; сложенная из бумаги фигурка», pongee «чесуча, ткань», samisen «самисен, японский щипковый музыкальный инструмент», sampan «китайская лодка, управляемая одним веслом и имеющая помещение, сооружённое из циновок», samurai «самурай, член воинской касты в феодальной Японии», shanghai «обманом вовлечь в неприятность, поставить в трудное положение», shiatsu «сиацу; акупрессура, техника японского массажа биологически активных точек кожи», shogun «полководец, генерал, титул военно-феодального правителя Японии VIII-XII веков», taekwon do «тэквондо», teriyaki «японское блюдо из поджаренных кусочков говядины, курицы или рыбы, замаринованных в соевом соусе, приправленных sake, инжиром и сахаром; соус для такого маринада», torii «тории; ворота с двумя столбами и двумя поперечными балками перед входом в синтоистский храм», tycoon «магнат, заправила, воротила», Walkman «кассетный плеер с наушниками, часто совмещаемый с радиоприёмником, работающий на батарейках, разработанный фирмой «Сони» для США в 1979 г.», yakitori «японское блюдо из зажаренного цыплёнка (обычно без костей), подаваемого с соевым соусом», yang «свет, тепло, стимул, движение вверх и наружу, активность, возбуждение, сила, увеличение: положительное мужское начало (одно из основных понятий китайской философии)», yen «стремление», yin «инь, женское начало в китайской философии». Полученные результаты, безусловно, не означают, что данные единицы вообще не встречаются в

прессе Восточной Азии на английском языке, но свидетельствуют о том, что они не являются для неё показательными.

Адаптация англоязычного восточноазиатского газетно-журнального дискурса при вербальном оформлении информативности на *текстовом уровне* проявляется в наличии ссылок на источники информации и цитации. Ссылки включают типовые англо-американские клише, обозначающие источник сведений: ‘Total new mortgages are equal to only 36 percent of the value of homes sold in 2009, **according to official data**’ [International Herald Tribune, April 25, 2010], ‘**A report released by the United Nations Conference on Trade and Development showed** that China replaced the United States at the world’s top destination for FDI by attracting \$59.1 billion in the first six months of the year’ [China Daily, May 26, 2011]; ‘**According to the Fair Trade Commission (FTC)**, the top cosmetic maker forced “independent” outlets under an exclusive contract to send sales personnel to new stores or stores where sales were poor’ [The Korea Times, August 19, 2012]; ‘Korean investors are pouring more money into short-term investment instruments as the government’s research push to galvanize the tepid equity market has boosted risk appetite amid low interest rates, **data showed Monday**’ [The Korea Times, August 21, 2012]; ‘**According to Statistics Korea**, the life expectancy of a South Korean stood at 78.2 years for men and 85 for women’ [The Korea Herald, August 30, 2014]; etc.

Цитаты соответствуют основным типам, распространённым в периодической печати Великобритании и США:

- полные: “**Sunshine is the best way to fight corruption. It’s a pity the new rule doesn’t require that officials’ assets be publicized**”, Zhu told’ [21st century, July 14, 2010]; “**At a time of mounting US concern about Chinese naval expansion, the Chinese may have some justification if they also feel threatened by a US military presence**”, he said’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘Speaking at Tuesday’s meeting with his group members, Hatoyama said: “**I believe the very insulting phrase ‘LDP’s Noda faction’ has been heard recently. Well, it’s not entirely wrong**”’ [The Daily Yomiuri, July 12, 2012];

‘Then Kim concluded, **“We should now do away with the losing game from the internal partisan strife but, instead, try to seek to form a political party in whom the people will repose their confidence as a party to rely on”**’ [The Korea Post, February 21, 2016]; etc.,

- редуцированные: ‘Major English conversation school operator Geos Corp. said Wednesday it has started bankruptcy procedures at the Tokyo District Court, **“which ordered its assets protected from creditors”**’ [The Daily Yomiuri, April 22, 2010]; ‘While Washington and Seoul completed their first joint exercise on Wednesday, Seoul’s Yonhap News Agency quoted a high-level ROK military officer as saying on the same day that the two sides will **“present a joint military exercise once every month until the end of the year”**’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘The New York Times quoted US State Department spokesman Philip J. Crowley as saying on Monday that Al Megrahi now lives as a free man, and **“we think is an affront to the families of and victims of PanAm 103”**’ [Global Times, September 5, 2011]; ‘In a statement, Gov. Jay Nixon said the National Guard would help restore peace and order in St. Louis suburb **“that has been filled almost nightly with angry, defiant crowds”**’ [The Korea Times, August 19, 2012]; etc.,

- сегментированные: **“I was there as a spectator, just to cheer on my buddies”**, he said through an interpreter outside court; fans chanted for him, and **“in the heart of it, I jumped on the stage, hoping they would let me eat”**’ [Global Times, August 9, 2011]; **“The terrorists that are trying to wreck Afghanistan are by and large the same terrorists that are trying to wreck Pakistan,”** Cameron said. **“We should be together on the single fight”**’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; **“I think everyone on the team now knows how we must play for the Olympics,”** Sekizuka said. **“From here on, it comes down how fit each and every player can become in time for the Games”**’ [The Japan Times, July 25, 2012]; ‘Rudd, whom some commentators said looked nervous initially and appeared to check his notes, called for a **“new way of politics”** and

promised “**to introduce a bill to legalize same sex marriage within 100 days of reelection**” [The Korea Post, August 17, 2013]; etc.

Как и англо-американском газетно-журнальном дискурсе доминирующей моделью оформления конструкций, вводящих цитаты, в восточноазиатской периодике на английском языке является сочетание наименования адресанта речи и глагола «говорения» (to say) в различных видовременных формах. Способы языковой презентации источников информации при этом мало отличаются друг от друга. К ним относятся:

- использование узуально-клишированных выражений, указывающих на анонимность или полуанонимность адресанта речи: ‘A proposal by Beijing to tackle the Syrian crisis “region by region and stage by stage” could be adopted by the UN peace envoy, **experts said**’, ‘The Chinese military is seeking to project naval power well beyond the Chinese coast, from the oil ports of the Middle East to the shipping lanes of the Pacific, where the U.S. Navy has long reigned as the dominant force, **military officials and analysts say**’ [International Herald Tribune, April 21, 2010]; “‘He threw the envelope on the table and left,” **said the journalist, who did not want to be named**’ [China Daily, September 27, 2010]; ‘**Officials say** the death toll includes five Israelis, the Bulgarian driver and the suspected bomber’ [The Japan Times, July 20, 2012]; “We also explained the new system to news outlets including the Xinhua News Agency,” **the response said**’ [Koreana, October 22, 2013]; etc.,

- привлечение типовых метонимических номинаций адресантов речи: ‘**Hyundai also said** that quarterly sales had risen 39.6 percent from the year-earlier period to 8.4 trillion won [...]’ [International Herald Tribune, April 21, 2010]; “‘It shows that the role of our Global MBA program is to foster talents for corporations’ foreign operations,” **the school said** in a statement’ [The Korea Times, July 25, 2012]; ‘**The statistical agency said** the major reason for the difference can be found in the high infant mortality rate in North Korea’ [The Korea Herald, August 13, 2014]; ‘**CI Energy, a Shanghai-based commodity researcher, said** the country may raise diesel exports to as much as 400,000 tons

in October as production outpaces domestic demand' [Tokyo Journal International Magazine, October 13, 2015]; '**The Ministry of Culture told the Global Times** that it has not imposed more stringent standards on the content of Chinese songs [...]' [Beijing Review, October 31, 2015]; '**The National Police Agency** said Monday that it has set aside 1 billion won (\$ 970,000) in taxpayers' money to finance a cloning project aimed at producing 40 cloned police dogs using domestic technology' [The Korea Times, December 7, 2017]; etc.,

- использование структур, содержащих имя собственное, которое может сопровождаться указанием на род деятельности цитируемого лица: "My manager at the time said, 'It doesn't matter if you can't throw' but he looked down when he said it," **Wakamatsu said**' [The Daily Yomiuri, April 25, 2010]; "Before, traders doing business between China and Southeast Asia had to convert their currencies to US dollars," **said Li Jiming, a commerce official with the Yunnan provincial government**' [China Daily, July 29, 2010]; "Japan, which has maintained strained relations with its neighbors recently, should reflect on the severe situation, instead of blindly showing off its military might," **Ministry of National Defense spokesman Yang Yujun said** at a news conference' [China Daily, June 26, 2011]; "Just because a qualified foreign investor opens an account, that doesn't mean it is about to fill it with cash and start actively managing it," **Zhang Xin, an analyst from Guotai Junan Securities told the Global Times**' [The Korea Post, August 9, 2014]; etc.,

- использование синтаксических построений, включающих наряду с именем собственным указание на частные характеристики цитируемых лиц (возраст, происхождение, внешний вид, особенности поведения и пр.): "In part," **said Robert Stone, a documentary filmmaker whose history of the American environmental movement is being broadcast on U.S. public television this week**, "the movement has been a victim of its own success in clearing up tangible problems with air and water"' [International Herald Tribune, April 27, 2010]; "If you don't eat, it's considered a shame, and if you leave someone's home without eating, it's a shame," **said Abdulla al-Naimi, 25, who**

refers to himself as “chubby” but is noticeably overweight, “We can’t get together and not eat,” **said a 22-year-old Qatari woman who is a member of the Thani royal family**’ [The Japan Times, May 29, 2010]; “In Islam, you don’t kill your own brother,” **said Ahiyu Ag Intawat, 72, head of the camp’s committee of elders, clenching his fists**’ [The Daily Yomiuri, July 12, 2012]; “We were at the entrance of the bus and in a few seconds we heard a huge boom,” **said Gal Malka, an Israeli teenager who was slightly wounded**’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; etc.

Вербальная актуализация *квазиинформативности* в англоязычной периодике Восточной Азии также демонстрирует идентичность со способом её оформления в англо-американской газетно-журнальном дискурсе. В основном она проявляется на *лексическом уровне*, где представлена языковыми единицами общего вокабуляра, которые являются своеобразным «фоном» для вербальной актуализации информативности. Рассмотрим, в качестве примера несколько текстовых фрагментов:

1. National examinations are a long-held tradition in China. Passing them was a requirement for those who aspired to serve in the emperor’s bureaucracy and since China’s liberation passing the gaokao has been the only way to get into university.

Some former students at Tu’s high school have even taken the gaokao four or five times in the hope of raising their marks and meeting the standards required by schools for students from Henan.

An official report on higher education enrollment issued by Education Online, the biggest online education portal, this year indicates that the number of high school graduates who registered for gaokao peaked in 2008 at 10.5 million. This year that number has dropped by almost 1.2 million students.

The number of high school students who were qualified to sit the exams but decided to skip them reached 840000 in 2009. That number jumped to a million qualified new high school graduates skipping the gaokao in 2010. [Global Times, July 7, 2011].

2. The induction of manga-style painting into Japan’s contemporary art canon over the last 15 years can be put down to the work of not one but two artists. Sure, it was Takashi Murakami who laid the theoretical foundations, distinguished the links with classical painting and ukiyo-e prints. But it was another artist who provided the movement with its emotional content: Yoshitomo Nara. To Murakami’s brains, Nara provided the heart.

And whereas Murakami's continued mining of that same intellectual territory he demarcated with his Super flat theory – cartoon characters, floating atop flat backgrounds – has resulted in repetition, Nara's heart appears to know no bounds. His latest show, which is at the Yokohama Museum of Art till Sept. 23, is perhaps his best. [The Japan Times, July 20, 2012].

3. The Great East Japan Earthquake and its impact on the Tohoku region has been a wakeup call for many foreign residents of Japan. With over 27000 people dead or missing, and many people displaced, earthquake and tsunami concerns have become very real. [Koreana, November 1, 2017].

В первом тексте к средствам вербального оформления информативности относятся: прецизионные единицы (China, Tu's, four, five, Henan, 200810.5 million, 1.2 million, 840000, 2009, million, Education Online), термин (emperor), безобразные номинативные клишированные словосочетания, функционирующие в качестве терминов (high school, higher education enrollment, official report, online education portal, high school graduates, high school students), узуально-клишированные безобразные глагольные словосочетания (to serve in the bureaucracy, to get into university, to take the gaokao, to raise the marks, to meet the standards, to sit the exams) и маркированные лексемы (gaokao, to skip, jumped, skipping). Оставшиеся знаменательные части речи являются средством вербального оформления квазиинформативности: national, examinations, are, long-held, tradition, passing, them, was, requirement, those, who, aspired, liberation, has, been, only, way, some, former, students, have, times, hope, required, schools, students, etc.

Во втором фрагменте наблюдается похожая ситуация. Системообразующий параметр информативности оформляется при помощи того же набора лексем: прецизионной лексики (Japan, 15, one, two, Takashi Murakami, Yoshitomo, Nara, Murakami, Yokohama Museum of Art, Sept. 23), безобразных номинативных клишированных словосочетаний (contemporary art canon, Super flat theory, cartoon characters), узуально-клишированных безобразных глагольных словосочетаний (to put down to the work, to lay the theoretical foundations, to provide the movement) и и маркированных языковых

единиц (induction, manga-style, links, ukiyo-e, brains, heart, mining, territory, demarcated, floating, flat). Квазиинформативность оформляется при помощи всех остальных языковых единиц: painting, last, years, can, be, artists, was, who, theoretical, classical, prints, emotional, content, provided, continued, intellectual, he, his, atop, backgrounds, has, resulted, repetition, appears, to know, bounds, his, latest, show, is, best, etc.

В третьем фрагменте вся лексика также подразделяется на языковые единицы, связанные с актуализацией информативности (Great East Japan Earthquake, Tohoku region, Japan, wakeup, foreign residents, 27000, tsunami), и лексемы, нацеленные на вербальное оформление квазиинформативности (impact, has, been, call, many, people, dead, missing, displaced, earthquake, concerns, have, become, very, real, etc.).

4.2. Адаптационные процессы вербальной актуализации параметра «интерсубъективность/субъективность»

Как и в англо-американском газетно-журнальном дискурсе, основными вербальными проявлениями параметра *интерсубъективности* в англоязычной восточноазиатской массовой печати на английском языке является наличие прецедентных феноменов, идентичное оформление газетно-журнальных заголовков и использование стандартных синтаксических построений. Следует отметить, что все перечисленные явления представляют привычные для сознания носителей вариантов английского языка внутреннего круга способы интерпретации информации, не обнаруживающие какой-либо локальной привязки к восточноазиатским социумам.

Так, прецедентные феномены, встречающиеся преимущественно на *лексико-фразеологическом уровне* носят «глобальный» характер, поскольку входят в когнитивное пространство носителей англо-американского менталитета. Как и в случае с газетно-журнальной периодической печатью

Великобритании и США, они получают вербальное воплощение посредством прецедентных имён и прецедентных высказываний. Например, заметка, рассказывающая о комплексе неуверенности в будущем, присущем корейцам, содержит имя персонажа мультипликационного сериала «Шрек»: ‘Young girls just out of college are endlessly pressured by their own concerns that they not meet a **Prince Charming** who would provide economical and psychological safety and time is running out’ [The Korea Times, July 2, 2012]. Статья о владельце успешной южнокорейской спортивной компании – имя киногероя, спортивного агента Джерри Магуайера, создавшего свою фирму: ‘He is even dubbed the **Jerry Maguire** of Korea for thriving in an area where people thought it was impossible to succeed’ [The Korea Herald, August 21, 2014]. Аналитическая статья о внешней политике США – наименование известной американской доктрины об исключительной роли Америки в мире: ‘As U.S. President Barack Obama’s administration looks for big ideas to shape its foreign policy, officials should consult a new book that argues, in effect, that America’s **Manifest Destiny** in the 21st century is [...]’ [The Daily Yomiuri, April 27, 2010]. Подзаголовок статьи о проблеме старения населения Южной Кореи ‘**Back to the future: how to turn threats into opportunities in era of centenarians**’ [The Korea Times, July 15, 2012] включает прецедентное высказывание, наименование известного кинофильма. Заголовки публикаций о проблемах АТР содержат прецедентные наименования реалий стран внутреннего круга: ‘English for Global marketing: Luxury Brand in **Wonderland**’ [The Japan News, December 11, 2017]; ‘Taking the **First Amendment** global’ [The Daily Yomiuri, April 22, 2010] и т.п.

Корпус прецедентных феноменов, встречающихся на страницах англоязычной восточноазиатской прессы, также включает типовые англо-американские газетно-журнальные коллокации, к которым относятся:

- узуально-клишированные номинативные словосочетания, характеризующиеся метафорическим переосмыслением ключевых слов: collateral damage, conduct code, development bottleneck, diplomatic channels,

economic recovery, economic split, global players, family roots, industry captain, Internet giant, opposition camp, peace feeler, political arena, political backlash, political line, poverty line, ruling circles, state patronage, etc.

E.g.: ‘They are part of a dance troupe from Los Angeles, California, which is looking for **family roots** on the mainland’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘Tokyo has reportedly called on Pyongyang to release the man through **diplomatic channels**, including the North Korean Embassy in Beijing, the sources said’ [The Japan Times, July 17, 2012]; ‘A German newspaper is leading a chorus of cruel comments about how British Prime Minister David Cameron shines nowadays by his absence on the **international stage**’ [The Japan Times, March 9, 2015]; ‘I just could not idly watch the **opposition camp** collapse with folded arms while the party was just waiting to be defeated’ [The Korea Post, February 5, 2016]; ‘To break **development bottlenecks**, the government will help improve infrastructure [...]’ [Beijing Review, February 15, 2016]; ‘South Korean **Internet giant** Naver said Monday that it will make its first investment in a new audio content [...]’ [The Korea Herald, December 15, 2017]; etc.,

- узуально-клишированные оценочные номинации, содержащие прилагательные и наречия прямой оценки: automatically bad, automatically good, bad news, bad time, best practices, best standards, better life, better standard, delightful experience, drastic defacement, drastic measures, disgraceful relations, effective tool, excellent results, good economics, good rating, imperfect system, negative incident, nice salaries, outstanding achievements, outstanding expert, positive change, positive stance, positive view, potentially horrible, worse performance, etc.

E.g.: ‘He said **good economics** should not be slave to any monolithic set of ideas’ [International Herald Tribune, April 22, 2010]; ‘After seven sequential quarterly declines, the world economy started to show **positive changes** based on the effects of the previous easing measures’ [China Daily, June 29, 2011]; ‘CEO Kim is known to have made various **outstanding achievements** as the leader of the country for the past four years [...]’ [The Korea Post, February 19, 2016];

‘This **negative incident** has developed into a legal dispute’ [Koreana, November 5, 2016]; ‘The clash of interests between residents wanting to protect their daily lives and visitors seeking to enjoy the neighborhood’s charming ambience led to the **drastic defacement** of the murals on the stairways’ [Koreana, November 25, 2016]; ‘The above-said meeting is nothing but an epitome of **disgraceful relations** between the master and servant as it ran through with domination and subordination, coercion and humiliation’ [Rodong Sinmun, December 11, 2017]; etc.

- узуально-клишированные оценочные номинации, включающие прилагательные и наречия в метафорическом значении: advanced nations, affluent society, balanced development, balanced structure, debating society, fragile peace, golden time, hard time, healthy financial structure, leading agency, leading country, leading expert, leading status, monstrous budget, narrow-focused amendment, rocketing price, shady deal, sharp decline, sharp increase, sound system, strong assets, strong economy, strong presence, strong pressure, tight regulations, tough campaign, tough season, tough rules, etc.

E.g.: ‘To justify its **monstrous budget** the US military needs to convince the Congress that there are still threats to American interests everywhere in the world’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘Although details of the amounts to be invested in each company still need to be finalized, it will be a **balanced structure** among the three sponsors [...]’ [China Daily, September 23, 2010]; ‘The firm touts a **healthy financial structure** and a good credit rating’ [The Korea Times, July 17, 2012]; ‘As Korea became better known for its relatively **strong economy** and industry-leading companies and Korean institutions increasingly gain global recognition, the pool of funds available for foreign students is expected to shrink with the criteria for choosing recipients developing’ [The Korea Times, July 25, 2012]; ‘**Leading countries** in the field, such as Northway, Japan and the United States tend to focus their investment in REDD+ potential states such as Indonesia, Brazil and Myanmar’ [The Korea Herald, August 5, 2014]; ‘The LDP is expected to accept the **narrower-focused amendment**, the sources said Saturday’ [The Japan

Times, March 27, 2015]; ‘A special investigation team – comprised of government, military and prosecution officials – was formed to crack down on corruption in the defense industry after a series of **shady deals** came to light over the past year’ [Koreana, November 24, 2015]; etc.,

- узуально-клишированные глагольные словосочетания, в состав которых входят идиоматически переосмысленные компоненты: to balloon the costs, to bolster the economy, to build atmosphere, to deal a blow, to derail the recovery, to earn the fame, to freeze the wage, to fuel a debate, to have a swing to the left, to inject fresh blood, to reach international standards, to rekindle the feud, to relax visa restrictions, to remain on a tightrope, to remove barriers, to rise the wage, to revive the economy, to see through the spin, to surpass the mark, to revitalize the economy, to sever the ties, to strengthen ties, to tackle the issue, etc.

E.g.: ‘Amid **ballooning social security costs**, at least ¥10 trillion to ¥20 trillion will be needed per year to achieve the targets even if tax revenues increase as a result of a recovery’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘Fujitsu initially attributed Nozoe’s resignation to illness but later claimed he was sacked after ignoring the company’s warning **to sever his ties** with an investment fund suspected of links with anti-social forces’ [The Japan Times, April 25, 2010]; ‘British Foreign Secretary William Hague vowed yesterday that the new coalition government would **strengthen ties** with China’ [China Daily, July 15, 2010]; ‘To get this done, however, lawmakers will need **to see through the spin** that has become all too common lately’ [China Informed, January 19, 2011]; ‘Korea’s population **surpassed the 50-million mark** last month [The Korea Times, July 27, 2012]; ‘He is considered a principle leader of the non-mainstream faction and his departure from the Minjoo Party of Moon is expected **to deal a serious blow** to Minjoo’ [The Korea Post, February 14, 2016]; etc.,

- газетно-журнальные идиоматические словосочетания: arms race, arm-twisting policy, baby boom, big gun, big-stick policy, big wheel, brain drain, dollar diplomacy, doomsday clock, green Beret, gunboat diplomacy, iron lady, loose

cannon, lunch bucket, Madison Avenue, ostrich policy, paper blockade, peanut politics, star wars, Union Jack, wholesale politics, war monger, etc.

E.g.: ‘The researches for the American Defense Initiative, popularly known as **Star Wars**, were initially boycotted by most of senior British scientists’ [China Daily, July 13, 2010]; ‘Still, critics take issue with the fact that a 15-percent decline is way too much – they think that Korea Inc. is feared to become less of a **big gun** and more of a **loose cannon** in Europe and that the FTA is seemingly not so helpful’ [The Korea Times, July 11, 2012]; ‘The Korean **baby boom** generation born between 1955 and 1963 collected 458,000 won a month on average from the national pension plan last year’ [The Korea Times, July 13, 2012]; ‘Stella McCartney [...] designed the British national team’s uniforms on the basis of the **Union Jack**’ [The Daily Yomiury, July 20, 2012]; ‘The US talk about “ensuring peace” only goes to prove the impudence of the **war mongers**’ [Rodong Sinmun, February 17, 2016]; etc.,

- традиционная англо-американская фразеология: black hat, dog day, easy path, gloom and doom, hot money, hot potato, to be in the pocket, to be off the hook, to cast a cloud, to hide from the eye, to present the picture, to prick eyes with fingers, to sow the seeds of distrust, to turn a blind eye, white hat, etc.

E.g.: ‘Memo to Mr. Obama: When a man who has been charged with crimes against humanity tells the world that America **is in his pocket**, it’s time to review your policy’ [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘These daydreams offer a sort of cynical comic relief amid the **gloom and doom**, the violence and the sex’ [The Daily Yomiuri, April 27, 2010]; ‘Any meddling by foreign powers would rather complicate the issue and **sow the seeds of distrust** among the Asian people’ [China Daily, May 10, 2011]; ‘Her three main contenders – [...] – had demanded an open primary, insisting the existing method would be **an easy path** to victory’ [The Korea Times, July 5, 2012]; ‘The investigation underscores the government’s loose regulations over the printing industry, implying the government **had turned a blind eye** to the printing industry’s insufficient safety management’ [The Daily Yomiuri, July 5, 2012]; ‘But outbound shipments have

begun losing steam in recent months on lackluster demand overseas for Korean-made products amid the worldwide economic downturn, **casting a dark cloud** on Asia's fourth largest economy' [The Korea Times, July 19, 2012]; 'It is little short of **pricking eyes with fingers** to pin hope on "aid" and "cooperation" of the imperialists, failing to discern it' [Rodong Sinmun, March 5, 2016]; etc.

Одним из наиболее распространённых показателей адаптации средств актуализации intersубъективности в англоязычной прессе восточноазиатских стран на *морфологическом уровне* является аналогичное англо-американскому газетно-журнальному дискурсу вербальное оформление заголовков. В абсолютном большинстве из них основной частью речи является глагол в видовременной форме Present Indefinite (в т.ч. и для обозначения прошедших действий) или его формы. Для передачи будущего времени используется инфинитив с частицей to.

E.g.: 'Masuzoe **quits** LDP to form new party' [The Daily Yomiuri, April 21, 2010]; '**Freeze!** And **drop** the salt' [The Daily Yomiuri, April 25, 2010]; '**Lost** in translation' [The Japan Times, April 25, 2010]; 'Singapore **hopes** to benefit from derivatives boom' [China Daily, July 6, 2010]; 'Schools **to snuff out** cigs' [Global Times, July 17, 2010]; '**Stemming** the tide' [China Daily, July 20, 2010]; 'High-end industrial clusters **to take shape** in Shangong' [China Daily, September 14, 2010]; 'DEHP inspections **find** chemical' [Global Times, August 18, 2011]; 'Hollande in U.K. **to boost ties**' [The Daily Yomiuri, July 12, 2012]; '**Get** the scoop on Edogawa's goldfish' [The Japan Times, July 20, 2012]; 'Riot **kills** one at Maruti Suzuki plant' [The Japan Times, July 25, 2012]; 'Samsung **to build plant** in Indonesia' [The Korea Times, August 19, 2012]; 'Abe **calls** for swift security legislation convention' [The Japan Times, March 3, 2015]; 'Big Bang **to release** new album' [Koreana, February 5, 2016]; 'CJ chairman Lee Jay-Hyun **gets** prison term for tax evasion' [Koreana, February 15, 2016]; 'Kim Jong Il **to be remembered** in Switzerland' [Rodong Sinmun, December 3, 2017]; etc.

Газетно-журнальные заголовки являются средством вербального оформления intersубъективности и на *синтаксическом уровне*, поскольку

характеризуются, как и в англо-американской периодической печати, наличием эллипсиса глаголов-связок и вспомогательных глаголов.

E.g.: ‘Ex-Hatoyama fund **manager found** guilty’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘Safe salt **level under review**’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘**Officer killed** in rain’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘Offenders’ **privacy a concern**’ [China Daily, September 14, 2010]; ‘**Quality of life** in capital **just so-so**’ [Global Times, August 18, 2011]; ‘Unwitting **medical tourists duped**’ [Global Times, August 21, 2011]; ‘**Boxer banned** for doping’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; ‘**Gwanju Bienanale mared** by politics’ [The Korea Herald, August 19, 2014]; ‘**Lip Service returning** with new addition’ [The Korea Herald, August 29, 2014]; ‘Our **Classroom Literary Prize Awarded** to Schoolchildren’ [Rodong Sinmun, February 23, 2016]; ‘Army-People **Gathering Held** to Celebrate Test-fire of Hwanson-15’ [Rodong Sinmun, December 3, 2017]; ‘Toxic **gas sensor eyed** for Tokyo Games’ [The Japan Times, December 5, 2017]; etc.,

Анализ вербальных средств оформления интерсубъективности на *синтаксическом уровне* позволяет сделать вывод о том, что структуры, традиционно используемые для этого в англо-американском газетно-журнальном дискурсе, широко заимствуются восточноазиатской англоязычной прессой, для которой характерно преимущественное использование неинвертированных повествовательных предложений, осложнённых:

- придаточными: ‘The standards have been widely welcomed across the country, **where 15 million of the nation’s 130 million teenagers aged between 13 and 18 regularly**, according to the 2008 China Tobacco Control Report released by the Chinese Centre for Disease Control and Prevention, **which also said that more than 1 million people die of tobacco-related diseases every year**’ [Global Times, July 10, 2010]; ‘SMEs also feel they are not equally protected by the law **when compared to large companies such as State-owned enterprises**. Damage claims or legal disputes involving SMEs, **which usually entail small amounts**, cannot be legally addressed, as China doesn’t have a “small

court” system’ [China Daily, July 25, 2010]; ‘**When Yao Jingan was born**, the doctors gave him just 14 days to live’ [Global Times, September 18, 2011]; ‘Japanese audiences will be able to see the orchestra perform in Maebashi – **where the musicians will stay with Japanese families** – in Sendai, one of the Tohoku cities [...]’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; etc.,

- конструкциями в страдательном залоге и с неличными формами глагола: ‘In the past, former Soviet spies were deported if they were discovered to have intercepted secret government documents – but usually only **after being charged with espionage, or after having served a jail sentence**’ [21st Century, July 14, 2010]; ‘**Having being trained in classical music since childhood** and studied the cello for many years, Zhang approaches pop music with his own unique style’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘**Responding to the US request**, South Korean Foreign Minister Kim Sung-hwan and Japanese Foreign Minister Koichiro Gemba met in Vladivostok and agreed **to work closely to jointly handle regional and international issues**, including North Korea’ [Global Times, October 31, 2010]; ‘**Look and listen to the crowds and you may find one of the select few**, who despite some challenges are using their skills and perspective to help amplify the issue around the world’ [The Korea Times, July 5, 2012]; ‘**In announcing the results of the investigation Tuesday**, it said three more cancer patients, aged from their 40s to 70s, were confirmed in Tokyo and Ishikawa and Shizuoka prefectures’ [The Daily Yomiuri, July 17, 2012]; ‘One idea, **floated early on by Wudang’s cultural relic bureau chief Zhao Benxin**, was to build a dike’ [Beijing Review, October 29, 2015]; etc.,

- приложениями: ‘Tetsuro Yano, **a former senior vice foreign minister**, accompanied Masuzoe to the LDP headquarters to tender a letter of resignation’ [The Daily Yomiuri, April 21, 2010]; ‘Tulio first came to Japan, **his father homeland**, at age 16 to enroll at a high school as an exchange student and soccer player’ [International Herald Tribune, April 22, 2010]; ‘The hillside village, **home to thousands of seniors and migrant families**, will soon give way to rows of fancy villas’, ‘Qui He, **the city’s Party chief**, said the Yunnan has a competitive

advantage in serving as the settlement hub due to the region's cross-border trade with neighboring countries and strong demands from traders to use the Chinese currency in transactions' [China Daily, July 27, 2010]; 'The current situation is reminiscent of the prediction by Aaron Friedberg, a **Princeton professor**, soon after the Cold war, that East Asia, lacking in institutions governing the region, was "ripe for rivalry"' [Tokyo Journal International Magazine, October 29, 2015]; etc.

Системообразующий параметр *субъективности* в англоязычных печатных СМИ Восточной Азии так же, как и в англо-американском дискурсе, актуализируется на вербальном уровне при помощи прецедентных трансформов, индивидуально-авторских образных коллокаций и экспрессивного синтаксиса. При этом в качестве языковых средств, свидетельствующих об адаптационных процессах, могут рассматриваться только вербальные феномены «глобального» характера, рассчитанные на восприятие носителями региональных вариантов английского языка стран внутреннего круга.

Так, выделяемые на *лексико-фразеологическом уровне* «глобальные» прецедентные трансформы представляют собой изменённые, но легко узнаваемые представителями англо-американского социума прецедентные имена и прецедентные высказывания. Например, аналитическая статья о состоянии экономики Японии содержит языковую единицу *gargantuan*, являющуюся трансформом имени персонажа романа Ф. Рабле: 'The government's **gargantuan debt** is still mostly financed by domestic savings, but it will soon become impossible for the government to depend solely on investors at home for its debt servicing' [International Herald Tribune, April 23, 2010]. Название критической статьи о бездействии местных властей при наводнениях '**After the deluge**' [China Daily, June 3, 2011] представляет собой трансформацию прецедентного высказывания, приписываемого Мариин-Антуанетте, 'After us/me the deluge' (фр. *Après moi le déluge*), ставшего олицетворением безрассудного отношения к последствиям собственных действий и губительного расточительства. Заголовок заметки о способах

спасения от жары **'Ice Ice Baby'** [21st century, July 14, 2010] представляет собой трансформ названия популярного во Вторую мировую войну хита американской группы The Andrews Sisters "Shoo Shoo Baby". Выразительность заголовка философского эссе **'Once in a lifetime'** [The Daily Yomiuri, April 23, 2010] достигается путём трансформации исходного прецедентного высказывания – клише **'Once upon a time'**, а заголовка публикации о детских воспоминаниях **'The House that my Father Built'** [The Daily Yomiuri, July 20, 2012] – посредством изменения названия английского детского стихотворения **'The House that Jack Built'**. То же самое наблюдается и при трансформации шекспировского «to be or not to be» в названии статьи о новом смартфоне: **'Consumers ask 3G or not 3G?'** [Global Times, October 25, 2010].

Трансформированные фразеологические единицы, являющиеся разновидностью прецедентных трансформов, представляют собой намеренно изменённые англо-американские идиоматические словосочетания: **'Vamp next door'** [21st century, July 14, 2010] (to be next door to); **'Microsoft's head in virtual clouds'** [China Daily, May 29, 2011] (to have one's head in the clouds); **'Wolves in children's clothing'** [The Japan Times, July 20, 2012] (wolf in a sheep's clothing); **"Now we have to draw a new political picture on a blank piece of paper"**, he declared [...] [The Korea Post, February 14, 2016] (to draw a picture); **'The south Korea conservative group is bound to face a stern punishment of history as it has committed thrice-cursed crimes before the country and the nation, dancing to the reactionary tune of Japan without national self-respect and viewpoint'** [Rodong Sinmun, February 8, 2016] (to dance to the tune); etc.

Среди образных коллокаций, появляющихся в результате индивидуального речетворчества авторов газетно-журнальных публикаций и, как правило, встречающихся в единичных контекстах, наиболее распространёнными являются тропы, основанные на переносном значении входящих компонентов и не обнаруживающие локальной привязки.

E.g.: ‘If the central government formally offers the island **specific financial carrots** and other incentives in return for hosting Futenma, several attendees said, a number of those opposed could well change their minds’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘Zhang became a **golden producer** for many star pop singers of Hong Kong, Taiwan and the mainland, including [...]’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘One miraculous set of mechanisms which have helped to maintain peace in East Asia after the end of the Cold war are the **thermostat-like norms of regional governance** which have minimized the spillover of political dispute into economic and social arenas’ [Global Times, September 13, 2011]; ‘But it’s a source of food and live hood in Japan. This will add a **heartfelt dimension** and the audience will feel our hearts going out to them’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; ‘In Chinese media and online forums, this caused discussion as to whether this technique could mean **designer babies** in the future’ [Koreana, August 15, 2013]; ‘Not only must he contend with a new spate of reports that his fickle, **mercurial boss** in the Oval Office is thinking of dumping him [...]’ [The Japan Times, December 3, 2017]; ‘The failure in 1997 of Yamaichi Securities Co., then one of Japan’s Big four brokerage houses, kicked off a **turbulent era** that brought about significant changes in the domestic securities industry’ [The Japan Times, December 7, 2017]; etc.

К основным проявлениям адаптации вербальных средств актуализации субъективности в восточноазиатской англоязычной прессе на *синтаксическом уровне* относится использование типичных для англо-американской периодики структур, нацеленных на повышение общей экспрессивности публикуемых материалов. К ним относятся:

- предложения с однородными членами: ‘The incessant **whirling, twirling, swirling** on-screen gadgetry is giving me a full-fledged case of chronic sensory overload’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘Indeed, Hanoi is facing multiple challenges, such as **intensified peaceful evolution from the West, declining the authority of the ruling party, increasing strikes, land disputes and protests**’ [The Japan Times, August 15, 2013]; ‘The Cross of Christ reveals

the power of God **to bridge every division, to heal every wound and to reestablish the original bonds of brotherly love**’ [The Korea Herald, August 25, 2014]; ‘The moral crisis in Chinese society has been prominent in three aspects: **basic social behavior has largely been in disorder, ethics in officialdom are in decay and ethics in other professions are greatly lacking**’ [Beijing Review, August 12, 2015]; etc.,

- построения, начинающиеся с обстоятельств различного типа: ‘**This week**, Ando chaired a World Instant Noodles Summit that brought together manufacturers to focus on the food’s future: [...]’ [The Japan Times, April 21, 2010]; ‘**After the unprecedented visit**, the Japanese government protested by recalling its ambassador from Seoul and running advertisements in major Japanese newspapers claiming that the islets belong to Japan’ [Global Times, October 15, 2010]; ‘**Since the age of 15**, the Beijing native has been performing on various stages, from live house venues to music festivals around the country’ [China Daily, June 25, 2011]; ‘**This spring**, Bielefeld organized an English lecture series featuring a wide range of topics on the North’ [The Korea Times, July 23, 2012]; ‘**Because of his warning**, panelists on the radio program City Forum debated “Hong Kong Independence on Sunday”’ [Beijing Review, October 30, 2015]; ‘**Two months later**, Vietnam proposed a vote of confidence to the officials of the central government, which included Vietnamese Prime Minister Nguyen Tan Dung’ [The Korea Post, August 10, 2013]; etc.,

- предложения с номинативными, эллиптическими и абсолютными конструкциями, не входящие в состав прямой речи: ‘**A corner of Paris**, not far from the hill where Montmartre is located’, ‘**February 1996, Berlin**’ [International Herald Tribune, April 11, 2010]; ‘**While in opposition**, the Democratic Party of Japan on several occasions submitted a bill to allow the use of the Internet during election campaigns, but it fell through each time’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘**With a history of 5,000 years**, the province is one of the places where Chinese civilization first took root, leaving rich cultural legacies that are embodied in the form of local operas, folk arts and ancient architecture’ [China

Informed, February 17, 2011]; ‘Smartly dressed as usual, **his blue zhongshanfu and cap**, Xiao shared his tales of people in the streets of Beijing over the past two decades’ [Global Times, August 22, 2011]; ‘**Worse**, the bad track record has gradually led to less and less investment, weakening the pool of national players’ [The Korea Times, July 12, 2012]; ‘**With this in mind**, he made an appointment to see Menuhin’ [The Korea Times, July 25, 2012]; ‘**And of course bulgogi (beef marinated Korean style) hamburgers, hotdogs and tacos**’ [The Korea Herald, August 27, 2014]; etc.,

- построения с инверсией, не входящие в состав прямой речи: ‘**Of them**, the one that she describes as “the most important” is **Japan’s Takeshi Kitano**’ [International Herald Tribune, April 21, 2010]; ‘**Given the vital role** the Internet now plays in the dissemination of information, it seems very odd, to say the least, that the parties cannot use it to reach out to voters during election campaigns’ [The Japan Times, April 25, 2010]; ‘**What finally saved the palace is a plan that challenges Zhao’s imagination** after he’s worked 30 years to protect cultural relics on Wudang Mountain [...]’ [China Daily, May 15, 2011]; ‘**Whatever the reason Yao explains**, he’s not buying into it, and continues to make them for himself’ [Global Times, July 18, 2011]; ‘Also **in display is an original painting** by Riyoko Ikeda, author of the popular Japanese comic series’ [The Japan Times, July 20, 2012]; ‘**Nor is there any strong reason** for European countries to care about their relative size in the first place’ [The Daily Yomiuri, July 21, 2012]; ‘Along with the idol posters and the ridiculously overpriced T-shirts **were the Korean popular snack of tteokbokki**, (spicy hot rice cakes) and sundae (Korean-type sausages)’ [The Korea Herald, August 27, 2014]; etc.

- вопросительные предложения (риторические вопросы): ‘In the face of disasters that have killed scores of people; it is pertinent to ask **why some projects could not withstand the fury of the floods?**’ [China Daily, July 23, 2010]; ‘**Why not connect that sublime human capacity for moral behavior to the thing that some people call God?**’ [The Daily Yomiuri, July 29, 2012]; ‘Faced with the task of parading in a bikini and high heels before millions of TV viewers, and giving a

smart answer within seconds in the Q&A, guess **what worries Miss China the most about competing in the Miss Universe pageant?** [China Daily, October 23, 2012]; ‘**But aren’t these traits only beautiful because of their genetic rarity, after all?**’ [Global Times, August 17, 2013]; etc.

4.3. Адаптация невербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Восточной Азии

Невербальные средства актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса наблюдаются в англоязычной периодике Восточной Азии, как и в случае с англо-американской прессой, на уровне его *макроструктуры*. Адаптация параметра *информативности/квазиинформативности* проявляется в наличии различных изображений, не обнаруживающих черт восточноазиатской локализации, на которых наиболее значимый в информативном плане образ визуально акцентируется, в то время как менее существенные элементы отодвигаются на задний план. Как показывают графические иллюстрации, наиболее отчётливо невербальная дифференциация информативности и квазиинформативности происходит в том случае, если доминирующий характер главного образа (информативность) усиливается посредством малосодержательности фона, на котором он расположен, либо его естественности в ситуации с данным образом (квазиинформативность).

Например, на фотографиях к научно-популярным статьям о бозоне Хиггса и о водных микроорганизмах [The Daily Yomiuri, April 25, 2010] изображения столкновения элементарных частиц и недавно открытой бактерии размещаются на однородном фоне (рис. 17, 18 приложения). Естественным визуальным сопровождением для изображения военного самолёта на фотографии к материалу о совместных российско-китайских учениях [Beijing Review, May 5, 2017] становится небо (рис. 19), для

цветущего куста белого чая на иллюстрации к статье о нём [The Japan Times, November 13, 2015] – скалы, на которых он произрастает (рис. 20), а для покупателя на фотографии к заметке о вновь открывшемся магазине сумок [The Japan Times, September 15, 2013] – интерьер этого магазина (рис. 21).

Основными невербальными средствами оформления *интерсубъективности* являются воспроизводимость однотипного построения и дизайна печатных изданий. Логика построения восточноазиатских газет и журналов на английском языке соответствует логике построения их англо-американских аналогов: на первых страницах размещаются наиболее важные, сиюминутные новости и анонсы публикуемых материалов, далее следуют материалы второстепенного характера и в завершении – публикации образовательной, культурной, спортивной и занимательно-развлекательной направленности. Большинство изданий содержат также материалы деловой направленности. Все англоязычные газеты и журналы Восточной Азии воспроизводят традиционный набор тематических блоков, разделов и подразделов, которые располагаются в определённой для данного издания последовательности:

- анонсы материалов: Inside, Most popular, Most commented (Global News); In this issue (China Daily); In the issue (China Informed); Today, Top news (The Japan Times); Inside (The Daily Yomiuri); Inside (The Korea Herald); Inside (The Korea Times); etc.,

- тематические блоки материалов, связанных с наиболее важными событиями текущего дня внутри восточноазиатских стран: Cover story (China Daily); Top stories (Global News); Home (Tokyo Journal International Magazine); National (The Japan Times); Govt/Politics (The Korea Post); National (The Korea Herald); National (The Korea Times); News (The Rodong Sinmun); etc.,

- краткие информационные сообщения о событиях внутри страны и в мире: Briefly (China Daily); RoundUp (Global News); Briefly, In the news (International Herald Tribune); In brief (The Japan Times); Briefs (The Daily Yomiuri); People & Events (The Korea Herald); etc.,

- публикации, отражающие внутринациональную проблематику: Nation (China Daily); Nation, Indepth, People, Community (Global News); Editorial features & reviews (Tokyo Journal International Magazine); National spotlight, Opinion, Social issue, Community (The Japan Times); Editorial/ National, Local Govts (The Korea Post); Documents (The Rodong Sinmun); etc.,

- материалы, посвящённые международным событиям: World (China Daily); World, World mosaic (Global News); World (21st CENTURY); World news, Europe, Americas (International Herald Tribune); World (The Japan Times); Commentary, World (The Daily Yomiuri); World (The Korea Herald); World, Worldline (The Korea Times); Diplomacy (The Korea Post); etc.,

- статьи и заметки финансово-экономического характера: Business (China Daily); Business World (China Informed); Business, Finance, Economy, Companies, Markets (International Herald Tribune); Business, Market data, Index, TSE data & report, Currency markets (The Japan Times); Business, Market watch, Stocks (The Daily Yomiuri); Business, World Business (The Korea Herald); Economy, Business, Business Focus (The Korea Times); Economy, Industry (The Korea Post); etc.,

- материалы, в которых получает своё отражение «обратная связь» с читателями – письма, комментарии, мнения ит.п.: Editorials, Opinion, Views, Letters (China Daily); Forum, Opinion (Global News); Views, Commentary letters, Opinion & national (International Herald Tribune); Views, Editorials & Opinion, Opinion (The Korea Herald); Opinion (The Korea Times); etc.,

- материалы на темы образования и культуры: Lifeculture, Lifemusic (China Daily); Campus scene, Life@art, Cinema, On stage, Exhibition (Global News); Culture, Music, Museums, Dance (International Herald Tribune); Trends & society, Travel and food (Tokyo Journal International Magazine); What's on: arts, What's on: film (The Japan Times); Science and Technology (The Korea Herald); Feature (The Korea Herald); Arts and Living, Cultureline (The Korea Times); Culture (The Korea Post); etc.,

- публикации на спортивные темы: Sports (China Daily); Sport (Global News); Sport life (China Informed); Sports, Boxing, Golf (International Herald Tribune); Sports (The Japan Times); Sports (The Daily Yomiuri); For the record, Olympics (The Daily Yomiuri); Sports (The Korea Times); Sports (The Korea Herald); etc.,

- статьи и заметки развлекательной направленности: Lifefun, Lifepulse (China Daily); In focus, Fashion@shopping, Food@drink, Miscellany (Global News); TV & radio, Weekend, Health & science, Personal tech (International Herald Tribune); Weekend scene (The Japan Times); Special, DY weekend (The Daily Yomiuri); Ad/Puzzle (The Korea Herald); Lifestyle (The Korea Times); Entertainment (The Korea Herald); Tourism (The Korea Post); etc. К типовым невербальным средствам оформления интерсубъективности в восточноазиатской англоязычной прессе также относятся заимствованная из англо-американской периодики традиция анонсирования публикуемых материалов на первой странице издания и многоступенчатая структура некоторых заголовков.

Следуя за своими англо-американскими аналогами, восточноазиатские газеты и журналы на английском языке стремятся воспроизводить из номера в номер особенности своего дизайна. Повторяемость объема и формата печатного листа, подбор шрифтов и цветовой гаммы позволяют сделать вывод не только о преимущественном соответствии внешнего вида англоязычных газетно-журнальных изданий Китая, Японии и Кореи основным параметрам оформления англо-американской прессы, но и установить в ряде случаев, на какой внешний аналог они стремятся быть похожими. Всякий исследователь без труда обнаружит внешнее сходство между такими изданиями КНР как: «Bulletin News», «China Daily» /«Business Weekly» и общенациональным таблоидом США «USA Today». Ежедневная газета «China Daily» и приложение к ней «Business Weekly» традиционно печатаются на листах формата D2 (Broadsheet); цветовая гамма, используемая в оформлении логотипа и всех материалов этого издания,

включает синий, серый и белый цвета. Газета «Global Times» традиционно выходит в формате Tabloid. Китайские журналы на английском языке «China Informed», «Beijing Review», «China Reconstructs» в основном воспроизводят на своих страницах манеру оформления американских изданий типа «Time», «Progress Report», «U.S. News», «The New Yorker», «Newsweek» и т.п. Региональные периодические издания «Central Daily News», «China Post», «United Daily News», «China Times», «South China Morning Post», «the Hongkong Standard», «Ming Pao», «Asiaweek», «Far East Economic Review» в целом соответствуют манере оформления англо-американской качественной прессы, типа: «The Economist», «National Post», «The Wall Street Journal», «The New York Times» и т.п.

Внешний вид англоязычных газет и журналов Японии также напоминает издания Великобритании и США. Например, «The Daily Yomiuri» претендует на статус «серьёзного» делового издания, что сближает её с аналогичными англо-американскими газетами подобного рода («The Economist», «Financial Times», «The Wall Street Journal» и пр.). Внешне газета выглядит достаточно консервативно: минимум рекламы и неброская цветовая гамма (в оформлении доминирует коричневый и синий цвета, а также их оттенки). Несколько по-другому выглядит газета «International Herald Tribune». От «The Daily Yomiuri» её отличает мелкий шрифт публикаций, яркая цветовая гамма, большой объём рекламы мировых брендов, в том числе полноформатной, занимающей до трёх-четырёх газетных полос и минимум иероглифики. Издания «The Japan Times» и «The Journal International Magazine» представляют собой усреднённый вариант между «The Daily Yomiuri» и «International Herald Tribune», отличающийся сбалансированной подачей материалов: «серьёзной» информации и информации развлекательного характера. Они, как и «The Daily Yomiuri», отличаются неярким цветовым решением и отсутствием полноформатной рекламы. Южнокорейская англоязычная газета «The Korea Herald» печатается на рыжеватой бумаге, в оформлении доминируют тёмные цвета,

присутствует небольшое количество малоформатной чёрно-белой рекламы, рассчитанной в основном на потребителя внутри страны. Издания «The Korea Times» и «The Korea Post» публикуют гораздо больше полноформатной рекламы, рассчитанной как на жителей Кореи, так и на иностранцев.

К основным невербальным средствам оформления параметра *субъективности* в газетно-журнальной периодике Восточной Азии на английском языке, как и в случае с англо-американским газетно-журнальным дискурсом, относится любое лишённое черт локализации непривычное цветовое или шрифтовое оформление публикаций, призванное привлечь дополнительное внимание читателя и отклоняющееся от параметров, заданных интерсубъективностью.

Например, доминирующим образом на фотографии к статье о монетарной политике [The Daily Yomiuri, November 1, 2017] становится стодолларовая банкнота (рис. 22), статья о проблемах экологии [The Korea Herald, July 7, 2014] сопровождается изображением человека в противогазе, а заметка о мальчике-мечтателе [Tokyo Journal International Magazine, September 7, 2015] – фотографией облака в форме собаки (рис. 24). На снимках к публикациям о визите папы римского [The Korea Herald, August 19, 2014] и о проблемах дорожных пробок [China Daily, May 15, 2011] важность основных образов визуально подчёркивается посредством намеренного размывания элементов второго плана (рис. 25, 26).

Всё сказанное позволяет сделать вывод о том, что восточноазиатская периодическая печать на английском языке обнаруживает значительное количество вербальных и невербальных проявлений, свидетельствующих о её адаптации к газетно-журнальному дискурсу Великобритании и США. Исследование выявленных процессов с позиции проявления в них определённого менталитета показывает, что в большинстве случаев китайские, японские и корейские авторы действуют интуитивно, перенося основные черты англо-американской прессы в национальные англоязычных печатные СМИ. В то же время оно свидетельствует о том, что подобная

практика складывалась годами и является следствием особого способа восприятия мира, присущего восточноазиатским журналистам. Языковое и визуальное сходство англоязычных британских, американских и восточноазиатских газет и журналов вполне укладывается в комплиментарный характер этноисторического восточноазиатского менталитета, проявляющегося в готовности легко адаптироваться к внешним условиям и уступать давлению внешних факторов.

Помимо этого, адаптационные процессы, происходящие в периодической печати на английском языке стран Восточной Азии, являются отражением и этнонациональных менталитетов. Очевидно, что мотивация к производству в инокультурной среде англоязычного дискурса, максимально похожего на аналог из региональных вариантов английского языка внутреннего круга, варьируется в каждом из восточноазиатских социумов. Так, в случае с англоязычной «центробежной» прессой КНР, она обусловлена стратегемностью мышления китайцев, которые стремятся к максимально широкой популяризации своей страны и «азиатского контента». В случае с «центростремительной» периодикой Японии эта мотивация связана с особой почтительностью японцев ко всему иностранному, в том числе к иностранным читателям, для которых чтение материалов периодической печати должно быть максимально комфортным. «Умеренно-центростремительная» периодика Южной Кореи отражает гибкий характер восприятия населением этой страны окружающего мира, в то время как «агрессивно-центробежная» пресса Северной Кореи демонстрирует желание «навязать» конкретную идеологию наиболее привычными для иностранных читателей способами. Общим фактором, влияющим на адаптационные процессы, является прагматизм восточноазиатских народов. Понимание того, что основу читательской аудитории периодической печати на английском языке составляют экспаты, заставляет издателей и журналистов Восточной Азии оформлять её посредством таких вербальных и невербальных средств, которые, в конечном итоге, обеспечивают коммерческий успех издания.

ВЫВОДЫ

1. Формирование стандарта оформления восточноазиатской периодики на английском языке обусловлено диалектически-связанными и взаимонаправленными процессами адаптации и резистенции. Адаптация обозначает перенос вербальных и невербальных феноменов, присущих англо-американскому газетно-журнальному дискурсу, в англоязычную прессу восточноазиатских стран. Резистенция связана с возникновением в англоязычной периодической печати Восточной Азии вербальных и невербальных явлений, отличающихся от стандарта оформления англо-американской печати.

2. Адаптация восточноазиатского газетно-журнального дискурса проявляется в наличии идентичных с англо-американской периодикой способов оформления системообразующих параметров информативности/квазиинформативности и интересубъективности/субъективности. Вербальный и невербальные средства, свидетельствующие об адаптационных процессах, носят «глобальный» характер, поскольку входят в когнитивное пространство носителей вариантов английского языка внутреннего круга и не обнаруживают устойчивой привязки к жизни народов Восточной Азии.

3. Основным вербальным проявлением адаптации англоязычной восточноазиатской периодики при оформлении системообразующего параметра информативности является использование аналогичных с англо-американским газетно-журнальным дискурсом прецизионных лексем, терминологии, безобразных узуально-клишированных словосочетаний, лексически и стилистически маркированных языковых единиц, ссылок на источники информации и цитации. На невербальном уровне адаптация проявляется в композиционном акцентировании информационно нагруженных визуальных образов на графических изображениях материалов массовой печати. Показателем адаптации англоязычной прессы Восточной Азии при вербальном оформлении квазиинформативности является

использование общевокабулярной лексики, формирующей языковую основу печатной периодики. На невербальном уровне адаптация проявляется в намеренном расположении менее существенных с точки зрения фактического содержания образов на заднем плане иллюстраций.

4. Адаптация вербальных средств оформления интерсубъективности в англоязычной восточноазиатской периодике проявляется в использовании «глобальных» прецедентных феноменов, традиционных для англо-американской прессы заголовков и типовых усложнённых синтаксических структур. На невербальном уровне проявлениями адаптации являются воспроизводимости однотипной структуры и дизайна печатных изданий. К вербальным феноменам, свидетельствующим об адаптации прессы Восточной Азии на английском языке при оформлении параметра субъективности, относятся нелокализованные прецедентные трансформы, встречающиеся в единичных контекстах образные коллокации и экспрессивные синтаксические построения. Основным показателем адаптации невербальных средств оформления субъективности относится любое лишённое признаков локализации непривычное изобразительное, цветное или шрифтовое оформление периодической печати.

5. Адаптационные процессы, происходящие в англоязычной прессе восточноазиатских стран, свидетельствуют, о том, что во многом стандарт её ориентируется на нормообеспечивающий и экзонормативный стандарт оформления англо-американского газетно-журнального дискурса. Основой этноисторического менталитета, служащего определённым стимулом к адаптации, является комплиментарность мышления восточноазиатских народов и их прагматизм. Помимо этого, ведущим этнонациональным стимулом у журналистов КНР признаётся стратагемность мышления, у японских создателей газетно-журнальных текстов – преклонение перед всем иностранным, у журналистов из Республики Корея – гибкий характер восприятия окружающего мира, тогда как у авторов из КНДР – максимально идеологизированное восприятие мира.

ГЛАВА 5. РЕЗИСТЕНТНЫЕ ПРОЦЕССЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ ПРЕССЕ

5.1. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Китая

Как отмечалось выше, резистенция англоязычной периодики восточноазиатских стран предполагает наличие в ней феноменов, отличающихся от стандарта оформления англо-американского газетно-журнального дискурса. В первую очередь, она проявляется в ярко выраженной локализации вербальных и невербальных способов оформления системообразующих параметров, свидетельствующей о функционировании региональных вариантов английского языка в качестве средства выражения «восточноазиатского» контента. Эти проявления могут носить как общий для всей массовой печати Восточной Азии на английском языке, так и частный, присущий периодике одной из стран, характер. Указанное обстоятельство обусловило дальнейшее рассмотрение англоязычной прессы каждого из восточноазиатских государств по отдельности.

Резистентность вербальных средств оформления системообразующего параметра *информативности* на *лексико-фразеологическом* уровне проявляется в англоязычной печатной периодике КНР в широком использовании прецизионной лексики, связанной с общественно-политической жизнью Китая. В соответствии с принятым в четвёртой главе настоящей работы делением всех прецизионных единиц на *два класса*, лексемы, свидетельствующие о резистентных процессах, относятся ко *второму* из них. Общее количество языковых единиц подобного рода составило 6047, а число входящих в него прецизионных лексем с «китайской» маркированностью составило 1597. Среди них выделяются:

топонимические обозначения, эргонимы, наименования культурных явлений и личные имена.

Группа топонимов второго класса включает 411 языковых единиц, которые отражают особенности административно-территориального деления КНР, называют малоизвестные за её пределами географические реалии, районы, улицы и т.п. Примерами единиц данной группы могут служить: Aksu Prefecture, Baode county, Balougou village, Beitun, Chaoyang Beilu, Chaoyangmenwai Dajie, Fujian Province, Haibei Tibetan Autonomous Prefecture, Haidong City, Hami, Hotan Prefecture, Huashiying, Jiangsu, Jiangxi province, Kashgar, Karamay, Kokdala, Kunyu, Liangping District, Mawan, Ningxia Hui Autonomous Region, Pengshui Autonomous County, Qiaojia, Qing Hai Lake, Shihezi, Shuanghe, Suzhou, the 4th Ring Road, the 5th Ring Road, Tiemenguan, Tumxuk, Turpan, Xian, Xianfang, Xingjian Uyghur Autonomous Region, Xiaohe, Xining City, Zhejiang, Zhuzhou, etc.

Как правило, топонимы подобного рода не регистрируются лексикографическими источниками; русские соответствия некоторым из них даются только контактологическим словарём:

Fujian – пров. Фуцзянь (Китай) [Перекрёсток 2004: 546].

Jianxi – пров. Цзяньси (Китай) [Перекрёсток 2004: 547].

Qing Hai Lake – оз. Цинхай [Перекрёсток 2004: 549].

Xingjian Uyghur Autonomous Region – Синьцзян-Уйгурский автономный район, Китай [Перекрёсток 2004: 550].

Убедительным доказательством малоизвестности таких топонимических обозначений среди носителей вариантов английского языка внутреннего круга является их частотность (таблица 11). Проведённые подсчёты показывают, что они имеют преимущественное хождение в китайской периодической печати на английском языке и практически не встречаются в англо-американской прессе и в англоязычной прессе других восточноазиатских стран.

Таблица 11. Частотность китайских топонимов второго класса

Страны Топонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Aksu Prefecture	0	9	0	0	0	2,3
Baode county	0	11	0	0	0	2,8
Balougou village	0	12	0	0	0	3
Beitun	0	9	0	0	0	2,3
Chaoyang Beilu	0	3	0	0	0	0,8
Chaoyangmenwai Dajie	0	2	0	0	0	0,5
Fujian Province	2	5	1	1	0	1,8
Haibei Tibetan Autonomous Prefecture	1	5	0	0	0	1,3
Haidong City	1	5	0	0	0	1,3
Hami	0	3	0	0	0	0,8
Hotan Prefecture	0	5	0	0	0	1,3
Huashiyang	0	3	0	0	0	0,8
Jiangsu	0	3	0	0	0	0,8
Jiangxi province	0	3	0	0	0	0,8
Kashgar	0	5	0	0	0	1,3
Karamay	0	5	0	0	0	1,3
Kokdala	0	3	0	0	0	0,8
Kunyu	0	3	0	0	0	0,8
Liangping District	0	7	0	0	0	1,8
Mawan	0	5	0	0	0	1,3
Ningxia Hui Autonomous Region	0	8	0	0	0	2
Pengshui Autonomous County	0	5	0	0	0	1,3
Qiaojia	0	7	0	0	0	1,8
Qing Hai Lake	3	15	3	1	0	4,8
Shihezi	0	9	0	0	0	2,3
Shuanghe	0	9	0	0	0	2,3
Suzhou	0	7	0	0	0	1,8
the 4 th Ring Road	0	11	1	0	0	3
the 5 th Ring Road	0	12	0	0	0	3
Tiemenguan	0	4	0	0	0	1
Tumxuk	0	8	0	0	0	2
Turpan	0	3	0	0	0	0,8
Xian	0	7	0	0	0	1,8
Xianfang	0	9	0	0	0	2,3
Xingjian Uyghur Autonomous Region	7	17	3	3	1	6,3

Xiaohe	0	1	0	0	0	0,3
Xining City	0	9	0	0	0	2,3
Zhejiang	0	7	0	0	0	1,8
Zhuzhou	0	5	0	0	0	1,3

Всё сказанное позволяет отнести данную группу языковых единиц к *неассимилированным прецезионным ориентализмам*. Как и в случае с ассимилированными топонимами первого класса, при их отражении в английском языке используются: фонографический перевод, калькирование и комбинированный перевод. Передача фонемно-графемного состава единиц исходного языка в английском языке явно прослеживается в таких топонимических номинациях как: Beitun, Chaoyang Beilu, Chaoyangmenwai Dajie, Hani, Huashiying, Jiangsu, Kashgar, Karamay, Kokdala, Kunyu, Qiaojia, Shuanghe, Suzhou, Tiemenguan, etc. Использование калькирования наблюдается в таких примерах, как: the 4th Ring Road (кит. Si Huan Lu), the 5th Ring Road (кит. Wǔ Huán Lù), etc. Комбинированный перевод, сочетающий передачу фонемно-графемной формы исходного топонима и подыскивание прямого соответствия отдельным элементам китайских номинаций, обнаруживается в таких примерах, как: Aksu Prefecture (кит. Ākèsū Dìqū), Liangping District (кит. Liángpíng Qū), Pengshui Autonomous County (кит. Pengshui Zìzhìxiàn), etc. В связи с этим среди неассимилированных прецезионных ориентализмов выделяются: *фонографические ориентализмы-экзотизмы, ориентализмы-кальки и ориентализмы-полукальки*.

E.g.: ‘Set up in **Balougou village** of **Baode county** in 1958, the State-owned coal mine was sold for 370,500 yuan (\$60,075) by the local economic trade bureau to three buyers in November 2007’ [China Daily, July 15, 2010]; ‘**Qiaojia** will again raise monthly subsidies for low-income residents, the ninth such more since 2005 to ensure a minimum standard of living in the region’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘**Huashiying** has seen better days but it has never been a neighborhood with much promise or privilege’, ‘**Huashiying** is the last original neighborhood in Beijing’s central business district. It lies inside the **Fourth Ring Road** in a

triangle of land between **Chaoyang Beilu** and **Chaoyangmenwai Dajie**' [Global Times, August 18, 2011]; 'Each car in Beijing is banned from travelling inside the **Fifth Ring Road** on the weekday, depending on the last digit of its license plate' [China Daily, November 25, 2011]; 'Authorities in northwest of China's **Jiangxi province** has commuted 11 offenders who were convicted of jeopardizing national security' [Beijing Review, February 1, 2016]; etc.

Корпус китайских эргонимов второго класса включает 417 единиц. В качестве примеров лексем данной группы могут быть названы: Bidu, Changan, Changhong, China Academy of Public Sciences, China Shenhua Energy, Dagong, Dagong Global Credit Rating, Dongfeng, Foshan, Guandong Situation Research Centre, Haier, Henun, High People's Court, Huiyuan Juice Group, Jialing, Jiangsu, Lifan, People's Liberation Army, Quindao Double Star Group, Shenyang Aircraft Corporation, Sichuan Tengzhong, Supreme People's Court, Xinfu, Zijin Mining Group, Wuxi Zhongcai Corporation, Xiaomi, Xichang Satellite Launch Center, Xinkai, Yanzhou Coal Mining, Zhuzhou Electric Locomotive, etc.

Некоторые из перечисленных единиц представляют однокомпонентные номинации (Bidu, Changan, Changhong), другие – многокомпонентные комплексы, включающие как ассимилированные топонимы первого класса (**China** Shenhua Energy, **Guandong** Situation Research Centre, **Sichuan** Tengzhong), так и неассимилированные топонимы второго класса (**Zhuzhou** Electric Locomotive). Общим для них является одно – все они являются наименованиями малоизвестных за пределами КНР производственных предприятий, министерств, ведомств, общественных институтов и т.п., незначительная часть которых регистрируется только контактологическим словарём:

People's Liberation Army (PLA) – [кит. Renmin Jiefang Jun] Народно-освободительная армия КНР [Перекрёсток 2004: 359].

Их преимущественное хождение в англоязычной прессе КНР подтверждается подсчётами их частотности.

Таблица 12. Частотность китайских эргонимов второго класса

Страны Эргонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Bidu	1	12	1	0	0	3,3
Changan	0	15	3	1	0	4,8
Changhong	0	11	1	1	0	3,3
China Academy of Public Sciences	5	17	0	0	0	4,3
China Shenhua Energy	0	11	0	0	0	2,8
Dagong	3	19	1	1	0	5,3
Dagong Global Credit Rating	5	12	3	1	0	4
Dongfeng	0	14	0	0	0	3,5
Foshan	0	11	0	0	0	2,8
Guandong Situation Research Centre	0	13	0	0	0	3,3
Haier	0	17	0	0	0	4,3
Henun	0	11	1	0	0	3
High People's Court	0	21	0	0	0	7
Huiyuan Juice Group	0	13	0	0	0	3,3
Jialing	0	11	0	0	0	2,8
Jiangsu	0	12	0	0	0	3
Lifan	0	11	0	0	0	2,8
People's Liberation Army	3	21	2	1	3	6,8
Quindao Double Star Group	0	13	0	0	0	3,3
Shenyang Aircraft Corporation	0	13	0	0	0	3,3
Sichuan Tengzhong	0	14	0	0	0	3,5
Supreme People's Court	3	21	0	0	0	5,3
Xinfa	1	14	1	1	0	4
Zijin Mining Group	3	17	0	0	0	4,3
Wuxi Zhongcai Corporation	0	15	0	0	0	3,8
Xiaomi	0	13	0	0	0	3,3
Xichang Satellite Launch Center	0	11	0	0	0	2,8
Xinkai	0	11	0	0	0	2,8
Yanzhou Coal Mining	1	19	1	3	0	5,8
Zhuzhou Electric Locomotive	0	13	0	0	0	3,3

Как и в случае с неассимилированными топонимами, *неассимилированные прецизионные ориентализмы* данной группы включают: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Dongfeng, Foshan, Jialing, Jiangsu), *ориентализмы-кальки* (China Academy of Public Sciences – кит. Zhōngguó Shèhuì Kēxuéyuàn) и *ориентализмы-полукальки* (Huiyuan Juice Group – кит. Huiyuán Guǒzhī Jítuán, Shenyang Aircraft Corporation – кит. Shěnyáng fēijī gōngsī).

E.g.: ‘**The Zijin Mining Group**, China’s largest gold producer, has been accused of attempting to bribe journalists to cover up a wastewater leak in Shanghang, East China’s Fujian province’ [China Daily, July 23, 2010]; ‘**The Guandong Situation Research Centre** released the “Social Mercury” report last week after polling 4,868 families in eight cities around the province during the second quarter this year’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘**Dagong** assigned an ‘AA’ rating with a negative outlook to US government debt, one notch below China’s rating of ‘AA+’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘The North Sea fleet of the **People’s Liberation Army** Navy has completed a military exercise in western areas of the Pacific Ocean’ [China Daily, June 14, 2011]; ‘Seven of the severe offenders were commuted from life to jail terms ranging from 19,5 years to 20 years, according to decision from the regional **High People’s Court** announced on February 1 [Beijing Review, February 2, 2016]; ‘Launched from **Xichang Satellite Launch Center** in the southwestern province of Sichuan, the satellite was boosted by a Long March-3C carrier rocket’ [Beijing Review, February 3, 2016]; etc.

Группа китайских прецизионных единиц второго класса, называющих явления культуры, включает 218 лексем. Среди них находим однокомпонентные и многокомпонентные наименования культурно-философских представлений, достопримечательностей, средств массовой информации, праздников, произведений искусства и пр., имеющие широкую известность внутри страны. Примерами единиц данной группы могут служить: Bai Ke Quan Shuo, Bokee, Double Ninth Festival, Double Ten Day, Ducangtugan, Eight Gates, Eight Immortals, Eight Trigrams, Fanfou, Festival of

Pure Brightness, Five Tastes, Flower Drum Opera, Knai Le Da Ben Ying, Lantern Festival, Lanzhu Morning News, Long Grottos, Quily Evening Post, Qingming Festival, Qixi Festival, Temple of Heaven, Three Gorges Dam, Tiao Zhan Mai Ke Feng, Tongshan Dizhen, Weibo, Xiangcun Yuyan, Yin Xi, Zhi Yong Da Chong Guan, Zhonghe Festival, etc.

Абсолютное большинство из них не регистрируется лексикографическими источниками. Значение некоторых отражается только контактологическим словарём.

Double Ninth Festival – [кит.] «Праздник двойной девятки»; в настоящее время считается праздником уважения старости [Перекрыток 2004: 110].

Eight Trigrams – [кит.] (филос., религ.) «Восемь триграмм», китайский метод общения с духами [Перекрыток 2004: 114-115].

Flower Drum Opera – [кит. «цветочная барабанная драма»] (театр.) хуаньская музыкальная драма [Перекрыток 2004: 123]. Подсчёты их встречаемости в англо-американской прессе и в англоязычной периодике восточноазиатских стран позволяют утверждать, что они используются преимущественно в китайских газетах и журналах на английском языке.

Таблица 13. Частотность китайских прецизионных единиц второго класса, служащих наименованиями культурных явлений

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Bai Ke Quan Shuo	0	11	0	0	0	2,8
Bokee	1	15	1	1	0	4
Double Ninth Festival	1	17	1	0	0	4,5
Double Ten Day	3	23	1	1	0	6,3
Ducangtugan	0	11	0	0	0	2,8
Eight Gates	0	17	0	0	0	4,3
Eight Immortals	0	13	0	0	0	3,3
Eight Trigrams	0	11	0	0	0	2,8

Fanfou	4	19	1	1	0	5,3
Festival of Pure Brightness	0	13	0	0	0	3,3
Five Tastes	0	17	0	0	0	4,3
Flower Drum Opera	0	15	0	0	0	3,8
Knai Le Da Ben Ying	0	11	0	0	0	2,8
Lantern Festival	0	14	0	0	0	3,5
Lanzhu Morning News	1	11	1	1	0	3,3
Long Grottos	0	13	0	0	0	3,3
Quily Evening Post	0	14	0	0	0	3,5
Qingming Festival	0	14	0	0	0	3,5
Qixi Festival	0	11	0	0	0	2,8
Temple of Heaven	4	18	1	1	0	5
Three Gorges Dam	3	15	0	0	0	3,8
Tiao Zhan Mai Ke Feng	0	11	0	0	0	2,8
Tongshan Dizhen	0	14	0	0	0	3,5
Weibo	5	17	3	5	0	6,3
Xiangcun Yuyan	0	13	0	0	0	3,3
Yin Xi	0	12	0	0	0	3
Zhi Yong Da Chong Guan	0	11	0	0	0	2,8
Zhonghe Festival	0	13	0	0	0	3,3

Неассимилированные прецизионные ориентализмы данной группы включают: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Bai Ke Quan Shuo, Bokee, Tongshan Dizhen), *ориентализмы-кальки* (Festival of Pure Brightness – кит. Qīngmíngjié, Temple of Heaven – кит. Tiāntán) и *ориентализмы-полукальки* (Qingming Festival – кит. Quinmin Jie).

E.g.: ‘That’s how I got my hands on the first issue of **Ducangtugan**, or, as it was rather oodly – named in English, Party’ [21st century, July 1, 2010]; ‘The move comes almost a year after Twitter and its first Chinese equivalent, **Fanfou**, were blocked after deadly riots erupted in the Xingjian Uyghur Autonomous Region’ [Global Times, July 15, 2010]; ‘A show named **Tiao Zhan Mai Ke Feng** (The Microphone Challenge), launched in 2008, was replaced by **Bai Ke Quan Shuo** (Talking Takes All) in November the next year’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘More than 33,000 government bodies and more than 17,800 government officials had registered and verified micro blogs on **Weibo**, China’s biggest micro-

blogging portal, by the end of September [...]’ [China Daily, November 7, 2011]; etc.

Наибольшей по количеству отобранных единиц стала группа личных имён (551 языковая единица). Она включает как имена выдающихся представителей китайского народа (императоров, политических деятелей, военачальников, деятелей культуры, учёных, спортсменов), так и рядовых жителей страны – участников событий, описываемых в газетно-журнальных публикациях, экспертов, свидетелей, наблюдателей и т.п.

Среди первых находим такие имена, как: Cao Cao, Chien-Shiung Wu, Hongwu, Hu Ge, Jiang Qing, Jiang Zemin, Lao Tzu, Li Bai, Li Na, Lin Dan, Liu Tao, Liu Yifei, Lu Han, Puyi, Quin Shi Huan, Sun Tzu, Xi Jinping, Xuazang, Yao Ming, Zhao Liying, Zhao Wei, Zhao Ziyang, etc.

Ко вторым относятся: Cheng Yu, Guan Jianzhag, Li Jun, Li Qiang, Li Ruiying, Liu Fang, Long Mei, Lu Jie, Luo Xi, Marcha Wang, Ma Wenfeng, Qiao Yongzhao, Quo Quiang, Qu Xuanhe, Shi Yanlu, Wang Fang, Wang Qiang, Wang Wei, Wang Xiu Ying, Wang Yan, Wang Yucai, Xu Xiaoqing, Yang Jun, Zhang Lei, Zhang Wei, Zhang Yadong, Zheng Bingwen, Zheng Qiuxiang, etc.

Как единицы первой группы, так и единицы второй группы не фиксируются лексикографическими источниками. Они отличаются своей частотностью, что убедительно доказывают числовые показатели следующей таблицы.

Таблица 14. Частотность китайских личных имён, свидетельствующих о резистентных процессах

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Сяо Сяо	0	11	0	0	0	2,8
Чэн Ю	0	1	0	0	0	0,25
Чэнь-Шиунг Ву	0	11	0	0	0	2,8

Guan Jianzhag	0	1	0	0	0	0,25
Hongwu	0	12	0	0	0	3
Hu Ge	0	17	1	1	0	4,5
Jiang Quing	0	13	1	0	0	3,3
Lao Tzu	0	14	0	0	0	3,5
Li Bai	0	11	0	0	0	2,8
Li Jun	0	1	0	0	0	0,25
Li Na	0	18	0	0	0	4,5
Li Qiang	0	1	0	0	0	0,25
Li Ruiying	0	4	0	0	0	1
Lin Dan	0	12	0	0	0	3
Liu Fang	0	1	0	0	0	0,25
Liu Tao	0	16	0	0	0	4
Liu Yifei	0	19	1	5	0	6,3
Long Mei	0	1	0	0	0	0,25
Lu Han	0	14	0	0	0	3,5
Lu Jie	0	2	0	0	0	0,5
Luo Xi	0	1	0	0	0	0,25
Marcha Wang	0	2	0	0	0	0,5
Ma Wenfeng	0	1	0	0	0	0,25
Qiao Yongzhao	0	1	0	0	0	0,25
Puyi	0	11	0	0	0	2,8
Quin Shi Huan	0	11	0	0	0	2,8
Quo Quiang	0	1	0	0	0	0,25
Qu Xuanhe	0	1	0	0	0	0,25
Shi Yanlu	0	1	0	0	0	0,25
Sun Tzu	0	14	0	0	0	3,5
Wang Fang	0	1	0	0	0	0,25
Wang Qiang	0	1	0	0	0	0,25
Wang Wei	0	1	0	0	0	0,25
Wang Xiu Ying	0	1	0	0	0	0,25
Wang Yan	0	1	0	0	0	0,25
Wang Yucai	0	1	0	0	0	0,25
Xuazang	0	13	0	0	0	3,3
Xu Xiaoqing	0	1	0	0	0	0,25
Yang Jun	0	2	0	0	0	0,5
Yao Ming	0	19	0	0	0	4,8
Zhang Lei	0	1	0	0	0	0,25
Zhang Wei	0	1	0	0	0	0,25
Zhao Liying	0	14	0	0	0	3,5
Zhao Wei	0	14	0	0	0	3,5
Zhang Yadong	0	3	0	0	0	0,8
Zhao Ziyang	0	13	0	0	0	3,3
Zheng Bingwen	0	1	0	0	0	0,25
Zheng Qiuxian	0	1	0	0	0	0,25

Как видно, первые представлены на страницах англоязычных периодических изданий Китая в значительном количестве, тогда как вторые

встречаются в единичных контекстах. Из всех критериев ассимиляции, выделяемых исследователями [Денисов 1993; Кальнова 1986; Павленко 1999; Сорокин 1965; Cannon 1994], в случае с единицами обеих групп наличествует лишь один: формальное уподобление фонографической системе заимствующего языка. Комбинаторная активность таких единиц в принимающем языке равна нулю. По характеру своего функционирования они близки к заимствованиям-экзотизмам, в связи с чем рассматриваются в рамках настоящего исследования как *неассимилированные прецизионные фонографические ориентализмы-экзотизмы*.

E.g.: ‘**Yang Jun** explained that the launch of such portfolio onto the market means that more people can invest in and appreciate artwork’ [Global Times, July 11, 2010]; ‘**Zhang Yadong**, a picture of concentration, stands in the middle of Sanlitun Village’s Orange hall, plucking his acoustic guitar’ [China Daily, July 15, 2010]; ‘**Wang Yukai**, a professor with the National School of Administration, was asked to take part in a session about the topic on April 13 to answer questions from the public’ [Global Times, September 29, 2011]; ‘The main story revolves around housewife **Lu Jie**, who lives a stable and happy life with her young daughter and her kind and successful husband **Qiao Yongzhao**’ [Global Times, September 5, 2011]; ‘**Shi Yanlu**, founder of the school and a former disciple of the current abbot of the Shaolin Temple Shi Yongxin, told Xinhua on Friday that the football school aims to integrate the spirits and skills of kung fu into sports’ [Beijing Review, August 5, 2015]; ‘The mentors consist of four national news program anchors from CCTV like **Li Ruiying**, one linguist from Beijing Normal University and the performance artist **Qu Xuanhe**’ [Beijing Review, August 12, 2013]; etc.

Следует отметить, что группы неассимилированных топонимов и эргонимов также включают малознакомые англоязычному читателю аббревиатуры, которые представляют собой результат унификации восточноазиатских общественно-политических реалий в привычной для газетно-журнального дискурса форме. Среди них находим такие сокращения как: Agbank (Agricultural Bank), AH (Anhui Province), BJ (Beijing Municipality),

CAAC (Civil Aviation Administration of China), CASS (Chinese Academy of Social Sciences), CCTV (China Central Television), CITIC (China International Trust Investment Corporation), COSCO (China Ocean Shipping Company), FAW (First Automobile Works), HE/HEB (Hebei Province), LN (Liaoning Province), NDRC (National Development and Reform Commission), NSSF (National Social Security Fund), PBC (People’s Bank of China), PLA (People’s Liberation Army), PRC (People’s Republic of China), ROC (Republic of China), SH (Shanghai Municipality), SMIC (Semiconductor Manufacturing International Corporation), SPC (Supreme People’s Court), SX/SAX (Shanxi Province), TCL (Telephone Communication Limited), TJ (Tianjin Municipality), etc.

Незначительная часть таких аббревиатур регистрируется контактологическим словарём или «American Heritage Dictionary», что свидетельствует об их большей узнаваемости носителями региональных вариантов английского языка внутреннего круга:

PRS – People’s Republic of China [American Heritage 2018];

ROC – Republic of China (Taiwan) [American Heritage 2018].

Оставшееся большинство не находит своего отражения в словарях современного английского языка, что говорит об их непривычности. Показатели частотности таких аббревиатур свидетельствуют о том, что они имеют преимущественное хождение в китайской англоязычной периодической печати.

Таблица 15. Частотность китайских аббревиатур второго класса

Страны Аббревиатуры	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Agbank	0	15	0	0	0	3,8
АН	0	17	0	0	0	4,3
ВJ	0	13	0	0	0	3,3
СААС	0	11	0	0	0	2,3

CASS	0	14	0	0	0	3,5
CCTV	1	21	1	1	0	5,8
CITIC	0	17	0	0	0	4,3
COSCO	0	13	0	0	0	3,3
FAW	0	11	0	0	0	2,3
HE/HEB	0	11	0	0	0	2,3
LN	0	11	0	0	0	2,3
NDRC	0	14	0	0	0	3,5
NSSF	0	18	0	0	0	4,5
PBC	0	18	0	0	0	4,5
PLA	3	19	5	4	4	4,8
PRC	7	20	6	6	3	8,8
ROC	5	21	5	8	3	9,3
SH	0	15	0	0	0	3,8
SMIC	0	12	0	0	0	3
SPC	0	11	0	0	0	2,3
SX/SAX	0	11	0	0	0	2,3
TCL	0	16	0	0	0	4
TJ	0	13	0	0	0	3,3

Указанные аббревиатуры могут быть отнесены к разряду *неассимилированных прецизионных ориентализмов-аббревиатур*, входящих в группы неассимилированных топонимов и эргонимов.

E.g.: ‘China founded the National Social Security Fund (**NSSF**) in 2000’ [Global Times, September 2, 2011]; ‘Some military buffs collect **PLA** paraphernalia as a hobby’ [Global Times, September 12, 2011]; ‘Yuan Yubo, the exercise’s commander, told **CCTV** that the action covered 26 items and greatly increased the commanding capacity of the formation and of the individual ships’ [China Daily, August 1, 2010]; ‘A newly released judicial interpretation from the Supreme People’s Court (**SPC**) has for the first time specified the procedure for how courts should deal with claims for State compensation for wrongful convictions, in an effort to protect the legal rights of wrongly convicted people and promote judicial justice in China [Beijing Review, August 15, 2015]; etc.

Наиболее показательным вербальным проявлением резистентности китайской англоязычной периодической печати при оформлении *информативности* на лексико-фразеологическом уровне является наличие значительного числа *неассимилированных ориентализмов* общественно-политической и социально-культурной тематики, среди которых выделяются

специализированные ориентализмы и ориентализмы-экзотизмы. Неассимилированные специализированные ориентализмы представляют собой перенесённые из китайского языка в английский лексические единицы, которые встречаются преимущественно в газетно-журнальной периодике и регистрируются только специализированными лексикографическими источниками (контактологическими словарями). К *неассимилированным ориентализмам-экзотизмам* относятся встречающиеся в единичных контекстах лексические единицы, перенесённые из китайского языка в английский, которые воспроизводят фонографическую форму единицы языка-источника и не регистрируются словарями.

К числу специализированных ориентализмов относятся такие лексемы, как: *sumshaw* «ист. чаевые, в современном значении – подарок, выражение благодарности, злоупотребление служебным положением», *chun* «единица измерения длины», *chushen* «происхождение», *daitouren* «лидер», *danwei* «предприятие, производственный коллектив», *deng* «порядок», *dufei* «член бандитской группировки», *duji* «конкуренция», *fa* «закон, закономерность», *falu* «закон», *fang* «ослабление, уменьшение контроля», *fashaoyou* «любитель, фанат поп-музыки», *fen* «денежная единица КНР», *fenpei* «планирование, распределение», *foci* «служащий», *gaige* «перестройка», *gui* «чувство чести», *gaokao* «общенациональный экзамен, сдаваемый для поступления в учреждения высшего образования», *guanxi* «личные связи, коррупция в широком смысле слова», *heng* «способность к выживанию», *huei* «финансовый синдикат», *hukou* «разрешение на проживание, прописка», *laojiao* «трудовое перевоспитание», *shen* «совершенная мудрость» *shiye danwei* «государственные предприятия общественного обслуживания населения», *taipan* «глава или собственник иностранной компании (предприятия)», *taonan* «катаклизм», *wu* «воинственность», *xiali* «разновидность китайского такси», *yamen* «резиденция или офис высокопоставленного чиновника», *yuan* «денежная единица КНР», *zhenfeng* «партийная чистка», *zhong* «патриотизм, верность нации», *zuxian* «почитание

предков», etc. Значение таких единиц регистрируется только контактологическим словарём:

Yuan, yuan dollar, pl yuan [кит. уан «круглый»] юань; денежная единица КНР, равная 10 цзяо (jiao) или 100 фэням (fen) [Перекрёсток 2004: 533].

Guanxi [кит. «знакомство, связь»] гуаньси, личные связи, знакомства, блат [Перекрёсток 2004: 145].

Gaokao [кит.] гаокао, вступительные экзамены в вуз [Перекрёсток 2004: 134].

В то же время показатели их частотности в англоязычных изданиях КНР значительно превышают показатели частотности ассимилированных ориентализмов первого класса, свидетельствующих об адаптации восточноазиатской прессы к англо-американскому газетно-журнальному дискурсу.

Таблица 16. Частотность неассимилированных специализированных ориентализмов

Ориентализмы	Страны					
	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
cumshaw	3	17	0	0	0	4,3
chun	0	13	0	0	0	3,3
chushen	0	11	0	0	0	2,8
daitouren	0	13	0	0	0	3,3
danwei	0	14	0	0	0	3,5
deng	0	11	0	0	0	2,8
dufei	0	15	0	0	0	3,8
duju	0	13	0	0	0	3,3
fa	0	11	0	0	0	2,8
falun	0	11	0	0	0	2,8
fang	0	17	0	0	0	4,3
fashaoyou	0	13	0	0	0	3,3
fen	0	15	0	0	0	3,8
fenpei	0	15	0	0	0	3,8
foci	0	16	0	0	0	4

gaige	4	15	3	0	0	3,8
gui	0	13	0	0	0	3,3
gaokao	0	19	2	0	0	5,5
guanxi	3	25	5	1	0	8,3
huei	0	13	0	3	0	3,3
laojiao	0	11	0	0	0	2,8
shen	0	11	0	0	0	2,8
shiye danwei	0	13	0	0	0	3,3
taipan	0	11	0	0	0	2,8
taonan	0	14	0	0	0	3,5
wu	0	11	0	0	0	2,8
xiali	0	12	0	0	0	3
yamen	0	13	0	0	0	3,3
yuan	9	25	7	5	1	9,5
zhengfeng	0	11	0	0	0	2,8
zhong	0	15	0	0	0	3,8
zuxian	0	13	0	0	0	3,3

Как правило, ориентализмы подобного типа используются в своём основном номинативном значении. Они воспринимаются авторами газетно-журнальных текстов как привычный атрибут общественно-политической речи, убедительным доказательством чему является их преимущественное использование без какого-либо особого оформления (курсив, кавычки, пояснительная глосса и т.п.).

E.g.: ‘Take for example the well-known 7 billion **yuan** (\$1.03 billion) Torch Project and InnoFund set up by the Ministry of Science and Technology to help technology-based SMEs develop and commercialize new technologies’ [China Daily, July 29, 2010]; ‘**Guanxi** is an important commercial criteria for SMEs to gain leverage; wining and dining provides a forum for them to build relationships especially with banks,’ said Alex Newman, who co-authored the study with Alessandra Guariglia and Jun Du’, ‘The existing government-funded public service units (PSU), or **shiye danwei**, are the major public service providers in China’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘There are more than 300,000 less students taking **gaokao** compared with last year’s figure’, ‘On Wednesday 9.3 million high school graduates across China will spend their second day taking the national university exams known as the **gaokao**, while the country’s educators try to figure out why there are more than a million fewer students taking the tests than in 2008’

[Global Times, August 18, 2011]; “I was surprised when my mother suggested that I should study abroad because I was preparing for the next year’s **gaokao**”, she said’ [Beijing Review, July 15, 2013]; ‘If you can’t requisit it, or **cumshaw** it, you are to steal it’ [Beijing Review, July 12, 2015]; etc.

Факт регистрации подобных единиц только специализированным словарём может рассматриваться как доказательство их неассимилированности в английском языке, а высокие показатели их частотности – свидетельством промежуточности их статуса. Очевидно, они находятся на продвинутом этапе вхождения в английский вокабуляр и являются неотъемлемой частью китайских англоязычных газетно-журнальных публикаций.

Отличительными признаками неассимилированных ориентализмов-экзотизмов являются: отсутствие в словарях английского языка, окказиональное речепотребление, специальное графическое оформление, обязательное наличие пояснительных элементов в тексте публикации и т.п.

E.g.: ‘Residing abroad always, if nothing else, brings a world of adventure, excitement new experiences and the unknown and for the entire time I have been living in Beijing , there has been one local “delicacy” that I have been quite happy to avoid – the smelly world of **chou doufu** or “stinky tofu”’, ‘And she did not have the registered permanent residence, or **hukou**, in Beijing’ [Business Weekly, July 15, 2010]; ‘Sugar cane was introduced to the island from China about 400 years ago, and sugar cane products ranging from vinegar to “**shouchu**” (distilled spirits) are available’ [China Daily, July 17, 2010]; ‘I decided to take a pointer from these men known as “**bang-ye**” (Mr Bare Arms)’ [China Daily, July 27, 2010]; ““**Ten kuai**” (\$1.5), he smiles spaying down his crafts with water to keep them fresh while spreading warmth across the bar street’ [China Informed, March 22, 2011]; ‘Typically, **hutong** are lanes, formed by rows of courtyard houses arranged one after another after the other on either side of the path’ [Global Times, August 18, 2011]; etc.

Иногда ориентализмы-экзотизмы формируют вокруг себя широкий пояснительный контекст, как это наблюдается в следующем фрагменте газетной публикации, объясняющем значение китайского слова zhunan «мужчина, любящий готовить»:

‘I never knew I was fashionable. Not until I got an e-mail telling me I was.

It said, “Are you aware of the term ‘zhunan’? You have become one of the most fashionable men in China. Your wife must be very pleased”.

Well, Ellen’s always very pleased, but I was none the wiser, so I asked for an explanation.

“Oh, it refers to men who love cooking, because ‘zhu’ is a universal word in Cantonese for cooking and ‘nan’ means man. Most of these zhunan are born in the 1980s, who are passionate about cooking and uploading pictures, recipes, discoveries of good restaurants and having their blogs or some cooking BBS. There’s a new slogan among young girls: If one has to marry, then one must marry a zhunan!” [Global Times, July 27, 2010].

К основным проявлениям резистенции китайской периодической печати на английском языке при вербальном оформлении *информативности*, на *текстовом уровне* посредством ссылок и цитации относится широкое использование переводных цитат и наличие национально-маркированных элементов в ссылках и цитатах. Современная англоязычная пресса Китая естественным образом широко использует прямую речь представителей англоговорящего сообщества. Цитация, в этом случае, является аутентичной, поскольку не проходит через перевод и представляет буквальное воспроизведение слов информантов. Наряду с этим широко используется цитирование носителей китайского языка. В этом случае цитаты представляют собой заведомо вторичный переводческий продукт, предполагающий вариативность по отношению к языку оригинала. Указанное обстоятельство позволяет определить наличие последних как специфическую черту актуализации информативности. Помимо этого, национальная маркированность англоязычной прессы Китая достигается посредством широкого использования в ссылках и цитатах неассимилированных ориентализмов (топонимов, эргонимов, наименований культурных явлений и личных имён), которые придают ей особый колорит.

E.g.: “**Lou Ye** turns a simple romance story into a complicated suspense film, with certain scenes similar to South Korean gangster films,” **Li Zhong**, a film critic in **Yunnan Province**, commented’ [China Informed, January 22, 2011]; ‘**Pan Yingli**, a professor at **Shanghai Jiao Tong University** said: “China must adopt measures to curb any influx of ‘hot money’, which might increase inflation and further appreciate the yuan’ [Business Weekly, March 25, 2011]; “I don’t mind (their checking) at all, and I fully understand their work,” the 32-year old man from East China’s **Wenzhou city** said’ [Global Times, July 29, 2011]; ““They jeopardized China’s national security, disrupted social stability and caused heavy losses of lives and property,” said **Zhang Tao**, president of **Xinjiang’s Higher People’s Court**’ [Beijing Review, January 25, 2016]; ‘Outside the venue, a 71-year-old woman from **Shandong Province**, who was displaying dolls and badges on the ground, said: “They are selling in this **hutong** well from the first day [...]”’ [Beijing Review, January 27, 2016]; etc.

Анализ языковых средств оформления *квазиинформативности* свидетельствует о том, что они обнаруживают полное совпадение с языковыми средствами актуализации данного системообразующего параметра, принятыми в англо-американской прессе. В этом случае, резистенция англоязычной восточноазиатской периодической печати по параметру *информативности/квазиинформативности* наблюдается только при вербальном оформлении информативности. Подобное положение дел в полной мере соотносится с нормообеспечивающей сущностью стандарта оформления периодической печати Великобритании и США, который определяет инвариантную лексическую основу газетно-журнального дискурса, заимствуемую англоязычной прессой восточноазиатских стран.

Резистенция вербальных средств оформления системообразующего параметра *интерсубъективности* проявляется в использовании локализованных приёмов его актуализации, непривычных для англоязычного читателя. Наиболее заметным среди них на *лексико-фразеологическом уровне* является использование «локальных» прецедентных феноменов –

малознакомых носителям региональных вариантов английского языка внутреннего круга прецедентных имен и прецедентных высказываний, связанных с историей и культурой Китая. Так, статья, посвящённая итогам XVIII съезда Коммунистической партии КНР, содержит наименование стратегической доктрины Ден Сяопина – ‘The next generation of leaders, too, will tread the same peaceful and prosperous path of **Win-Win Strategy**’ [China Daily, November 1, 2012]. Аналитический материал о вызовах современного мира включает известную цитату из выступления Ху Цзиньтао – ‘In the face of growing regionalism in China, the center must contend with the attitude that **“the higher authorities have their policies, the localities have their countermeasures”**’ [Global Times, September 22, 2011], а заметка о будущем Гонконга – высказывание Ден Сяопина, которое стало одним из конституционных принципов Китая – ‘The policy of **“one country – two systems”** sets Hong Kong apart’ [Beijing Review, October 31, 2015]. В исследуемом материале также встречаются такие знакомые для китайцев прецедентные высказывания, как: safety first and prevention first, outstanding deeds and advanced persons, to replace cadres with new cadres, etc.

Современная англоязычная печать КНР формирует собственный корпус прецедентных феноменов, внося в него типовые коллокации, обнаруживающие «китайскую» маркированность. К ним относятся газетно-журнальные идиоматические словосочетания и традиционная китайская фразеология, переведённая на английский язык. Фонд китайской газетно-журнальной идиоматики включает языковые единицы, возникшие в политическом дискурсе КНР, которые перешли в национальную газетно-журнальную публицистику, а затем и в периодику на английском языке. К языковым единицам данной группы относятся такие выражения, как: barefoot doctor, capitalist roader, Chinese economic reform architect, Chinese four, Five Classics, Five Pests, flying tiger, Four Books, four companions, Gang of Four, great helmsman, Great Leap forward, Green Gang, Hundred Flowers Campaign,

ideological remodeling, naked officials, paper tiger, Red Guard, red rice, red song, running dog, socialism with Chinese characteristics, etc.

Большая часть из них характеризуется определённой архаичностью, что объясняется продолжительностью периода вхождения и ухода со страниц периодической печати общественно-политической идиоматики, тем более, когда речь идёт о её функционировании в иноязычном дискурсе. Как правило, такие лексемы являются средством образной номинации наиболее значимых национально маркированных общественно-политических феноменов (исторических событий, выдающихся политических деятелей, доктрин и идеологических концепций). Значение некоторых из них регистрируется контактологическим словарём.

Barefoot doctor – [пер. с кит. «босоногий доктор»] деревенский фельдшер, целитель [Перекрёсток 2004: 38]. Это выражение появилось в дореволюционном Китае. «Босоногими докторами» (*chìjiǎo yīshēng*) называли сельских жителей, которые при минимуме медицинского образования и специальной подготовки, оказывали врачебную помощь в наиболее отдалённых уголках страны. Своей популярностью оно обязано китайскому лидеру Мао Цзэду, который в 1965 году в своей речи о состоянии здравоохранения, заявил о необходимости перестройки деятельности профильного Министерства и повышения статуса таких медицинских работников.

Gang of Four – [пер. с кит. *sìren bang*] (ист.) Банда Четырёх, бывшие лидеры Культурной Революции Китая, арестованные после смерти Мао Цзэдуна [Перекрёсток 2004: 133]. Это выражение появилось в первой половине 1970-х, когда в Коммунистической партии Китая наметилось жёсткое внутрифракционное противостояние между «левыми радикалами» (Цзян Цин, Ван Хунвэнь, Чжан Чуньцяо и Яо Вэньюань) и «прагматиками» (Чжоу Эньлаем и Дэн Сяопин). Первых стали называть «бандой четырёх».

Great Leap forward – [кит. Da Yue Jin] (ист.) политика Большого Скачка (вперёд), попытка модернизации аграрного Китая в конце 50-х годов (1958-1961 гг.) [Перекрёсток 2004: 144].

Paper tiger – [кит.] «бумажный тигр»; тот, чья сила сильно преувеличена, кто внешне кажется властным, сильным и опасным, а на самом деле (внутри) слаб и часто безволен [Перекрёсток 2004: 357]. Это выражение появилось в китайском языке, также благодаря Мао Цзэдуну, который сравнивал силы, противостоящие коммунистическому Китаю с «бумажными тиграми» (кит. zhilaohu).

Показатели частотности китайских газетно-журнальных идиоматических словосочетаний демонстрируют определённую вариативность.

Таблица 17. Частотность китайских газетно-журнальных идиоматических словосочетаний

Страны Выражения	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
barefoot doctor	0	11	0	0	0	2,8
capitalist roader	0	7	0	0	0	1,8
Chinese economic reform architect	7	7	0	0	0	1,8
Chinese four	0	5	0	0	0	1,3
Five Classics	0	3	0	0	0	0,8
Five Pests	0	1	0	0	0	0,3
flying tiger	0	1	0	0	0	0,3
Four Books	0	1	0	0	0	0,3
Gang of Four	0	15	0	0	0	3,8
great helmsman	3	9	0	0	0	2,3
Great Leap forward	3	7	0	0	0	1,8
Green Gang	0	1	0	0	0	0,3
Hundred Flowers Campaign	0	5	0	0	0	1,3
ideological remodeling	1	9	0	0	0	2,3
naked officials	0	9	0	0	0	2,3

paper tiger	1	11	0	0	0	2,8
Red Guard	0	3	0	0	0	0,8
red rice	0	2	0	0	0	0,5
red song	0	1	0	0	0	0,3
running dog	0	5	0	0	0	1,3
socialism with Chinese characteristics	9	12	0	0	0	3

Как видно, указанные единицы имеют преимущественное хождение в англоязычной периодической печати Китая. В тоже время нельзя не отметить наличие некоторых из них в англо-американской прессе, что показывает их содержательную актуальность для носителей английского языка стран внутреннего круга. В любом случае, даже являясь узнаваемыми, выражения подобного рода остаются средством обозначения специфических реалий, связанных с жизнью китайского общества.

E.g.: ‘Mao contended that Deng Xiaoping was a **capitalist roader** and that the Soviet Union fell to **capitalist roaders** from within the Communist Party after the death of Joseph Stalin’ [Global Times, July 17, 2010]; ‘His (Mao Zedong’s) distaste for this inequality prompted the “**barefoot doctor**” movement, in which rural folks got, at least, basic healthcare based on preventive measures’ [China Daily, July 27, 2010]; ‘The country’s latest move to rein in corruption by stipulating tougher reporting rules on those officials whose immediate family members have immigrated overseas and who are thus dubbed as “**naked officials**”, is a welcome development that was long overdue’ [China Informed, March 25, 2011]; ‘Various historians in and outside of China mark the end of the Cultural Revolution – as a whole or in part – in 1976, following Mao’s death and the arrest of the **Gang of Four**’ [Beijing Review, July 7, 2013]; ‘Its production is characterized by regressive indicators compared with the years of the **Great Leap Forward**’ [Beijing Review, July 11, 2013]; etc.

Традиционные китайские фразеологические единицы, обнаруживаемые в англоязычной периодической печати, как правило, представляют собой кальки оригинальных выражений: clouds and sun (проходимцы и лидеры),

crystal mirror (беспристрастный судья), deterrent hushes and fierce waves (чрезвычайное событие, опасное положение, яростная борьба), fish bone (неподкупный чиновник), to bear sticks on smb's back (просить прощение), to close the gates (ограничить внешние контакты), to drop the cap (уйти с государственной службы, потерять привелегии), to drop water from the roof (занимать выгодное положение), to hit between horns (попасть в клещи, окружить врагов с двух сторон), to lose at sunrise and gain at sunset (то, что не получилось в настоящий момент, может удасться позже), to sell/buy air (биржевая спекуляция, политическая болтовня), to set the pillar (завоевать доверие, доказать действенность закона), wooden figure of prisoner (суровость закона), etc. В ряде случаев объектом калькирования становятся полные предикативные структуры (китайские поговорки), выступающие в качестве прецедентных высказываний: brushwood won't start without fire, carp that jumps over the dragon gate, close neighborous are better then distant relatives, high lamp shines far, long way takes heavy load, strong fire quenches steel, etc.

Все названные единицы имеют китайское происхождение и связаны с историческими событиями, мифологией и культурой этой страны. Так, фразеологизм *shī zhī dōngyú, shōu zhī sāngyú* (to lose at sunrise and gain at sunset) появился впервые в произведении историка Фань Е, жившего во времена династии Сун (420-479 гг.). Он связан с боевыми заслугами генерала Фэн И, который в период становления династии Восточная Хань, в течение длительного времени боролся с противниками нового правителя Лю Сю, с переменным успехом проигрывая сражения и одерживая победы. После войны Лю Сю издал императорский указ, посвящённый военному начальнику, в котором говорилось, что вначале он терпел поражение, а в конце одержал полную победу. Эти слова с течением времени превратились в распространённое выражение, описывающее ситуацию, когда человек несёт поражение в одном месте и преуспевает в другом [Гаотао 2017: 72-73]. Первоисточником фразеологизма *lǐ mǐ nān mén* (to set the pillar) является биография Шан Тана – первого правителя Династии Шан, выражение *mai*

kong mai kong (to sell/to buy air) было впервые использовано в работе Чжэн Гуаньина, политика, выступавшего за установление в Китае конституционной монархии британского типа, а фразеологическая единица dao guan luo pei (to drop the cap) появилась в одном из поэтических произведений китайского поэта Ду Му [Готлиб, Му Хуаин 2007].

Подобные выражения не регистрируются словарями современного английского языка; их частотность, как в англо-американском газетно-журнальном дискурсе, так и в англоязычной прессе других восточноазиатских стран равна нулю. В китайской периодической печати на английском языке они встречаются в единичных случаях и, как правило, сопровождаются пояснительным контекстом.

E.g.: ‘In native tradition he began to ask for forgiveness or like old China’s expression says **‘to bear sticks on his back’** [China Daily, September 21, 2010]; ‘In the singular chance to change their fate in one fell swoop, they were hoping to become, as a famous saying goes, **“the carp that jumps over the dragon gate”**’ [Global Times, August 18, 2011]; ‘Officials like him are traditionally called in the country **air sellers** for their endless talks leading to nothing’ [China Informed, October 29, 2011]; ‘Law experts said the interpretation could ensure the rights for wringed persons to get compensation and sets the new requirements for judges to become **‘crystal mirrors’** in the sence this expression possesses’ [Beijing Review, August 5, 2015]; ‘He said he had woken up to his past ignorance and was determined to what in China is called the **‘wooden figure of prisoner’**’ [Beijing Review, November 7, 2016]; etc.

Вербальные средства оформления *субъективности*, свидетельствующие о резистенции англоязычной прессы Китая, сочетают локальную привязку и индивидуально-авторское осмысление окружающей действительности. К наиболее заметными проявлениями подобного рода на *лексико-фразеологическом уровне* относится использование прецедентных трансформов, в основе которых могут быть прецедентные феномены как «глобального», так и «локального» характера. В первом случае они

видоизменяются так, что в них начинает отчётливо проступать привязка к жизни китайского социума. Например, заголовок статьи ‘**Million kuai smile**’ [Global Times, August 18, 2011] основан на трансформации исходного английского выражения *million dollar smile* путём замены наименования денежной единицы США на денежную единицу КНР. Во втором случае исходный прецедентный феномен сам имеет локальную привязку и трансформируется в соответствии с коммуникативно-прагматическими задачами создателей материалов периодической печати. Например, аналитический материал о будущем китайской экономики содержит фрагмент, в котором встречается изменённое наименование системы административного воздействия на заключённых, осуждённых за мелкие преступления *re-education through physical labor* – ‘The new way to change the situation could be conventionally called ‘**reform through physical labor**’ [Business Weekly, August 7, 2010], а заголовок статьи о проблемах школьного образования в Китае – ‘What is the future of ‘**barefoot teachers?**’ [21st century, July 21, 2010] включает трансформ упомянутого выше выражения *barefoot doctors*.

5.2. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Японии

Резистентность англоязычной прессы Японии при вербальном оформлении системообразующего параметра *информативности* проявляется в локализации средств его актуализации. На *лексико-фразеологическом уровне* основным свидетельством этому является использование прецизионных языковых единиц, отражающих общественно-политические реалии «Страны восходящего солнца». Среди всех прецизионных единиц с «восточноазиатской» маркированностью второго класса (6047), число лексем, обнаруживающих локальную привязку к жизни японского социума,

равно 1685. Как и в случае с англоязычной периодикой КНР, среди них выделяются: топонимические обозначения, эргонимы, наименования культурных явлений и личные имена.

Группа топонимов второго класса включает 525 языковых единиц. Примерами лексем данной группы могут служить: Akita City, Anyo, Asahikawa City, Fukui, Gamagori, Gunma Prefecture, Ishigakijima, Ibaraki Prefecture, Kita-kojima island, Kochi Prefecture, Koetoi, Kota, Minami-kojima island, Mount Kanuki, Mountain river, Nakagyo-ku, Nukata, Nijo Dori Higashinotouin Higashi-iro Minamigawa, Nijo Dori Kiyamachi Higashi-iru, Oi, Omono River, Rikuzentakata, Sekigahara, Shiga Prefecture, Shinshiro, Sibuiyan Sea, Taishoto, Takao Mount, Tottori, Toyama, Toyanaka, Toyokawa, Utsurijima, Yawata, etc. Названные топонимы не регистрируются лексикографическими источниками; русские соответствия некоторым из них даются только контактологическим словарём:

Fukui – г. Фукуи (о. Хонсю, Япония) [Перекрёсток 2004: 546].

Sekigahara – Сэкигахара – гора в Японии между Гифу и Хиконэ [Перекрёсток 2004: 549].

Yawata – Явата, порт на о. Кюсю, Япония (нас. 75761). Часть мегаполиса Китакюсю [Перекрёсток 2004: 551].

Проведённые подсчёты свидетельствуют о том, что топонимы второго класса встречаются преимущественно в японской периодике на английском языке.

Таблица 18. Частотность японских топонимических обозначений второго класса

Страны Топонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Akita City	0	0	10	0	0	2,5

Anyo	0	0	7	0	0	1,8
Asahikawa City	0	0	9	0	0	2,3
Fukui	2	3	15	1	0	4,8
Gamagori	0	0	11	0	0	2,8
Gunma Prefecture	0	0	7	0	0	1,8
Ishigakijima	0	0	9	0	0	2,3
Ibaraki Prefecture	0	0	13	0	0	3,3
Kita-kojima island	0	0	10	0	0	2,5
Kochi Prefecture	0	0	11	0	0	2,8
Koetoi	0	0	12	0	0	3
Kota	0	0	8	0	0	2
Minami-kojima island	0	0	12	0	0	3
Mount Kanuki	0	0	7	0	0	1,8
Mountain river	0	0	5	0	0	1,3
Nakagyo-ku	0	0	5	0	0	1,3
Nukata	0	0	11	0	0	2,8
Nijo Dori Higashinotouin Higashi-iro Minamigawa	0	0	1	0	0	0,3
Nijo Dori Kiyamachi Higashi-iru	0	0	1	0	0	0,3
Oi	3	0	13	0	0	3,3
Omono River	0	0	8	0	0	2
Rikuzentakata	0	0	11	0	0	2,8
Sekigahara	0	0	12	0	0	3
Shiga Prefecture	0	0	13	0	0	3,3
Shinshiro	0	0	11	0	0	2,8
Sibuiyan Sea	1	1	13	1	1	4
Taishoto	0	0	14	0	0	3,5
Takao Mount	0	0	9	0	0	2,3
Tottori	0	0	9	0	0	2,3
Toyama	0	0	11	0	0	2,8
Toyonaka	0	0	12	0	0	3
Toyokawa	0	0	11	0	0	2,8
Uotsurijima	0	0	10	0	0	2,5
Yawata	0	0	13	0	0	3,3

Названные лексемы относятся к *неассимилированным прецизионным ориентализмам*, среди которых выделяются: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Nijo Dori Higashinotouin Higashi-iro Minamigawa, Nijo Dori Kiyamachi Higashi-iru, Oi, Rikuzentakata), *ориентализмы-кальки* (Mountain river – яп. Yamonakawa) и *ориентализмы-полукальки* (Asahikawa City – яп. Asahikawa-shi, Shiga Prefecture – яп. Shiga-ken).

E.g.: ‘Sake Bar Yorami: **Nijo Dori Higashinotouin Higashi-iro Minamigawa, Nagkagyo-ku**; [...] K6: **Nijo Dori Kiyamachi Higashi-iru, Nagagyo-ku** [...]’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘The government to purchase **Uotsurijima, Kita-kojima and Minami-kojima** of the Senkaku Islands, which are owned by a civilian’ [The Daily Yomiuri, July 10, 2012]; ‘The cancer was also found in two men working at a printing company in **Kochi Prefecture** who are in their 20s and 30s [...]’ [The Daily Yomiury, July 12, 2012]; ‘Reactor 4 at the **Oi** nuclear power plant in **Fukui Prefecture** reached criticality Thursday morning following its reactivation the night before by Kansai Electric Power Co.’ [The Japan Times, July 20, 2012]; etc.

Общее число японских эргонимов второго класса составляет 415 единиц. В качестве примеров лексем данной группы могут быть названы: Chief Cabinet Secretary, Chubu Electric Power Corporation, Chugoku, Hokuriku, Iwataya Mitsukoshi, Kajima Construction, Kansai Electric Power Corporation, Marubeni, Mizuho Financial Group, Naha Regional Coast Guard Headquarters, National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity, National Public Safety Commission, Nuclear and Industrial Safety Agency, Ricoh, Riso Kagaku Corporation, Robot Revolution Realization Committee, Ryobi, Sojitz, Sumitomo Mitsui Financial Group, Tokunoshima, Toyo Kogyo, Toyo Seikan Kaisha, Ueno Zoo, Yamabiko Corporation, Yamazaki Mazak Corporation, Yoshinoya, etc.

В редких случаях значение указанных единиц регистрируется контактологическим словарём:

Toyo Kogyo – [яп. toyo «восточный» + kogyo «промышленность»] Тоё-Когё; японская автомобильная компания, в 1984 г. переименованная в Мазду [Перекрёсток 2004: 484].

Их преимущественное хождение в англоязычной прессе Японии подтверждается подсчётами их частотности.

Таблица 19. Частотность японских эргонимов второго класса

Страны Эргонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Chief Cabinet Secretary	0	0	11	0	0	2,8
Chubu Electric Power Corporation	0	0	13	1	0	3,3
Chugoku	0	0	11	0	0	2,8
Hokuriku	0	0	17	0	0	4,3
Iwataya Mitsukoshi	0	0	16	0	0	4
Kajima Construction	0	0	12	1	0	3,3
Kansai Electric Power Corporation	0	0	15	0	0	3,8
Marubeni	3	0	11	0	0	2,8
Mizuho Financial Group	0	0	18	0	0	4,5
Naha Regional Coast Guard Headquarters	0	0	12	0	0	3
National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity	0	0	15	0	0	3,8
National Public Safety Commission	0	0	11	0	0	2,8
Nuclear and Industrial Safety Agency	0	0	12	0	0	3
Ricoh	0	0	11	0	0	2,8
Riso Kagaku Corporation	0	0	11	0	0	2,8
Robot Revolution Realization Committee	0	0	9	0	0	2,3
Ryobi	0	0	5	0	0	1,3
Sojitz	0	0	4	0	0	1
Sumitomo Mitsui Financial Group	0	0	15	0	0	3,8
Tokunoshima	0	0	9	0	0	2,3
Toyo Kogyo	0	0	7	0	0	1,8
Toyo Seikan Kaisha	0	0	14	0	0	3,5
Ueno Zoo	0	0	9	0	0	2,3
Yamabiko Corporation	0	0	15	0	0	3,8
Yamazaki Mazak Corporation	0	0	15	0	0	3,8
Yoshinoya	0	0	13	0	0	3,3

Неассимилированные прецизионные ориентализмы данной группы включают: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Chugoku, Hokuriku, Toyo Seikan Kaisha), *ориентализмы-кальки* (National Public Safety Commission – яп. Kokka Kōan Iinkai, Nuclear and Industrial Safety Agency – яп. Genshiryoku Anzen Hoanin) и *ориентализмы-полукальки* (Sumitomo Mitsui Financial Group – яп. Kabushiki-gaisha Mitsui Sumitomo Finansharu Gurūpu, Yamabiko Corporation – яп. Kabushiki-gaisha Yamabiko).

E.g.: ‘**Chief Cabinet Secretary** Hirofumi Hirano hinted Wednesday that he might visit Tokunoshima in Kagoshima Prefecture – an island studied by the government as a new host for a helicopter unit from the U.S. Marine Corps’ Futenma Air Station [...]’ [The Daily Yomiuri, April 22, 2010]; ‘**Ueno Zoo** Director Toshimitsu Doi had stressed that panda cubs need to be carefully watched for at least a week since it takes that long to determine whether a baby panda will be able to thrive’ [The Daily Yomiuri, July 13, 2012]; ‘According to Atsushi Shibata, chief of the №. 1 overseas power generation project team of **Marubeni**, “Japan’s global technological advantage in geothermal power generation will remain strong for a long time”’ [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; ‘**The Robot Revolution Realization Committee**, an advisory panel appointed by Abe, will review existing radio and civil aeronautics laws and set up industry-run best practices for drones’ [The Japan Times, March 1, 2015]; etc.

Группа японских прецизионных единиц второго класса, называющих явления культуры, включает 225 лексем. К ним относятся такие единицы, как: Akinabara, Autumnal Equinox Day, Cherry Blossom Festival, Festival of Ages, Gegege No Niobo, Greenery Day, Hagoita, Harajuku, Higashiyama Period, Hikone-jo, Hodo Tokusho, Itsukushima Shrine, Kanda Festival, Keishicho Shissonin Sosaka, Midori-no-hi, Mino Isshin, Mozu-Furuchi Kofungun, National Founding Day, Shinjuku Gyoen, Shiretoko, Sunaoni Narenakute, Takarazuka, Vernal Equinox Day, etc.

Абсолютное большинство из них не регистрируется лексикографическими источниками. Значение некоторых отражается только контактологическим словарём.

Festival of Ages – Jidai Matsuri, праздник поколений, отмечаемый в Японии в октябре [Перекрёсток 2004: 206].

Hagoita – Хагойта; праздник, отмечаемый в Японии 17-19 декабря [Перекрёсток 2004: 151].

Midori-no-hi [яп.] – Мидоринохи: День зелени, отмечаемый в Японии 29 апреля [Перекрёсток 2004: 300].

Подсчёты частотности японских прецизионных единиц второго класса, служащих наименованиями культурных явлений, позволяют сделать вывод о том, что, несмотря на их преимущественное хождение в японской периодической печати на английском языке, некоторые из них встречаются и в англоязычных периодических изданиях других восточноазиатских стран, что свидетельствует о близости культур народов этой части планеты.

Таблица 20. Частотность японских прецизионных единиц второго класса, служащих наименованиями культурных явлений

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Akinabara	0	0	7	0	0	1,8
Autumnal Equinox Day	0	0	11	0	0	2,8
Cherry Blossom Festival	1	3	17	3	0	5,8
Festival of Ages	0	1	13	1	0	3,8
Gegege No Niobo	0	0	3	0	0	0,8
Greenery Day	0	0	7	0	0	1,8
Hagoita	0	0	9	0	0	2,3
Harajuku	0	0	5	0	0	1,3
Higashiyama Period	0	0	5	0	0	1,3
Hikone-jo	0	0	3	0	0	0,8
Hodo Tokusho	0	0	5	0	0	1,3

Itsukushima Shrine	0	0	13	0	0	3,3
Kanda Festival	0	1	9	1	0	2,8
Keishicho Shissonin Sosaka	0	0	11	0	0	2,8
Midori-no-hi	0	0	14	0	0	3,5
Mino Isshin	0	0	1	0	0	0,3
Mozu-Furuchi Kofungun	0	0	11	0	0	2,8
National Founding Day	0	1	14	1	1	4,3
Shinjuku Gyoen	0	0	9	0	0	2,3
Shiretoko	0	0	5	0	0	1,3
Sunaoni Narenakute	0	0	7	0	0	1,8
Takarazuka	0	0	3	0	0	0,8
Vernal Equinox Day	0	0	9	0	0	2,3

Неассимилированные прецизионные ориентализмы данной группы включают: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Akinabara, Harajuku, Shinjuku Gyoen), *ориентализмы-кальки* (Autumnal Equinox Day – яп. Shubun no Hi, Vernal Equinox Day – яп. Shunbun no Hi) и *ориентализмы-полукальки* (Higashiyama Period – яп. Higashiyama Bunka, Itsukushima Shrine – яп. Itsukushima-jinja).

E.g.: ‘**Cherry Blossom Festival** is one of the main attractions for tourists’ [The Japan Times, April 4, 2010]; ‘Yukichi Fukuzawa, a thinker of Meiji era (1868-1912) and founder of Keio Gijuku (the present Keio University), authored the book “**Minjo Isshin**” (A Complete Change in the Conditions of the People) in August 1879’, ‘The good news for NHK is that **Gegege No Niobo** is catching on after debuting with the lowest morning serial ratings ever [...]’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘[...] Masuda has worked recently to spread **Harajuku** culture to people all over the world’ [Tokyo Journal International Magazine, September 13, 2014]; etc.

Группа личных имён второго класса включает 520 языковых единиц. Среди них обнаруживаются как имена известных, так и рядовых японцев. К первым относятся: Ayako Fujitani, Hideki Tojo, Hideki Yukawa, Hideo Kojima, Hiroyuki Sanada, Ichiro Suzuki, Issei Sagawa, Kenichi Fukui, Kota Ibushi, Massaki Yuasa, Masi Oka, Naoko Yamazaki, Rinko Kikuchi, Shigeru Miyamoto,

Shinzo Abe, Shohei Ohtani, Shoko Asahara, Susumu Tonegawa, Takasi Miike, Toru Hashimoto, Yoshiro Mori, etc.

Ко вторым – Asako Kawamoto, Asuka Saito, Etsuko Rimanda, Fumihiko Asada, Ichiro Ozawa, Jotaro Baba, Katsumasa Suzuka, Katsuhiko Chano, Kinya Takino, Kyoko Murata, Masafumi Chibo, Masaharu Enoshima, Masayuki Oku, Minako Kawamura, Nahoko Nishi, Naoki Goda, Noboru Hamasaki, Risako Kuroda, Sachiko Okamura, Saeko Noda, Shoro Azuma, Takuya Hoshi, Toru Hosakawa, Toshihiko Ogata, Toshimatsu Doi, Yoshimitsu Tomita, Yoshishiko Noda, etc.

Единицы обеих групп не фиксируются лексикографическими источниками. Они отличаются только своей частотностью, что убедительно доказывают числовые показатели следующей таблицы.

Таблица 21. Частотность японских личных имён второго класса

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Asako Kawamoto	0	0	1	0	0	0,3
Asuka Saito	0	0	1	0	0	0,3
Ayako Fujitani	0	0	3	0	0	0,8
Etsuko Rimanda	0	0	2	0	0	0,5
Fumihiko Asada	0	0	1	0	0	0,3
Hideki Tojo	0	0	5	0	0	1,3
Hideki Yukawa	0	0	3	0	0	0,8
Hideo Kojima	0	0	9	0	0	2,3
Hiroyuki Sanada	0	0	5	0	0	1,3
Ichiro Ozawa	0	0	2	0	0	0,5
Ichiro Suzuki	0	0	5	0	0	1,3
Issei Sagawa	0	0	2	1	0	0,8
Jotaro Baba	0	0	1	0	0	0,3
Katsumasa Suzuka	0	0	1	0	0	0,3
Katsuhiko Chano	0	0	1	0	0	0,3
Kenichi Fukui	0	0	2	0	0	0,5
Kinya Takino	0	0	1	0	0	0,3
Kota Ibushi	0	0	7	0	0	1,8
Kyoko Murata	0	0	1	0	0	0,3

Masafumi Chibo	0	0	1	0	0	0,3
Masaharu Enoshima	0	0	2	0	0	0,5
Masayuki Oku	0	0	1	0	0	0,3
Massaki Yuasa	0	0	5	0	0	1,3
Masi Oka	0	0	3	0	0	0,8
Minako Kawamura	0	0	1	0	0	0,3
Nahoko Nishi	0	0	1	0	0	0,3
Naoko Yamazaki	0	0	4	0	0	1
Naoki Goda	0	0	1	0	0	0,3
Rinko Kikuchi	0	0	3	0	0	0,8
Risako Kuroda	0	0	2	0	0	0,5
Sachiko Okamura	0	0	1	0	0	0,3
Saeko Noda	0	0	2	0	0	0,5
Shigeru Miyamoto	0	0	7	0	0	1,8
Shinzo Abe	15	0	21	0	0	5,3
Shohei Ohtani	0	0	3	0	0	0,8
Shoko Asahara	0	0	5	0	0	1,3
Shoro Azuma	0	0	1	0	0	0,3
Susumu Tonegawa	0	0	2	0	0	0,5
Takasi Miike	0	0	2	0	0	0,5
Takuya Hoshi	0	0	1	0	0	0,3
Toru Hashimoto	0	0	9	5	0	3,5
Toru Hosakawa	0	0	2	0	0	0,5
Toshihiko Ogata	0	0	3	0	0	0,8
Toshimatsu Doi	0	0	2	0	0	0,5
Yoshiro Mori	0	0	3	0	0	0,8
Yoshimitsu Tomita	0	0	3	0	0	0,8
Yoshishiko Noda	0	0	2	0	0	0,5

Названные единицы относятся к *неассимилированным прецизионным фонографическим ориентализмам-экзотизмам*.

E.g.: ‘Japanese astronaut **Naoko Yamazaki** returned to Earth safely Tuesday on the space shuttle Discovery after a two-week mission in space’ [The Daily Yomiuri, April 22, 2010]; ‘**Masayuki Oku**, the president of Sumitomo Mitsui Banking Corp. who took over as chairman of the association on Tuesday, said the bill went against the original purpose of postal reform’ [International Herald Tribune, April 27, 2010]; ‘Osaka Mayor **Toru Hashimoto** has admitted to an extramarital affair with a club hostess prior to entering public office, confirming the revelation the day before a weekly tabloid magazine published a detailed account of their relationship Thursday’ [The Japan Times, July 20, 2012]; ‘Prime Minister **Shinzo Abe** called Sunday for swift enactment of legislation to

enable Japan to defend its security more robustly as his Liberal Democratic Party held its annual convention' [The Japan Times, March 11, 2015]; etc.

Группы неассимилированных топонимов и эргонимов также включают аббревиатуры, свидетельствующие о резистентности японского англоязычной периодической печати. Среди них находим такие сокращения как: DPJ (Democratic Party of Japan), JACL (Japanese American Citizens' League), JAL (Japan Air Lines), JCP (Japan Communist Party), Jetro (Japan External Trade Organization), Kepco (Kansai Electric Power Co.), METI (Ministry of Economy, Trade, and Industry), NISC (The National Centre of Incident Readiness and Strategy for Cybersecurity), SDF (Self-Defence Forces), Tepco (Tokyo Electric Power Co.), etc. Незначительная часть указанных единиц регистрируется контактологическим словарём или «American Heritage Dictionary», что свидетельствует об их большей узнаваемости носителями региональных вариантов английского языка внутреннего круга.

Japan International Cooperation Agency сокр. JICA Японское агентство международного сотрудничества [Перекрёсток 2004: 202].

Оставшееся большинство не находит своего отражения в словарях современного английского языка, что говорит об их непривычности для носителей региональных вариантов английского языка внутреннего круга. Показатели частотности таких аббревиатур свидетельствуют о том, что они имеют преимущественное хождение в японской англоязычной периодической печати.

Таблица 22. Частотность японских аббревиатур второго класса

Страны Аббревиатуры	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
DPJ	1	0	15	0	0	3,8
JACL	0	0	11	0	0	2,8
JAL	0	0	8	0	0	2

JCP	0	0	9	0	0	2,3
Jetro	0	0	5	0	0	1,3
Керсо	0	0	11	0	0	2,8
METI	0	0	5	0	0	1,3
NISC	0	0	5	0	0	1,3
SDF	0	0	7	0	0	1,8
Терсо	0	0	11	0	0	2,8

Указанные аббревиатуры могут быть отнесены к разряду *неассимилированных прецизионных ориентализмов-аббревиатур*, входящих в группы неассимилированных топонимов и эргонимов.

E.g.: ‘All five of Kokusai Service Agency’s past presidents have been retired officials from the Japan International Cooperation Agency (**JICA**) and its current president and another senior executive are both retired **JICA** officials [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘Because **Терсо** is struggling due to increasing fuel costs for thermal power generation to make up for the half in nuclear power because of the Fukushima disaster [...]’ [The Japan Times, July 20, 2012]; ‘An inaugural meeting was held in the Parliamentary Museum near the Diet Building in Tokyo with 49 former **DPJ** members who left the party in opposition to the plan to raise the current 5 percent tax rate to 8 percent in April 2014 and 10 percent in October’ [The Daily Yomiuri, July 12, 2012]; etc.

Как и в случае с англоязычной китайской периодикой, ярким показателем вербальной резистентности японской англоязычной прессы при оформлении информативности на лексико-фразеологическом уровне является наличие *неассимилированных специализированных ориентализмов* и *неассимилированных ориентализмов-экзотизмов*.

Корпус специализированных ориентализмов включает такие лексемы, как: *akiramenai* «желание довести начатое дело до конца», *amayakashi* «терпимость», *amakudari* «божественное происхождение», *aota gai* «найм на работу выпускников учебных заведений», *ashigaru* «человек низкого социального статуса», *ashikiri* «приём на учёбу или работу только тех, кто набрал большое количество баллов», *atarimae* «неписанное правило», *benkyo* «снижение цен», *benkyo kai* «производственное совещание», *bento* «коробка с

обедом», *bonenkai* «вечеринка», *bon kasha* «журналист», *bonsai* «особая техника разведения растений», *bunshu* «расслоение общества», *boryoku-dan* «криминалитет (рэкетиры)», *bosai rakku* «неприкосновенный запас», *chaya* «чайный домик», *chanoyu (chayoriai)* «чайная церемония», *chikan* «хулиган», *chochin kiji* «газетная статья (публикация в прессе)», *chonaikai* «организация», *daigaku* «высшая школа (университет)», *dantai* «коллективное сознание», *en (go-en)* «личные связи, отношения», *enryo* «сдержанность», *fudoki* «отчёт перед Правительством», *furusato* «дом (родина, место рождения)», *gaiatsu* «внешнее давление», *gairaido* «иностранные слова (заимствования)», *gaijin toroku* «карточка регистрации иностранца на территории Японии», *gekojujo* «политические и социальные волнения», *gojo* «сотрудничество и компромисс», *gyakuu nyu* «обратный импорт», *gyoseis hido* «администрация», *habatsu* «фракция политической партии», *hanbei* «антиамериканские настроения», *heimin* «простые люди», *homegoroshi* «порча репутации», *kendo* «фехтование бамбуковыми палками», *manga* «японская книга или журнал комиксов (карикатура)», *miso* «соевая приправа», *onsen* «минеральный источник (курорт)», *otaku* «молодые люди, фанатично любящие компьютер», *ryokan* «гостиница в традиционном японском стиле», *shogi* «японские шахматы», *suiseki* «искусство оранжировки камней», *tabi* «носок с толстой подошвой и напальчником, необходимый для ношения японских сандалий», *takenoko* «бамбуковые побеги», *zori* «японские сандалии», etc.

Значение таких единиц регистрируется только контактологическим словарём:

Benkyo – [яп.] (биз.) бэнкё; 1. Снижение цены; 2. Обещание рассмотреть ситуацию (часто подразумевающее отказ от предложения) [Перекрёсток 2004: 41].

Habatsu, habatsu – [яп. *ha* «партия» + *batsu* «клика» < кит.] (полит.) хабацу; фракция политической партии [Перекрёсток 2004: 149].

Hanbei – [яп.] ханбей; антиамериканские настроения [Перекрёсток 2004: 156].

Показатели их частотности в англоязычной печати Японии превышают показатели частотности ассимилированных ориентализмов.

Таблица 23. Частотность неассимилированных специализированных ориентализмов

Страны	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Ориентализмы						
akarime	0	0	11	0	0	2,8
akiramenai	0	0	16	0	0	4
amayakashi	0	0	17	0	0	4,3
amakudari	0	0	12	0	0	3
aota gai/aota gari	0	0	11	0	0	2,8
ashigaru	0	0	12	0	0	3
ashikiri	0	0	12	0	0	3
atarimae	0	0	18	0	0	4,5
benkyo	0	0	15	0	0	3,8
benkyo kai	0	0	13	0	0	3,3
bento	0	0	17	0	0	4,3
bonenkai	0	0	14	0	0	3,5
bon kasha	0	0	15	0	0	3,8
bonsai	3	0	11	2	0	2,8
bunshu	0	0	12	0	0	3
boryoku-dan	0	0	11	0	0	2,8
bosai pakku	0	0	18	0	0	4,5
chaya	0	0	19	0	0	4,8
Chanoyu (chayoriai)	0	0	15	0	0	3,8
chikan	0	0	17	0	0	4,3
chochin kiji	0	0	16	0	0	4
chonaikai	0	0	15	0	0	3,8
daigaku	0	0	17	0	0	4,3
dantai en (go-en)	0	0	17	0	0	4,3
enryo	0	0	16	0	0	4
fudoki	0	0	18	0	0	4,5
furusato	0	0	15	0	0	3,8
gaiatsu	0	0	17	0	0	4,3
gairaido	0	0	18	0	0	4,5
gaijin toroku	0	0	17	0	0	4,3
gekokujo	0	0	15	0	0	3,8
gojo	0	0	15	0	0	3,8

gyakuyu nyu	0	0	14	0	0	3,5
gyoseis hido	0	0	13	0	0	3,3
habatsu	2	1	19	1	0	5,3
hanbei	0	0	17	0	0	4,3
heimin	0	0	16	0	0	4
homegoroshi	0	0	14	0	0	3,5
kaiseki	0	0	13	0	0	3,3
kendo	2	0	15	0	0	3,8
manga	7	0	17	0	0	4,3
miso	7	4	19	1	0	6
onsen	0	0	17	0	0	4,3
otaku	0	0	17	0	0	4,3
ryokan	0	0	14	0	0	3,5
shogi	0	0	17	0	0	4,3
suiseki	0	0	17	0	0	4,3
tabi	0	0	18	0	0	4,5
takenoko	0	0	16	0	0	4
zori	0	0	13	0	0	3,3

Неассимилированные специализированные ориентализмы используются в своём основном номинативном значении, как правило, без курсива, кавычек или пояснений.

E.g.: ‘When travelling on a train, she wears covers over her **tabi** to prevent them from being sullied by somebody’s shoe polish. And, as for her **zori**, Ishida has the thongs adjusted at a special shop to make them more comfortable to walk in’, ‘Another member of our group did her best to find a wonderful **ryokan** with an **onsen** in Hakonemachi, Kinagawa Prefecture, and made a reservation’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘Like many a teen sports movie, the story culminates with a big competition – an all-high-school **kendo** tournament – but the focus stays firmly on its two heroines and their odd, complicated friendship’ [The Japan Times, April 23, 2010]; ‘Being fond of a particular thing and expressing love for the genre – that’s **otaku**,’ Haruna said’, [The Daily Yomiuri, July 20, 2012]; ‘Lined with cheap sake counters, noodle joints, old-style barbershops and fortune-tellers’ booths, it feels like entering a **manga** from the 1970s’, ‘One of the special dishes of the breakfast is the executive chef’s original **miso** soup containing various ingredients from the nearby sea and mountains’ [The Japan Times, July 25, 2012]; etc.

Подтверждением их распространённости является то, что они приобретают коллокационные свойства английских слов, образуя новые лексемы и выражения, строящиеся по моделям английского словообразования и синтаксиса, как с собственно английскими лексемами, так и между собой: *tsukeobi*, *bonsai artist*, *grass bonsai*, *manga-style*, *amakudari-rampant*, etc.: ‘**Amakudari-rampant** public-interest corporations, it said, would be “eliminated in principle”’ [Tokyo Journal International Magazine, April 22, 2015]; ‘There will also be a demonstration by a **bonsai artist** from 10:00 AM [...]’ [The Japan Times, January 15, 2017]; etc.

Неассимилированные ориентализмы-экзотизмы отсутствуют в словарях английского языка. К ним относятся лексические единицы, воспроизводящие фонографическую форму единицы языка-источника, которые встречаются в единичных контекстах и сопровождаются специальным графическим оформлением либо пояснениями.

E.g.: ‘The father and son named the cloud “**Kumo no Inu**” (cloud dog)’, ‘But it’s also less an action film, despite all the on-screen swordplay, than a perfectly cast, sensitively made *seishun eiga* (youth drama)’ [The Daily Yomiury, April 22, 2010]; ‘When coordinating an outfit, she achieves “pop” and harmony by using the same color for the *haneri* – a detached collar for the nagajuban, akimono-shaped robe worn under the kimono [...]’, ‘Starting next spring, elementary schools will switch to thicker textbooks, departing from the idea of *yutori kyoiku* (relaxed education)’ [The Daily Yomiury, April 23, 2010]; ‘Regional *biye kaoshi* or “graduation exam” will be held Nov. 29 for the Kanto region and southern Japan, and Nov. 30 for northern and central Japan’ [The Daily Yomiury, July 12, 2012]; ‘Restaurants meeting these needs offer the venues of *joshi-kai* [women-only drinking parties]’ [The Daily Yomiury, July 20, 2012]; ‘There will also be shops selling Edogawa products, such as Edo *furin* (wind chimes), *turi-shinobu* (hanging gardens of davallia ferns) and summer vegetables. A highlight of the festival will be the *kingyo sukui* (goldfish scooping) game [...]’ [The Japan Times, July 27, 2012]; ‘Teenage gangs are found everywhere in the

world. In Japan, they are known as “**bōsōzoku**” (bōsō meaning “reckless” or “out of control” and zoku meaning “tribe” or “gang”)’ [Tokyo Journal International Magazine, November 3, 2014]; etc.

Основным показателем резистенции вербальных средств оформления *информативности* в англоязычной прессе Японии на *текстовом уровне*, как и в случае с китайской периодикой, является наличие переводных цитат, а также ссылок и цитат, включающих национально-маркированные элементы. При этом японская пресса на английском языке обнаруживает характерную особенность: многие переведённые с японского языка на английский цитаты содержат добавления поясняющего характера в квадратных скобках, подтверждающие вторичность такого цитирования.

E.g.: ‘But after some stonewalling, the top government spokesman finally admitted he “had been sold [**Takino**] had made phone calls’ [The Daily Yomiuri, April 22, 2010]; ‘LDP Secretary General Tadamori Oshima said Thursday morning: “[**Masuzoe**] was elected on many ballots cast for our party. He should resign as a lawmaker, return his Diet seat to the party and then join [**a new party**]’, ‘Katsuji Yamahara, chairman of the union, said: ““We don’t know what will happen. We’ll help [**Geos instructors**] over their unpaid salaries’ [The Japan Times, April 23, 2013]; ‘Yashinori Moriyama, the agency’s director general for nuclear disaster response, said, “It’s difficult to restart [**the reactors**] before receiving research results”, “I hope the facts will be revealed, and that the boys [**who bullied my son**] will be punished, apologize and work to improve themselves”’ [Tokyo Journal International Magazine, July 20, 2015]; etc.

Среди национально-маркированных элементов, придающих особое звучание переводным цитатам, наибольшее значение имеют неассимилированные ориентализмы.

E.g.: ““Ask the **deputy chief Cabinet secretary**”, **Hatoyama** said’ [International Herald Tribune, April 5, 2010]; ‘Prime Minister **Yukio Hatoyama** said Wednesday his desire to seek the relocation of the U.S. Marine Corps’ **Futenma Air Station** outside of **Okinawa Prefecture** [...]’ [The Daily Yomiuri,

April 22, 2010]; ‘Asked Tuesday night about phone calls by **Kinya Takino, a deputy chief cabinet secretary**, to three mayors on **Tokunoshima** earlier that day, **Hatoyama** said he didn’t know what **Takino** had in mind in calling the mayors’ [International Herald Tribune, April 23, 2010]; ‘A 22-year-old student who arrived at the **Sangenjaya branch** in **Satagaya Ward** said she paid ¥250,000 in annual tuition in mid-March’ [The Daily Yomiuri, April 23, 2010]; ‘**Yumiko Mochizuki**, leader of a project to study tobacco-related policies, said the apparent anomaly in the numbers was to be expected’ [The Daily Yomiuri, April 25, 2010]; “‘I am shocked to the point where I cannot find the words,” said a 47-year-old woman from **Hasuda, Saitama Prefecture**, who had just paid one year’s worth of fees for her twins’ [International Herald Tribune, April 27, 2010]; “‘They’ve got an environment where they can get by without ever speaking Japanese,” said **Yoshihiko Doi**, 30, a coordinator of the support group’ [The Daily Yomiuri, July 21, 2012]; “‘The act is extremely deplorable,” presiding Judge **Masahiro Hiraki** said in the ruling, adding that **Katsuba** had repeatedly engaged in misconduct’ [The Japan Times, March 15, 2015]; etc.

Как и в англоязычной прессе Китая актуализация системообразующего параметра *квазиинформативности* на вербальном уровне в японской печатной периодике на английском языке не обнаруживает проявлений резистенции, поскольку соотносится с наличием языковых единиц общего вокабуляра, формирующих универсальную языковую основу газетно-журнального дискурса.

Основным свидетельством резистентных процессов, происходящих в японской англоязычной периодической печати, при вербальном оформлении системообразующего параметра *интерсубъективности* на *лексико-фразеологическом уровне* является наличие прецедентных феноменов «локального» характера – прецедентных имён и прецедентных высказываний, отражающих культурно-исторические реалии Японии. Так, статья, посвящённая извержению вулкана в Исландии, содержит упоминание о катастрофическом Великом восточнояпонском землетрясении (Хигаси

Нихон дайсинсай) 2011 года – ‘Iceland’s volcanic eruption became the **Great East Japan Earthquake** for this country and had cast a shadow on some Japanese countries’ [The Daily Yomiuri, April 25, 2010]. Рассуждения одного из героев публикации о морали молодого поколения японцев включает наименование уникального природного явления Oji-goroshi (свечение неба после захода солнца), связанного с именем сказочного чудовища Oji, – ‘He remarked, that he did not recommend him to visit this **Oji-goroshi** party’ [Tokyo Journal International Magazine, October 21, 2014], а интервью с известным дирижёром – имя известной японской пианистки – ‘While many people dream of being the next **Mitsuko Uchida**, it doesn’t happen’ [The Daily Yomiuri, July 5, 2012].

К прецедентным феноменам, обнаруживающим «японскую» маркированность, также газетно-журнальные идиоматические словосочетания и переведённая на английский язык традиционная японская фразеология. К японским идиоматическим словосочетаниям относятся такие выражения, как: black mist, bullet train, capsule hotel, comfort woman, co-prosperity sphere, city of kuidaore, crystal people, devil’s tongue, functional food, Golden Week, Great Asian War, hara-kiri swap, hell camp, Nintendo generation, Red Army faction, relocation centre, special attack, three K’s, water business, water trade, Yamato spirit, etc.

Значение некоторых из них регистрируется контактологическим словарём.

Comfort woman – [кальк. пер. с яп. ianfu < ian удобство + fu женщина] «женщина для удобства», женщина, которую во время Второй мировой войны принуждали доставлять сексуальные удовольствия японским солдатам [Перекрёсток 2004: 94].

Crystal people – [пер. с яп. kurisutaru zoku по назв. романа Ясуо Танака “Somewhat crystal”: кристалл – не прозрачен и не мутен, пропускает свет в зависимости от угла наклона] «кристальные люди», новое поколение молодёжи 1950-х гг. [Перекрёсток 2004: 96].

Great Asian War – [яп.] (ист.) «Великая азиатская война», Вторая мировая война (в азиатской части) [Перекрёсток 2004: 144].

Результаты подсчётов их частотности отражены в нижеследующей таблице.

Таблица 24. Частотность японских газетно-журнальных идиоматических словосочетаний

Страны Выражения	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
black mist	0	0	4	0	0	1
bullet train	0	0	3	0	0	0,8
capsule hotel	0	0	3	0	0	0,8
comfort woman	0	0	15	9	5	7,3
co-prosperity sphere	0	0	3	0	0	0,8
city of kuidaore	0	0	5	0	0	1,3
crystal people	0	0	2	0	0	0,5
devil's tongue	0	0	2	0	0	0,5
functional food	0	0	3	0	0	0,8
Golden Week	0	0	5	0	0	1,3
Great Asian War	0	0	9	0	0	2,3
hara-kiri swap	0	0	5	0	0	1,3
hell camp	0	0	4	0	0	1
Nintendo generation	0	0	2	0	0	0,5
Red Army faction	0	0	3	0	0	0,8
relocation centre	0	0	2	0	0	0,5
special attack	0	0	4	0	0	1
three K's	0	0	1	0	0	0,3
water business	0	0	5	0	0	1,3
water trade	0	0	3	0	0	0,8
Yamato spirit	0	0	11	0	0	2,8

Как видно, указанные единицы имеют преимущественное хождение в англоязычной периодической печати Японии. Исключением, в этом смысле, является выражение *comfort woman*, встречающееся в англоязычной прессе Южной и Северной Кореи в силу общей исторической общности восточноазиатских народов и крайней болезненности данной проблемы.

E.g.: ‘If air travel disruptions continue through the **Golden Week** holiday season, their businesses are certain to be battered’ [The Daily Yomiury, April 22, 2010]; ‘A group of women in South Korea and the United States are preparing to sue the Japanese government, claiming their human rights were breached when they were forced to become **comfort women**, those who were forced to provide sex for Imperial Japanese troops before and during the war’ [The Japan Times, March 9, 2015]; ‘Shinkansen, colloquially known in English as **bullet train**, was initially built to connect distant Japanese regions with Tokyo’ [Tokyo Journal International Magazine, May 13, 2015]; etc.

Традиционные японские фразеологизмы, встречающиеся на страницах англоязычных газет и журналов этой страны, являются результатом калькирования оригинальных выражений на английский язык: fat age (лучшие годы), red books (бульварная литература), red press (жёлтая пресса), to be among five fingers (необычный, незаурядный, исключительный), to be like a dog and a monkey (не ладить между собой), to catch bream by shrimp (пожертвовать малым ради большого), to squeeze under red gates (поступить в Токийский университет), to take bull’s ears (задавать тон, руководить), to take fat (проучить), to press fat (задать жару), to wear red kimono (попасть в тюрьму), etc. Калькированию при переводе подвергаются и японские паремии: devil laughs when someone speaks about future, even Kobo makes mistakes, willow doesn’t break under snow, wounded leg fears thin wheat ear, etc.

Этимология подобных единиц отражает традиционные представления и уклад жизни японцев. Так, фразеологизм Akamon o kuguru (to squeeze under red gates) обязан своим происхождением одному из символов Токийского университета, Красным воротам (Akamon), которые были построены в 1827 г. и внесены японским правительством в список важнейших культурных объектов страны. Выражения red books и red press являются отражением традиционного восприятия японцами красного цвета, с одной стороны, как цвета «мощи, силы и несокрушимости явлений, родившихся на Востоке» [Завьялова 2011: 50], а, с другой, как цвета опасности, гнева и ярости.

Фразеологизм *to wear red kimono* связан с японской традицией, упоминаемой в художественной литературе, выдавать заключённым униформу красного цвета [Дзюньити 2009: 42]. Пословица *even Kobo makes mistakes* связана с именем известного буддийского монаха периода Хэйан, прославившегося образованностью и красноречием. Образное выражение *to be like a dog and a monkey* связано с представлением японцев о том, что собака не ладит с обезьяной, а фразеологизм *to catch bream by shrimp* – с традицией ловли дорогого леща на дешёвую креветку [Турапова 2015: 84-86].

Отличительными чертами таких фразеологизмов являются: отсутствие в лексикографических источниках современного английского языка и нулевая частотность как в англо-американской периодической печати, так и в англоязычной прессе других восточноазиатских стран. В англоязычной периодике Японии они встречаются в единичных случаях и, как правило, сопровождаются пояснительным контекстом.

E.g. ‘He says: “Kitano is not only talented, he is a wonderful director on an international scale who as famous native expression says is “among five fingers”” [International Herald Tribune, April 13, 2010]; ‘Matsuda in his best or as in Japan say fat age won the 50-meter pistol and the 10-meter air pistol and has no background links to Tohoku but experienced the catastrophe himself’ [The Daily Yomiuri, July 25, 2012]; ‘His father was imprisoned for tax covering in 2010 and now 7 years later he has the chance **to wear red kimono** again’ [The Japan Times, January 13, 2017]; ‘You know, I think such saying as ‘Even Kobo makes mistakes’ suits this situation perfectly well’ [The Japan Times, December 7, 2017]; etc.

Вербальные средства актуализации *субъективности*, которые являются свидетельством резистенции англоязычной прессы Японии, совмещают черты локальной привязки и идиостилия авторов текстов. На *лексико-фразеологическом уровне* к ним относится использование прецедентных трансформов с «японской» маркированностью. Например, в рассуждениях героя газетной публикации о личных качествах современных руководителей

‘I assume that **treason, falsehood and cowardice are the main peculiarities of modern managers**’ [Tokyo Journal International Magazine, September 5, 2015] находим трансформированную английскую кальку одного из положений японского Кодекса самурая бусидо – Devotion, honesty and bravery are the three main peculiarities of samurai. Критическая заметка о несоответствующем уходе за детьми [The Japan Times, July 11, 2013] содержит трансформ известного газетно-журнального идиоматического словосочетания bullet train – ‘[...] and she pushed it as it was a **bullet carriage**’. В основе названия статьи об ухудшающихся показателях деятельности туристических компаний ‘**Sinking boat without sail**’ [The Daily Yomiury, November 3, 2017] лежит трансформированная английская калька китайской поговорки A man without money is a boat without a sail.

5.3. Резистенция вербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодике Кореи

При рассмотрении резистентных проявлений в англоязычной периодической печати Южной и Северной Кореи предлагается исходить из того, что население этих двух стран является носителем одного языка и обладает общим этноисторическим менталитетом. В связи с этим вопросы, связанные с вербальным оформлением прессы на английском языке двух государств, рассматриваются в одном разделе.

Как и в случае с другими восточноазиатскими странами резистентность англоязычной печатной периодики Южной и Северной Кореи при оформлении системообразующего параметра *информативности* на *лексико-фразеологическом уровне* проявляется в локализации прецизионной лексики. Среди всех отобранных национально-маркированных прецизионных единиц второго класса, свидетельствующих о резистентных процессах (6047), число прецизионных лексем с «корейской» маркированностью равно 2765. Из них

1590 единиц отображены из англоязычной периодической печати Южной Кореи, а 1175 – Северной Кореи. Их семантика не отличается от семантики прецизионной лексики КНР и Японии. Среди них выделяются: топонимические обозначения, эргонимы, наименования культурных явлений и личные имена.

Группа топонимов второго класса включает 786 языковых единиц (477 – РК и 309 – КНДР). К ним относятся такие лексемы, как: Chedu-Do, Cheju, Cheongjin, Cheongju, Cheongwon County, Chindo, Chinju, Cholsan County, Choson, Chuksan, Dangjin City, Ganweondo Province, Gijisi-ri village, Gochang, Gongju City, Guksubong Mount, Gyeonggi Province, Gyeonpo Beach, Haeju, Hungnam, Itaewon, Jango Port, Jiksan City, Jinampo Port, Ka-do, Kanggye, Kanghwa City, Kangwon Province, Myeong-dong, North Phyongan Province, Pheasant Mountain, Pyeongtaek, Sejong, Sinpyeong, Songpa District, South Jeolla Province, Tanghank Po, Yangyang, etc.

Как правило, топонимы подобного рода не регистрируются лексикографическими источниками; русские соответствия некоторым из них даются только контактологическим словарём:

Ch'ŏngjin, Cheongjin – Чхонджин – город в провинции Хамгёнбукто (Hamgyŏnbuk-to) [Перекрёсток 2004: 546].

Ganweondo, Kang 'wŏn-do – Канвондо, Канвон-до – провинция в Корее [Перекрёсток 2004: 547].

Dang-Po – Тан-п'о – Тан-пхо – гавань на южном морском побережье Кореи [Перекрёсток 2004: 550].

Убедительным доказательством малоизвестности таких топонимических обозначений среди носителей вариантов английского языка внутреннего круга является их частотность. Проведённые подсчёты свидетельствуют о том, что они имеют преимущественное хождение в корейской периодической печати на английском языке и практически не встречаются в англо-американском газетно-журнальном дискурсе и в англоязычной прессе других восточноазиатских стран.

Таблица 25. Частотность корейских топонимических обозначений второго класса

Страны Топонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Chedu-Do	0	0	0	5	4	2,3
Cheju	0	0	0	4	1	1,3
Cheongjin	0	0	0	9	0	2,3
Cheongju	0	0	0	7	1	2
Cheongwon County	0	0	0	7	0	1,8
Chindo	0	0	0	11	1	3
Chinju	0	0	0	15	0	3,8
Cholsan County	0	0	0	3	9	3
Choson	0	0	0	11	10	5,5
Chuksan	0	0	0	9	0	2,3
Dangjin City	0	0	0	7	1	2
Ganweondo Province	0	0	0	8	0	2
Gijisi-ri village	0	0	0	5	0	1,3
Gochang	0	0	0	6	0	1,5
Gongju City	0	0	0	5	0	1,3
Guksubong Mount	0	0	0	3	0	0,8
Gyeonggi Province	0	0	0	11	1	3
Haeju	0	0	0	0	9	2,3
Hungnam	0	0	0	0	7	1,8
Itaewon	0	0	0	9	1	2,5
Jango Port	0	0	0	1	1	0,5
Jiksan City	0	0	0	2	1	0,8
Jinampo Port	0	0	0	1	1	0,5
Ka-do	0	0	0	3	2	1,3
Kanggye	0	0	0	1	7	2
Kanghwa City	0	0	0	5	0	1,3
Kangwon Province	0	0	0	1	9	2,5
Myeong-dong	0	0	0	11	0	2,8
North Phyongan Province	0	0	0	9	13	5,5
Pheasant Mountain	0	0	0	5	0	1,3
Pyeongtaek	0	0	0	15	3	4,5
Sejong	0	0	0	8	0	2
Sinpyeong	0	0	0	5	0	1,3
Songpa District	0	0	0	8	0	3
South Jeolla Province	0	0	0	7	0	1,8
Tanghank Po	0	0	0	4	9	4
Yangyang	0	0	0	9	0	2,3

Названные единицы относятся к *неассимилированным прецизионным ориентализмам*, среди которых обнаруживаются: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Chedu-Do, Cheju, Cheongjin, Cheongju, etc.), *ориентализмы-кальки* (Pheasant Mountain – кор. Ch’iak-san) и *ориентализмы-полукальки* (Songpa District – кор. Songpa-gu).

E.g.: ‘Pak claimed she was lured by South Korean agents to leave her home in **Cheongjin** [...]’ [The Korea Times, July 20, 2012]; ‘Chosŏn Minjujuŭi Inmin Konghwaguk issued a report on the successful launch of earth observation satellite in **Tanghank Po**’ [Rodong Sinmun, February 8, 2016]; ‘It operates a pumped-storage hydro power plant and wind power plant in **Yangyang**’, ‘Meanwhile, the Committee on Building Gijisi Culture Village held an event of watching first sunrise on the New Year’s Day at the peak of **Guksubong Mount** in Gijisi-ri Village’ [The Korea Post, February 17, 2016]; ‘In a recent press conference, Kim Hong-jang announced six major policies for **Ganweondo Province** [...]’ [The Korea Post, February 23, 2016]; etc.

Корпус корейских эргонимов второго класса включает 657 единиц (409 – РК, 248 – КНДР). В качестве примеров лексем данной группы могут быть названы: Chung Ang University, Dohwa, Dong-A Pharmaceutical, Fair Trade Commission, Forward Unification Party, Hanjin, Horyong, Incheon Thermal Power Site, Keumyoung Group, Kumsong School, Minimum Wage Council, Myohyang IT Company, Namwha, National Aerospace Development Administration, National Defence Commission, National Institute for Life Long Education, Pyeonghwa, Sohae Space Centre, Sungho, Sungkyukwan University, Supreme People’s Assembly, Workers’ Party, Yonsei Sarang Hospital, Youngsan Army Base, etc.

Значение единиц подобного рода не регистрируется лексикографическими источниками. Их преимущественное хождение в англоязычной прессе Кореи подтверждается подсчётами их частотности.

Таблица 26. Частотность корейских эргонимов второго класса

Страны Эргонимы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Chung Ang University	0	0	0	13	0	3,3
Dohwa	0	0	0	9	0	2,3
Dong-A Pharmaceutical	0	0	0	7	0	1,8
Fair Trade Commission	0	0	0	13	0	3,3
Forward Unification Party	0	0	0	11	0	2,8
Hanjin	0	0	0	9	0	2,3
Horyong	0	0	0	9	0	2,3
Incheon Thermal Power Site	0	0	0	11	0	2,8
Keumyoung Group	0	0	0	9	0	2,3
Kumsong School	0	0	0	0	7	1,8
Minimum Wage Council	0	0	0	7	0	1,8
Myohyang IT Company	0	0	0	0	11	2,8
Namwha	0	0	0	7	0	1,8
National Aerospace Development Administration	0	0	0	3	17	5
National Defence Commission	0	0	0	0	17	4,3
National Institute for Life Long Education	0	0	0	11	0	2,8
Pyeonghwa	0	0	0	0	7	1,8
Sohae Space Centre	0	0	0	1	13	3,5
Sungho	0	0	0	9	0	2,3
Sungkyukwan University	0	0	0	13	0	3,3
Supreme People's Assembly	0	0	0	1	15	4
Workers' Party	0	0	0	3	21	6
Yonsei Sarang Hospital	0	0	0	9	0	2,3
Youngsan Army Base	0	0	1	9	3	3,3

Как и в случае с неассимилированными топонимами неассимилированные прецизионные эргонимы включают: *фонографические*

ориентализмы-экзотизмы (Hanjin, Horyong, Dongfeng, Namwha, Pyeonghwa), *ориентализмы-кальки* (Fair Trade Commission – кор. Gongjeong Georae Wiwonhoe, Supreme People’s Assembly National Defence Commission – кор. Choego Inmin Hoeui Joseon minjujuui inmin gonghwaguk gukbang wiwonhoe) и *ориентализмы-полукальки* (Chung Ang University – кор. Jung-ang Daehakgyo).

E.g.: ‘**Namwha** has steadily won contracts in this field over the last 30 years, and in 2011, revenue from construction for the USFK shot up 300 percent from a year ago to 20 billion won’ [The Korea Times, July 20, 2012]; ‘**The Minimum Wage Council** decided to raise the minimum wage to 4,860 won by 280 won at a meeting that lasted from Friday to Saturday’ [The Korea Times, August 2, 2012]; ‘Security officials at the **Supreme People’s Assembly** hoist the national flag in front of the main building, Sunday, ahead of the opening of the session scheduled for today’ [Rodong Sinmun, February 7, 2016]; ‘**The Yonsei Sarang Hospital** plans to establish for the first time among the joint-spine hospitals in Korea a Stem Cell Institute [...]’ [The Korea Post, February 11, 2016]; ‘Kim Jong Un, first secretary of the Workers’ Party of Korea, first chairman of the **National Defence Commission** of the DPRK and supreme commander of the Korean People’s Army, provided field guidance to the Pyongyang Textile Mile’ [Rodong Sinmun, February 13, 2016]; etc.

Группа корейских прецизионных единиц второго класса, называющих явления культуры, включает 312 лексем (215 – РК и 97 – КНДР). Среди них находим однокомпонентные и многокомпонентные наименования культурных феноменов, имеющие широкую известность среди корейского населения. Примерами единиц данной группы могут служить: Ch’ilsok, Chinju Sword dance, Choson period, Day of the Shining Star, Day of the Sun, Fatherland Liberation War, Gijisi Tug-of-war game, Glow over Mangyong Hill, Hanjangunnori, Hanshik, Harvest Moon Festival, Kwangmyongsong, One Day of the Marshal, Sacheon-ga, Song of Yearnings, Sono Mamano Kimidelte, Minsokumak, Yeourak Festival, Youngdung Day, etc.

Абсолютное большинство из них не регистрируется лексикографическими источниками. Значение некоторых отражается только контактологическим словарём.

Ch'ilsok – Чхильсок; День влюблённых, корейский народный праздник, отмечаемый в седьмой день лунного месяца [...] [Перекрёсток 2004: 66].

Hansik, hanshik – [кор. «холодная пища»] Хансик; День памяти, корейский народный праздник, отмечаемый в 105-й день после зимнего солнцестояния (5-6 апреля) [...] [Перекрёсток 2004: 158-159].

Youngdung Day – [кор.] Ёндын; первый день Второй Луны, корейский народный праздник почитания богини ветра Ёндын [...] [Перекрёсток 2004: 530].

Подсчёты их встречаемости в англо-американской прессе и в англоязычных изданиях восточноазиатских стран позволяют утверждать, что они используются преимущественно в периодической печати Кореи на английском языке.

Таблица 27. Частотность корейских прецизионных единиц второго класса, служащих наименованиями культурных явлений

Страны Наименования культурных явлений	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Ch'ilsok	0	0	0	7	5	3
Chinju Sword dance	0	0	0	5	1	1,5
Choson period	0	0	0	5	5	2,5
Day of the Shining Star	0	0	0	1	13	3,5
Day of the Sun	0	0	0	0	9	2,3
Fatherland Liberation War	0	0	0	0	11	2,8
Gijisi Tug-of-war game	0	0	0	3	0	0,8
Glow over Mangyong Hill	0	0	0	0	1	0,3
Hanjangunnori	0	0	0	1	0	0,3

Hanshik	0	0	0	3	0	0,8
Harvest Moon Festival	0	0	0	7	0	1,8
Kwangmyongsong	3	1	1	3	9	3,5
One day of the Marshal	0	0	0	0	1	3,5
Sacheon-ga	0	0	0	1	0	0,3
Song of Yearnings	0	0	0	0	1	0,3
Sono Mamano Kimidelte	0	0	0	3	0	0,8
Minsokumak	0	0	0	1	0	0,3
Yeourak Festival	0	0	0	7	0	1,8
Youngdung Day	0	0	0	1	1	0,5

Показатели таблицы свидетельствуют о том, что отдельные единицы, обозначающие культурные явления, встречаются как в англоязычном журналистском дискурсе РК, так и в прессе КНДР на английском языке, что является подтверждением культурно-исторической общности народов двух стран. *Неассимилированные прецизионные ориентализмы* данной группы включают: *фонографические ориентализмы-экзотизмы* (Ch'ilsok, Hanshik, Sacheon-ga), *ориентализмы-кальки* (Day of the Shining Star – кор. Gwangmyungsungjeol, Day of the Sun – кор. Taeyangjeol) и *ориентализмы-полукальки* (Youngdung Day – кор. Youngdungjeol).

E.g.: “**Sacheon-ga**” is an adaptation of Bertolt Brecht’s “The Good Person of Szechwan” [...]’ [The Korea Times, July 3, 2012]; ‘**Yeourak Festival**, a feast of Korean traditional music with a twist of jazz, literature, and even theatre, kicks off Thursday at the National Theater of Korea (NTOK) and will run through July 21’ [The Korea Times, July 13, 2012]; ‘They looked round various rooms of the museum which bears witness to the barbarous and cruel massacre of innocent people committed by the U.S. imperialist aggression in Sinchon County during the past **Fatherland Liberation War**’ [Rodong Sinmun, January 25, 2016]; ‘The complete success made in the satellite lift-off is the proud fruition of the great **Workers’ Party** of Korea’s policy [...]’ [Rodong Sinmun, February 7, 2016]; ‘The DPRK National Aerospace Administration on Sunday issued a report on the successful launch of earth observation satellite **Kwangmyongsong-4**’ [Rodong

Sinmun, February 8, 2016]; ‘He expressed expectation and conviction that the officials and employees [...] would greet the 7th Congress of the **Workers’ Party** of Korea with great successes in production, keeping pace with the vibrant breath of the times’ [Rodong Sinmun, February 15, 2016]; etc.

Группа личных имён второго класса включает – 1010 языковых единиц (РК – 489 и КНДР – 521). Среди них, как и в случае с англоязычной периодикой других восточноазиатских стран, можно выделить имена известных представителей корейского народа и рядовых участников описываемых событий. К первым относятся такие единицы, как: Cha Seung-won, Cha Tae-hyun, Choe Yong-rim, Jang Sung-taek, Jeong Seon-seob, Jung Il-woo, Jung Yong-hwa, Kang Ha-neul, Kang So-ra, Kim Tae-hee, Kim Kum-sok, Kim Mi-gyong, Lee Jong-hyun, Lee Soon-jae, Park Guen-hye, Park Jin-young, Park Min-young, Seohyun, Shing Sang-ok, So Ji-sub, Song Joong-ki, Song Keechun, Song Seung-heon, Suho, Yoo Ah-in, Yoo In-na, Yook Sung-jae, etc.

Ко вторым – Ahn Ho-sang, An Jong Su, Chung Chang-kil, Chung Mong-joon, Choe Ryong Hae, Eun Kyung-pyo, Jang Kwan-woo, Jang Nam-sik, Jo Yong Won, Kim Moon-soo, Kim Yo Jong, Kim Young-hwan, Kwon No-gap, Lee Jae-oh, Lee Kyung-sik, Moon Jae-do, Moon Jae-in, Noh Dae-lae, Pak Myong Sun, Yoo Sung-yup, etc. Единицы обеих групп не фиксируются лексикографическими источниками. Они различаются своей частотностью, что убедительно доказывают числовые показатели следующей таблицы.

Таблица 28. Частотность корейских личных имён второго класса

Страны Личные имена	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
Ahn Ho-sang	0	0	0	1	0	0,3
Cha Seung-won	0	0	0	4	0	1
Cha Tae-hyun	0	0	0	3	0	0,8
Choe Ryong Hae	0	0	0	1	0	0,3

Choe Yong-rim	0	0	0	0	5	1,3
Chung Chang-kil	0	0	0	1	0	0,3
Chung Mong-joon	0	0	0	1	0	0,3
Eun Kyung-pyo	0	0	0	1	0	0,3
Jang Kwan-woo	0	0	0	1	0	0,3
Jang Nam-sik	0	0	0	1	0	0,3
Jang Sung-taek	0	0	0	0	7	1,8
Jeong Seon-seob	0	0	0	3	0	0,8
Jo Yong Won	0	0	0	0	1	0,3
Jung Il-woo	0	0	0	4	0	1
Jung Yong-hwa	0	0	0	3	0	0,8
Kang Ha-neul	0	0	0	5	0	1,3
Kang So-ra	0	0	0	7	0	1,8
Kim Moon-soo	0	0	0	1	0	0,3
Kim Tae-hee	0	0	0	9	0	2,3
Kim Kum-sok	0	0	0	1	3	2
Kim Mi-gyong	0	0	0	1	5	1,5
Kim Yo Jong	0	0	0	1	0	0,3
Kim Young-hwan	0	0	0	1	0	0,3
Kwon No-gap	0	0	0	1	0	0,3
Lee Jae-oh	0	0	0	1	0	0,3
Lee Jong-hyun	0	0	0	9	0	2,3
Lee Kyung-sik	0	0	0	1	0	0,3
Lee Soon-jae	0	0	0	7	0	1,8
Moon Jae-do	0	0	0	1	0	0,3
Moon Jae-in	0	0	0	1	0	0,3
Noh Dae-lae	0	0	0	1	0	0,3
Park Guen-hye	0	0	0	9	0	2,3
Park Jin-young	0	0	0	4	0	1
Park Min-young	0	0	0	7	0	1,8
Pak Myong Sun	0	0	0	0	1	0,3
Seohyun	0	0	0	3	0	0,8
Shing Sang-ok	0	0	0	5	0	1,3
So Ji-sub	0	0	0	3	0	0,8
Song Joong-ki	0	0	0	4	0	1
Song Kee-chun	0	0	0	1	0	0,3
Song Seung-heon	0	0	0	3	0	0,8
Suho	0	0	0	2	0	0,5
Yoo Ah-in	0	0	0	3	0	0,8
Yoo In-na	0	0	0	2	0	0,5
Yook Sung-jae	0	0	0	5	0	1,3

Интересной особенностью англоязычной северокорейской прессы является её «обезличенность». Как правило, авторы публикуемых материалов называют имена только ведущих политических деятелей страны и их соратников, практически, не упоминая рядовых граждан. Южнокорейская

периодика на английском языке выглядит в этом смысле более демократичной. Обращает на себя внимание и тот факт, что количество имён известных людей в печатной периодике Южной Кореи явно превышает количество имён северокорейских знаменитостей, хотя, справедливости ради, следует отметить, что некоторые южнокорейские деятели политики, культуры, науки и спорта родились на территории КНДР: режиссёр Shing Sang-ok, актёр Lee Soon-jae, спортсмен Song Kee-chung и т.п. Все названные единицы входят в ряд *неассимилированных прецизионных фонографических ориентализмов-экзотизмов*.

E.g.: “There is a possibility that chaebol will be having bigger assets than the government by the end of the year”, said **Jeong Seon-seob**, president of Chaebol.com’ [The Korea Times, July 2, 2012]; ‘**Jang Nam-sik**, former president of LIG Insurance, has been appointed as chairman of the General Insurance Association of Korea (GIAC)’ [The Korea Herald, August 19, 2014]; ‘South Korean actor **Song Seung-heon** is in a relationship with Chinese Actress Liu Yifei, his talent agency said Wednesday’ [The Korea Post, August 5, 2015]; ‘He was accompanied by **An Jong Su, Jo Yong Won and Pak Myong Sun**’ [Rodong Sinmun, January 28, 2016]; etc.

Неассимилированная прецизионная лексика также включает аббревиатуры, свидетельствующие о резистентности корейской англоязычной прессы. К ним относятся такие не встречающиеся в англо-американской прессе и англоязычной периодике других восточноазиатских стран сокращения, как: GSOMIA (General Security of Military Information Agreement), IONIQ (Ion+Unique), JPA (Jetu Special Self-Governing Provincial Police Agency), KAI (Korea Aerospace Industries), KCCI (Korea Chamber of Commerce and Industry), KCIF (Korea Centre for International Finance), KLUG (Korea Labor Union Confederation), KUHP (Korea Utility Helicopter program), NFS (National Forensic Service), NKHR (Citizens’ Alliance for North Korean Human Rights), NKnet (Network for North Korean Democracy and Human Rights), SA (Strategy Analytics), WPK (Workers’ Party of Korea), etc.

Показатели их частотности свидетельствуют о том, что они имеют преимущественное хождение в корейской англоязычной периодической печати.

Таблица 29. Частотность корейских аббревиатур второго класса

Страны Аббревиатуры	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
GSOMIA	0	0	0	9	0	2,3
IONIQ	0	0	0	11	0	2,8
JPA	0	0	0	8	0	2
KAI	0	0	0	9	0	2,3
KCCI	0	0	0	7	0	1,8
KCIF	0	0	0	5	0	1,3
KLUG	0	0	0	11	0	2,8
KUHP	0	0	0	13	0	3,3
NFS	0	0	0	9	0	2,3
NKHR	0	0	0	9	0	2,3
NKnet	0	0	0	7	0	1,8
SA	0	0	0	13	0	3,3
WPK	0	0	0	0	15	3,8

Единицы подобного рода относятся к разряду *неассимилированных прецизионных ориентализмов-аббревиатур*.

E.g.: ‘For further analysis, the **JPA** has sent footage from three CCTVs it obtained near the crime scene to the National Forensic Service (**NFS**)’ [The Korea Herald, August 19, 2014]; ‘Having been developed under the concept of “Start of Future Mobility That Creates a Better Life”, the leading automaker gave it the brand name of ‘**IONIQ**’, a combination of ‘Ion’ that generates new energy by combining and separating electric power with ‘Unique’ originality of Hyundai Motor’ [The Korea Post, February 15, 2016]; ‘Respected Supreme Leader Kim Jong Un gave field guidance to the Amnokgang Tire Factory which successfully carried out the task for producing tires prioritized by the Workers’ party of Korea (**WPK**)’ [Rodong Sinmun, December 4, 2017]; etc.

На лексико-фразеологическом уровне вербализации информативности англоязычная периодическая печать Кореи, как и пресса других восточноазиатских стран, содержит значительное количество неассимилированных ориентализмов, включающих специализированные ориентализмы и ориентализмы-экзотизмы. К первой группе относятся такие лексемы как: anshim «умиротворение», anuen-saram «личное знакомство», agirang «народная песня», banseong mun «объяснительная», chong «чувства (связи)», chongbu «правительство», chae-myun «спасение репутации», chakurjashok «национальная независимость», chamulsong «терпение», changpi «стыд», chapchae «говядина с овощами», charye «почитание предков», chaui «свобода личности», choe «грех», chohoe «планёрка», chuansang «еда с алкоголем», dong «административно-территориальная единица в Корее», galbi «шашлык из рёбер», gibunina piuda «плохое настроение», juche «чучхэ, собственный путь развития КНДР», gu «район», hagwon «частная школа иностранных языков», hanok «традиционный корейский дом», him «власть», Kimilsungism-Kimjongilism «Кимерсенизм-Кимчениризм», kimsungist «кимерсеновец», kimjongist «кимчерировец», won «денежная единица Кореи», etc.

Значение некоторых идиоматических словосочетаний регистрируется только контактологическим словарём.

Chakurjashok – [кор.] чагыпчаджок, национальная независимость, самодостаточность [Перекрёсток 2004: 54].

Chongbu – [кор.] чонбу; правительство Кореи [Перекрёсток 2004: 83].

Juche – [кор. «самодостаточность»] чучхэ; 1. (псих.) вера в себя [...] 2. (полит.) северокорейская идеология chuch'e [Перекрёсток 2004: 213].

В то же время показатели их частотности в корейской периодической печати на английском языке значительно превышают показатели частотности ассимилированных ориентализмов.

Таблица 30. Частотность неассимилированных специализированных ориентализмов

Страны Ориентализмы	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
anshim	0	0	0	11	5	4
anuen-saram	0	0	0	9	1	2,5
arirang	0	0	0	13	11	6
banseong mun	0	0	0	11	3	3,5
chong	0	0	0	9	0	2,3
chongbu	0	0	0	7	3	2,5
chae-myun	0	0	0	5	1	1,5
chakupjachok	0	0	0	15	9	6
chamulsong	0	0	0	11	1	3
changpi	0	0	0	7	3	2,5
chapchae	0	0	0	15	3	4,5
charye	0	0	0	9	1	2,5
chayu	0	0	0	17	0	4,3
choe	0	0	0	5	0	1,3
chohoe	0	0	0	9	0	2,3
chuansang	0	0	0	7	0	1,8
galbi	0	0	0	5	0	1,3
gibunina piuda	0	0	0	3	0	0,8
juche	0	0	0	3	19	5,5
dong	0	0	0	13	11	6
gu	0	0	0	15	11	6,5
hagwon	0	0	0	13	0	3,3
hanok	0	0	0	9	7	4
him	0	0	0	9	3	4
Kimilsungism-Kimjongilism	3	1	3	5	21	7,5
kimsungist	1	3	3	13	0	4,8
kimjongist	5	5	3	17	0	6,3
won	7	5	3	17	7	8

Неассимилированные специализированные ориентализмы используются без какого-либо особого оформления (курсив, кавычки, пояснительная глосса и т.п.).

Е.g.: ‘These days, children are always told that a behavior is wrong because it gives **gibuni nappeuda** to others and others will receive a wound’ [The Korea Herald, August 3, 2014]; ‘As of the end of 2015, its population increased to over

170,000 persons and the finance exceeded 700 billion **won** (aprox. US\$583 million)' [Koreana, February 20, 2016]; 'The National Aerospace Development Administration of the DPRK will in the future, too, launch more satellites of **Juche** into the space [...]' [Rodong Sinmun, February 7, 2016]; 'He set fourth the tasks and ways for intensifying the work to imbule the whole society with **Kimilsungism-Kimjongilism** and thoroughly establishing the monolithic leadership system of the Party' [Rodong Sinmun, February 17, 2016]; etc.

Неассимилированные ориентализмы-экзотизмы не регистрируются словарями, имеют специальное графическое оформление и сопровождаются пояснительными элементами.

E.g.: 'While funerals are expensive, Koreans have the custom of "**bujo**", literally translated as "giving help", where each mourner presents some money in an appropriate envelope to the family of the deceased to help cover costs' [The Korea Times, July 17, 2012]; 'Using musical instruments such as *haegeum* (two-stringed zither), *daegeum* (large bamboo flute), guitar and piano, The Lim will present a variety of music from healing music to "**gut**" (a shaman ritual)' [The Korea Post, July 19, 2014]; 'It comes to Korea's "**ppali-ppali**" culture of working quickly and is encouraging his colleagues to allow more time when working with international counterparts in order to optimize communication' [Koreana, August 15, 2014]; 'In case you didn't know already, South Koreans love food – not just eating but watching just about anything that has to do with it. The latter is called "**meokbang**", and it's the latest fad in South Korea, whith every channel wielding its own food-related program' [The Korea Herald, August 17, 2014]; 'Along with the idol posters and the ridiculously overpriced T-shirts were the Korean popular snack of *tteokbokki* (spicy hot rice cakes) and *sundae* (Korean-type sausages). And of course **bulgogi** (beef marinated Korean style) hamburgers, hotdogs and tacos [The Korea Herald, August 27, 2014]; 'The 19-th day listening pleasures feature a variety of "**gukak**", or Korean traditional music, going in a new direction' [The Korea Post, February 23, 2016]; etc.

Как и в случае с англоязычной прессой Китая и Японии основным проявлением резистенции вербальных средств оформления *информативности* в японской периодической печати на английском языке на *текстовом уровне* является наличие переводных цитат, а также использование национально-маркированных неассимилированных ориентализмов в ссылках и цитатах.

E.g.: “We staged this campaign to boost international recognition of the history of Korea and its neighbors,” said **Lee Jung-one**, 17, a student representative of **Suhmoon Girls’ High School**’ [The Korea Times, July 25, 2012]; “**Misugaru** latte is popular as a simple meal among customers because it offers high nutrition and low calories,” said an official with Caffe bene’ [Koreana, August 19, 2014]; ‘**An Jong Su**, saying: I feel great yearning for the leader who said he would visit the factory, very pleased to hear the news about the completion of its construction’ [Rodong Sinmun, February 27, 2015]; “The group is in total chaos as a prison term was not expected”, said a **CJ worker**, requesting anonymity’, “The event of launching this new vehicle will be remembered as an occasion of declaring the start for new mobility era and commitment of the company to technology innovation,” said **Kwoon Moon-sik**, Vice Chairman of Hyundai Motor Group and Head of **Hyundai-Kia R&D Division**’ [The Korea Post, January 15, 2016]; etc.

Особый интерес представляют переводные цитаты, встречающиеся в англоязычной периодике КНДР, которые характеризуются непривычным языковым оформлением вводящих их конструкций, часто передающих эмоциональное состояние цитируемого, и наличием микросегментных вставок в самих цитатах, нацеленных на выражение ироничного отношения к установкам идеологических оппонентов.

E.g.: ‘He **recalled with deep emotion** that the factory was built under the great loving care of leader’ [Rodong Sinmun, February 27, 2015]; ‘The U.S. is amassing its forces in the Asia-Pacific region. It is asserting that its arms built-up is aimed to cope with what is called “**nuclear and missile threat**” from DPRK and

“ensure peace” in the region’, ‘The group of traitors is painting the recent “agreement” as a “diplomatic success”, far from feeling qualms about the negotiations they held to sell off the nation’s dignity and interests. They went the lengths of regarding Japan’s cunning behavior as “sincere apology for its past crimes”’ [Rodong Sinmun, February 12, 2016]; ‘Noting with great satisfaction that the process is the locally manufactured production process, Korean style production process desired by the Workers’ Party of Korea, he said it is possible to produce bag cloth with home-made tetron rayon yarn produced by flexible rapier rooms [...]’, ‘How nice to see the modern bag cloth production base built with locally manufactured equipment, he said, adding with a broad smile on his face that he felt satisfied and pleased when picturing to himself students going to and from school with cheerful laughter, carrying with them locally produced fashionable bags’ [Rodong Sinmun, February 15, 2016]; ‘At the meeting the U.S. suggested that only information excluding “military secrets” would be made public when discussing the issue of disclosure of contents of the agreement, and it is a virtual refusal’, ‘The U.S. turned down the issue of increasing the number of the victims who deserved reparation, talking such nonsense as “preventive effort against GI crimes” and “boosting the bilateral cooperation”’; ‘It is also rejected the issue of sharing burden for de-population of the U.S. Imperialist aggression forces’ bases in south Korea, calling for continuing the “constructive discussion”’ [Rodong Sinmun, December 4, 2017]; etc.

Вербальные средства оформления системообразующего параметра *квазиинформативности* в англоязычной прессе Кореи, как и в периодической печати других восточноазиатских стран, не обнаруживают проявлений резистенции.

При вербальной актуализации системообразующего параметра *интерсубъективности* такие проявления наблюдаются на *лексико-фразеологическом уровне*, к которому относятся прецедентные феномены – прецедентные имена и прецедентные высказывания «локального» характера, связанные с культурно-историческими фактами из жизни Кореи. Например, в

заметке, посвящённой выпуску нового смартфона, используется наименование известного исторического события – ‘The appearance of new iPhone 4S became **Meiji Industrial Revolution** for Korean smartphones retailers’ [The Korea Times, December 5, 2017]. В статье о бурном развитии Сеула в последнее десятилетие – название одного из престижных районов этого города: ‘In recent times Itaewon, once referred as “the ghetto of Seoul”, has revamped its status from a dangerous, scary place full of foreigners to one of Seoul’s **Gangnam districts**, newest must-see hot spots’ [The Korea Herald, July 12, 2014]. В публикации о новом альбоме популярного исполнителя – название известного хита группы Lip Service: ‘Popular hip-hop artist, B-boy star and TV entertainer Jay Park [...] will be releasing his second full studio album next month titled “Evolution” with some unusual singles made in the style of “**Yum Yum Yum**”’ [The Korea Herald, August 13, 2014].

Среди прецедентных феноменов с «корейской» маркированностью также находим газетно-журнальные идиоматические словосочетания и калькированную на английский язык традиционную корейскую фразеологию. К первым относятся такие языковые единицы как: bamboo wife, Black Tigers, Blue House, bullet taxi, Dark Period, day lamp, Hermit Kingdom, etc. Особым своеобразием среди них отличаются идеологически-мотивированные идиоматические словосочетания северокорейской англоязычной периодики, типа: great comrade, great leader, militant banner, revamping conservatism, revolutionary faith, revolutionary way, revolutionary ideological offensive, socialist construction, sun of Juche, supreme leader, undying leadership exploits, unity and cohesion of the leader and people, world-startling monumental edifices, etc.

Значение некоторых из них регистрируется контактологическим словарём.

Blue House – [пер. с кор.] «Синий дом», место жительства и работы президента Республики Корея (г. Сеул) [Перекрёсток 2004: 43].

Dark Period – [кор. Amhuk Ki] Амхык-ки; время японской оккупации Кореи [Перекрёсток 2004: 28].

Показатели частотности перечисленных лексем указывают на их преимущественное распространение в периодике Кореи на английском языке.

Таблица 31. Частотность корейских газетно-журнальных идиоматических словосочетаний

Страны Выражения	Частотность					
	Англо-американская периодика	КНР	Япония	РК	КНДР	Средний показатель по странам Восточной Азии
	I	II	III	IV	V	VI
bamboo wife	0	0	0	7	3	2,5
bullet taxi	0	0	0	9	0	2,3
Dark Period	0	0	0	5	7	3
day lamp	0	0	0	3	0	0,8
Black Tigers	0	0	0	3	3	1,5
Blue House	0	0	0	11	0	2,8
great comrade	0	0	0	3	25	7
great leader	0	0	0	5	31	9
Hermit Kingdom	1	0	0	7	5	3
militant banner	0	0	0	0	15	3,8
revolutionary faith	0	0	0	0	13	3,3
revamping conservatism	0	0	0	0	9	2,3
revolutionary ideological offensive	0	0	0	0	11	2,8
revolutionary way	0	0	0	0	9	2,3
socialist construction	0	0	0	0	13	3,3
sun of Juche	0	0	0	0	29	7,3
supreme leader	0	0	0	0	37	9,3
undying leadership exploits	0	0	0	0	17	4,3
unity and cohesion of the leader and people	0	0	0	0	15	3,8
world-startling monumental edifices	0	0	0	0	13	3,3

E.g.: ‘Since then, the authorities began to discourage the display of family photos: the proper distance between the photos of humble commoners and the likeness of the “**Great Leader**” had to be kept’ [The Korea Times, July 2, 2012]; ‘Making a miraculous recovery from the **Dark Period**, South Korea has become a leading country in 70 years’ [Koreana, November 11, 2016]; ‘He underscored the need for the officials and workers of the factory to bear in mind the pride and honor of living and working at the glorious factory which was associated with warm love of President Kim Il Sung and leader Kim Jong Il and to bring about fresh miracles and innovations in production, so as to add eternal luster to the **undying leadership exploits** performed by the **great leaders** for making the industry of tire Juche-based’, ‘The **Supreme Leader** said he was greatly impressed to see the fighting spirit and working manner of the officials and workers who had established the new production system of large-size tire with domestic products, not depending upon imported equipment, in a **revolutionary way** and in a short time [...]’, ‘The tasks facing the factory included the issue of raising the production to a higher level by properly organizing economic work to meet the requirements of the present stirring times in which victorious advance is accelerated on all fronts of **socialist construction**’ [Rodong Sinmun, December 4, 2017]; etc.

Примерами калькированных на английский язык традиционных корейских фразеологических единиц, используемых в корейских газетах и журналах на английском языке, могут служить такие выражения, как: heavy mouth (неразговорчивый человек; человек, которому можно доверять), to be caught by wind (быть обманутым), to collect sky stars (планировать осуществление невозможного), to drive nails into somebody (внушать что-либо), to eat guksu (присутствовать на свадьбе), to have heavy shoulders (нести большую ответственность), to keep the ankle (мешать), to put colour glasses on (иметь предвзятое отношение), to put the bailer on somebody’s head (растеряться, попасть впросак, переплатить), to show to hands (показать специалисту), to tear falcon tag off (скрывать, обманывать), etc. В ряде случаев

наблюдается калькирование корейских пословиц: even monkey will fall from the tree, the 1000 years way starts with one single step, when whales are fighting, the shrimps are cracking, etc.

Перечисленные единицы тесно связаны с культурно-историческим прошлым корейского народа. Например, выражение guksu mogda (to eat guksu) возникло благодаря корейской традиции угощать гостей на свадьбе лапшой куксу (кукси). Пшеничная лапша в Корее была дорогой, и вошла в повседневный рацион поздно, её до сих пор едят на праздники, дни рождения и свадьбы: длина лапши считается приносящей долголетие или пророчащей долгую совместную жизнь. Фразеологическая единица teugjong-eul meoliedugi (to put the bailer on somebody's head), по мнению исследователей, обязана своим происхождением китайской игре в наперстки, появившейся в Корее в конце XIX века, в которой вместо стаканчиков использовались тыквенные ковшики, а фразеологизм mae sanyang-eseo jjij-eojida (to tear falcon tag off) появился благодаря корейской соколиной охоте. Для того, чтобы не потерять сокола хозяин прикреплял к его хвосту именную метку. Если сокол терял хозяина и попадал в чужие руки, новый владелец часто снимал метку и забирал птицу себе [Коган 2014: 9-25]. Подобные выражения не регистрируются словарями современного английского языка; их частотность, как в англо-американской периодической печати, так и в англоязычной прессе других восточноазиатских стран равна нулю. В корейских газетах и журналах на английском языке они встречаются в единичных случаях и, как правило, сопровождаются пояснительным контекстом.

E.g. 'Korean specialists say, in case if you do not know what to do with this problem **show it to hands** (consult the people who are more professional in this field)' [The Korea Herald, August 5, 2014]; 'Then he said, "We had made a great extent of effort to persuade Rep. Ahn to join the NPAD, but like Korean expression says 'were caught by wind' by the hegemonism prevailing in the party [...]' [The Korea Post, February 12, 2016]; 'The most commonly used traditional wise-saying of the Korean people using money is: "Even the monkey will fall

from the tree” [The Korea Post, February 23, 2016]; **‘The 1000 years way starts with one single step’** – this native phrase suits the situation perfectly well [Koreana, November 13, 2016]; ‘The question “When will we **eat your guksu?**” could be asked only to very close people in formal speech; its meaning is “When will you get married?” [Koreana, November 19, 2016]; ‘CEO Kim, as Koreans say, now **‘is having heavy shoulders’** and has to work hard in spite of his outstanding honors, which include the Order of Service Merit Yellow Stripes; the Order of Service Merit Red Stripes; and an Order of Chevalier from the French Government’ [Koreana, December 5, 2017]; ‘This misunderstanding could be described by famous Korean wording ‘When whales are fighting, the shrimps backs are cracking’” [The Korea Post, December 13, 2017]; etc.

К показателям резистентности вербальных средств оформления субъективности, в корейской англоязычной прессе относится использование на лексико-фразеологическом уровне прецедентных трансформов, обнаруживающих «корейскую» маркированность. Например, фрагмент статьи о проблемах современных женщин Кореи ‘This story is worth to be described in the modern variety of **“Yung’s Wondering”**’ [Koreana, April 11, 2015] содержит трансформированное название известного семейного романа Ким Манчжуна (1637-1692) «Sa’s Wondering», а заголовок критической публикации о патернализме в среде бюрократии **‘Dragon from the runlet’** [The Korea Herald, August 5, 2014] представляет собой трансформированную английскую кальку корейской пословицы Dragon appears from the runlet.

5.4. Резистенция невербальных средств актуализации системообразующих параметров газетно-журнального дискурса в англоязычной периодической печати Восточной Азии

Резистентность невербальных средств актуализации
системообразующих параметров *информативности/квазиинформативности*
в англоязычных периодических изданиях восточноазиатских стран

наблюдается на уровне их *макроструктуры*. Она проявляется, в первую очередь, в использовании графических иллюстраций, на которых визуально акцентируемый наиболее существенный в информативном плане образ (информативность), либо менее значимые изобразительные элементы второго плана (квазиинформативность) обнаруживают очевидную привязку к жизни восточноазиатских социумов. Наиболее показательными в этом смысле являются изображения руководителей государств Восточной Азии, представителей бизнес элиты и т.п., размещаемые на фоне, обнаруживающем признаки локализации.

Например, статья о XIX Всекитайском съезде КПК [Beijing Review, October 25, 2017] содержит изображение Генерального секретаря ЦК КПК Си Цзиньпина на фоне алых государственных флагов (рис. 27). Материал о деятельности южнокорейского Агентства по международному сотрудничеству [The Korea Herald, August 19, 2014] сопровождается фотографией, на которой образ главы этой правительственной структуры Ким Юнг Мока размещён на фоне южнокорейского флага (рис. 28). На графической иллюстрации к публикации о богатейших людях Японии и Южной Кореи [The Korea Herald, August 21, 2014] изображения восточноазиатских миллионеров также располагаются на фоне государственных флагов этих стран (рис. 29).

Национальная привязка наиболее важных с точки зрения фактологической информации образов и элементов их фонового сопровождения также проявляется в наличии на графических иллюстрациях узнаваемых культурно-исторических объектов, национальных костюмов и пр. Так, материал о новогодних праздниках в КНР [Beijing Review, December 25, 2015] сопровождается изображением китайских фонариков на характерном багряном фоне (рис. 30), статья о древнем городе Цзиньчжоу [China Daily, May 15, 2011] – фотографией императорского дворца (рис. 31), а заметка о фестивале национальной одежды в Фэнхуане [Global Times, October 30, 2010] – фотоиллюстрацией, на которой образы представителей

народности мяо в национальных костюмах располагаются на фоне древнего буддистского моста (рис. 32). Газетная публикация о южнокорейских телевизионных сериалах [The Korea Herald, August 5, 2014] сопровождается изображением актёра Хан Сеок Кью в национальной одежде (рис. 33), а материал о современных женщинах Японии [The Daily Yomiuri, April 23, 2010] – фотографией японки в кимоно (рис. 34).

Резистентность невербальных средств оформления параметров *интерсубъективности/субъективности* также наблюдается на уровне *макроструктуры* периодических изданий. Основным резистентным невербальным проявлением *интерсубъективности* в восточноазиатской прессе на английском языке являются наличие локализованных воспроизводимых структурных компонентов, отсутствующих в англо-американском газетно-журнальном дискурсе. Например, такие восточноазиатские издания как «China Daily», «21st Century», «The Daily Yomiuri» и «The Japan Times» содержат большое количество иероглифических сносок и тематических глоссариев, поясняющих смысл отдельных английских языковых единиц с транскрипцией и переводом. Кроме этого, газетно-журнальная публицистика на английском языке Восточной Азии в целом более свободна в построении заголовков и часто не следует жёстко установленным правилам. Так, в китайской англоязычной прессе часто отсутствуют «баннерные» заголовки, подзаголовки (leads) не имеют широкого распространения, либо сопровождают только небольшое число наиболее важных текстовых материалов общественно-политической тематики (China Daily). В некоторых изданиях подзаголовки предшествуют основным заголовкам (headlines), анонсируя основное содержание текста публикации (Global Times). Например, подзаголовок ‘Top court specifies compensation procedure’ предваряет основной заголовок статьи ‘Wrongful verdicts targeted’, а подзаголовок ‘Abe government mulling tax hikes to generate revenue’ в том же выпуске газеты предшествует основному заголовку ‘Japan national debt reaches record high’ [Global Times August 12, 2011].

Помимо этого, невербальная резистентность *интерсубъективности* проявляется в особенностях дизайна англоязычных восточноазиатских периодических изданий, к которым в первую очередь относится их непривычное цветовое оформление. Например, англоязычная пресса КНР отличается явным доминированием красного цвета, считающегося национальным цветом китайского народа, что отражается на внешнем виде изданий: газета «Global Times» традиционно задействует красно-коричневую цветовую гамму, а издание «China Informed» отдаёт предпочтение жёлто-оранжевым тонам. Явное преобладание синего цвета в оформлении южнокорейской газеты «The Korea Herald» также связано с его символическим значением в жизни корейского народа. К графическим особенностям всех восточноазиатских англоязычных газет и журналов относится наличие печатной иероглифики, инкорпорированной в различные публикуемые материалы. Как отмечают исследователи, народы Восточной Азии более чувствительны к каллиграфической культуре, нежели представители западных цивилизаций [Richie 1991: 87]. В связи с этим в случае с газетно-журнальной периодикой интересно отметить пространственное расположение иероглифического текста и его шрифтовое оформление. Исследуемые материалы показывают, что в англоязычной прессе восточноазиатских стран наличествует как вертикальная, так и горизонтальная запись иероглифов.

К основным резистентным невербальным средствам оформления системообразующего параметра *субъективности* в англоязычной прессе Восточной Азии относятся любые изображения, обнаруживающие восточноазиатскую локализацию и отклоняющиеся от параметров, заданных интерсубъективностью. Наиболее наглядно это проявляется на графических иллюстрациях, где основной национально-маркированный образ или его локализованный фон усиливаются за счёт необычного оформления. Например, на фотографии к статье о роли КПК в жизни Китая [Beijing Review, October 31, 2017] первый план привлекает дополнительное внимание

необычностью своей композиции: члены Политбюро ЦК КПК произносят присягу, выстроившись в линию (рис. 35), а на графических иллюстрациях к материалу о старении населения Южной Кореи [The Korea Times, July 2, 2012] изображения пожилых корейцев намеренно увеличены (рис. 36, 37).

Проведённое исследование вербальных и невербальных проявлений резистенции англоязычной периодической печати Восточной Азии, позволяет прийти к нескольким важным умозаключениям. Одним из наиболее значительных показателей языкового своеобразия прессы восточноазиатских стран на английском языке является наличие значительного количества неассимилированных прецизионных лексем, нацеленных на актуализацию системообразующего параметра *информативности*. Убедительным доказательством этому является тот факт, что общее количество выявленных прецизионных единиц первого класса, свидетельствующих об адаптационных процессах (282 – 4%), значительно уступает общему количеству прецизионных лексем второго класса, свидетельствующих о резистенции англоязычной прессы Восточной Азии (6047 – 96%). При этом семантический состав каждого из классов носит идентичный характер: топонимические обозначения, эргонимы, наименования культурных явлений и личные имена. В этой ситуации прецизионная лексика приобретает характер терминологии газетно-журнального текста, некоторые разряды которой, по мнению исследователей, могут рассматриваться в качестве маркеров вторичности [Будкова 2011; Конькова 2017], что в целом соотносится с высказанным ранее соображением о вторичном характере восточноазиатской периодической печати на английском языке.

Большинство неассимилированных прецизионных единиц используются создателями текстов англоязычных восточноазиатских газетно-журнальных публикаций интуитивно, так как представляют собой единственно возможный способ наименования фактологической информации, соотносимой с общественно-политическим укладом государств

этого региона. В тоже время, не вызывает сомнения, что в ряде случаев, они являются отражением определённого менталитета. Так, широкое применение калькирования и полукалькирования свидетельствует о комплиментарности мышления народов Восточной Азии, которая проявляется в желании создателей текстов публикаций снять трудности, которые могут возникнуть при понимании отдельных прецизионных лексем англоязычными читателями. В свою очередь, наличие неассимилированных прецизионных фонографических экзотизмов может рассматриваться как показатель восточноазиатского традиционализма и стремления продемонстрировать национальную идентичность.

Основным показателем резистенции восточноазиатской англоязычной периодической печати при вербальном оформлении *информативности* также является наличие значительного числа неассимилированных ориентализмов, которые отражают особенности общественно-политического и экономического мышления, истории, культуры, быта народов Восточной Азии и придают всему газетно-журнальному дискурсу особое звучание. Выявленные в ходе исследования примеры свидетельствуют о том, что абсолютное большинство из них являются существительными, хотя среди отобранных единиц встречаются и другие части речи: прилагательные – кит. feiguanfang «неофициальный», jiaoban «грубый», hulihudu «рассеянный», яп. ichiban – «очень хороший, первоклассный»; глаголы – кит. chifan «принимать пищу», chiku «расстраиваться», яп. wakarimasu – «понимать, понимаю, понимаете»; наречия: кит. chor-chor «быстро», chabudwo «почти», яп. skosh – «скош, немного, чуть-чуть» и междометия: кит. chin-chin «здравствуйте, до свидания», duibuki «извините», Jiayou! «Вперед! Давай!», яп. arigato – «аригато, спасибо», banzai (bansai) – «банзай! Бандзай! Да здравствует! Ура!».

Основными причинами использования ориентализмов подобного рода являются следующие: необходимость осуществления номинативной функции, выделение национально-культурного коннотативного оттенка

слова, актуализация дифференцирующей функции, необходимость формирования терминосистем определённых сфер деятельности, выполнение определённой прагматической функции, выполнение экспрессивно-орнаментальной функции речи и т.п. [Крысин 2000; Сердюченко 1967; Hayashi 1995]. В газетно-журнальной периодике неассимилированные ориентализмы используются, главным образом, в силу потребности передать в английском языке наименования специфических восточноазиатских реалий и в связи с желанием авторов публикаций обозначить локальную привязку английского языка к жизни того социума, в котором он функционирует. Такая привязка отражает этнонациональное мировосприятие каждого из восточноазиатских народов.

Например, китайские журналисты используют преимущественно ориентализмы деловой или бытовой тематики, формирующие широкий «азиатский контент». Данный факт является отражением высокого уровня национального самосознания жителей КНР и полностью соотносится с «центробежным» характером их англоязычной прессы. Японские журналисты пытаются облегчить восприятие своей культуры иностранцами, насыщая англоязычную периодику ориентализмами менее конкретного и более экзотичного характера, которые отражают особенности этносоциального менталитета населения этой страны, связанного с приверженностью к абстрактному мышлению, сентиментальности, эстетизму и преклонению перед природой, что в целом соотносится с уважительным отношением к иностранцам и «центростремительным» характером всей англоязычной периодической печати. «Умеренно-центростремительный» характер англоязычной газетно-журнальной публицистики Южной Кореи обуславливает использование в ней только самых необходимых национально-маркированных языковых единиц, что в целом соотносится с практицизмом и гибкостью восприятия окружающего мира корейцами. «Интенсивно-центробежная» направленность англоязычной прессы Северной Кореи способствует преобладанию в ней идеологически-

маркированных ориентализмов. Указанная закономерность позволяет связать те процессы, которые были названы центростремительными, с адаптивностью, а те процессы, которые обозначены как центробежные, с резистентностью.

Использование восточноазиатскими журналистами прецедентных феноменов локального характера при вербальном оформлении системообразующего параметра *интерсубъективности* является проявлением как этноисторического, так и этнонациональных менталитетов. Так, для всех восточноазиатских народов особую ценность имеет коллективизм и, как следствие, сохранение авторитета (собственного лица) перед членами коллектива, что находит своё отражение в наличии калькированных фразеологических единиц с компонентом «face» во всех восточноазиатских газетах и журналах на английском языке: group face, hierarchial face, to give face to smb., to have no face left, to hold up the face to the world, to lose the face, to love (desire) for face, to reject (refuse) face, etc. В тоже время печатная периодика каждого восточноазиатского государства стремится к формированию фонда собственных прецедентных феноменов, отражающих историю, культуру и быт каждого народа. В явлениях подобного порядка прослеживается традиционализм и консерватизм восточноазиатских народов, пытающихся сохранить элементы национальной идентичности в иноязычном контексте.

Резистентность вербальных средств оформления системообразующего параметра *субъективности* в англоязычных печатных СМИ Восточной Азии проявляется в наличии локализованных прецедентных трансформов. Следует признать, что явления подобного рода встречаются не часто, что объяснимо как с лингвистической точки зрения, так и с позиции специфики восточноазиатского менталитета. С одной стороны, авторам текстов англоязычной периодической печати КНР, Японии, РК и КНДР достаточно сложно задействовать лингвистические механизмы, предполагающие наличие широких фоновых знаний о жизни инокультурного социума и

владение иностранным языком на уровне, позволяющем интродуцировать локально-маркированные прецедентные трансформы в контекст англоязычной периодической печати. С другой стороны, комплиментарный характер восточноазиатского менталитета, заставляет восточноазиатских журналистов делать всё от них зависящее, для того, чтобы упростить восприятие текстов периодической печати не знакомыми с локальными реалиями читателями, абсолютное большинство которых является экспатами.

Всё перечисленное наряду с невербальной спецификой англоязычной периодической печати Восточной Азии указывает на определённую локализацию стандарта её оформления. Восточноазиатские журналисты при создании газетно-журнальных публикаций на английском языке учитывают, в первую очередь, стандарт оформления текстов газетно-журнального дискурса, принятый в Великобритании и США, который является экзонормативным для народов Восточной Азии. В тоже время они используют набор локализованных средств, выработанных ими в ходе становления и развития газетно-журнальной периодики на английском языке Китая, Японии и Кореи, который обнаруживает признаки становления эндонормативного стандарта. Таким образом, англоязычная периодика Восточной Азии в целом ориентирована на экзонорму английского языка и в тоже время содержит значительное количество локализованных элементов, которые свидетельствуют о становлении и развитии эндонормы её оформления.

ВЫВОДЫ

1. Резистенция восточноазиатской периодической печати на английском языке заключается в наличии не имеющих хождения в англо-американском газетно-журнальном дискурсе способов оформления её системообразующих параметров. Как на вербальном, так и на невербальном уровнях такие способы характеризуются ярко выраженной привязкой к истории, традициям, культуре и укладу жизни народов этой части мира.

2. Основными вербальными проявлениями резистенции англоязычной периодики Восточной Азии при оформлении системообразующего параметра информативности является использование локально-маркированных прецизионных единиц, неассимилированных ориентализмов и переводных цитат. Вербальные способы оформления квазиинформативности демонстрируют отсутствие резистенции. На невербальном уровне резистенция при оформлении параметра информативности наблюдается в локализации наиболее существенных визуально акцентируемых образов графических иллюстраций. Квазиинформативность на невербальном уровне проявляется в локализации менее значимых с фактографической точки зрения образов второго плана.

3. Резистенция вербальных средств оформления intersubjectivity в восточноазиатской периодике на английском языке наблюдается в использовании прецедентных феноменов локального характера – прецедентных имён и прецедентных высказываний. Последние включают газетно-журнальные идиоматические словосочетания и калькированные на английский язык фразеологические единицы. На невербальном уровне основными проявлениями резистенции являются локализованные структурные компоненты и национально-обусловленный дизайн периодических изданий. Резистенция вербального оформления субъективности наблюдается в использовании прецедентных трансформов, сочетающих локальную привязку и индивидуально-авторское осмысление

описываемых событий. На невербальном уровне резистенция субъективности проявляется в локализации основных и второстепенных образов графических иллюстраций, отклоняющихся от параметров, заданных интерсубъективностью.

4. Наличие резистентных процессов в англоязычной восточноазиатской периодике может быть объяснено с позиции менталитета её создателей. Основными стимулами для оформления газетно-журнального дискурса на иностранном языке способами, ориентированными на отражение национально-культурной специфики, являются восточноазиатский традиционализм и стремление продемонстрировать собственную национальную идентичность.

5. Англоязычный газетно-журнальный дискурс восточноазиатских стран ориентируется одновременно на англо-американский нормообеспечивающий (экзонормативный) стандарт и нормозависимый локализованный стандарт восточноазиатского английского языка, свидетельствующий о становлении эндонормы вербального и невербального оформления периодической печати.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Совокупность многочисленных факторов и предпосылок, начиная от особенностей исторического развития и заканчивая престижностью, обеспечили английскому языку в современном мире статус глобального, широко используемого как в странах, для населения которых он был изначально родным, так и в государствах, где доминируют собственные национальные языки, с которыми исторически он не имел ничего общего. В результате этого английский язык стал восприниматься, в первую очередь, как средство выражения национальной идентичности, что способствовало развитию его региональных вариантов, отличающихся от британского и американского английского, и, как следствие, возникновению научного направления контактной вариантологии, занимающейся их изучением.

Несмотря на относительно небольшой период развития, это направление приобрело большое количество сторонников. Их исследования позволили заложить теоретический фундамент, сформировать терминологический базис и определить наиболее перспективные направления дальнейшего развития. Так, при описании статуса и роли английского языка в современном мире определяющим является представление о его глокальности, отражающее взаимовлияние глобального английского языка и его региональных вариантов. Основопологающим при исследовании взаимоотношений между региональными вариантами английского языка является положение о плюрицентризме, устанавливающее их самостоятельность и равенство, наряду с зависимостью от региональных вариантов первичной моно- или бицентричной модели.

Перспективным направлением развития контактной вариантологии признаётся выделение внутри неё отраслей, занимающихся изучением отдельных групп региональных вариантов английского языка, а также сужение исследовательского поля для обсуждения особенностей их функционирования в инокультурной среде на ограниченном языковом

материале. Одной из таких отраслей, эманированной в ходе обзора теоретического материала из контактной вариантологии, является контактная ориентология – научное направление, занимающееся изучением региональных вариантов английского языка стран Азии. К причинам, способствующим её выделению, относятся: географическая близость азиатских государств, высокая плотность их населения, а также особый менталитет населяющих их народов, находящий отражение в языке. Проведённое исследование закладывает теоретические и методологические основы для проведения дальнейших научных изысканий в этой области. К наиболее перспективным из них относятся следующие:

- систематизация историко-культурных оснований для выделения различных групп азиатских вариантов английского языка;
- разработка методов их исследования, учитывающих общественно-политические факторы и менталитет азиатских народов;
- выявление специфики их использования в ситуациях формализованного и неформального общения: научная речь, официально-деловой дискурс, художественная литература и т.п.;
- проведение диахронических и синхронических сопоставительных исследований азиатских вариантов английского языка;
- разработка принципов создания контактологической справочной литературы (энциклопедии, словари, специализированные глоссарии), отражающих специфику их функционирования и пр.

Одними из высокоразвитых стран Азии считаются Китай, Япония и Корея. Эти восточноазиатские государства, длительное время изолированные от внешнего мира, имеют общее историческое прошлое, похожие культурные традиции и близкую письменность, сформировавшие инвариантную основу восточноазиатского этноисторического менталитета интравертного типа с преобладающими внерациональными формами постижения мира и его комплиментарной рецепцией. Первые межкультурные контакты между восточноазиатскими народами и представителями других государств

состоялись достаточно поздно, в связи с чем практика межнационального взаимодействия на иностранных языках в социумах этих стран находится в стадии своего становления, а региональные варианты английского языка демонстрируют зарождение эндонормы. Подобное положение дел позволяет использовать при описании их специфики унифицирующее понятие *восточноазиатский английский язык*. Его особенности наиболее наглядно проявляются в формальных условиях общения, которые наилучшим образом представлены в англоязычной периодической печати – неистощимом ресурсе материалов, содержащем необходимую информацию в фиксированном, возобновляемом и легкодоступном виде, оперативно откликающемся на все изменения, происходящие в языке и обществе.

Исследование газетно-журнальной публицистики поднимает ряд вопросов, связанных с определением её места в системе языка и с выработкой соответствующих методов её исследования. Традиционно её описание осуществляется с позиций функционально-стилистического или дискурсивного подходов. Их сопоставительный анализ позволил установить преимущество последнего. Исследование газетно-журнальной периодики как дискурса позволяет рассматривать её в процессуальном аспекте, устраняет необходимость жёсткой типологизации исследуемого материала и предоставляет возможность для разработки системообразующих параметров, охватывающих экстралингвистические факторы наряду с вербальными и невербальными феноменами.

Коммуникативно-волеятативная природа массовой печати обуславливает её нацеленность на предъявление фактической информации и формирование определённого мнения о ней. В связи с этим стандарт оформления англо-американского газетно-журнального дискурса определяется собой совокупность вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров информативности/квазиинформативности и интерсубъективности/субъективности. Основанием для выделения информативности/квазиинформативности является способ

презентации информации, принятый в периодической печати. Информативность связана с её свойством максимально точно воспроизводить наиболее существенную информацию и доказательства её достоверности. На вербальном уровне ей соответствуют прецизионные единицы, термины, безобразные узуально-клишированные словосочетания, лексически и стилистически маркированные лексемы, ссылки на источники информации и цитация. К невербальным средствам её оформления относится расположение наиболее существенных с точки зрения фактографического содержания образов на первом плане газетно-журнальных иллюстраций. Квазиинформативность отражает свойство печатной периодики воспроизводить информацию второстепенного характера. На вербальном уровне ей соответствует общевокабулярная лексика. К невербальным средствам её оформления относится расположение менее существенных с точки зрения фактографического содержания образов на заднем плане газетно-журнальных иллюстраций.

Основанием для выделения интесубъективности/субъективности является способ интерпретации газетно-журнальной информации. Интесубъективность отражает свойство газетно-журнального дискурса воспроизводить однотипные сущности, упрощающие его восприятие. К вербальным средствам его актуализации относятся: прецедентные феномены, особое оформление заголовков и типовые усложнённые синтаксические построения. К основным невербальным проявлениям интесубъективности относится воспроизводимость однотипной структуры и дизайна печатных изданий. Параметр субъективности связан со способностью газетно-журнального дискурса вырабатывать вербальные и невербальные феномены, отклоняющиеся от традиционных норм его оформления. Среди её проявлений на языковом уровне наблюдается использование прецедентных трансформов, обнаруживаемых в единичных контекстах образных коллокаций и экспрессивных синтаксических построений. К невербальным проявлениям субъективности относится любое непривычное изобразительное, цветное

или шрифтовое оформление периодической печати. Нормообеспечивающий стандарт оформления англо-американского газетно-журнального дискурса, таким образом, включает вербальные и невербальные способы оформления его системообразующих параметров, ориентирующиеся на эндонорму вариантов английского языка внутреннего круга.

Анализ периодической печати на английском языке стран Восточной Азии позволяет прийти к выводу о том, что условия её существования принципиально отличаются от условий функционирования печатных изданий в Великобритании и США. Во-первых, выпуск англоязычной восточноазиатской прессы осуществляется в инокультурных социумах, для большинства населения которых английский язык является иностранным и отношение к нему варьируется в зависимости от его места в жизни общества. Во-вторых, авторами публикаций становятся журналисты из Китая, Японии и Кореи, являющиеся носителями восточноазиатского менталитета. В-третьих, восточноазиатские страны имеют системы прошедших долгий путь развития национальных печатных СМИ, обладающих локальной спецификой, которая отражается и в англоязычной прессе. В связи с этим периодическая печать стран Восточной Азии на английском языке обладает собственными экстралингвистическими параметрами, определяющими её существование в определённом социальном контексте. Таковыми являются вторичность и подчинённость восточноазиатскому менталитету.

Вполне очевидно, что по времени появления, участию иноязычных авторов (вторичных языковых личностей) и читательской аудитории англоязычная восточноазиатская пресса может быть охарактеризована как вторичная. По своей способности отражать мышление народов, населяющих эту часть мира, и использовать английский язык в качестве инструмента для представления собственного содержания и выработки особых вербальных и невербальных механизмов его оформления она может характеризоваться как подчинённая восточноазиатскому менталитету. Природа англоязычной газетно-журнальной публицистики Восточной Азии определяется

особенностями этносоциального менталитета каждого из населяющих её народов, основой которого служит сложившийся в рамках национальной печати способ мышления создателей газетно-журнальных текстов, отношение к внешнему миру и иностранцам, а также восприятие английского языка. Анализ указанных параметров позволяет присвоить англоязычной прессе каждой из восточноазиатских стран следующие характеристики: интенсивно-центробежная (КНДР) – центробежная (КНР) – умеренно-центростремительная (РК) – центростремительная (Япония).

Сопоставительный анализ стандарта оформления англо-американской периодической печати со стандартом оформления ведущих газетно-журнальных изданий Китая, Японии и Кореи на английском языке наглядно свидетельствует о том, что формирование последнего обусловлено ходом двух взаимонаправленных процессов. Первый из них (адаптация) подразумевает перенос вербальных и невербальных средств оформления системообразующих параметров англо-американского газетно-журнального дискурса в англоязычную периодику восточноазиатских стран. Вторым (резистенция) связан с появлением в восточноазиатской газетно-журнальной публицистике на английском языке вербальных и невербальных феноменов, отличающихся от стандарта оформления англо-американской печати.

Применение разработанной методологии дискурсивного анализа, включающей выявление вербальных и невербальных средств актуализации системообразующих параметров, выделенных с учётом экстралингвистических факторов, позволило определить основные резистентные проявления англоязычной периодики Восточной Азии. При оформлении системообразующего параметра информативности на вербальном уровне они наблюдаются в использовании локально-маркированных прецизионных единиц, неассимилированных ориентализмов и переводных цитат. Вербальные способы оформления квазиинформативности демонстрируют отсутствие резистенции. На невербальном уровне резистенция при оформлении параметра

информативности наблюдается в локализации наиболее существенных визуально акцентируемых образов графических иллюстраций. Квазиинформативность на невербальном уровне проявляется в локализации менее значимых с фактографической точки зрения образов второго плана.

Резистенция вербальных средств оформления интерсубъективности в восточноазиатской периодике на английском языке наблюдается в использовании прецедентных феноменов локального характера. Наиболее заметными среди них являются локализованные газетно-журнальные идиоматические словосочетания и калькированные на английский язык фразеологические единицы. На невербальном уровне основными проявлениями резистенции являются локализованные структурные компоненты и национально-обусловленный дизайн периодических изданий. Резистенция вербального оформления субъективности наблюдается в использовании прецедентных трансформов, сочетающих локальную привязку и индивидуально-авторское осмысление описываемых событий. На невербальном уровне резистенция субъективности проявляется в локализации основных и второстепенных образов графических иллюстраций.

Наблюдения над англоязычной периодикой стран Восточной Азии показывают, что в силу различных исторических условий развития Китая, Японии и Кореи, в гибридных явлениях контактных видов дискурса, проявляются как специфика этноисторического менталитета народов этого региона мира, так и индивидуальные особенности национальных менталитетов, что вполне естественно в условиях развития мультикультурного мира и актуализации проблемы национальной идентичности. Основным элементом этноисторического менталитета, служащим стимулом к адаптации, являются комплиментарно-прагматический характер мышления восточноазиатских народов. Осознание того факта, что бóльшая часть читательской аудитории англоязычной прессы представлена иностранцами, заставляет издателей и журналистов оформлять её максимально узнаваемым и адекватно воспринимаемым англоязычными

читателями способами. Ведущим этносоциальным стимулом к адаптации у журналистов КНР признаётся стратагемность мышления, у японских создателей газетно-журнальных текстов – комплиментарное отношение ко всему иностранному, у журналистов из РК – гибкий характер восприятия окружающего мира, тогда как у авторов из КНДР – максимально идеологизированное восприятие мира. Ведущим этноисторическим основанием для резистенции является восточноазиатский традиционализм, проявляющийся в стремлении к национальной самоидентификации, а этносоциальным – индивидуально-авторский менталитет восточноазиатских журналистов.

Наличие резистентных проявлений указывает на формирование локализованного эндонормативного стандарта оформления англоязычной газетно-журнальной периодики Китая, Японии и Кореи. Восточноазиатские журналисты при оформлении газетно-журнального дискурса на английском языке учитывают два стандарта оформления. Первый из них представляет собой стандарт оформления текстов газетно-журнальной публицистики, принятый в Великобритании и США, который является инородным для народов Восточной Азии и ориентирован на экзонорму английского языка. Второй вырабатывается самими журналистами восточноазиатских стран. Он является родным для авторов и читателей газетно-журнальных публикаций и отражает становление эндонормы. Англоязычная периодика Восточной Азии, таким образом, двустандартна и ориентирована на нормообеспечивающий экзонормативный стандарт и нормозависимый локализованный стандарт оформления текстов периодической печати, демонстрирующий становление эндонормы восточноазиатского английского языка.

Перспективы дальнейшей работы по данной теме связаны, в первую очередь, с тем, что предложенная методология анализа англоязычной периодической печати Восточной Азии, включающая выделение её экстралингвистических параметров, а также вербальных и невербальных

способов её оформления в увязке со спецификой менталитета восточноазиатских народов, может быть распространена на иные ситуации их межкультурного взаимодействия с внешним миром посредством английского языка (научно-техническая сфера, официально-деловая интеракция и пр.). Кроме того, она может быть взята за основу при выработке методологии исследования других азиатских вариантов английского языка, использующихся в ситуациях формализованного и неформального общения. Перспективными, в этом смысле, являются страны Средней Азии. Большинство контактологических исследований, направленных на преимущественное изучение восточноазиатских, южноазиатских и юго-восточноазиатских региональных вариантов английского языка, не охватывает их. Вместе с тем, на современном этапе развития эти государства вовлечены в активное международное сотрудничество и являются частью глобализационной системы. Научное осмысление особенностей функционирования английского языка на их территориях, очевидно, следует начинать с выработки классификационного подхода, поскольку такие ключевые понятия, как Средняя Азия и Центральная Азия, рассматриваются различными отраслями знания по-своему. Интересными могут стать результаты исследования статуса английского языка в этих странах, где он характеризуется очевидной ограниченностью наряду с вариативностью, находящейся в прямой зависимости от общественно-политического уклада социумов этого региона мира.

БИБЛИОГРАФИЯ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Акопян Ю.А. Лексико-семантические особенности австралийского варианта английского языка: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Ю.А. Акопян. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 3003. – 159 с.
2. Александров Д.Н. Риторика: Учеб. пособие [Текст] / Д.Н. Александров. – М. Флинта: Наука, 2004. – 624 с.
3. Александрова О.В. Когнитивно-прагматические особенности построения дискурса в СМИ [Текст] / О.В. Александрова // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тезисы докладов Международной конференции. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 35-39.
4. Алещанова И.В. Цитация в газетном тексте: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / И.В. Алещанова. – Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2000. – 22 с.
5. Английский язык в Китае [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.ef-russia.ru/epi/country-profiles/china/> (дата обращения: 21.03.2018).
6. Английский язык в Корее [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://tttkkk.livejournal.com/97773.html> (дата обращения: 27.03.2018).
7. Андронкина Н.М., Голованова Е.Г. Понятие языковой личности и её типы в методике преподавания иностранных языков [Текст] / Н.М. Андронкина, Е.Г. Голованова // Язык и ментальность: сборник статей. Отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. – 696 с.
8. Анисимова Е.Е. Паралингвистика и текст [Текст] / Е.Е. Анисимова // Вопросы языкознания. – № 1. – 1992. – С. 71-78.
9. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка: стилистика декодирования [Текст] / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1973. – 304 с.
10. Артемова А.Ф. Значение фразеологических единиц и их прагматический потенциал: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук:

10.02.04 [Текст] / А.Ф. Артемова. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена, 1991. – 34 с.

11. Арутюнова Н.Д. Дискурс [Текст] / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136-137.

12. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

13. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии [Текст] / О.С. Ахманова. – М.: Учпедгиз, 1957. – 295 с.

14. Ахренова Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковой оформление: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Н.А. Ахренова. – М.: Московский государственный областной университет, 2009. – 36 с.

15. Багдикян Б. Монополия средств информации [Текст] / Б. Багдикян. – М.: Прогресс, 1987. – 322 с.

16. Багиров Э.Г., Борецкий Р.А., Юровский А.Ю. Основы телевизионной журналистики [Текст] / Э.Г. Багиров, Р.А. Борецкий, А.Ю. Юровский. – М.: Изд-во МГУ, 1987. – 97 с.

17. Балабай Е.В. Особенности словообразования в южноафриканском варианте английского языка (на материале произведений писателей ЮАР): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Е.В. Балабай. – М.: Московский государственный областной университет, 2007. – 25 с.

18. Балли Ш. Французская стилистика [Текст] / Ш. Балли. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.

19. Барлас Л.Г. Русский язык: стилистика: Пособие для учителей [Текст] / Л.Г. Барлас. – М.: Просвещение, 1978. – 256 с.

20. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров [Текст] / М.М. Бахтин // Собрание сочинений. – Т. 5: Работы 1940-1960 гг. – М.: Русские словари, 1996. – С. 159-206

21. Беззубов А.Н., Коньков В.И., Житенева Л.И. Современная газетная публицистика: проблема стиля [Текст] / А.Н. Беззубов, В.И. Коньков, Л.И. Житенева. – Л.: ЛГУ, 1987. – 121 с.
22. Беляева Т.М., Потапова И.А. Английский язык за пределами Англии [Текст] / Т.М. Беляева, И.А. Потапова. – Л.: Учпедгиз, 1961. – 153 с.
23. Березин В.М. Массовая коммуникация: сущность, каналы, действия [Текст] / В.М. Березин. – М.: РИП-холдинг, 2003. – 174 с.
24. Березин В.М. Сущность и реальность массовой коммуникации [Текст] / В.М. Березин. – М.: Изд-во РУДН, 2002. – 184 с.
25. Берков В.П. Двужычная лексикография [Текст] / В.П. Берков. – СПбю: Изд-во СПб. Ун-та, 1996. – 247 с.
26. Бернштейн С.И. Язык радио [Текст] / С.И. Бернштейн. – М.: Наука, 1977. – 47 с.
27. Богатова Т. «Конглиш» – корейская игра в английский // Сеульский вестник [Электронный ресурс] / Т. Богатова. – Режим доступа: <http://vestnik.kr/articles/3357.rss> (дата обращения: 11.06.2018).
28. Богаченко Н.Г. История восточноазиатских заимствований в английском языке (на материале Большого Оксфордского словаря): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.Г. Богаченко. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2003. – 270 с.
29. Богданов В.В. Текст и текстовое общение: Учеб. пособие [Текст] / В.В. Богданов. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 67 с.
30. Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию [Текст] / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Том II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
31. Борботько В.Г. Элементы теории дискурса [Текст] / В.Г. Борботько. – Грозный: ЧИГУ, 1989. – 113 с.
32. Брагина А.А. Лексика языка и культура страны: Изучение лексики в лингвострановедческом аспекте [Текст] / А.А. Брагина. – М.: Русский язык, 1981. – 176 с.

33. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса [Текст] / Ю.В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.
34. Будагов Р.А. К вопросу о языковых стилях [Текст] / Р.А. Будагов // Культура русской речи. Учеб. для вузов. Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА–ИНФРА, 1999. – С. 390-399.
35. Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили [Текст] / Р.А. Будагов. – М.: Высшая школа, 1967. – 376 с.
36. Буданцев Ю.П. Парадигма массовой коммуникации [Текст] / Ю.П. Буданцев. – М.: РУДН, 2001. – 135 с.
37. Будкова С.С. Вторичные тексты как предмет изучения терминологии предметной области «Радиационные и плазменные технологии» [Текст] / С.С. Будкова // Актуальные вопросы филологических наук: материалы Междунар. науч. конф. (г. Чита, ноябрь 2011 г.). – Чита: Изд-во Молодой ученый, 2011. – С. 66-68.
38. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка [Текст] / В.М. Бухаров. – Нижний Новгород: Издательство ННГУ, 1995. – 138 с.
39. Бушуев А.Б. Риторизация образования и гражданское общество // Интернет-конф. «Рефлексия. Смысл. Герменевтика», 28 окт. – 5 дек. 2003 г. [Электронный ресурс] / А.Б. Бушуев. – Режим доступа: <http://194.226.215.181/db/msg/45801> (дата обращения: 21.02.17).
40. Буянова Л.Ю. Язык и ментальность: специфика взаимокорреляции [Текст] / Л.Ю. Буянова // Язык и ментальность: сборник статей. Отв. ред. М.В. Пименова. – СПб.: СПбГУ, 2010. – 696 с.
41. Быховец Н.Н. Лексические особенности английского языка Канады [Текст] / Н.Н. Быховец. – Киев: Наукова думка, 1988. – 152 с.
42. Вайнрайх У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования [Текст] / У. Вайнрайх. – Киев: Вища школа, 1979. – 264 с.

43. Вакуров В.Н., Кохтев Н.Н., Солганик Г.Я. Стилистика газетных жанров [Текст] / В.Н. Вакуров, Н.Н. Кохтев, Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1978. – 183 с.
44. Ваняшкин С.Г. Речевая образность в английском газетном тексте: (структурно-семантическая и функциональная характеристика): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.Г. Ваняшкин. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1985. – 23 с.
45. Васильева А.Н. Газетно-публицистический стиль речи [Текст] / А.Н. Васильева. – М.: Русский язык, 1982. – 197 с.
46. Вельм И.М. Этнический менталитет: истоки и сущность (на примере удмуртского этноса): дисс. ... д-ра культур. наук: 24.00.01 [Текст] / И.М. Вельм. – Ижевск: Удмуртский государственный университет, 2004. – 287 с.
47. Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1977. – 312 с.
48. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики [Текст] / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания. – №1. – 1955. – С. 60-87.
49. Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
50. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика [Текст] / В.В. Виноградов. – М.: АН СССР, 1963. – 251 с.
51. Виноградов С.И. Язык газеты в аспекте культуры речи [Текст] / С.И. Виноградов // Культура русской речи и эффективность общения. – М.: Наука, 1996. – С. 281-317.
52. Виноградова Т.Ю. Специфика общения в интернете [Текст] // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63-67.
53. Винокур Т.Г. Развитие функциональных стилей современного русского языка [Текст] / Т.Г. Винокур. – М.: Наука, 1968. – 232 с.

54. Воробьев В.В. Лингвокультурология [Текст] / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 340 с.
55. Воробьева М.В. Понятие менталитета в культурологических исследованиях [Текст] / М.В. Воробьева // Известия Уральского государственного университета. – №55. – 2008. – С. 6-15.
56. Гавранек Б. К проблематике смешения языков [Текст]/ Б. Гавранек // Новое в лингвистике. – Вып. 6. – М., 1972. – С. 94-111.
57. Гальперин И.Р. К проблеме дифференциации стилей речи [Текст] / И.Р. Гальперин // Проблемы современной филологии. – М.: Наука, 1965. – С. 39-45.
58. Гладких Е.Н. Устойчивые сочетания в языке английской газетной публицистики 1900 – 1950-х гг.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Гладких Е.Н. – Л.: Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, 1975. – 23 с.
59. Голев Д.Н. Динамический аспект лексической номинации [Текст] / Д.Н. Голев. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1989. – 252 с.
60. Головачева Л.Р. Особенности функционирования английского языка в Японии [Текст] / Л.Р. Головачева // Известия Восточного института. – № 8. – 2004. – С. 121-129.
61. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах [Текст] / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М.: Высшая школа, 1987. – 104 с.
62. Головин Б.Н. Язык художественной литературы в системе языковых стилей современного русского литературного языка [Текст] / Б.Н. Головин // Вопросы стилистики: Межвуз. науч. сборник. – № 14. – Саратов, 1978. – С. 73-85
63. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Текст] / Н.А. Голубева // Язык, коммуникация и социальная среда: Сб. науч. тр. – Вып. 5. – Воронеж: ВГУ, 2007. – С. 152-168.

64. Голубева Н.А. Слово. Текст. Дискурс. Прецедентные единицы [Текст] / Н.А. Голубева. – Нижний Новгород: Изд-во НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. – 401 с.

65. Горшков А.И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика [Текст] / А.И. Горшков. – М.: АСТ: Астрель, 2006. – 367 с.

66. Грабельников А.А. Работа журналиста в прессе: учеб. пособие [Текст] / А.А. Грабельников. – М.: РИП-холдинг, 2001. – 274 с.

67. Грачёв М.В., Мещеряков А.Н. История древней Японии [Текст] / М.В. Грачёв, А.Н. Мещеряков. – М.: Наталис, 2010. – 544 с.

68. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы её актуализации [Текст] / Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. – М.: Диалог-МГУ, 2000. – 140 с.

69. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в текстах политического дискурса / Д.Б. Гудков [Текст] // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – С. 401-419.

70. Гудков Д.Б. Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. – 400 с.

71. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 288 с.

72. Гусейнова Т.С. Трансформация фразеологических единиц как способ реализации газетной экспрессии: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Т.С. Гусейнова. – Махачкала: Дагестанский государственный педагогический университет, 1997. – 188 с.

73. Д' Анджело Дж. Японский вариант английского языка? Направляя дискуссию в нужное русло [Текст] / Дж. Д' Анджело // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №2 (42). – 2014. – С. 32-43.

74. Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т.А. ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.

75. Денисов П.Н. Лексика русского языка и принципы её описания [Текст] / П.Н. Денисов. – М.: Русский язык, 1993. – 245 с.
76. Десяева Н.Д., Арефьева С.А. Стилистика современного русского языка: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / Н.Д. Десяева, С.А. Арефьева. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 272 с.
77. Дзюньити С. Исповедь якудзы [Текст] / С. Дзюньити. – СПб.: АСТ Астрель, 2009. – 416 с.
78. Дмитрировский А.Л. Эссе как жанр публицистики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.01.10 [Текст] / А.Л. Дмитрировский. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2002. – 16 с.
79. Добродомов И.Г. Заимствование [Текст] / И.Г. Добродомов // Лингвистический энциклопедический словарь: Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 158-159.
80. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь: Учеб. пособие [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
81. Добросклонская Т.Г. Язык средств массовой информации [Текст] / Т.Г. Добросклонская. – М.: КДУ, 2008. – 116 с.
82. Домашнев А.И. Вопросы исследования плюроцентрического развития современного английского языка [Текст] / А.И. Домашнев // ResLinguistica: к 60-летию д.ф.н., проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 2000. – С. 90-97.
83. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных проявлениях [Текст] / А.И. Домашнев // Труды по германскому языкознанию и социалингвистике. – СПб: Наука, 2005. – С. 31-212.
84. Дубинин С.И. Актуальное своеобразие юго-западного территориального варианта немецкого литературного языка позднего средневековья: дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.И. Дубинин. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2002. – 276 с.

85. Дурова О.И. Норвежское эссе 1960-90-х гг. [Текст] / О.И. Дурова. – Воронеж, 1996. – 199 с.

86. Дурова О.И. Эссе: вопрошание о смысле [Текст] / О.И. Дурова. – Воронеж, 2000. – 157 с.

87. Елисеефф В., Елисеефф Д. Японская цивилизация: Пер. с фр. И. Эльфонд [Текст] / В. Елисеефф, Д. Елисеефф. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 528 с.

88. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка [Текст] / Л. Ельмслев. – М.: URSS, 2006. – 248 с.

89. Жиганова А.В. Функциональная специфика переключения кода в современных дискурсивных практиках (на материале английского и немецкого языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / А.В. Жиганова. – Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2014. – 24 с.

90. Жлуктенко Ю.А. Лингвистические аспекты двуязычия [Текст] / Ю.А. Жлуктенко. – Киев: Вища школа, 1974. – 176 с.

91. Журавлев В.К. Внешние и внутренние факторы языковой эволюции [Текст] / В.К. Журавлев. – М.: Наука, 1982. – 328 с.

92. Журавлев В.К. Культурно-исторический ареал [Текст] / В.К. Журавлев // Язык и история: проблемы лингвокультурной традиции. – М.: Наука, 1989. – С. 22-24.

93. Завьялова В.Л. Английский язык как язык-посредник в Дальневосточном регионе // Филиал ДВГУ в г. Находке [Электронный ресурс] / В.Л. Завьялова. – Режим доступа: <http://nakhodka.wl.dvgu.ru/forum/section7/7-11.htm> (дата обращения: 05.02.2015).

94. Завьялова В.Л. Трансформации слогоритмической структуры английской фразы в речи носителей китайского языка [Текст] / В.Л. Завьялова // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Т. 8. – № 2. – 2010. – С. 24-34.

95. Завьялова В.Л., Колесниченко М.А. Россия в мультилингвокультурном пространстве АТР: речевое взаимодействие на языке-посреднике [Текст] / В.Л. Завьялова, М.А. Колесниченко // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 1 (45). – 2015. – С. 54-60.

96. Завьялова Н.А. Фразеологические единицы с колоративным компонентом как составляющая дискурса повседневности Японии, Великобритании и России [Текст] / Н.А. Завьялова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. – 320 с.

97. Зарецкая Е.Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации [Текст] / Е.Н. Зарецкая. – М.: Дело, 2002. – 480 с.

98. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов [Текст] / И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудков, Д.В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация. – Вып. 1. – М.: «Филология», 1997. – С. 82-103.

99. Зырянова И.П. Прецедентные феномены в заголовках российской и британской прессы (2005-2009 гг.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / И.П. Зырянова. – Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2010. – 239 с.

100. Иванкова Т.А. Английский язык в Китае. Региональные особенности [Текст] / Т.А. Иванкова. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2009. – 138 с.

101. Иванов И.В. Япония в середине 80-х годов: буржуазная пресса и общество [Текст] / И.В. Иванов. // Япония 1986. Ежегодник. – М.: Наука, 1987. – С. 205-221.

102. Иванова С.Ф. Путь к современной риторике: В 2 ч. [Текст] / С.Ф. Иванова. – М.: Знание, 1990.

103. Ильина С.С. Обращение в сингапурском варианте английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.С. Ильина. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2005. – 23 с.
104. Исаев М.И., Никольский Л.Б. Общие тенденции и факторы развития языков в странах зарубежного Востока [Текст] / М.И. Исаев, Л.Б. Никольский // Развитие языков в странах зарубежного Востока: (послевоенный период). – М.: Наука, 1983. – С. 5-15.
105. Ицкович В.А. Языковая норма [Текст] / В.А. Ицкович. – М.: Просвещение, 1968. – 94 с.
106. Кабакчи В.В. Английский язык межкультурного общения [Текст] / В.В. Кабакчи. – СПб.: Образование, 1993. – 200 с.
107. Кабакчи В.В. Внешнекультурная коммуникация (проблема номинации на материале англоязычного описания советской культуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Кабакчи В.В. – Л.: Ленинградский государственный университет им. А.И. Герцена, 1987. – 31 с.
108. Кабакчи В.В. Лингвореволюция конца XX века и изменение лингвистической парадигмы [Текст] / В.В. Кабакчи // Англистика в XXI веке. Материалы конференции. – СПб.: СПбГУ, 2002, – с. 80-86.
109. Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации: Учеб. пособие [Текст] / В.В. Кабакчи. – СПб.: РГПУ им А.И. Герцена, 1998. – 125 с.
110. Кабакчи В.В. Функциональный дуализм языка и языковая конвергенция (опыт моделирования языковой картины земной цивилизации) [Текст] / В.В. Кабакчи // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Текст и перевод в когнитивном аспекте. Сб. статей к юбилею профессора Н.А. Кобриной. Отв. ред. Н.А. Абиева, Е.А. Беличенко. – СПб: Тригон, 2005. – 188 с.
111. Казак М.Ю. Язык газеты: Учеб. пособие [Текст] / М.Ю. Казак. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 120 с.

112. Кальнова О.И. Функционирование экзотизмов в русских текстах: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 [Текст] / О.И. Кальнова. – Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1986. – 19 с.
113. Каминский Ю.П. Принципы исследования публицистики на современном этапе [Текст] / Ю.П. Каминский // Вестник Томского университета. Филология. – №1. – 2007. – С. 97-105.
114. Карасик В.И. Языковой круг: Личность, концепты, дискурс [Текст] / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
115. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
116. Каткова Н.М. Стратегичность мышления и поведения как характерная особенность китайской цивилизации [Текст] / Н.М. Каткова // Вестник СПбГУ. – Серия 13. – Вып. 2. – 2011. – С. 76-85.
117. Ким Г.Н. Газеты и журналы Северной Кореи // Корё Сарам [Электронный ресурс] / Г.Н. Ким. – Режим доступа: <http://koryo-saram.ru/gazety-i-zhurnaly-severnoj-korei> (дата обращения 11.06.2018).
118. Ким Г.Н. Республика Корея [Текст] / Г.Н. Ким. – Алматы, 2010. – 589 с.
119. Ким Юань-Фу П.Л. Опыт синхронического изучения иноязычных лексических единиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / П.Л. Ким Юань-Фу. – Алма-Ата: Казахский государственный университет им. С.М. Кирова, 1971. – 25 с.
120. Китайская народная республика // Wikipedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайская_Народная_Республика (дата обращения 11.06.2018).
121. Китайская цивилизация // Wikipedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Китайская_цивилизация (дата обращения 11.06.2018).

122. Клушина Н.И. Стилистика публицистического текста [Текст] / Н.И. Клушина. – М.: Медиамир, 2008. – 244 с.

123. Кнуров Ю.А. Английский язык в развивающихся странах Африки: английский язык в Эфиопии: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Ю.А. Кнуров. – Киев: Киевский государственный университет, 1990. – 24 с.

124. Коган Ю.П. Фразеологизмы корейского языка [Текст] / Ю.П. Коган. – Астана, 2014. – 85 с.

125. Кожина М.Н., Дускаева Л.Р., Салимовский В.А. Стилистика русского языка [Текст] / М.Н. Кожина, Л.Р. Дускаева, В.А. Салимовский. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.

126. Кожина М.Н. О понимании научного стиля и его эволюция в период научно-технического прогресса [Текст] / М.Н. Кожина // Научно-техническая революция и функционирование языков мира. – М.: Наука, 1977 – С. 187-198.

127. Кожина М.Н. Проблемы специфики и системности функциональных стилей речи: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / М.Н. Кожина. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1970. – 44 с.

128. Колесов В.В. Русская ментальность в языке и тексте [Текст] / В.В. Колесов. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. – 624 с.

129. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский [Текст] / В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, В.И. Тархов. – М.: Высшая школа, 1965. – 287 с.

130. Конькова А.И. Топонимы как маркеры вторичного текста в англоязычном научно-техническом дискурсе [Текст] / А.И. Конькова // Молодой ученый. – №2. – 2017. – С. 736-741.

131. Корея // Wikipedia [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Корея> (дата обращения 11.06.2018).

132. Корконосенко С.Г. Основы журналистики: Учеб. для вузов [Текст] / С.Г. Корконосенко. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.

133. Костикова О.Ф. Лингвостилистическая специфика русской публицистики начала XXI века: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / О.Ф. Костикова. – М.: Московский государственный областной университет, 2008. – 23 с.

134. Костомаров В.Г. «Газетный стиль» как функциональный стиль [Текст] / В.Г. Костомаров // Проблемы лингвистической стилистики. – М.: Наука, 1969. – С. 69-71.

135. Костомаров В.Г. Некоторые особенности языка печати как средства массовой коммуникации (на материале современной русской газеты): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1969. – 38 с.

136. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной газетной публицистики [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.

137. Костомаров В.Г. Тезисы возможной концепции функциональных стилей [Текст] / В.Г. Костомаров // Из опыта преподавания русского языка нерусским. – Вып. 5. – 1971. – С. 37-60.

138. Костомаров В.Г. Эстетствующее фразерство и проблема стандарта [Текст] / В.Г. Костомаров // Вестник Моск. ун-та, Серия 11. Журналистика. – № 4. – 1968. – С. 70-76.

139. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа [Текст] / В.Г. Костомаров. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.

140. Кохтев Н.Н. Культура ораторской речи [Текст] / Н.Н. Кохтев // Культура русской речи. Отв. ред. Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М., 1998. – С. 98-148.

141. Крайнюченко Е.В. Сравнительно-сопоставительная характеристика процессов трансформации английского языка на юге Африки: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20 [Текст] / Е.В. Крайнюченко. –

Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2002. – 251 с.

142. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций [Текст] / В.В. Красных. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

143. Кривенко Б.В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект [Текст] / Б.В. Кривенко. – Воронеж: Изд-во Воронеж. Ун-та, 1993. – 136 с.

144. Кристал Д. Английский язык как глобальный: Пер. с англ. Н.В. Кузнецова [Текст] / Д. Кристал. – М.: Весь мир, 2001. – 240 с.

145. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог и роман [Текст] / Ю. Кристева // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Прогресс, 2000. – С. 427-457.

146. Крицберг Р.Я. Дивергенция и конвергенция региональных вариантов современного английского языка [Текст] / Р.Я. Крицберг. – Киев: Киевский государственный лингвистический университет, 2000. – 282 с.

147. Кройчик Л.Е. Эссе: свобода повествования или свобода выбора мысли [Текст] / Л.Е. Кройчик // Российская журналистика: смена приоритетов. – Воронеж: Университет, 1995. – С. 93-113.

148. Круглов Е.В. Пресса Южной Кореи [Текст] / Е.В. Круглов. – М.: ВК, 2005. – 228 с.

149. Крыкова И.В. Англоязычные эргонимы и словесные товарные знаки Японии как опосредованное отражение национальной культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / И.В. Крыкова. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2004. – 25 с.

150. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной жизни [Текст] / Л.П. Крысин // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 142-161.

151. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке [Текст] / Л.П. Крысин. – М.: Наука, 1968. – 208 с.

152. Крысько В.Г. Социально-политическая и психологическая характеристика населения Китая [Текст] / В.Г. Крысько. – М., 1982.

153. Крысько В.Г. Этническая психология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений [Текст] / В.Г. Крысько. – М.: Академия, 2007. – 320 с.

154. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике [Текст] / Е.С. Кубрякова // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты. Сборник обзоров. Серия «Теория и история языкознания» РАН ИНИОН. – М., 2000. – С. 5–13.

155. Куек Ф.А. Языковые средства газетного дискурса: лексико-семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Ф.А. Куёк. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2005. – 155 с.

156. Кузнецов М.Н., Цыкунов И.Н. Как позволить другим сделать по-вашему (речевые и поведенческие стратегии журналиста) [Текст] / М.Н. Кузнецов, И.Н. Цыкунов. – М.: ПРИОР, 2000 – 99 с.

157. Кукоба О.А. Природа и структура этнического менталитета [Текст] / О.А. Кукоба // Философия и общество. – №4 (37). – 2004. – С. 89-106.

158. Куреня О.О. Особенности ирландского варианта английского языка в художественной литературе и фольклоре Ирландии: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / О.О. Куреня. – М.: Учреждение Российской академии наук Институт языкознания РАН, 2009. – 204 с.

159. Лаптева О.А. Живая русская речь с телеэкрана: Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте [Текст] / О.А. Лаптева. – М.: ЛКИ, 2014. – 520 с.

160. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминопонятий [Текст] / Д.С. Лотте. – М.: Наука, 1982. – 149 с.

161. Лукина Е.М. Обучение произношению языка-посредника с опорой на родной язык (на примере разработки автоматизированного тренажёра для

устранения акцента в китаизированном английском) [Текст] / Е.М. Лукина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 5(59). – Ч. 1. – 2016. – С. 107-111.

162. Лутовинова О.В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / О.В. Лутовинова. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2009. – 519 с.

163. Лысакова И.П. Тип газеты и стиль публикации: Опыт социологического исследования [Текст] / И.П. Лысакова. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989. – 181 с.

164. Маевский Е.В. Графическая стилистика японского языка [Текст] / Е.В. Маевский. – М.: ИД «Муравей-Гайд», 2000. – 176 с.

165. Макаров М.Л. Речевая коммуникация в группе: дискурсивное конструирование социальной идентичности [Текст] / М.Л. Макаров // Эссе о социальной власти языка. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 30-36.

166. Маквейл Д. Журналистское произведение как творческий феномен [Текст] / Д. Маквейл // Медиа-дискурс: Теория и практика массовых коммуникаций. – Екатеринбург, 2007. – С. 2-3.

167. Мамонтова Н.А. Вторичная языковая личность в онтогенезе: уровни лингвокультурологического описания (на материале начального этапа обучения английскому языку русскоязычных учащихся): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Н.А. Мамонтова. – М.: Военный университет, 2010. – 210 с.

168. Мартине А. Механизмы фонетических изменений. Проблемы диахронической фонологии [Текст] / А. Мартине. – М.: КомКнига, 2006. – 264 с.

169. Мартине А. Основы общей лингвистики [Текст] / А. Мартине. – М.: Либроком, 2009. – 226 с.

170. Маслова В.А. Лингвокультурология [Текст] / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 208 с.

171. Мешкова И.Н. Структурно-семантические и прагматические характеристики передовой газетной статьи (на материале передовых статей газеты «Юманите»): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 [Текст] / И.Н. Мешкова. – М.: Институт языкознания Академии наук СССР, 1987. – 25 с.
172. Миньяр-Белоручев Р.К. Как стать переводчиком [Текст] / Р.К. Миньяр-Белоручев. – М.: Стелла, 1994. – 245 с.
173. Михайлов С.А. Журналистика Соединенных Штатов Америки [Текст] / С.А. Михайлов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2004. – 448 с.
174. Михальская А.К. Основы риторики: мысль и слово [Текст] / А.К. Михальская. – М.: Просвещение, 1996. – 416 с.
175. Мышкина Н.Л. Текст как источник идеологического воздействия [Текст] / Н.Л. Мышкина // Функционирование языка как средства идеологического воздействия. – Краснодар: КубГУ, 1988. – С. 97-103.
176. Мэскалл Б. Ключевые слова в средствах массовой информации [Текст] / Б. Мэскалл. – М.: Астрель, АСТ, 2002. – 272 с.
177. Наер В.Л. Прагматический аспект английского газетного текста [Текст] / В.Л. Наер // Коммуникативные особенности текстов различных жанров. – Вып. 178. – М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981. – С. 4-13.
178. Никитина Э.В. Генезис понятий менталитета и этноменталитета // Национальные менталитеты: их изучение в контексте глобализации и взаимодействия культур [Электронный ресурс] / Э.В. Никитина. – Режим доступа: http://national-mentalities.ru/history/teoriya/nikitina_e_v_genezis_ponyati_j_ mentaliteta_i_ etnomentaliteta (дата обращения 05.03.2018).
179. Никольский Л.Б. Дальневосточный ареал лексических и терминологических интернационализмов [Текст] / Л.Б. Никольский // Интернациональные элементы в лексике и терминологии. – Харьков: Вища школа, 1980. – С. 179-186.

180. Никольский Л.Б. Трансмиссия культуры и её лингвистические последствия в афро-азиатских странах [Текст] / Л.Б. Никольский // Язык как средство трансляции культуры. – М.: Наука, 2000. – С. 191-203.

181. Олейникова О.Н. Иноязычные вкрапления в русской литературной речи советской эпохи (с 1917 по 1940 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / О.Н. Олейникова. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 1992. – 23 с.

182. Орлов Г.А. Современный английский язык в Австралии [Текст] / Г.А. Орлов. – М.: Высшая школа, 1978. – 172 с.

183. Ощепкова В.В. Образность в семантической системе языка (опыт сопоставительного исследования национальных вариантов английского языка) [Текст] / В.В. Ощепкова. – М.: МОПИ им Н.К. Крупской, 1989. – 53 с.

184. Павленко Г.В. Проблема освоения иноязычных заимствований: языковые и речевые аспекты (на материале англицизмов конца XX в.): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 [Текст] / Г.В. Павленко. – Таганрог: Таганрогский педагогический институт, 1999. – 176 с.

185. Павловская О.Е. Стиль как протипическая категория гуманитарных наук (системно-терминологический аспект): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / О.Е. Павловская. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2007. – 53 с.

186. Пак Е.Г. Социально-философский анализ истории формирования менталитета корейского народа // Cyberleninka [Электронный ресурс] / Е.Г. Пак. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskiy-analiz-istorii-formirovaniya-mentaliteta-koreyskogo-naroda> (дата обращения: 15.06.2018).

187. Панкина О.Г. Печать Китайской народной республики в период социалистических преобразований (1949-1957 гг.) [Текст] / О.Г. Панкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. – 72 с.

188. Пельт В.Д. Заметка как газетный жанр: Учеб.-метод. пособие [Текст] / В.Д. Пельт. – М.: Из-во МГУ, 1985. – 48 с.

189. Пельт В.Д., Тузова М.З. Информационные жанры газетной публицистики: Хрестоматия [Текст] / В.Д. Пельт, М.З. Тузова . – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 295 с.

190. Пермякова Т.М. Моделирование и типология дискурса межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Т.М. Пермякова. – Пермь: Пермский государственный университет, 2009. – 38 с.

191. Петрова Л.Д. Некоторые закономерности строения текста передовой газетной статьи: на материале английских газет: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Л.Д. Петрова. – М.: Московский государственный педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза, 1982. – 177 с.

192. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии // Электронная библиотека [Электронный ресурс] / Н.Е. Петрова, Л.В. Рацибурская. – Режим доступа: http://www.universalinternetlibrary.ru/book/65564/chitat_knigu.shtml (дата обращения: 11.06.2018).

193. Пешковский А.М. Избранные труды [Текст] / А.М. Пешковский. – М.: Учпедгиз, 1959. – 252 с.

194. Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие [Текст] // М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта, Наука, 2011. – 176 с.

195. Покровский М.М. Семасиологические исследования в области древних языков [Текст] / М.М. Покровский. – М.: КомКнига, 2006. – 130 с.

196. Полежаев Д.В. Идея менталитета в русской философии «золотого века» [Текст] / Д.В. Полежаев. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2003. – 360 с.

197. Попова Л.Г. Лексика английского языка в Канаде [Текст] / Л.Г. Попова. – М.: Высшая школа, 1978. – 116 с.

198. Порубов Н.И. Риторика [Текст] / Н.И. Порубов. – Минск: Высшая школа, 2001. – 384 с.

199. Правикова Л.В. Язык парламентских дебатов (опыт системного описания дискурса по терроризму в Конгрессе США и Парламенте Великобритании): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Л.В. Правикова. – Пятигорск: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2005. – 48 с.

200. Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика: Учеб.-метод. пособие [Текст] / Е.П. Прохоров. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1966. – 60 с.

201. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев [Текст] / Ю.Е. Прохоров. – 5-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.

202. Прошина З.Г. Английский язык и культура народов Восточной Азии [Текст] / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2001. – 476 с.

203. Прошина З.Г. Английский язык как посредник в коммуникации народов Восточной Азии и России (проблемы опосредованного перевода): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 [Текст] / З.Г. Прошина. – Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2002. – 544 с.

204. Прошина З.Г. Война и мир терминов EIL и WE (English as an International Language vs. World Englishes) [Текст] / З.Г. Прошина // Сборник научных и научно-методических трудов. Под общ. ред. проф. С.Г. Тер-Минасовой и доц. М.Г. Бахтиозиной. – М.: Университетская книга. – Выпуск 6. – 2009. – С. 95-103.

205. Прошина З.Г. Динамика развития английского языка в его региональных вариантах [Текст] / З.Г. Прошина // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – №2 (18). – 2012. – С. 200-206.

206. Прошина З.Г. Дистинктивные признаки вариантов английского языка неродного для его пользователей [Текст] / Прошина З.Г. // Вестник Череповецкого государственного университета. – №3. – 2014. – С. 123-127.

207. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка – основа для опосредованного перевода [Текст] / З.Г. Прошина // Язык. Культура. Общение: Сб. науч. тр. в честь юбилея заслуженного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова С.Г. Тер-Минасовой. – М.: Гнозис, 2008. – С. 198-207.
208. Прошина З.Г. Контактная вариантология английского языка: Проблемы теории. World Englishes Paradigm: Учеб. пособие [Текст] / З.Г. Прошина. – М.: Наука, Флинта, 2017. – 208 с.
209. Прошина З.Г. Лингвоконтактология: статус, проблемы, перспективы [Текст] / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 1(5). – 2005. – С. 124-128.
210. Прошина З.Г. Предисловие [Текст] / З.Г. Прошина // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – № 2 (42). – 2014. – С. 10.
211. Прядко С.Б. Язык и культура: культурный компонент значения в лингвокультуро-логической лексике австралийского варианта английского языка (на примере аборигенных заимствований): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / С.Б. Прядко. – М.: Московский государственный педагогический университет, 1999. – 26 с.
212. Распопина Е.Ю. Дифференциальные и жанровые особенности компьютерного интернет-дискурса // Cyberleninka [Электронный ресурс] / Е.Ю. Распопина. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/differentsialnye-i-zhanrovye-osobennosti-kompyuternogo-internet-diskursa#ixzz3E8rLMtx> 2 (дата обращения: 11.06.2018).
213. Ратцке Д. Средства массовой информации в условиях рыночной экономики [Текст] / Д. Ратцке // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. – №2. – 1995. – С. 60-65.
214. Рахманкулова С.Е. Отражение знания об эмоциональном состоянии на уровне синтаксической структуры высказывания [Текст] / С.Е. Рахманкулова // Синтаксис и эмоции. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2012. – С. 114-151.

215. Республика Корея // Wikipedia [Электронный ресурс] / Режим доступа: [http:// ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Корея](http://ru.wikipedia.org/wiki/Республика_Корея) (дата обращения 11.06.2018).

216. Ризель Э.Г. К вопросу о национальном языке в Австрии [Текст] / Э.Г. Ризель // Учёные записки МГПИИЯ. – Т. V. – 1953. – С. 157-171.

217. Рождественский Ю.В. Теория риторики [Текст] / Ю.В. Рождественский. – М.: Наука, Флинта, 2006. – 512 с.

218. Розенталь Д.Э. К итогам обсуждения вопроса о штампах [Текст] / Д.Э. Розенталь // Вестник Моск. ун-та. Серия: Журналистика. – № 4. – 1968. – С. 57-89.

219. Руженцева Н.Б. Адаптационная стратегия и фактор адресата в газетно-журнальном и политическом дискурсах: заголовочный комплекс и основной текст // Cyberleninka [Электронный ресурс] / Н.Б. Руженцева. – Режим доступа: http://journals.uspu.ru/attachments/article/105/PL_2012_1_6.pdf (дата обращения: 11.06.2018).

220. Румянцев М.К. Фонетика и фонология современного китайского языка [Текст] / М.К. Румянцев. – М.: Восток – Запад, 2007. – 304 с.

221. Савинцева М.И. Правовые основы современной журналистики и информационного общества в Японии [Текст] / М.И. Савинцева. – М.: МедиаМир, 2006. – 264 с.

222. Саенко А.Н. Содержательно-стилистические особенности информационных текстов в Интернете [Текст] / А.Н. Саенко // Научные записки Луганского национального педагогического университета. Серия: Филологические науки. – Том 1. – Вып. 5. – Луганск: Альма-матер, 2004. – С. 350-360.

223. Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока [Текст] / Э.В. Саид. – СПб.: Русский Мир, 2006. – 636 с.

224. Саламон Л. Всеобщая история прессы [Текст] / Л. Саламон // История печати: Антология: Учеб. пособие. Сост., предисл. Я.Н. Засурский, Е.Л. Вартанова. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 420 с.

225. Салыгина Э.В. Стилистика англоязычного газетного фельетона (когнитивный, прагматический и лингвостилистический аспекты): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Э.В. Салыгина. – М.: Московский ордена Дружбы Народов государственный лингвистический университет, 1993. – 241 с.
226. Семенец О.Е. Социальный контекст и языковое развитие: Территориальная и социальная дифференциация АЯ в развивающихся странах [Текст] / О.Е. Семенец. – Киев: Вища школа, 1985. – 175 с.
227. Семёнов М.О. Дискурс Интернет-форумов: кристаллизация как механизм смыслообразования и техника понимания: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / М.О. Семёнов. – Армавир: Армавирская государственная педагогическая академия, 2013. – 186 с.
228. Сенук З.В. Публицистика как фактор развития политической культуры: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.02. [Текст] / З.В. Сенук. – Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького, 1993. – 18 с.
229. Сергеев Г.И. От дибао до «Жэньминь жибао»: путь в 1200 лет: История средств массовой коммуникации Китая [Текст] / Г.И. Сергеев. – М.: Изд-во Ун-та дружбы народов им. П. Лумумбы, 1989. – 225 с.
230. Сердюченко Г.П. Русская транскрипция для языков зарубежного Востока [Текст] / Г.П. Сердюченко. – М.: Наука, 1967. – 368 с.
231. Сеферова М.В. Современная печать Японии [Текст] / М.В. Сеферова. – М.: Фак-т журналистики МГУ, 2000. – 51 с.
232. Сиака Н.В. Формирование английского языка межкультурного общения в Африке (на материале культуры Ганы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.В. Сиака. – СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2004. – 206 с.
233. Сидоров Е.В. Онтология дискурса [Текст] / Е.В. Сидоров. – М.: Либроком, 2008. – 232 с.

234. Синеокова Т.Н. Универсальный характер синтаксических конструкций, реализуемых в состоянии эмоционального напряжения [Текст] / Т.Н. Синеокова // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. – Вып. 13. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2011. – С. 74-82.
235. Сеницына Я.Г. Прагматические параметры экспрессивности английского газетного текста: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Я.Г. Сеницына. – М.: Московский государственный лингвистический университет, 1993. – 147 с.
236. Скаличка В. К вопросу о типологии [Текст] / В. Скаличка // Вопросы языкознания. – № 4. – М.: Наука, 1966. – С. 22-31.
237. Скороходова Е.Ю. Динамика речевых норм в современных текстах массовой информации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 [Текст] / Е.Ю. Скороходова. – М.: Военный университет, 2008. – 29 с.
238. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры [Текст] / С.И. Сметанина. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 383 с.
239. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка [Текст] / А.И. Смирницкий. – М.: МГУ, 1998. – 260 с.
240. Смирнов В.В. Система жанров радиожурналистики. История. Теория. Особенности функционирования: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10 [Текст] / В.В. Смирнов. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 2002. – 477 с.
241. Соколов А.В. Общая теория социальной коммуникации: Учеб. пособие [Текст] / А.В. Соколов. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 461 с.
242. Солганик Г.Я. Лексика газеты (функциональный аспект) [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Высшая школа, 1981. – 112 с.
243. Солганик Г.Я. О языке газеты: Учеб.-метод. пособие [Текст] / Г.Я. Солганик. – М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1968. – 46 с.

244. Соловьева Т.М. Развитие периодической печати КНР на современном этапе [Текст] / Т.М. Соловьева // Актуальные проблемы журналистики Азии, Африки и Латинской Америки: Сб. научных трудов под ред. Е.Г. Коренчука. – М.: Изд-во УДН, 1989.

245. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30-90-е годы XIX века [Текст] / Ю.С. Сорокин. – Л.: Наука, 1965. – 565 с.

246. Соссюр Ф. де Курс общей лингвистики [Текст] / Ф. де Соссюр. – М.: Либроком, 2011. – 256 с.

247. Средства массовой информации Японии // StudFiles [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/1603286/> (дата обращения 11.06.2018).

248. Стам И.С. Язык газеты: Учеб. пособие по англ. языку [Текст] / И.С. Стам. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1992. – 72 с.

249. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности [Текст] / Ю.С. Степанов // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: РГГУ, 1995. – 432 с.

250. Степанов Г.В. Испанский язык в странах Латинской Америки [Текст] / Г.В. Степанов. – М.: Изд-во лит. на иностр. яз., 1963. – 201 с.

251. Степанов Ю.С. Французская стилистика [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Высшая школа, 1965. – 355 с.

252. Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения [Текст] / И.А. Стернин, Т.В. Ларина, М.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. – 185 с.

253. Стернин И.А. Основы речевого воздействия [Текст] / И.А. Стернин. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.

254. Суровцев Ю.О. О публицистике и публицистичности [Текст] / Ю.О. Суровцев // Знамя. – №4. – 1986. – С. 208-224.

255. Таотао Чж. Нет худа без добра [Текст] / Чж. Таотао // Китай: ежемесячный журнал. – № 11 (145). – КНР: Пекин, 2017. – С. 72-73.

256. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В.Н. Телия. – М.: Изд-во «Школа «Языки русской культуры»», 1996. – 284 с.
257. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур [Текст] / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2008. – 344 с.
258. Тертычный А.А. Жанры периодической печати [Текст] / А.А. Тертычный. – М.: Аспект-пресс, 2002. – 320 с.
259. Титова О.К. Вьетнамизмы в англоязычном описании вьетнамской культуры (на материале аутентичных текстов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. [Текст] / О.К. Титова. – М.: Московский городской педагогический университет, 2010. – 24 с.
260. Тихонов В.М., Магиль К. История Кореи [Текст] / В.М. Тихонов, К. Магиль. – Т. 1. – М.: Наталис, 2011. – 533 с.
261. Трескова С.И. Социолингвистические проблемы массовой коммуникации: (Проблемы изменения языковой вариативности) [Текст] / С.И. Трескова. – М.: Наука, 1989 – 151 с.
262. Турапова Н.А. Национально-культурная специфика фразеологизмов японского языка (лингвокультурологический подход) [Текст] / Н.А. Турапова // Современная филология: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Уфа, март 2015 г.). – Уфа: Лето, 2015. – С. 84-86.
263. Тырыгина В.А. Проблема жанра в массово-информационном дискурсе: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / В.А. Тырыгина. – М.: Московский педагогический государственный университет, 2007. – 47 с.
264. Тырыгина В.А. “Letter to the Editor”: реализация диалога в масс-медийном дискурсе [Текст] / В.А. Тырыгина // Вестник МГЛУ. – Выпуск 6 (639). – 2012. – С. 249-258.
265. Ученова В.В. Метод и жанр: диалектика взаимодействия [Текст] / В.В. Ученова // Методы исследования журналистики. – М.: Изд-во Моск. ун-та. – 1982. – С. 76.

266. Ушаков П.В. Традиции Запада и Востока в культуре и образовании современной России [Текст] / П.В. Ушаков // Проблемы устойчивого развития общества и эволюции жизненных сил населения Сибири на рубеже XX-XXI веков. Тез. докл. межд. конф. – Барнаул, 1998.

267. Ушаков П.В., Ушакова Е.В., Дербан Г.В. Природа восточного, западного и российского менталитета [Текст] / П.В. Ушаков, Е.В. Ушакова, Г.В. Дербан // Ползуновский альманах. – №1-2. – Барнаул: Изд-во АлтГТУ им. И.И. Ползунова, 2003. – С. 114-121.

268. Филиппов А.В. К проблеме лексической коннотации [Текст] / А.В. Филиппов // Вопросы языкознания. – № 1. – 1978. – С. 57-63.

269. Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е. Риторика для делового человека [Текст] / Г.Г. Хазагеров, Е.Е. Корнилова. – М.: Флинта, Моск. псих.-соц. институт, 2001. – 133 с.

270. Халеева И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста [Текст] / И.И. Халеева // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: РАН ИРЯ, 1995. – С. 277-278.

271. Хино Н. Странам «расширяющегося круга» тоже нужны собственные модели! Вопрос о равенстве вариантов английского языка [Текст]/ Н. Хино // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – №4 (32). – 2011. – С. 104-110.

272. Хюнен Ч. Основные этапы развития системы печатных СМИ Республики Корея // Электронный научный журнал «Медиаскоп» [Электронный ресурс] / Ч. Хюнен. – Режим доступа: <http://www.mediascope.ru/node/1036> (дата обращения: 11.06.2018).

273. Чернявская В.Я. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия [Текст] / В.Я. Чернявская. – М.: Флинта, Наука, 2006. – 136 с.

274. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка [Текст] / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985. – 160 с.

275. Шафиков С.Г. Лингвокультурология, язык и национальный менталитет // Cyberleninka [Электронный ресурс] / С.Г. Шафиков. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturologiya-yazyk-i-natsionalnyy-mentalitet> (дата обращения: 11.06.2018).

276. Шахбагова Д.А. Фонетическая система английского языка в диахронии и синхронии (на материале британского, американского, австралийского, канадского вариантов английского языка) [Текст] / Д.А. Шахбагова. – М.: Фоллис, 1992. – 284 с.

277. Швейцер А.Д. Контрастивная стилистика: Газетно-публицистический стиль в английском и русском языках [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.

278. Швейцер А.Д. Литературный английский язык в США и Англии [Текст] / А.Д. Швейцер – М.: УРСС Эдиториал, 2003. – 200 с.

279. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1988. – 250 с.

280. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика: Теория, проблемы, методы [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

281. Швейцер А.Д. Социальная дифференциация английского языка в США [Текст] / А.Д. Швейцер. – М.: Наука, 1976. – 176 с.

282. Шевелева И.А. Лингвистические особенности дискурса Интернет-СМИ [Текст] / И.А. Шевелева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. – Вып. 41. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С. 50-54.

283. Шевченко В.Д. Интерференция дискурсов в англоязычной публицистике: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / В.Д. Шевченко. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2011. – 40 с.

284. Шевырдяева Л.Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): автореф. дис. ...

канд. филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Л.Н. Шевырдяева. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2009. – 25 с.

285. Шимчук Э.Г. Русская лексикография [Текст] / Э.Г. Шимчук. – М.: Академия, 2009. – 336 с.

286. Широкогоров С.М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений [Текст] / С.М. Широкогоров. – М.: Либроком, 2012. – 136 с.

287. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях [Текст] / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1977. – 168 с.

288. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку [Текст] / Л.В. Щерба. – М.: Учпедгиз, 1957. – 188 с.

289. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Текст] / Л.В. Щерба. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.

290. Эпштейн М.Н. Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX-XX веков [Текст] / М.Н. Эпштейн. – М.: Советский писатель, 1988. – 416 с.

291. Юзефович Н.Г. Адаптация английского языка в межкультурном политическом дискурсе «Россия – Запад»: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.Г. Юзефович. – СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2014 – 484 с.

292. Якимчук Г.В. Особенности взаимоотношения прессы и правительства в современной Японии [Текст] / Г.В. Якимчук // Вестник Московского университета. Серия: Журналистика. – № 5. – 1978. – С. 119-143.

293. Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование [Текст] / Л.П. Якубинский. – М.: Наука, 1986. – 206 с.

294. Япония // Wikipedia [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Япония> (дата обращения 11.06.2018).

295. Ярцева В.Н. Проблема вариативности и взаимоотношение уровней грамматической системы языка [Текст] / В.Н. Ярцева // Вопросы языкознания. - № 5. - 1983. - С. 17-25.
296. Adorno T. Gessamelte Shriften [Текст] / T. Adorno. – Frankfurt/Main, 1973. – 86 p.
297. Ahulu S. General English: A consideration of the nature of English as an international Medium [Текст] / S. Ahulu // English Today. – Vol. 13.1. – № 49. – 1997. – P. 17-23.
298. Alleyne M.C. Acculturation and cultural matrix of creolization [Текст] / M.C. Alleyne // Pidginization and Creolization of Languages. – Cambridge: University Press, 1971. – P. 169-186.
299. Alvaro J.J. Political Discourse in China's English Language Press [Текст] / J.J. Alvaro // World Englishes. – Vol. 32, №. 2. – 2013. – P. 147-168.
300. Algeo J. Korean Bamboo English [Текст] / J. Algeo // American Speech. – Vol. 35. – № 2. – 1960. – P. 117-123.
301. Ammon U., Haegi S. Nationale und regionale Unterschiede im Standarddeutschen und ihre Bedeutung für Deutsch als Fremdsprache [Текст] / U. Ammon, S. Haegi // Русская германистика. – Т. 3. – М., 2007. – С. 283-297.
302. Anderson L.B. Evidentials, Paths of Change and Mental Maps: Typologically Regular Asymmetries [Текст] / L.B. Anderson // Evidentiality: The Linguistic Coding of Epistemology in Language. – Norwood: Ablex, 1986. – P. 273-312.
303. Atkinson M. Our Masters' Voices [Текст] / M. Atkinson. – London: Methuen, 1984. – 133 p.
304. Baik M.J. Syntactic features of Englishization in Korean [Текст] / M.J. Baik // World Englishes. – Vol. 13. – № 2. – 1994. – P. 155-165.
305. Baily R. The English language in Japan [Текст] / R. Baily // Englishes around the World. Ed. by E.W. Scheider. – Vol. 2 – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1997. – P. 177-187.

306. Barotchi M. *Lingua Franca* [Текст] / M. Barotchi // *Concise Encyclopedia of Sociolinguistics*. Ed. by R. Mesthrie. – Oxford: ESLtd., 2001. – P. 503-504
307. Bauer L. *An Introduction to International Varieties of English* [Текст] / L. Bauer. – Edinburgh University Press Ltd., 2002. – 135 p.
308. Bautista M.L., Gonzales A.B. *Southeast Asian Englishes* [Текст] / M.L. Bautista, A.B. Gonzales // *The Handbook of World Englishes*. Edited by B. Kachru, Y. Kachru, and C. Nelson. – Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 130-134.
309. Bautista M.L. *English in contact with Philippine languages: The making of Philippine English* [Текст] / M.L. Bautista // *English as International Language*. – Tokyo: ALC Press, 2005. – P. 183-199.
310. Bautista M.L. *The Lexicon of Philippine English* [Текст] / M.L. Bautista // *English is an Asian Language: The Philippine Context*. – Sydney: Macquairry Library, 1997. – P. 49-72.
311. Beard A. *The Language of Politics* [Текст] / A. Beard. – London: Routledge, 2000. – 122 p.
312. Bell A. *The Language of News Media* [Текст] / A. Bell. – Oxford: Blackwell, 1991. – 277 p.
313. Benveniste E. *On discourse* [Текст] / E. Benveniste // *The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature*. – Manchester University Press, 1985. – P. 82-111.
314. Berns M. *Biliguism with English as the other tongue: English in the German legal domain* [Текст] / M. Berns // *World Englishes*. – Vol. 11. – №2/3. – 1992. – P. 155-161.
315. Berns M. *English in the European Union* [Текст] / M. Berns // *English Today*. – Vol. 11. – №3. – 1995. – P. 3-11.
316. Berns M. *Expanding on the Expanding Circle: where do WE go from here?* [Текст] / M. Berns // *World Englishes*. – Vol. 24. – №1. – 2005. – P. 85-94.

317. Bhatia V.K. *Analysing Genre: Language Use in Professional Settings* [Текст] / V.K Bhatia. – L.: Rotledge, 2013. – 264 p.
318. Bhatia V.K. *Worlds of Written Discourse: A Genre-Based View* [Текст] / V.K. Bhatia. – L.: Bloomsbury Academic, 2014. – 288 p.
319. Bickerton D. How to acquire language without positive evidence: what acquisitionists can learn from creoles [Текст] / D. Bickerton // *Language Creation and Language Change: Creolization, Diachrony, and Development*. – Cambridge: MIT Press, 1999. – P. 49-74.
320. Bliss A. English in the South in Ireland [Текст] / A. Bliss // *Language in the British Isles*. Ed. By P. Trudgill. – Cambridge: University Press, 1984. – P. 135-152.
321. Bolton K. Where World Englishes stands: approaches, issues and debate in World Englishes [Текст] / K. Bolton // *World Englishes*. – Vol. 24. – № 1. – 2005. – P. 69-84.
322. Booth W.C. *The rhetoric of rhetoric: the quest for effective communication* [Текст] / W.C. Booth. – Blackwell Publishing Ltd., 2004. – 207 p.
323. Brutt-Griffler J. *World Englishes: a study of its development* [Текст] / J. Brutt-Griffler. – Clevedon: Multilingual Matters, 2002. – 215 p.
324. Canagarajah S. *Resisting Linguistic Imperialism in English Language Teaching* [Текст] / S. Canagarajah. – Cambridge: University Press, 1999. – 216 p.
325. Cane G. The English language in Brunei Darussalam [Текст] / G. Cane // *World Englishes*. – Vol. 13. – №3. – 1994. – P. 351-360.
326. Cannon G. Chinese Borrowings in English [Текст] / G. Cannon // *American Speech: A Quaterly of Linguistic usage*. – Vol. 63 (1). – 1988. – P. 3-33.
327. Cannon G. Japanese Borrowings in English [Текст] / G. Cannon // *American Speech*. – Vol. 56 (3). – 1981. – P. 200-201.
328. Cannon G. Recent Japanese Borrowings into English [Текст] / G. Cannon // *American Speech*. – Vol. 69. – № 4. – 1994. – P. 373-397.
329. Cockcroft R., Cockcroft S.M. *Persuading People* [Текст] / R. Cockcroft, S.M. Cockcroft. – London: Macmillan, 1992. – 323 p.

330. Coleman J.A. English-medium teaching in European higher education [Текст] / J.A. Coleman // Language Teaching. – Vol. 39. – 2006. – P. 1-14.
331. Crystal D. English as a Global Language [Текст] / D. Crystal. – Cambridge: University Press, 1997. – 223 p.
332. Crystal D. Moving towards an English family of languages? [Текст] / D. Crystal // World Englishes: A festsift for O.S. Akhmanova from her disciples, friends and colleagues. Ed. by O.V. Alexandrova, M.E. Konurbayev. – М.: Диалог-МГУ, 1998. – P. 84-95.
333. Crystal D. The English Language [Текст] / D. Crystal. – London: Penguin, 1988. – 298 p.
334. D' Angelo J. The Japan Context and the Expanding Circle: A Kachruvian Response to Debbie Ho [Текст] / J. D' Angelo // Asian Englishes. – Vol. 11. – № 2. – 2008. – P. 64-75.
335. D' Angelo J. The Kachru / Smith Ethos of Inclusivity in Japan: The Exonormative / Endonormative Debate Resolved [Текст] / J. D' Angelo // Journal of College of World Englishes. – Vol. 13. – 2010. – P. 1-16.
336. Davidson K. Is English a Swiss language? [Текст] / K. Davidson // English Today. – Vol. 42. – 1995. – P. 40-44.
337. Davies A. Is International English an interlanguage? [Текст] / A. Davies // TESOL Quarterly. – Vol. 23. – № 3. – 1989. – P. 447-467.
338. Davies D.R. World Englishes and descriptive grammars [Текст] / D.R. Davies // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 130-134.
339. Dijk T.A. van. News as Discourse [Текст] / T.A. van Dijk. – New Jersey: Hillsdale, 1988. – 200 p.
340. Dijk T.A. van. Studies in the Pragmatics of Discourse [Текст] / T.A. van Dijk. – The Hague: Moutoun, 1981. – 331 p.

341. Douglas F. English in Scotland [Текст] / F. Douglas // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 41-58.
342. Durmuller U. The changing status of English in Switzerland [Текст] / U. Durmuller // Status Change of Languages. Ed. by U. Ammon and M. Hellinger. – Berlin/New York: De Gruyter, 1992. – P. 355-370.
343. Dustheimer C., Gillet R. The history of ELT in Korea [Текст] / C. Dustheimer, R. Gillett. – Tacoma, WA: The Creative Pen, 1999. – P. 1-12.
344. Emery E. The Press and America [Текст] / E. Emery. – N.Y., 1954. – 317 p.
345. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research [Текст] / N. Fairclough. – London: Routledge, 2003. – 199 p.
346. Fairclough N. Discourse and Social Change [Текст] / N. Fairclough. – Cambridge: Polity Press, 1992. – 317 p.
347. Fairclough N. Media Discourse [Текст] / N. Fairclough. – London: Arnold, 1995. – 109 p.
348. Ferguson C. Forward to the First Edition [Текст] / C. Ferguson // The Other Tongue: English across Cultures. – Urbana & Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 19-26.
349. Firth J.R. Descriptive linguistics and the study of English [Текст] / J.R. Firth // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Kachru. – Vol. 3. – London and N.Y.: Routledge, 2006. – P. 203-217.
350. Fourquet Je. Genetische Betrachtungen über den deutschen Satzbau [Текст] / Je. Fourquet // Studien zur deutschen Literatur und Sprache des Mittelalters. Festschrift für Hugo Moser zum 65. Geburtstag. – Berlin: E. Schmidt, 1974. – S. 314–323.
351. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press [Текст] / R. Fowler. – London: Routledge, 1991. – 272 p.

352. Williams J.P., Schneider E.W., Trudgill P., Schreier D. Further Studies in the Lesser-Known Varieties of English [Текст] / J.P. Williams, E.W. Schneider, P. Trudgill, D. Schreier. – Cambridge: University Press, 2015. – 345 p.
353. Galloway N., Rose H. Introducing Global Englishes [Текст] / N. Galloway, H. Rose. – Arbingdon, U.K.: Routledge, 2015. – 292 p.
354. Gargesh R. South Asian Languages [Текст] / R. Gargesh // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Oxford, U.K., Carlton, Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 90-113.
355. Gill S.K. Language policy and English standards in Malaysia: Nationalism vs. pragmatism [Текст] / S.K. Gill // English as an International Language. – Tokyo: ALC Press, 2005. – P. 200-211.
356. Görlach M. Studies in the History of the English Language [Текст] / M. Görlach. – Heidelberg: C. Winter, 1990. – 225 p.
357. Gottlieb N. Language and Society in Japan [Текст] / N. Gottlieb. – Cambridge: University Press, 2005. – 180 p.
358. Graddol D. The Future of English [Текст] / D. Graddol. – London: The British Council, 1997. – 68 p.
359. Greenbaum S., Nelson G. The International Corpus of English (ICE) Project [Текст] / S. Greenbaum, G. Nelson // World Englishes. Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Karchu. – Vol. 5. – London&N.Y.: Routledge, 2006. – P. 95-110.
360. Grundy P. Newspapers [Текст] / P. Grundy. – Cambridge: University Press, 2004. – 275 p.
361. Gupta A.F. Colonization, migration and functions of English [Текст] / A.F. Gupta // Englishes around the World. – Vol. 1. – Amsterdam: John Benjamins, 1997. – P. 47–58.
362. Gupta A.F. Teaching World English // University of Leeds [Электронный ресурс] / A.F. Gupta. – Режим доступа: <http://www.leeds.ac.uk/english/staff/afg/antheab.html>. (дата обращения: 11.06.2018).

363. Gupta A.F. The situation of English in Singapore [Текст] / A.F. Gupta // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Kachru. – Vol. 2. – London&N.Y.: Routledge, 2006. – P. 369-389.
364. Hall E.T. Beyond Culture [Текст] / E.T. Hall. – Garden City, N.Y.: Anchor Press, 1976. – 256 p.
365. Harris Z.S. Discourse Analysis [Текст] / Z.S. Harris. – the Hage: Mouton, 1963. – 319 p.
366. Hartley J. Understanding News (Studies in Culture and Communication) [Текст] / J. Hartley. – London: Routledge, 1982. – 220 p.
367. Halliday M.A.K., Hasan R. Language, Context and Text: Aspects of Language in a Social-semiotic Perspective [Текст] / M.A.K. Halliday, R. Hasan. – Oxford: University Press, 1989. – 179 p.
368. Hayashi R. A Cognitive Study of English Loanwords in Japanese Discourse [Текст] / R. Hayashi // World Englishes. – Vol. 14 (1). – 1995. – P. 55-56
369. Helm A.B. ‘Negro,’ ‘Oriental’ and ‘Indian’ to Be Scrubbed From All Federal Laws. President Obama signed bill H.R.4238 “modernizing terms relating to minorities” into law on Friday // The Root [Электронный ресурс] / A.B. Helm. – URL: http://www.theroot.com/articles/news/2016/05/_negro_oriental_and_indian_to_be_scrubbed_from_all_federal_laws/ (дата обращения: 11.09.2016).
370. Henry P.L. Anglo-Irish and its Background [Текст] / P.L. Henry // The English Language in Ireland. Ed. by D. OMuirthe. – Dublin: The Mercier Press, 1978. – P. 20-36.
371. Hickey R. Ireland: Language Education Policy [Текст] / R. Hickey // The Encyclopedia of Language and Linguistics. – Vol. 4. – Oxford, N.Y., Seoul, Tokio: Pergamon Press, 1994. – P. 1774-1775.
372. Hilgendorf S.K. English in Germany: contact, spread and attitudes [Текст] / S.K. Hilgendorf // World Englishes. – Vol. 26. – №2. – 2007. – P. 131-148.

373. Hindmarsh R.X. English as an international language [Текст] / R.X. Hindmarsh // English as an international language: ELT documents. – London: The British Council, 1978. – P. 40-43.

374. Honna N. East Asian Englishes [Текст] / N. Honna // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Oxford, U.K., Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 114-129.

375. Hourani A. The road to Morocco [Текст] / A. Hourani // The New York Review of Books. – Vol. 26. – 1979. – P. 27-30.

376. Hudson R. Sociolinguistics [Текст] / R. Hudson. – Cambridge: University Press, 1996. – 279 p.

377. Hung E. Translation curricula development in Chinese communities [Текст] / E. Hung // Abstract of papers presented at the 3d International Conference on Teaching Translation and Interpretating “New Horizons” 9-11 June 1995. Ed. by C. Dollerup, V. Appel. – Denmark: Elsinor, 1995. – P. 30-44.

378. Ike M. A historical review of English in Japan (1600-1880) [Текст] / M. Ike // World Englishes. – Vol. 14. – № 1. – 1995. – P. 3-11.

379. Irwin R. For Lust of Knowing: The Orientalists and Their Enemies [Текст] / R. Irving. – London: Penguin, 2003. – 420 p.

380. James A.R. English as a European Lingua Franca. Current realities and existing dichotomies [Текст] / A.R. James // English in Europe: The Acquisition of a Third Language. Ed. by J. Cenoz and U. Jessner. – Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000. – P. 22-38.

381. Jenkins J. ‘Euro-English’ accents [Текст] / J. Jenkins // English Today. – Vol. 17. – №4. – 2001. – P. 16-19.

382. Jenkins J. Native speaker, non-native speaker and English as a Foreign Language: time for a change [Текст] / J. Jenkins // IATEFL Newsletter. – № 131. – 1996. – P. 10–11.

383. Jenkins J. Plenary: ELF at the gate: the position of English as a Lingua Franca [Текст] / J. Jenkins // 38th International Annual Conference Liverpool, 13–17 April 2004: Conference Selections. – IATEFL, 2004. – P. 33–42.

384. Jenkins J. The Phonology of English as an International Language [Текст] / J. Jenkins. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 258 p.
385. Jenkins J. Which Pronunciation Norms are Models for English as an International Language? [Текст] / J. Jenkins // ELT Journal, 1998. – Vol. 52. – № 2. – P. 119-126.
386. Jenkins J. World Englishes: a Resource Book for Students [Текст] / J. Jenkins. – L.: Routledge, 2006. – P. 14-15.
387. Kachru B.B. American English and Other Englishes [Текст] / B.B. Kachru // Language in the USA. Ed. by C. Ferguson, S. Heath. – Cambridge: University Press, 1981. – P. 117-131.
388. Kachru B.B. Englishization and Contact Linguistics [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes. – Vol. 13. – № 2. – 1994. – P. 135-154.
389. Kachru B.B. Institutionalized second-language varieties [Текст] / B.B. Kachru // The English Language Today. – Oxford. – 1985. – P. 211-216.
390. Kachru B.B. Past Imperfect: The other side of English in Asia [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes held at the East-West Center of Honolulu. Dec. 19-21, 1996. Ed. by L. Smith, M. Forman. – Honolulu: College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997. – P. 68-89.
391. Kachru B.B. Regional norms for English [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Kachru. – Vol. 3. – London and N.Y.: Routledge, 2006. – P. 434-455.
392. Kachru B.B. Resources for Research and Teaching [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes held at the East-West Center of Honolulu. Dec. 19-21, 1996. Ed. by L. Smith, M. Forman. – Honolulu: College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997. – P. 209-251.

393. Kachru B.B., Smith L. Editorial [Текст] / B.B. Kachru, L. Smith // World Englishes. – №.4. – 1985. – P. 209-212.
394. Kachru B.B. Standards, codification and sociolinguistic realism. The English Language in the outer circle [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Kachru. – Vol. 3. – London and N.Y.: Routledge, 2006. – P. 214-269.
395. Kachru B.B. The Alchemy of English: The Spread, Functions and Models of Non-native Englishes [Текст] / B.B. Kachru. – Oxford, 1986. – 200 p.
396. Kachru B.B. The Indianization of English [Текст] / B.B. Kachru. – Delhi: Oxford University Press, 1983. – 140 p.
397. Kachru B.B. The Paradigms of Marginality [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes. – Vol. 15. – № 3. – 1996. – P. 240-251.
398. Kachru B.B. The Power and Politics of English [Текст] / B.B. Kachru // World Englishes. – Vol. 5. – № 2/3. – 1986. – P. 121-140.
399. Kachru B.B. World Englishes: approaches, issues and resources [Текст] / B. Kachru // Language Teaching. – № 25. – Cambridge, 1992. – P.1-14.
400. Kachru Y., Smith L. Cultures, Contexts, and World Englishes [Текст] / Y. Kachru, L. Smith. – N.Y. and London: Routledge, 2008. – 231 p.
401. Kachru Y. World Englishes and rhetoric across cultures [Текст] / Y. Kachru // Asian Englishes. – Vol. 4. – №. 2. – 2001. – P. 54-67.
402. Kamwagamalu N.M. South African Englishes [Текст] / N.M. Kamwagamalu // The Handbook of World Englishes ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Blackwell Publ., 2006. – P. 158-172.
403. Kanngießер S. Alternativräume der Sprachdynamik: Versuch über die Determination der grammatischen Kontingenz [Текст] / S. Kanngießер. – Osnabrück: V&R Unipress in Göttingen, 2006. – 368 s.
404. Kaplan R.B. English in the Policy of the Pacific Rim [Текст] / R.B. Kaplan // World Englishes. – Vol. 6. – № 2. – 1987. – P. 137-148.

405. Kenneth C.C. Kong Media discourse [Текст] / C.C. Kenneth // Discourse, of course: an overview of research in discourse studies. Ed. by J. Renkema. – USA: Philadelphia, 2009. – 393 p.

406. Kent D.B. Speaking in tongues: Chinglish, Japlish and Konglish [Текст] / D.B. Kent // KOTESOL Proceedings PAC2. The 1999 Korea TESOL Conference. – Seoul, 1999. – P. 197-209.

407. Kirkpatrick A., Zhichang X. Chinese pragmatic norms and «China English» [Текст] / A. Kirkpatrick, X. Zhichang // World Englishes. – № 21(2). – 2014. – P. 269-279.

408. Kiesling S.F. English in Australia and New Zealand [Текст] / S.F. Kiesling // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Blackwell Publ., 2006. – P. 74-90.

409. King R.D. First Steps: Wales and Ireland [Текст] / R.D. King // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Blackwell Publ., 2006. – P. 30-41.

410. Kitchen G. Sir Roger L'Estrange: Contribution to the History of the Press in the Seventeenth Century [Текст] / G. Kitchin. – K. Paul, Trench, Trübner & Co., Ltd., 1913. – 440 p.

411. Knowles G. English Language Imperialism // Encyclopedia Britannica Online [Электронный ресурс] / G. Knowles. – URL: <https://www.britannica.com/topic/language-imperialism-1016976> (дата обращения: 19.06.2018).

412. Knowlton E.C. Chinese, Japanese, and Korean Loanwords in “Webster’s Third” [Текст] / E.C. Knowlton // American Speech. –Vol. 4 (1). – N.Y., 1970. – P. 8-29

413. Koreans Forms Biggest Student Group in US // The Korea Times [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.koreatimes.co.kr/www/news/nation/2008/03/113_20196.html (дата обращения 19.06.2018).

414. Kristeva J. From One Identity to an Other [Текст] / J. Kristeva // Desire in language. – N.Y.: Columbia University Press, 1980. – P. 124-147.

415. Kubota R. Ideologies of English in Japan [Текст] / R. Kubota // World English. – Vol. 17. – №. 3. – 1998. – P. 295-306.

416. Lawrence W.B. Freedom of Expression in Japan: A Study in Comparative Law, Politics, and Society [Текст] / W.B. Lawrence. – N.Y.: Kodansha International, 1984. – 400 p.

417. Lee A. The Origins of the Popular Press 1855-1914 [Текст] / A. Lee. – London: Croom Helm, 1976. – 288 p.

418. Lee Sun-Hwa. Language Change in Korean with Special Emphasis on Semantic Change of English Loanwords [Текст] / Lee Sun-Hwa. – Koln, 1996. – 239 p.

419. Lewis B. The Question of Orientalism // The New York Reviews of Books [Электронный ресурс] / B. Lewis. – Режим доступа: <http://www.nybooks.com/articles/1982/06/24/the-question-of-orientalism/> (дата обращения: 19.06.2018).

420. Lockwood R. Global English and Language Market Trends [Текст] / R. Lockwood // Language International. – Vol. 10. – № 4. – 1998. – P. 17-18.

421. Longacre R.E. The Grammar of Discourse [Текст] / R.E. Longacre. – N.Y.: Plenum Press, 1983. – 317 p.

422. Lowenberg P. Testing English as a World Language: Issues in Assessing Non-Native Proficiency [Текст] / P. Lowenberg // The Other Tongue: English Across Cultures. – Urbana&Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 109-117.

423. Matheson D. Media discourses. Analyzing Media Texts [Текст] / D. Matheson. – London: Open University Press, 2005. – 206 p.

424. McArthur, T. Is it world or international or global English, and does it matter? [Текст] / T. McArthur // English Today. – № 20 (3). – 2004. – P. 3–15.

425. McArthur T. Oxford Guide to World Englishes [Текст] / T. McArthur. – Oxford: University Press, 2003. – 501 p.

426. McArthur T. The English Languages? [Текст] / T. McArthur // English

Today. – № 11. – 1987. – P. 9-13.

427. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man [Текст] / M. McLuhan. – Mit Press, 1964. – 389 p.

428. Melchers G., Shaw P. World Englishes: an introduction [Текст] / G. Melchers, P. Shaw. – London: Arnold, 2003. – 229 p.

429. Mesthrie R., Rakesh M.B. World Englishes: The Study of New Linguistic Varieties (Key Topics in Sociolinguistics) [Текст] / B. Mesthrie, M.B. Rakesh. – Cambridge: University Press, 2008. – 296 p.

430. Milroy J. Sociolinguistics and Language Change [Текст] / J. Milroy // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. – Oxford: ES Ltd., 2001. – P. 389-390.

431. Moag R. The life cycle of Non-Native English [Текст] / R. Moag // The Other Tongue: English across Cultures. – Urbana&Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 233-252.

432. Modiano M. Euro-Englishes [Текст] / M. Modiano // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Oxford, U.K., Victoria, Australia: Blackwell Publ., 2006. – P. 223-239.

433. Modiano M. International English in the global village [Текст] / M. Modiano // English Today. – No 15 (2). – 1999. – P. 22–28.

434. Modiano M. Standard English(es) and educational practices for the world's lingua franca [Текст] / M. Modiano // English Today. – № 15 (4). – 1999. – P. 3-13.

435. Modiano M. Standardization processes and the Mid-Atlantic English Paradigm [Текст] / M. Modiano // Standardization: Studies from the Germanic Languages. Ed. by A.R. Linn and N. McLelland. – Amsterdam: John Benjamins, 2002. – P. 229-252.

436. Mott F.L. American Journalism: 1690-1960 [Текст] / F.L. Mott. – N.Y.: The Macmillan Company, 1962. – 901 p.

437. Mufwene S.S. New Englishes and norm setting: how critical is the native speaker in linguistics? [Текст] / S.S. Mufwene // The three circles of English. Ed. by E. Thumboo. – Singapore: Unipress, 2001. – P. 133-142.

438. Mufwene S.S. The Ecology of Language Evolution [Текст] / S.S. Mufwene. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2001. – 255 p.
439. Mufwene S.S. The legitimate and illegitimate offspring of English [Текст] / S.S. Mufwene // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes held at the East-West Centre in Honolulu. Dec. 19-21, 1996. Ed. by L. Smith & M. Forman. – Honolulu: College of Linguistics, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Centre, 1997. – P. 182-203.
440. Mühlhäusler P. Jargons [Текст] / P. Mühlhäusler // Concise Encyclopedia of Sociolinguistics. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 2001. – P. 483-485.
441. Munro V.R. International graduate students and the spread of English [Текст] / V.R. Munro // World Englishes. – Vol. 15. – № 3. – 1996. – P. 337-345.
442. Newsweek // Wikipedia [Электронный ресурс] / URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Newsweek> (дата вхождения: 11.07.2018).
443. Norman A. Bamboo English. The Japanese Influence Upon American Speech in Japan [Текст] / A. Norman // American Speech. – Vol. 30. – № 1. – 1955. – P. 44-48.
444. Northrup D. How English Became the Global Language [Текст] / D. Northrup. – N.Y.: Palgrave Macmillan, 2013. – 469 p.
445. Norton B., Toohey K. Identity and language learning [Текст] / B. Norton, K. Toohey // Oxford Handbook of Applied Linguistics. Ed. by R. Kaplan. – Oxford: University Press, 2002. – P. 115-123.
446. O’Keeffe A. Investigating Media Discourse [Текст] / A. O’Keeffe. – London: Routledge, 2006. – 192 p.
447. Ono R. Asian varieties of English: Review [Текст] / R. Ono // World Englishes. – Vol. 11. – № 1. – 1992. – P. 79-82.
448. Pakir A. English as a lingua franca: multiforms, multimedia, multi-disciplines [Текст] / A. Pakir // The Three Circles of English. Language specialists

talk about the English language. Ed. by E. Thumboo. – Singapore: UniPress, 2001. – P. 77-90.

449. Pakir A. The range and depth of English-knowing bilinguals in Singapore [Текст] / A. Pakir // World Englishes: Critical Concepts in Linguistics. Ed. by K. Bolton and B. Kachru. – Vol. 2. – London and N.Y.: Routledge, 2006. – P. 352-368.

450. Parkman W.R. The Practice of Newspaper Management [Текст] / W.R. Parkman. – Praeger, 1986. – 165 p.

451. Pandharipande R. On nativization of English [Текст] / R. Pandhairipande // World Englishes. – Vol. 6. – № 2. – 1987. – P. 149-158.

452. Patterson W. The Korean Frontier in America: Immigration to Hawaii, 1896-1910 [Текст] / W. Patterson. – Honolulu: University of Hawaii Press, 1988. – 274 p.

453. Pennycook A. The cultural politics of English as an international language [Текст] / A. Pennycook – London: Longman, 1994. – 365 p.

454. Phillipson R. Linguistic Imperialism [Текст] / R. Phillipson – Oxford: University Press, 1992. – 365 p.

455. Platt J., Weber H., Lian H.M. The New Englishes [Текст] / J. Platt, H. Weber, H.M. Lian. – London, Boston, Melbourne & Henley: Routledge&Kegan Paul, 1984. – 225 p.

456. Pride J.B., Liu Ru-Shan Some aspects of the spread of English in China since 1949 [Текст] / J. Pride, Liu Ru-Shan // International Journal of Sociology of Language. –1988. – Vol. 74. – P. 41-70.

457. Prodromou L. English as a Lingua franca. A Corpus-based Analysis [Текст] / L. Prodromou. – N.Y.: Continuum, 2008. – 295 p.

458. Proshina Z.G. The ABC and Controversies of World Englishes [Текст] / Z.G. Proshina. – Хабаровск, 2007. – 172 с.

459. Quirk R. International communication and the concept of nuclear English [Текст] / R. Quirk // Style and communication in the English language. – London: Edward Arnold, 1983. – P. 37-53.

460. Quirk R., Widdowson N.S. The English Language in a “Global” Context [Текст] / R.Quirk, N.S. Widdowson // English in the World: Teaching and Learning the Language and Literatures. – Cambridge: University Press, 1985. – P. 317-333.
461. Reah D. The Language of Newspapers [Текст] / D. Reah. – London: Routledge, 2002. – 144 p.
462. Richie D. A lateral view. Essays on contemporary Japan. [Текст] / D. Richie. – Tokyo: The Japan Times Ltd., 1991. – 245 p.
463. Robertson S., Cassidy F. World English? [Текст] / S. Robertson, F. Cassidy // Perspectives on Language: An Anthology. Ed. by J.A. Rycenda and J. Schwartz. – N.Y.: Ronald Press, 1963. – P. 73-81.
464. Romain S. World Englishes: Standards and the New World Order [Текст] / S. Romain // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes held at the East-West Center of Honolulu. Dec. 19-21, 1996. Ed. by L. Smith & M. Forman. – Honolulu: College of Languages, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Center, 1997. – P. 9-16.
465. Samarin W.J. Lingua francae of the world [Текст] / W.J. Samarin // Readings in Sociology of Language. Ed. by J.A. Fishman. – The Hague: Mouton, 1968. – P. 660-672.
466. Schell M. Colingualism among bilinguals [Текст] / M. Schell // World Englishes. – Vol. 27. – № 1. – 2008. – P. 117-130.
467. Schmeid J. East African Englishes [Текст] / J. Schmeid // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Blackwell Publ., 2006. – P. 188-203.
468. Schneider E.W. English in North America [Текст] / E.W. Schneider // The Handbook of World Englishes. Ed. by B. Kachru, Y. Kachru and C. Nelson. – Blackwell Publ., 2006. – P. 58-74.
469. Schneider E.W. Postcolonial English [Текст] / E. Schneider. – Cambridge: University Press, 2007. – 367 p.

470. Seidlhofer B. Closing a conceptual gap: the case for a description of English as a lingua franca [Текст] / B. Seidlhofer // International Journal of Applied Linguistics. – Vol. 11. – № 2. – Blackwell Publishers, 2001. – P. 133-158.
471. Seidlhofer B. Towards making ‘Euro-English’ a linguistic reality [Текст] / B. Seidlhofer // English Today. – Vol. 17. – № 4. – 2001. – P. 14-16.
472. Seidlhofer B. Understanding English as a Lingua Franca: A Complete Introduction to the Theoretical Nature and Practical Implications of English used as a Lingua Franca (Oxford Applied Linguistics) [Текст] / B. Seidlhofer. – Oxford: University Press, 2011. – 244 p.
473. Sharifian F. English as an International Language [Текст] / F. Sharifian. – Bristol: Multilingual Matters, 2009. – P. 1-20.
474. Skrebnev Yu.M. Fundamentals of English stylistics [Текст] / Yu.M. Skrebnev. – М.: Высшая школа, 1994. – 240 с.
475. Smith L. English as an international auxiliary language [Текст] / L. Smith // Readings in English as an International Language. – Oxford, N.Y., Toronto: Pergamon Press, 1983. – P. 1-5.
476. Smout K.D. Senkyoshigo: A missionary English of Japan [Текст] / K.D. Smout // American Speech. – Vol. 63. – № 2. – 1988. – P. 137-147.
477. Sridhar K., Sridhar S. Bridging the paradigm gap: Second-language acquisition theory and indigenized varieties of English [Текст] // K. Sridhar, S. Sridhar // The Other Tongue: English Across Cultures. Ed. by B. Kachru. – Urbana&Chicago: University of Illinois Press, 1992. – P. 91-107.
478. Stanlaw J. Japanese English. Language and Culture Contact [Текст] / J. Stanlaw. – Hong Kong: Hong Kong University Press, 2004. – 375 p.
479. Strevens P. Teaching English as an international language: from practice to principle [Текст] / P. Strevens. – Oxford: Pergamon Press, 1980. – 163 p.
480. Swales J. Genre Analysis: English in Academic and Research Settings [Текст] / J. Swales. – Cambridge: University Press, 1990. – 260 p.

481. Talbot M. Media Discourse: Representation and Interaction [Текст] /М. Talbot. – Edinburgh: University Press, 2007. – 198 p.
482. The New York Times // Wikipedia [Электронный ресурс] / URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/The_New_York_Times (дата обращения 19.06.2018).
483. Thomason S.G. Contact Languages [Текст] / S.G. Thomason // Concise Enciclopedia of Sociolinguistics. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 2001. – P. 461-465.
484. Todd L. Pidgins and Creoles: An Overview [Текст] / L. Todd // Concise Enciclopedia of Sociolinguistics. – Oxford: Elsevier Science Ltd., 2001. – P. 524-530.
485. Truchot C. Key aspects of the use of English in Europe [Текст] / C. Truchot. – Strasburg: Council of Europe, 2002. – 24 p.
486. Trudgill P., Hannah J. International English: A Guide to the Varieties of Standard English [Текст] / P. Trudgill, J. Hannah. – L., N.Y., Sydney, Auckland: Edward Arnold, 1994. – 156 p.
487. Tsuda Y. Hegemony of English vs. Ecology of language: Building equality in International Communication [Текст] / Y. Tsuda // World Englishes 2000: Selected papers presented at the Third International Conference on World Englishes held at the East-West Centre in Honolulu. Dec. 19-21, 1996. Ed. by L. Smith & M. Forman. – Honolulu: College of Linguistics, Linguistics and Literature, University of Hawaii and the East-West Centre, 1997. – P. 21-31.
488. UNESCO Index Translationum [Электронный ресурс] – URL: <http://www.unesco.org/xtrans/bsstatlist.aspx?lg=0> (дата обращения 10.07.2018).
489. Ungerer F. News Stories and News Events: a Changing Relationship [Текст] / F. Ungerer // English Media Texts – Past and Present: Language and textual structure. – Amsterdam: Benjamins, 2000. – P. 177-197.
490. USA Today // Wikipedia [Электронный ресурс] / Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/USA_Today (дата обращения 19.06.2018).

491. Walker H. The English Essay and Essayist [Текст] / H. Walker. – London, 1966. – 317 p.
492. Warren N. Four Centuries of Japanese in English: A Brief Historical Outline of Lexical Borrowings [Текст] / N. Warren // Fukuoka Women's Junior College Studies. – 1993. – Vol. 46. – P. 9-24
493. Warren N. Japanese in English: A Preliminary Study of Japanese Influences on English Vocabulary [Текст] / N. Warren // Fukuoka Women's Junior College Studies. – 1993. – Vol. 45. – P. 57-70
494. Weinreich U. Languages in Contact: Findings and Problems [Текст] / U. Weinreich. – N.Y.: Linguistic Circle, 1953. – 148 p.
495. Widdowson H.G. The Forum: EIL, ESL, EFL: Global issues and local interests [Текст] / H.G. Widdowson // World Englishes. – № 16 (1). – 1997. – P. 135–146.
496. Widdowson H.G. The ownership of English [Текст] / H.G. Widdowson // TESOL Quarterly. – Vol. 28. – № 2. – 1994. – P. 377–389.
497. Willet Th. A Cross-Linguistic Survey of the Grammaticization of Evidentiality [Текст] / Th. Willet // Studies in Language – Vol. 12. – № 1 – Amsterdam, 1988. – P. 51-97.
498. Wong I. Native-english Speaker for the Third World today? [Текст] / I. Wong // New Englishes. Ed. By J. Pride. – Massachusetts: Newsbury House, 1982. – P. 259-286.
499. Yang H. Corpus-based analysis of Chinese Learner English [Текст] / H. Yang // Foreign Languages in China. – Vol. 2. – № 6. – P. 11-13.
500. Yano Y. English as an International Language and 'Japanese English' [Текст] / Y. Yano // English in Japan in the Era of Globalization. Ed. by P. Seargeant. – U.K.: Palgrave Macmillan, 2011. – P. 125-142.
501. Yano Y. World Englishes in 2000 and beyond [Текст] / Y. Yano // World Englishes. – Vol. 20. – № 2. – 2001. – P. 119-131.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

502. Alaska Dispatch News [Текст] / Alaska Dispatch News: Weekly edition. – USA, 2017 (August – September).

503. Beijing Review [Электронный ресурс] – URL: www.bjreview.com (дата обращения 19.06.2018).

504. Business Weekly [Текст] / Business Weekly: Weekly edition. – Beijing, 2010 (July – September).

505. Business Weekly [Текст] / Business Weekly: Weekly edition. – Beijing, 2011 (May – June).

506. China Daily [Текст] / China Daily: Daily edition. – Beijing, 2010 (July – September).

507. China Daily [Текст] / China Daily: Daily edition. – Beijing, 2011 (May – June).

508. China Informed [Текст] / China Informed: Monthly magazine. – Beijing, 2011 (January – March).

509. Financial Times [Текст] / Financial Times: Daily edition. – UK, 2009 (September – November).

510. Financial Times [Электронный ресурс] – URL: www.ft.com (дата обращения 19.06.2018).

511. Global Times [Текст] / Global Times: Weekly edition. – Beijing, 2010 (July – October).

512. Global Times [Текст] / Global Times: Weekly edition. – Beijing, 2011 (July – September).

513. International Herald Tribune / The Asahi Shimbun [Текст] / International Herald Tribune / The Asahi Shimbun: Weekly edition. – Tokyo, 2010 (January – April).

514. Koreana [Электронный ресурс] – URL: <http://www.koreana.ok.kr> (дата обращения 19.06.2018).

515. Newsweek [Текст] / Newsweek: Weekly news magazine. – USA, 1998 (August – November).
516. Newsweek [Текст] / Newsweek: Weekly news magazine. – USA, 1999 (February – May).
517. Newsweek [Текст] / Newsweek: Weekly news magazine. – USA, 2009 (June – September).
518. Rodong Sinmun [Электронный ресурс] – URL: <http://www.rodong.rep.kp/en/> (дата обращения 19.06.2018).
519. The Boston Globe [Текст] / The Boston Globe: Weekly edition. – USA, 2009 (June – July).
520. The Daily Telegraph [Электронный ресурс] – URL: <http://www.telegraph.co.uk> (дата обращения 19.06.2018).
521. The Daily Yomiuri [Текст] / The Daily Yomiuri: Weekly edition. – Tokyo, 2010 (April – May).
522. The Daily Yomiuri [Текст] / The Daily Yomiuri: Weekly edition. – Tokyo, 2012 (June– July).
523. The Daily Yomiuri [Текст] / The Daily Yomiuri: Weekly edition. – Tokyo, 2017 (November– December).
524. The Economist [Электронный ресурс] – URL: <http://www.economist.com> (дата обращения 19.06.2018).
525. The Guardian [Электронный ресурс] – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения 19.06.2018).
526. The Independent [Электронный ресурс] – URL: <http://www.independent.co.uk> (дата обращения 19.06.2018).
527. The Japan Times [Текст] / The Japan Times: Weekly edition. – Tokyo, 2010 (April– May).
528. The Japan Times [Текст] / The Japan Times: Weekly edition. – Tokyo, 2012 (May– July).
529. The Japan Times [Электронный ресурс] – URL: www.japantimes.co.jp (дата обращения 19.06.2018).

530. The Korea Herald [Текст] / The Korea Herald: Daily edition. – Seoul, 2014 (July– August).
531. The Korea Post [Электронный ресурс] – URL: <http://www.koreapost.com/main/index.html> (дата обращения 19.06.2018).
532. The Korea Times [Текст] / The Korea Times: Daily edition. – Seoul, 2012 (June– August).
533. The Korea Times [Текст] / The Korea Times: Daily edition. – Seoul, 2017 (December).
534. The New Yorker [Текст] / The New Yorker: Weekly edition. – NY, 2006 (May – August).
535. The New Yorker [Электронный ресурс] – URL: <https://www.newyorker.com> (дата обращения 19.06.2018).
536. The New York Times [Текст] / The New York Times: Daily edition. – NY, 2005 (September – December).
537. The New York Times [Текст] / The New York Times: Daily edition. – NY, 2009 (September – October).
538. The Sun [Электронный ресурс] – URL: <https://www.thesun.co.uk> (дата обращения 19.06.2018).
539. The Times [Текст] / The Times: Daily edition. – UK, 2011 (March – April).
540. The Times [Текст] / The Times: Daily edition. – UK, 2013 (December).
541. The Times [Текст] / The Times: Daily edition. – UK, 2015 (March – May).
542. The Times [Текст] / The Times: Daily edition. – UK, 2016 (August – October).
543. The Times [Электронный ресурс] – URL: <http://www.thetimes.co.uk> (дата обращения 19.06.2018).
544. The Wall Street Journal [Текст] / The Wall Street Journal: Daily Business Newspaper. – NY, 2009 (September – October).

545. The Wall Street Journal [Электронный ресурс] – URL: www.wsj.com (дата обращения 19.06.2018).
546. The Washington Post [Текст] / The Washington Post: Daily Newspaper. – Washington, 2011 (June – September).
547. The Washington Post [Электронный ресурс] – URL: <https://www.washingtonpost.com> (дата обращения 19.06.2018).
548. Tokyo Journal International Magazine [Электронный ресурс] – URL: www.tokyojournal.com (дата обращения 19.06.2018).
549. Time [Текст] / Time: Weekly magazine. – USA, 1998 (January – December).
550. Time [Текст] / Time: Weekly magazine. – USA, 1999 (January – August).
551. Time [Текст] / Time: Weekly magazine. – USA, 2009 (June – August).
552. Time [Электронный ресурс] – URL: www.time.com (дата обращения 19.06.2018).
553. USA Today [Текст] / USA Today: The Nation's Newspaper. – USA, 2005 (October – December).
554. USA Today [Электронный ресурс] – URL: www.usatoday.com (дата обращения 19.06.2018).
555. 21st Century [Текст] / 21st Century: Sunday edition. – Beijing, 2010 (July – August).

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ

556. Головин С.Ю. Словарь практического психолога [Текст] / С.Ю. Головин. – Минск: Харвест, 1998. – 301 с.
557. Готлиб О.М., Му Хуаин. Китайско-русский фразеологический словарь [Текст] / О.М. Готлиб, Му Хуаин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 608 с.

558. Жукова И.Н., Лебедько М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации [Текст] / И.Н. Жукова, М.Г. Лебедько, З.Г. Прошина, Н.Г. Юзефович. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 632 с.

559. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике [Текст] / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997. – 384 с.

560. Кожина М.Н. Стилистический энциклопедический словарь русского языка [Текст] / М.Н. Кожина. – М.: Флинта, 2006. – 696 с.

561. Копарулина В.Н., Смирнова М.Н., Гордеева Н.О., Балабанова Л.М. Психологический словарь [Текст] / В.Н. Копарулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова. Под общ. ред. Ю.Л. Неймера. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2003. – 640 с.

562. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г. Краткий словарь лингвистических терминов [Текст] / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац [и др.]. – М.: Моск. гос. ун-т., 1996. – 567 с.

563. Лехин И.В., Петров Ф.Н. Краткий словарь иностранных слов [Текст] / И.В. Лехин и Ф.Н. Петров. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1950. – 438 с.

564. Лехин И.В., Локшина С.М., Петров Ф.Н. Словарь иностранных слов [Текст] / И.В. Лехин, С.М. Локшина, Ф.Н. Петров. – М.: Гос. Изд-во иностранных и национальных словарей, 1954. – 856 с.

565. Лозовский Б.Н. Журналистика: краткий словарь [Текст] / Б.Н. Лозовский. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. – 116 с.

566. Новейший философский словарь [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://sbiblio.com/BIBLIO/content.aspx?dictid=90&wordid=807750> (дата обращения 19.06.2018).

567. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н.В. Подольская. – М.: Наука, 1988. – 192 с.

568. Прошина З.Г. Перекрёсток: Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры [Текст] / З.Г. Прошина. – Владивосток: Изд-во Дальневост. Ун-та, 2004. – 580 с.
569. Ситникова М.А. Новый словарь иностранных слов [Текст] / М.А. Ситникова. – М.: Феникс, 2005. – 299 с.
570. Философский словарь. Энциклопедия философских терминов онлайн [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil.html> (дата обращения 19.06.2018).
571. Энциклопедия социологии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/socio/1527/КОЛЛЕКТИВНОЕ> (дата обращения 19.06.2018).
572. American Heritage Dictionary [Электронный ресурс] – URL: <http://americanheritage.yourdictionary.com> (дата обращения 19.06.2018).
573. Cannon G. The Japanese Contributions to the English Language: A Historical Dictionary [Текст] / G. Cannon. – Weisbaden: Harrasowitz, 1996. – 257 p.
574. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics [Текст] / D. Crystal. – G.B.: T.J. Press, Padstow, 1991. – 389 p.
575. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Текст] / D. Crystal. – Cambridge: University Press, 1995. – 489 p.
576. Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language [Текст] / D. Crystal. – Cambridge: University Press, 1997. – 489 p.
577. Griffiths D. The Encyclopedia of the British Press 1422-1992 [Текст] / D. Griffiths. – London: St. Martins Press, 1992. – 700 p.
578. Longman Dictionary of English Language and Culture [Текст] / Addison Wesley, Longman, 1998. – 1586 p.
579. Random House Webster's Unabridged Dictionary [Текст] / N.Y., Toronto, London, Sydney, Auckland: Random House Reference, 2001. – 2230 p.
580. The Oxford Companion to the English language [Текст] / Oxford: University Press, 1992. – 1184 p.

581. Webster's Encyclopedic Unabridged Dictionary of the English Language [Текст] / New Jersey: Random House Company, 1989. – 1854 p.
582. 金田一京助『新選国語辞典』小学館、[Текст] / 2001年

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рисунок 1

Рисунок 2

Рисунок 3

Рисунок 4

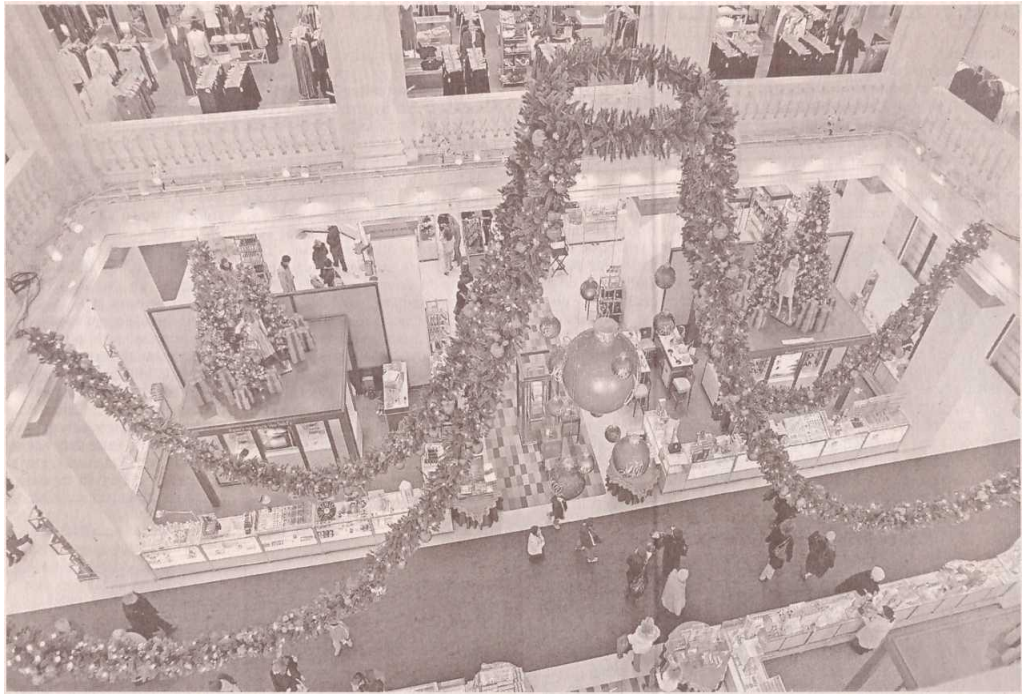

Рисунок 5

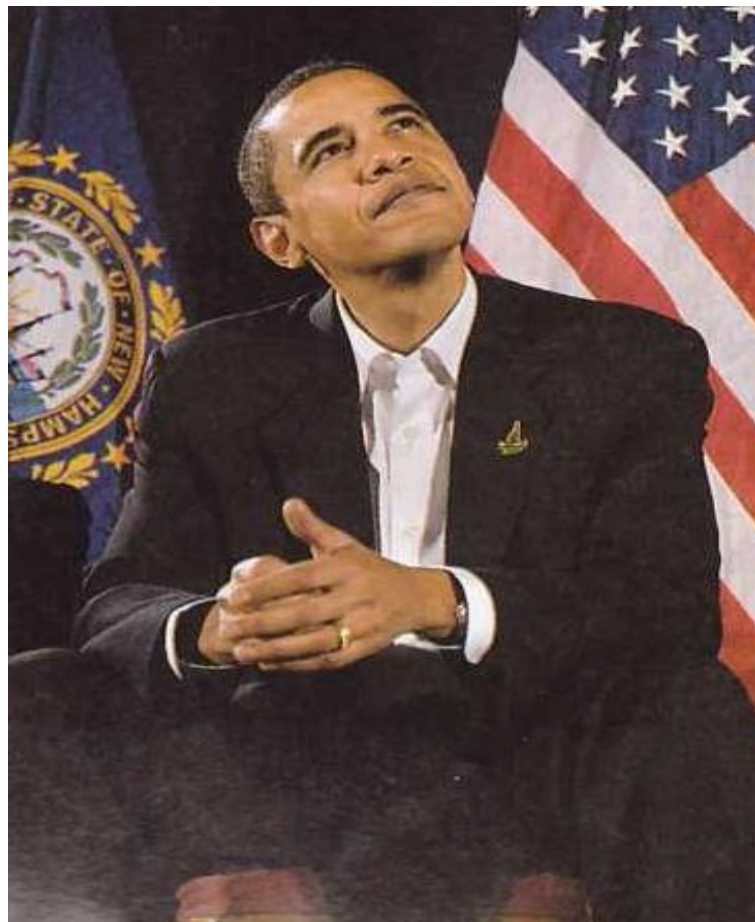

Рисунок 6

Рисунок 7

Рисунок 8

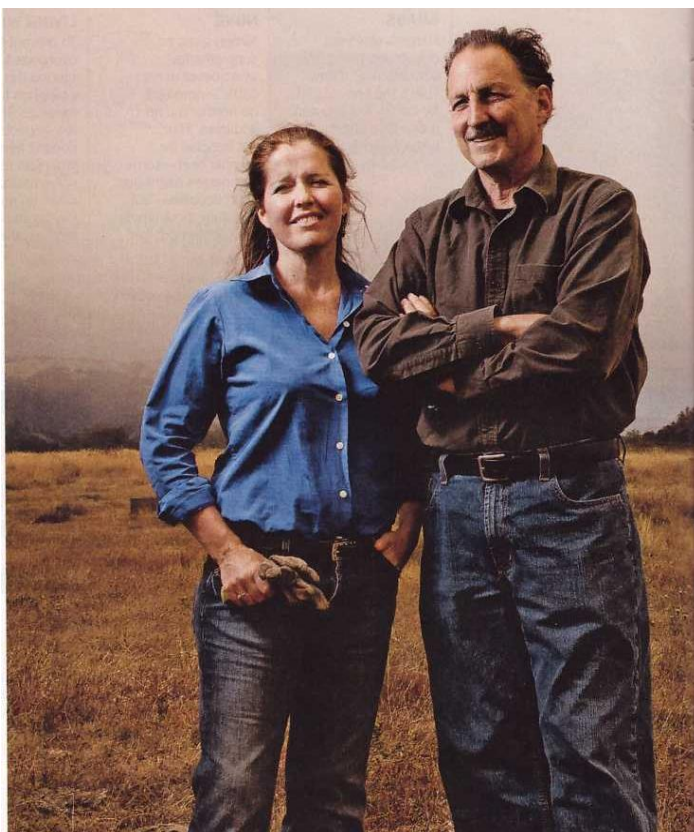

Рисунок 9

Рисунок 10

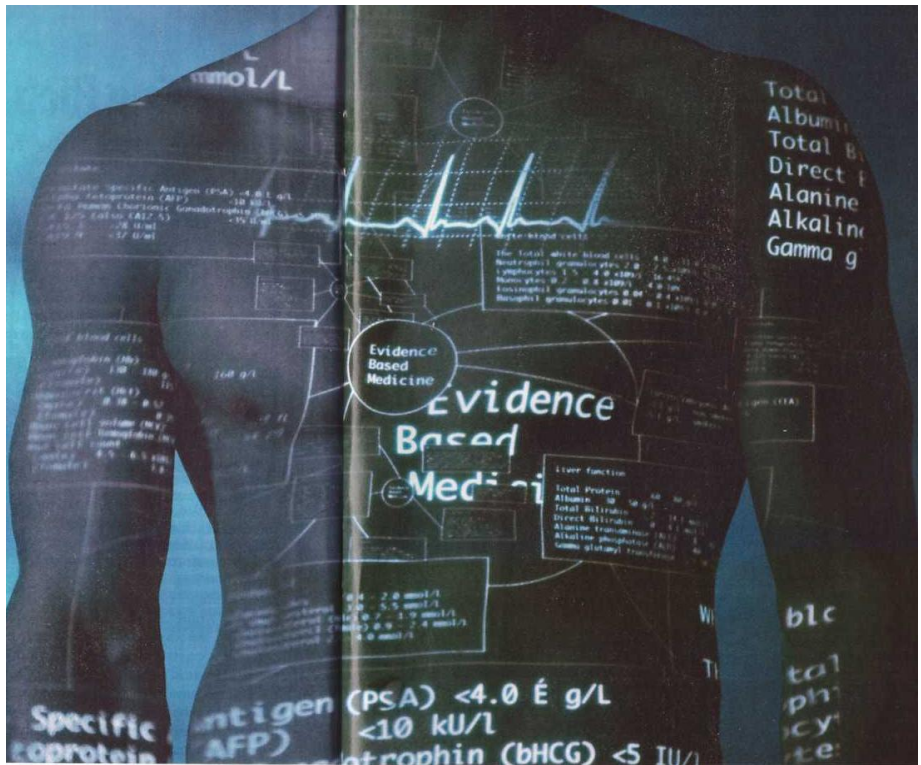

Рисунок 11

Рисунок 12

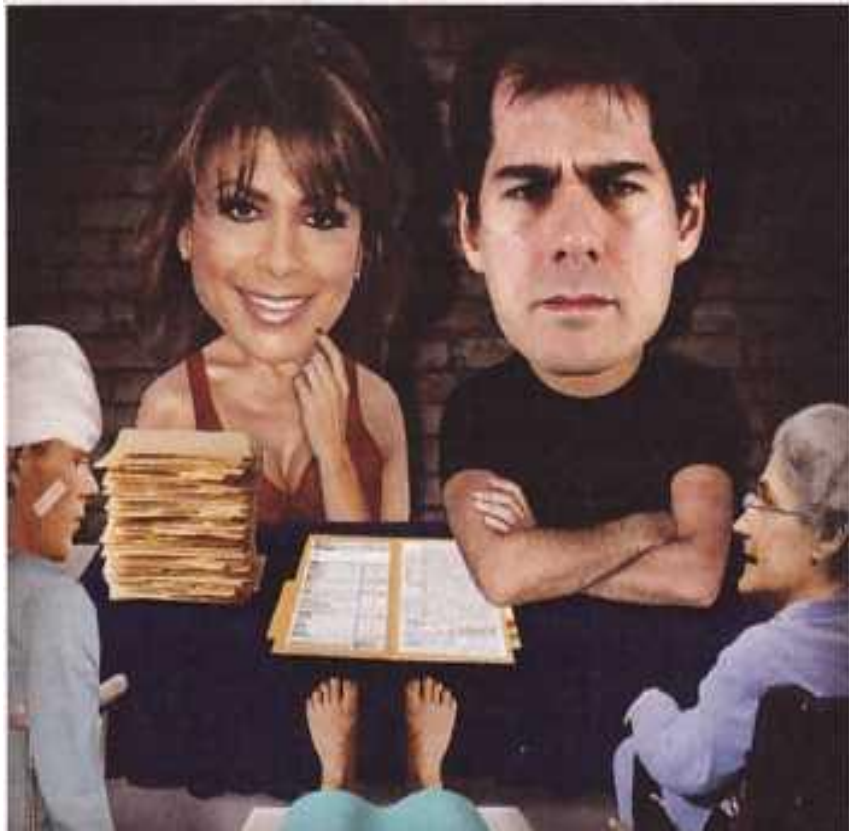

Рисунок 13

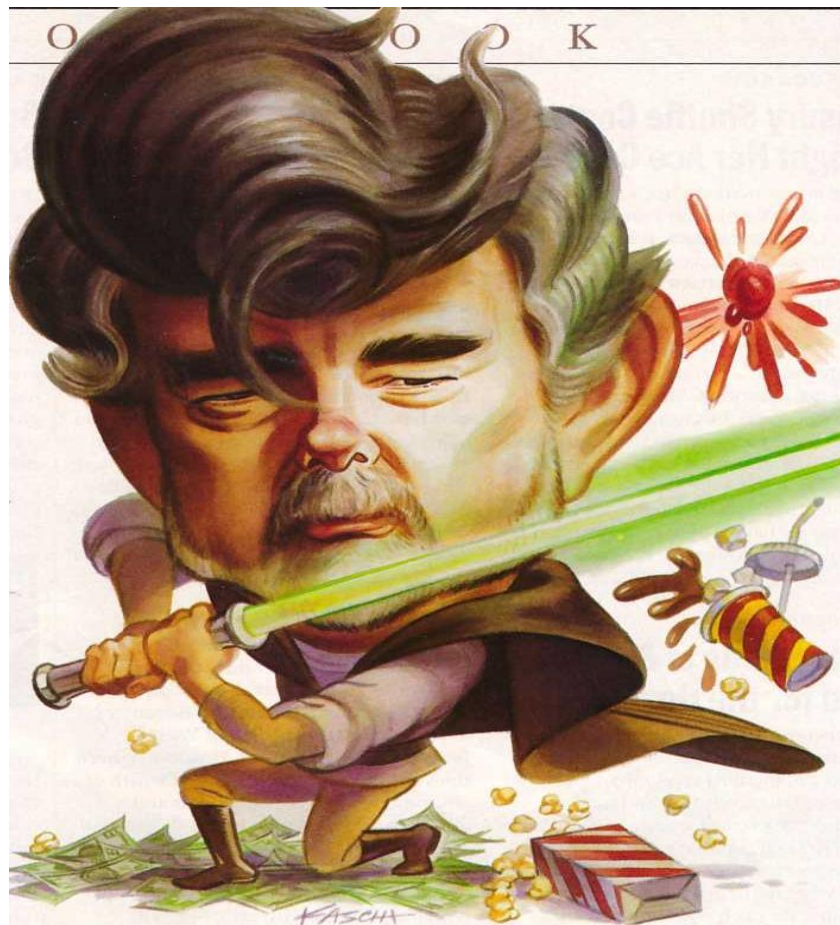

Рисунок 14

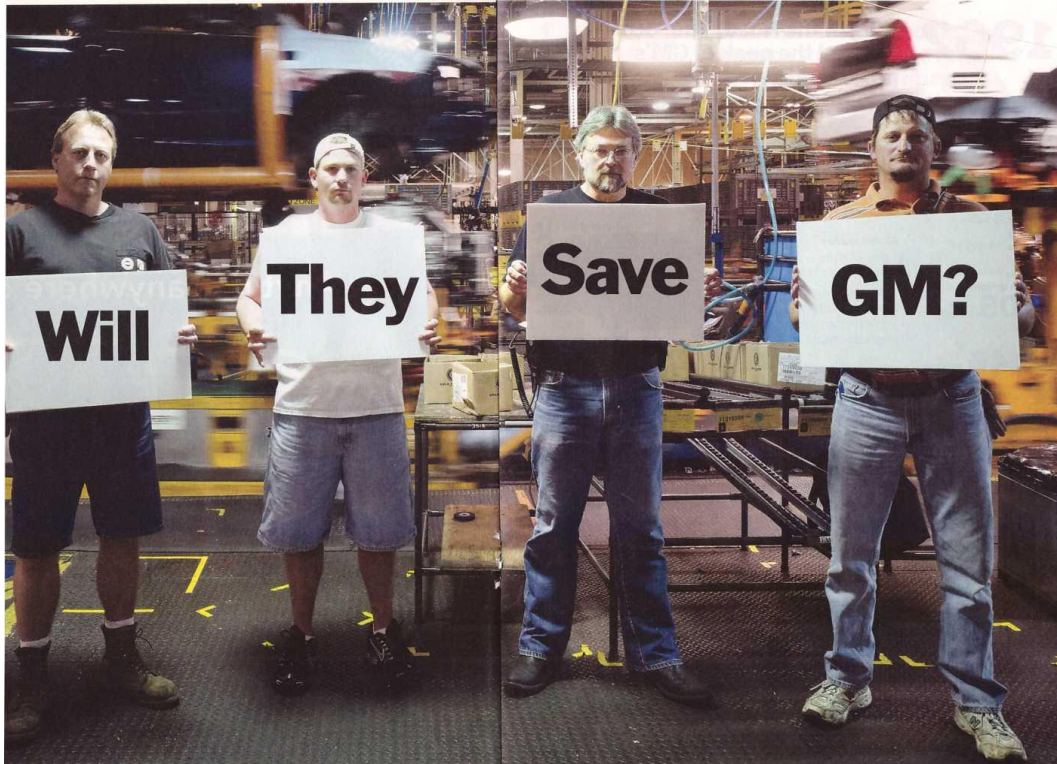

Рисунок 15

Рисунок 16

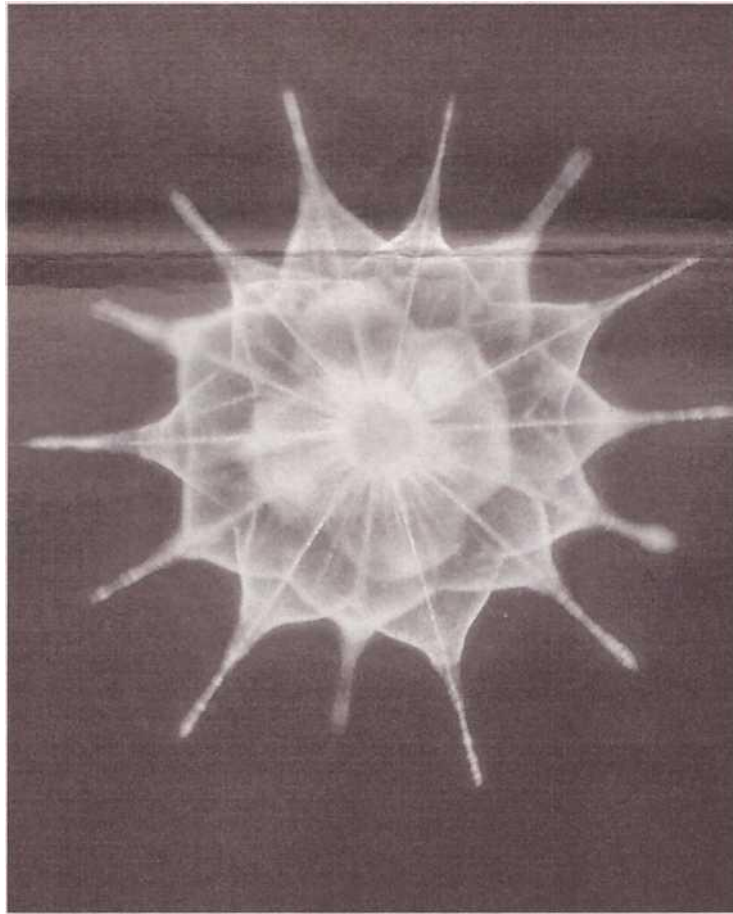

Рисунок 17

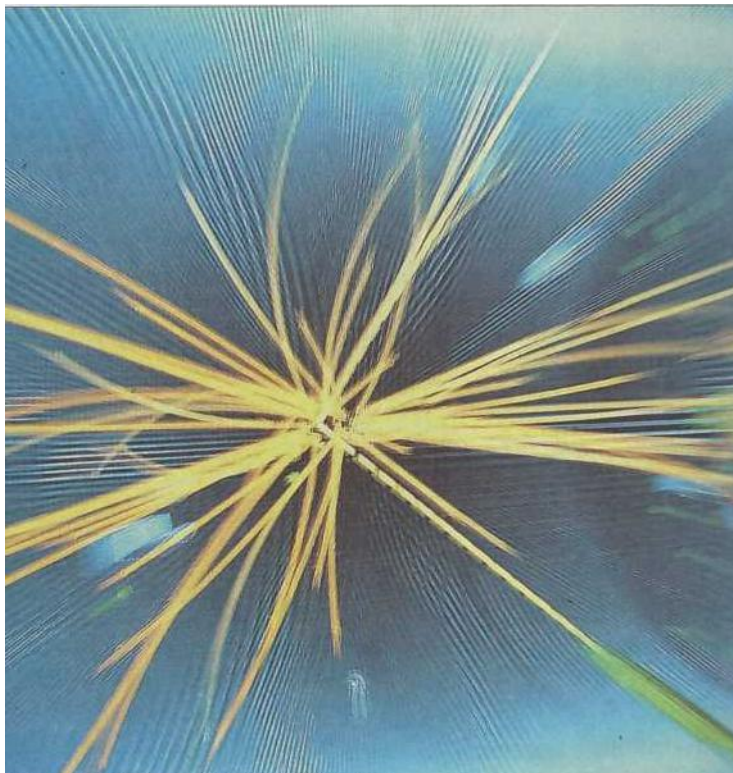

Рисунок 18

Рисунок 19

Рисунок 20

Рисунок 21

Рисунок 22

Рисунок 23

Рисунок 24

Рисунок 25

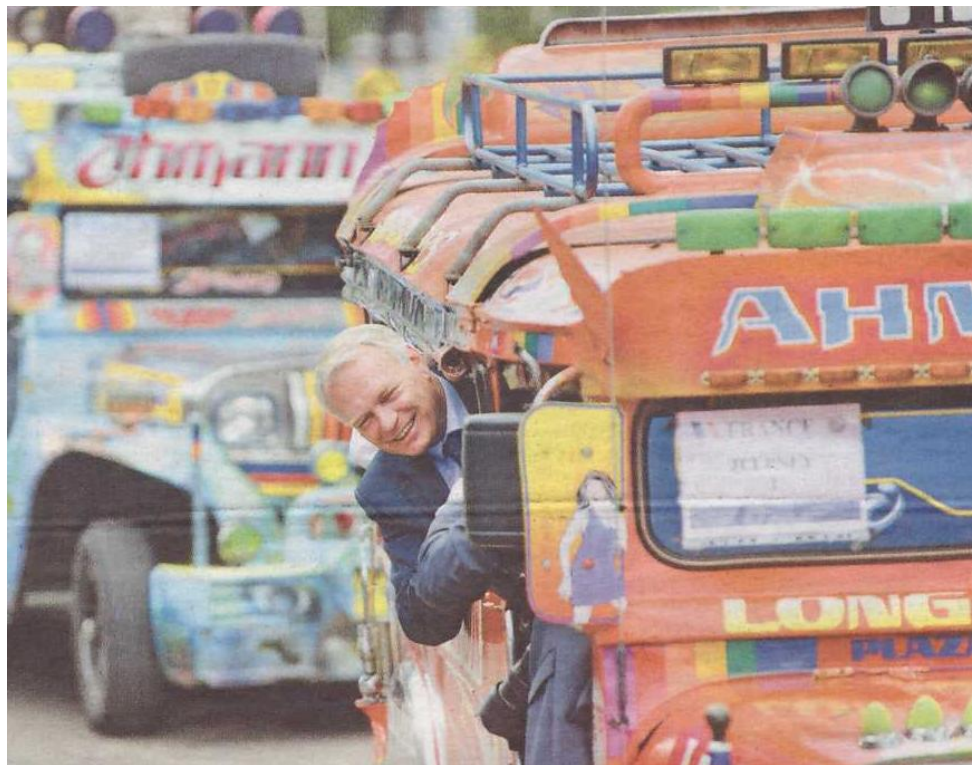

Рисунок 26

Рисунок 27

Рисунок 28

Рисунок 29

Рисунок 30

Рисунок 31

Рисунок 32

Рисунок 33

Рисунок 34

Рисунок 35

Yoo Yang-sun, a 79-year-old, is a model senior citizen. She donated 2.39 billion won she earned by selling salted fish and seafood to schools and the needy.

Рисунок 36

Рисунок 37